

Académie Slovaque des Sciences

Association des linguistes slovaques auprès de l'Académie Slovaque des Sciences

Rédacteur scientifique

Jozef Ružička

Secrétaire de la rédaction

Klára Buzássyová

Rapporteurs

Jozef Mistrík

Ernest Marko

**Volume VI Recueil
linguistique
de Bratislava**

**VEDA, Editions de l'Académie Slovaque des Sciences
Bratislava 1982**

Dedié à Ján Horecký (8. 1. 1920)
à l'occasion de son 60° anniversaire

Table des Matières

BAJZÍKOVÁ, E.: Some Remarks on the Problems of Text Syntax	11
BLANÁR, V.: Lexikalische Bedeutung und bezeichnete Wirklichkeit unter sprachgeographischem Gesichtspunkt	17
BUFFA, F.: Zur Charakteristik der mundartlichen Lexik vom Standpunkt der Wortbildung	29
БУЗАШИОВА, К.: Взаимоотношение между словообразовательным и лексическим значениями транспозиционных производных	35
DORULA, J.: Über die Sprache der feudalen slowakischen Nationalität im 15.—18. Jahrhundert	55
IVANOVÁ-ŠALINGOVÁ, M.: Theorie der Homonymie	63
КАЧАЛА, Я.: Иерархизация атрибутов в словацком языке	77
КОЧИШ, Ф.: Очерк классификации словосочетаний в словацком языке	93
KRUPA, V.: Some Remarks on the Noun Classes and Genders	103
КУЧЕРОВА, Э.: К вопросу о сопоставительном изучении фразеологии (На материале русского и словацкого языков)	107
MAJTÁN, M.: Toponym und onymische Situation	115
MAJTÁNOVÁ, M.: Der urslawische Charakter von Pilznamen im Slowakischen	119
MARKO, E.: Das prädiktative Attribut im Deutschen und Slowakischen	129
MARSÍNOVÁ, M.: Durch Tiernamen motivierte Verben in der slowakischen Sprache	139
MISTRÍK, J.: Dialogue and Hypersyntax	159
МАЛИКОВА, М. О.: К проблеме полуаффиксов	163
МЛЯЦЕК, Й.: Типология реализации фразеологии в тексте	173
NOVÁK, L.: Axiomatics of Semiology of Linear Structures	185
ONDŘUS, P.: Zur Frage von Form und Inhalt im Wort	197
ORAVEC, J.: The Objective Reflexive Pronoun in Slovak	205
RÁCOVÁ, A.: The Morphological Type of Bengali	215
RUŽIČKA, J.: Kritik der Sprachwissenschaft der Gegenwart (Zu methodologischen Problemen der Erforschung der slowakischen Sprache)	223
RUŽIČKOVÁ, E.: Verbs of Motion in English and Slovak	229
РЫБАК, Ю.: О функционально-семантической категории «анимальности-неанимальности» в словацком языке (в сопоставлении с русским)	233
SABOL, J.: The Speed of Linguistic Communication	237
СЕКАНИНОВА, Э.: Выражение интенсивности действия в русском и словацком языках	245
SCHWANZER, V.: Zu einigen Fragen der konfrontativen Sprachbetrachtung	253
VALISKA, J.: Buleinerisch ist keine Monophthongierungsmundart	263

Auteurs

- Doc. PhDr. Eugénia Bajzíková, CSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komenský, Bratislava, Gondova 2
- Doc. PhDr. Vincent Blanár, DrSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- Doc. PhDr. Ferdinand Buffa, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Klára Buzássyová, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Ján Doruľa, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Mária Ivanová-Šalingová, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Ján Kačala, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. František Kočiš, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Viktor Krupa, CSc., l’Institut Oriental de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Klemensova 19
- PhDr. Eleonóra Kučerová, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Milan Majtán, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Marie Majtánová, CSc., l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- PhDr. Ernest Marko, CSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komenský, Bratislava, Gondova 2
- PhDr. Marta Marsinová, l’Institut linguistique de L. Štúr de l’Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
- Prof. PhDr. Jozef Mistrík, DrSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komenský, Bratislava, Gondova 2

PhDr. Mária-Oľga Malíková, CSc., l'Institut linguistique de L. Štúr de l'Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
PhDr. Jozef Mlacak, CSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komenský, Bratislava, Gondova 2
Prof. PhDr. Pavol Ondrus, DrSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komen-ský, Bratislava, Gondova 2
PhDr. Ján Oravec, DrSc., Faculté pédagogique, Nitra, Lomonosova 1
PhDr. Anna Rácová, CSc., l'Institut Oriental de l'Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Klemensova 19
Prof. PhDr. Jozef Ružička, DrSc., l'Institut linguistique de L. Štúr de l'Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
PhDr. Eva Ružičková, CSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komenský, Bratislava, Gondova 2
PhDr. Július Rybák, CSc., Gelnica, Slovenská 56
PhDr. Ján Sabol CSc., Faculté des Lettres, Université de P. J. Šafárik, Prešov, Grešova 3
Doc. PhDr. Ella Sekaninová, CSc., l'Institut linguistique de l'Académie Slovaque des Sciences, Bratislava, Nálepkova 26
Prof. PhDr. Viliam Schwanzer, CSc., Faculté des Lettres, Université de J. A. Komenský, Bratislava, Gondova 2
Doc. PhDr. Juraj Valiska, CSc., Faculté des Lettres, Université de P. J. Šafárik, Prešov, Grešova 3

Some Remarks on the Problems of Text Syntax

EUGÉNIA BAJZÍKOVÁ

The present-day linguistics keeps in the foreground of its attention the problems of text syntax (super-sentence syntax, hypersyntax, text linguistics, text theory, etc.). This is connected, on the one hand, with the development of linguistic communication, which requires the investigation of the build-up of the texts (communicative units) and, on the other with the requirements of investigating linguistic means (beginning with the phoneme) in their concrete application in texts (spoken or written). In the former case it is the outward, extralinguistic stimulus, connected in our situation with the development of the socialist society, in the latter we are concerned with an inner stimulus ensuing from the contemporary ways of linguistic research.

Investigation of the text from the viewpoint of text syntax is pursued from different aspects (e.g. in the miscellanies *Textlinguistik*, 1970, *O spôjnosci tekstu*, 1971, *Lingvistika teksta*, 1974). In Czechoslovak linguistics the concept of text linguistics, as well as its programme has been dealt with, for example by Sgall (1973), from among foreign authors by Dressler (1971), Harweg (1968), Posner (1972), Pfütze (1970), Sevbo (1969), Bellert (1971), Loseva (1974) and others. Several articles are published in the miscellany *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* (1978).

In Slovak linguistics those specializing in the research in the sphere of the text are Mistrik (1968, 1975), Miko (1970, 1978), and Horecký (1973, 1978).

In this study we present our own approach to the problems of text syntax. We view the text as a linguistic unit formed in the interconnection of the theme (content) and language (form). In the research from the linguistic point of view, however, we deal only with the linguistic means in the role of text-forming factors. We build on the results published in various journals.

As text (T) we understand (in foreign publications coherent, bound text) every linguistic performance, oral or written, which from the communicative point of view has relative validity of an independent complex unit as far as content and form are concerned, and in which there is a degree of linkage, connection, between the elementary text units (TU) (Bajzíková, 1977a).

The given definition of the concept text is one of a number of definitions, for the opinions of the concept text vary. Alongside with the term text other terms used are utterance, context, discourse, communication, and others, which are superordinate or subordinate to each other, or in the relation of difference and identity (e.g. different interpretations of text in the miscellany Lingvistika teksta, 1974).

An elementary text unit arises in the segmentation of a text, i.e. a complex text unit. The text unit is not understood to be identical with the concept sentence (Bajzíková, 1977b).

In the research of the text from the point of view of text syntax we find the formation (generation) of the text on the basis of the mutual linkage of the elementary text units with the help of the means which we call connectors (Bajzíková, 1973). Connectors form the connection of the text. Text viewed in this way can have the following schematic representation (Bajzíková, 1977a):

$$\begin{aligned} T_1 &= TU_1 \\ T_2 &= TU_2 + TU_2(C_1) \\ T_3 &= TU_1 + TU_2(C_1) + TU_3(C_2) \\ \vdots \\ T_n &= TU_1 + TU_2(C_1) + TU_3(C_2) + \dots + TU_n(C_{n-1}) \end{aligned}$$

where T — text, TU — elementary text unit, C — connector, means participating in the build-up of the text in the form of linkage. The connective relation between TU is found from the second row of progression (if the text consists of at least two TU). We do not examine a text consisting of one text unit only (e.g. an announcement, slogan).

We divide connectors in thematic, linguistic and extralinguistic (Bajzíková, in press).

We divide linguistic means in the function of connectors from various aspects (Bajzíková, 1981).

According to the direction of linkage we distinguish:

a) Anaphoric connectors, linking up backwards, to the left side of the text, e.g.: *Slnko sa najojnivejšie opieralo o záhony U studenice. Tam sa zjavili prvé brázdy* (M. Figuli).

In the second TU the anaphoric connector is the pronominal adverb *tam*.

b) Cataphoric connectors, linking up forwards, to the right side of the text, e.g.: *Rozbehnem sa k zadnému potoku. Ale za humnami ma naraz čosi zadrží. Zastavia ma kameňe* (M. Figuli).

In the first TU the pronoun *čosi* is a cataphoric connector signalizing the continuation of the text.

c) Exophoric connectors, linking up to the extra-linguistic situation, the environment, some other text, etc., e.g.: *Tento rok je vyhlásený za Medzinárodný rok diétaťa* (from the press).

In the determinative syntagm *tento rok* the pronoun is an exophoric connector since it links up to the extra-linguistic situation.

According to the mode of linkage we distinguish two kinds of connectors:

1. Repetitional, if in the linking to the preceding naming unit, the whole text unit or even a longer part of the text there is literal repetition (between the connector and the naming unit arises the relation of identity), synonymous repetition by a deictic word, etc. E.g.: *Pomaly som sa dostať do Vyšného Kubína. Nie veľmi som poznal túto dedinu* (M. Figuli).

The connector expressed by the determinative syntagm *túto dedinu* repeats the naming unit *Vyšný Kubín* by means of a deictic word and a synonym.

2. Annexing, if the linkage is realized on the basis of a semantic relation, e.g.: *Napodiv, obšíva bez okuliarov. A le navliecť už nevidí* (I. Habaj).

The annexing connector is the introductory particle *ale* with adversative meaning.

To repetitional linguistic connectors belong all types of lexical repetition (literal repetition, synonymous, metaphorical, metonymic, repetition with order, etc.), deictic repetition (by pronouns and pronominal adverbs), repetition of personal or case inflexion within the category of congruence in verbal and nominal forms. As a potential repetitional connector we include in this group ellipsis.

To annexing connectors belong particles and particle expressions.

The individual linguistic connectors participate in the building-up of the text with a different intensity of linkage. If we observe the organization of the text on the basis of the opposition freeness—condensation of the text, three degrees of the intensity of the realization of the connection can be distinguished:

1. The loosest means of linkage are lexical repetitions, therefore we evaluate them as a transition type between linguistic and thematic connectors. Within lexical repetitions, too, there are other degrees or subdegrees, e.g. literal repetition is a looser connector than synonymous repetition.

2. More compact means of linkage are semantic grammatical means whose meaning is determined in relation to the preceding text units. Here we include particles and particle expressions.

3. The basic and the most compact form of linkage is the formation of the text by formal grammatical means, to which we include all other repetitional connectors.

We shall pay a special attention to the third form of linkage, in which the intensity of linkage is realized in the text by the following degrees (or subdegrees):

- a) category of congruence in verb forms and forms of adjective type,
- b) pronouns,
- c) pronominal adverbs,
- d) ellipses.

The degree of the cohesion of the text is directed from d) to a). The most compact connector is the group a).

In Slovak the category of congruence in verb forms is realized by the type of verb form (Bajzíková, 1977a). The first subdegree is formed by the verb forms of the type *písem*, in which the super-sentence linkage is expressed by two grammatical categories: person and number. The second degree is represented by the verb forms of the type *písal som, písal by som, je napísaný*, in which linkage is expressed by three grammatical categories: person, number, and gender. The category of gender limits the choice of the verb form in comparison with the first subdegree of verb forms.

The category of congruence expressed by personal or relational suffixes has the function of a connector only if the subject is not explicitly expressed in the given text unit (but is expressed implicitly, e.g. in the personal suffix of the verb), e.g.: *Malírikovci sušili Pod rúbaniskom. Domov sa majú vrátiť pred západom slnka* (M. Figuli).

The category of congruence in adjectivals is dependent on the superordinate substance in the preceding TU, to which the form of the adjective or adjectival is directly linked. This form is dependent on the substance in two grammatical categories only: in gender and number, since the case can be modified in dependence on grammatical organization of the text unit in which the connector occurs, e.g.: *Ostré svetlo zalialo izbu s jednoduchým a účelne rozmiestneným nábytkom. Nebol nový, ani starý a nedalo sa to ani odhadnúť* (M. Figuli).

The adjectives *nový* and *starý* agree with the superordinate substantive in gender and number, but not in case.

As a special way of formation of connections in the text we consider indirect grammatical linkage. It arises if the adjective form does not agree with its superordinate substantive in any grammatical category. The form used, however, is dependent on some (even if unexpressed) form of the superordinate substance, e.g.: *Lebo tam je to teraz hrozné, rozprávala Agneška, skoro každý deň poplach! Spočiatku bývali len cvičné, ale teraz je to zo dňa na deň horšie ...* (V. Šikula).

The second degree in the determination of the intensity of linkage of the grammatical means is represented by pronouns, whose principle function is reference or pointing to the phenomena of the reality and, at the same time, expression of grammatical meanings of concrete names (Morfológia slovenského jazyka, 1966, p. 233). We understand the referential function of pronouns not only as anaphores (the view of several authors) but also as cataphoric and exophoric linkage (as mentioned above).

In the grammatical characteristics of some demonstrative pronouns we shall follow their realization in the text in the function of connectors (Bajzíková, in press). In substantive pronouns of the type *ten* (*tento*) we distinguish: 1. reference to the naming of the appropriate gender in the preceding text unit (*hovoria o ľom* — reference to a substantive of masculine gender), 2. neutralization of the grammatical gender in the pronoun *to* (*toto*), which is not relevant for the naming of a substantive in neuter gender.

Within the first group of substantive demonstrative pronouns the grammatical categories realized in the build-up of the text are: gender, number, and case, viz.: a) in complete grammatical agreement with the naming unit referred to, e.g. *matka — tá*, b) in partial grammatical agreement realized in gender and number, e.g. *matka — k tej*.

In the second group, in the demonstrative pronouns *to* (*toto*) grammatical agreement in reference is not realized, since not a concrete gender substantive is referred to, but in its reference the pronoun may comprise a whole text unit or its part, e.g.: *Zápotočný nie je bitkár. To som poznal po jeho neobratnosti* (M. Figuli).

In complete or partial agreement the grammatical form of the demonstrative pronoun is dependent on two factors. On the one hand on the type of syntagmatic relation within the sentence (predication, object and circumstantial determination) and on the other on the text (super-sentence) relation within elementary text units. Thus in pronouns there is a twofold grammatical dependence. The morphological categories of gender and number depend on the text relation realized by reference, and the category of case depends on the syntagmatic relation within the sentence. This statement is supported also by Revzina's (1973) view that gender and number of substantives (or deictic words) are first of all lexical categories and case is a syntactic category.

A very frequent element in text syntax is the adjective demonstrative pronoun. Since such pronouns are used in the role of connector in the attributive syntagm, grammatical dependence, in contrast to substantive pronouns, is realized only within the sentence. The whole attributive syntagm functions thus as a connector, forming a joined connector, e.g.: *Šli sme mlčky, len kopytá koní raz cengali, raz druždali, raz tíkli, podľa toho, aká bola cesta. Okrem týchto hlasov nepočuli sme nič iné, lebo hora bola tichá* (M. Figuli).

Pronominal adverbs are in their character a similar type of connector to demonstrative pronouns or personal pronouns of the 3rd person since they are closely connected to the previous text units or link up to the following text units. The difference between pronouns and pronominal adverbs in the role of connectors lies in the grammatical function since pronominal adverbs do not express grammatical categories, their connective role is realized on the basis of semantic relation (of place — referred to by an adverb of place, of manner — adverb of manner). It is thus possible to say that pronominal adverbs are on the boundary between repetitional and annexing connectors.

To repetitional connectors we also count ellipsis as a potential repetitional connector, so it is the opposite of literal repetition. The essence of ellipsis from the viewpoint of text linguistics needs deeper research, for ellipsis is a phenomenon of text syntax since it arises in the formation of the text.

In contrast to lexical and annexing connectors we evaluate all grammatical repetitional connectors as linguistic means providing a closer degree of connection. We have shown, however, that even within repetitional grammatical connectors there are differences in the intensity of linkage in the formation of the text.

REFERENCES

- BAJZÍKOVÁ, E.: O daktorých konektoroch v hovorových textoch. Slovenská reč, 38, 1973, pp. 154—162.
- BAJZÍKOVÁ, E.: Vymedzenie textovej jednotky. Jazykovedný časopis, 28, 1977a, pp. 157—165.
- BAJZÍKOVÁ, E.: Príspevok k výstavbe textu. In: Jazykovedné štúdie, 13. Ružičkov zborník. Ed. J. Horecký. Bratislava, Veda 1977b, pp. 29—35.
- BAJZÍKOVÁ, E.: Gramatické prostriedky pri spájaní viet. In: Studia academica slovaca. 6. Ed. J. Mistrík. Bratislava, Alfa 1977c, pp. 35—44.
- BAJZÍKOVÁ, E.: Text connectors. In: Linguistica generalia. 3. Prague, Universita Karlova, in press.
- BAJZÍKOVÁ, E.: Ukazovacie zámená v textovej funkcií. In: Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica, 30. Red. J. Mistrík. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1981, pp. 19—24.
- BELLERT, I.: O pevnym warunku spójnosti tekstu. In: O spójnosti tekstu. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Ossolineum 1971, pp. 47—75.
- HARWEG, R.: Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.
- HORECKÝ, J.: Poznámky k metóde analýzy textu. Slovo a slovesnosť, 34, 1973, pp. 34—38.
- HORECKÝ, J.: Základy jazykovedy. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1978, pp. 85—90.
- Lingvistika teksta. Vols I, II. Moscow, Nauka 1974, 230 and 212 pp.
- LOSEVA, L. M.: O sintakticheskom i semanticheskom aspektakh issledovaniya tselykh tekstov. In: Lingvistika teksta. I. Moscow, Nauka 1974, pp. 176—184.
- MIKO, F.: Text a štýl. Bratislava, Smena 1970, 167 pp.
- MIKO, F.: The programme of the text. Nitra, Kabinet literárnej komunikácie a experimentálnych metodík Pedagogickej fakulty v Nitre 1978, 100 pp.
- MISTRÍK, J.: Kompozícia jazykového prejavu. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1968, 172 pp.
- MISTRÍK, J.: Štruktúra textu. Bratislava, Čs. rozhlas, Metodicko-výskumný kabinet 1975, 91 pp.
- Morfológia slovenského jazyka. Ed. J. Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1966, 895 pp.
- Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Moscow, Progress 1978, 478 pp.
- O spójnosti tekstu. Red. M. R. Mayenowa. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Ossolineum 1971.
- PFÜTZE, M.: Bemerkungen zu einer funktionalen Textlinguistik. Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Erfurt/Mühlhausen, 1970, No. 2.
- POSNER, R.: Theorie des Kommentierens. Linguistische Forschungen. Athenäum Verlag 1972.
- REVZINA, O. G.: Obshchaya teoriya grammaticeskikh kategorii. In: Strukturno-tipologicheskie issledovaniya v oblasti grammatiki slavianskikh yazykov. Ed. A. A. Zaliznak. Moscow, Nauka 1973, pp. 61—63.
- SEVBO, I. P.: Struktura svyaznogo teksta i avtomatizatsiya referirovaniya. Moscow, Nauka 1969, p. 133. Textlinguistik, I. 1970.

Lexikalische Bedeutung und bezeichnete Wirklichkeit unter sprachgeographischem Gesichtspunkt

VINCENT BLANÁR

1. Der Status der lexikalischen Bedeutung. Die lexikalische Bedeutung als Erscheinung des Sprachsystems lässt sich nicht nur durch unmittelbare äußerliche Beobachtung bestimmen. Es handelt sich um ein Phänomen der Abstraktionsebene, das in den Bereich der sog. ideellen Erkenntnisobjekte gehört.

Die Sprache ist mit dem Leben und Denken ihrer Träger vor allem durch die semantische Seite des Wortschatzes eng verbunden. Bei der Klärung der komplizierten Beziehungen zwischen der objektiven Realität, dem Begriff und der lexikalischen Bedeutung stützt sich die Sprachwissenschaft auf die Erkenntnisse der Widerspiegelungstheorie und der Psychologie. Für das Wesen der lexikalischen Bedeutung sind namentlich folgende Tatsachen wichtig (vgl. PsA, S. 127 f.): Die Natur und die Gesellschaft sind in verflochtenen Systemen organisiert, deren Elemente in verschiedenartigen Beziehungen zueinander stehen und sich gegenseitig beeinflussen. Die Wahrnehmung dieser objektiven Organisiertheit ist die Voraussetzung für die menschliche Erkenntnistätigkeit. Die Erkenntnis hat analytisch-synthetischen Charakter; die Erkenntnis ist nicht nur eine Widerspiegelung der Welt im inneren Modell, sondern sie ist gleichzeitig eine Widerspiegelung der Beziehungen des Menschen zu dieser Welt. Der Mensch begreift die Wirklichkeit nicht in ihrer Totalität, sondern er erfasst nur wesentliche Eigenschaften und Seiten der Gegenstände und Erscheinungen in Form von Merkmalen. In diesen Widerspiegelungselementen äußern sich die gesellschaftlich bedingten Bedürfnisse des Subjekts. Das wahrnehmende Subjekt gliedert und klassifiziert die Objekte der Erkenntnis mittels der Begriffe. Bei der begrifflichen Klassifikation der äußeren Wirklichkeit kommen drei bestimmende Größen zur Geltung; das Objekt wird in einen Sachbereich eingereiht (1), u. zw. auf Grund einer gewissen Gesamtheit invarianter Merkmale (2), die sich nach den Grundsätzen der Disjunktion, Konjunktion und Exklusion verknüpfen (3). Die Merkmale der begrifflichen Struktur unterscheiden sich durch ihr Abstraktionsniveau. Die Begriffe funktionieren als kurze Beschreibung des Objekts eben dadurch, daß ihre Merkmale hierarchisch geordnet sind. Der Begriff wird definiert auf Grund der höheren Klasse (genus

proximum) und der spezifizierenden Merkmale (*differentia specifica*), die ihn aus dieser Klasse ausgliedern.

Diese Grundstruktur der Gedankeninhalte wird auf eine bestimmte Art in onomatologischer Struktur sprachlich realisiert. Hier liegt das Bindeglied zwischen der begrifflichen und der onomatologischen Struktur. Für die Herausbildung der lexikalischen Bedeutung ist im Prozeß der Widerspiegelung die Phase der sprachlichen Bearbeitung der Abbildelemente wichtig. Derzeit ist Gegenstand der Diskussion die Frage, welche Erkenntniselemente (gnoseologisch-logische Elemente) für die lexikalische Bedeutung relevant sind. Die sprachlich bearbeiteten Erkenntnisse sind von jenen Erkenntnissen zu unterscheiden, die in den lexikalisch-semantischen Einheiten nicht fixiert sind. Die Verbindung der hierarchischen Gesamtheit der Merkmale eines Begriffes wird in der gegebenen Sprache dadurch festgelegt, daß sie an ein bestimmtes Lexem gebunden ist. Auf diese Weise formt sich das sprachliche Zeichen. Die extralinguistischen Merkmale eines Gegenstandes, einer Erscheinung, die auf Grund von äußerer Beobachtung festgelegt wurden, haben ihre Widerspiegelung in der sprachlichen Erfassung erfahren und wurden in sprachlich relevante Komponenten, in semantische Merkmale umgewertet. Sie wurden in Sememe integriert, indem sie helfen, ein Semem von den anderen ausreichend zu unterscheiden. Derartige Komponenten konstituieren die lexikalische Bedeutung des Wortes. Die Merkmale, die sich in die denotativen Bedeutungen nicht integriert haben, sind die außerhalb der denotativen Bedeutung liegenden Widerspiegelungselemente (Blanár, 1976; von diesen Positionen aus haben wir den Begriff der Denotation des Personennamens begründet — zusammenfassend in: Blanár — Matejčík, 1978; die gleiche Auffassung PsA, S. 286—287). Es ist also nicht wichtig, um welche Art von Merkmalen es sich handelt (z. B. Ščur, 1974, Trubačov, 1976 unterscheiden zwischen „sprachlichen“ und sog. „außersprachlichen“ semantischen Merkmalen), ausschlaggebend ist die Funktion der Merkmale, nämlich die Frage, ob die Merkmale eine Funktion im semantischen System der gegebenen Sprache erfüllen oder nicht. Semantische Merkmale sind linguistische Elemente der denotativen Bedeutung; sie sind im Sprachsystem relevant und repräsentieren gleichzeitig Einheiten der semantischen Beschreibung (PsA, 1978). Die Folge der semantischen Relevanz der die Sememe aufbauenden Komponenten ist die Attraktion (gegenseitige semantische Wirkung) der Glieder des Mikrosystems. Von den angeführten Ausgangspunkten gelangen wir zur substantiellen (und nicht relationellen) Auffassung der lexikalischen Bedeutung.

Die lexikalische Bedeutung stellt die historisch entstandene (also sich entwickelnde), hierarchisch organisierte Struktur der semantischen Merkmale verschiedener Abstraktionsstufe dar (klassifizierende oder kategoriale, identifizierende, spezifizierende Merkmale), die sich nach bestimmten Regeln verbinden. Durch die spezifizierenden Merkmale unterscheiden sich einzelne lexikalische Einheiten im Rahmen eines Teilsystems, eventuell die Sememe in der polysemischen Struktur des

Wortes; ihr Pendant in der begrifflichen Struktur ist die sog. *differentia specifica*. Durch die spezifizierenden Merkmale ist die lexikalische Bedeutung mit der bezeichneten Wirklichkeit am engsten verbunden. Übereinstimmende Merkmale des Mikrosystems sind als identifizierende semantische Merkmale aufzufassen; ihr Pendant in der begrifflichen Struktur ist das Merkmal der höheren Ordnung. Bekanntlich realisiert sich die begriffliche Struktur in der onomatologischen Struktur nicht auf gleiche Weise. So wird z.B. bei den motivierten Wörtern das verallgemeinerte Abbild der objektiven Realität als ein binarisches Gebilde sprachlich gestaltet (z.B. ab—schreiben), während bei den nichtmotivierten Wörtern nur durch das allgemeinere (identifizierende) semantische Merkmal auf die höhere Ordnung hingewiesen wird. Durch die allgemeinsten (klassifizierenden, kategorialen) Merkmale werden auch die nichtmotivierten Wörter formell in die höheren Teilsysteme, z. B. der Wortarten, der Formbildung der betreffenden Sprache eingegliedert. Die begriffliche Struktur der nichtmotivierten Wörter hat gleichfalls ihre sprachliche Gestaltung.

1.1 Prinzipien des Erkennens des semantischen Baues der lexikalischen Einheit

Aus dem Wesen der lexikalischen Bedeutung folgt, daß uns eine komplexe semantische Analyse ihrer Erfassung wesentlich näher bringt. Die Kombination einiger methodischen Verfahren erlaubt es, die lexikalisch-semantische Problematik von mehreren Seiten zu sehen.

So wie die syntagmatischen Beziehungen (in der Rede) und die paradigmatischen Beziehungen (im Sprachsystem) eine innere Einheit bilden, hängen auch die Forschungsmethode der Distributionsanalyse und die Forschungsmethode der Komponentenanalyse eng zusammen und ergänzen einander. Mittels der Distributionsanalyse untersucht man den semantischen Bau der lexikalischen Einheit im Text im Hinblick auf ihre lexikalisch-phraseologische und syntaktische Verbindbarkeit. Durch die Komponentenanalyse der lexikalischen Einheit im Mikrosystem stellt man die minimalen konstitutiven Elemente der lexikalischen Bedeutung fest. Die lexikalische Bedeutung wird auf Grund der oppositionellen Beziehungen der lexikalischen Einheiten im Teilsystem segmentiert.

Die psycholinguistische und soziolinguistische Analyse ist auf die experimentelle Untersuchung der assoziativen Wortverbindungen und des individuellen Wortgebrauchs, auf die Zusammenhänge mit den gesellschaftlichen Bedingungen und dem Kommunikationsziel eingestellt.

Wenn sich die semantische Analyse nicht auf ausreichendes Sprachmaterial stützen kann, z.B. in der historischen Lexikologie, kommen noch andere methodische Verfahren zur Geltung:

— Konfrontation des älteren und neueren Entwicklungsstadiums der betreffenden Sprache — besonders wichtig ist der Vergleich mit der Situation in den heutigen Mundarten. Die verlängerte Entwicklungsperspektive hat ihre Stütze in der Erfas-

sung des Zeit- und Raumfaktors in der Sprache in dialektischer Einheit (vgl. Stepanov, 1975, S. 304).

— Vergleich der lexikalisch-semantischen Erscheinungen mit der Lage in den benachbarten verwandten und unverwandten Sprachen. In beiden Verfahren kommt die Methode der geographischen Areale zur Geltung.

Das letzte Ziel der semantischen Analyse ist es, invariante (System) Komponenten der lexikalischen Bedeutung und die Struktur des Semems zu erfassen. Deshalb ist die Analyse der paradigmatischen Beziehungen der lexikalischen Einheit im Mikrosystem als das grundlegende methodische Verfahren zu betrachten. Wie schon erwähnt wurde, sind mit den paradigmatischen Beziehungen die syntagmatischen Beziehungen dialektisch verbunden und deswegen bildet die Analyse der Verbindbarkeit des Wortes (allerdings auf der Ebene der Rede) eine gleich wichtige Voraussetzung einer folgerichtigen semantischen Analyse. Die übrigen methodischen Verfahren sind von diesem Gesichtspunkt Hilfsmethoden (Näheres bei Blanár, 1979).

1.2 Angesichts der methodischen Verschiedenartigkeit und der ungewöhnlich großen Reichhaltigkeit des Materials bleiben viele Probleme in der lexikalischen Semantik unerforscht, offen oder diskutabel. Wir versuchen auf Grund einer speziell vorbereiteten Untersuchung unseren Standpunkt zu einigen grundlegenden Fragen der lexikalischen Semantik zu formulieren.

2. Unter Mithilfe der Hörer der pädagogischen und philosophischen Fakultäten in der Slowakei und teilweise durch eigene Geländeforschung haben wir im ganzen slowakischen Sprachgebiet (etwa in 400 Ortschaften) den individuellen Gebrauch mehrerer Wörter untersucht (*maškrtník*, *šarha*, *šinter*, *ras*, *holomok*, *šibal/šiben*(ec), */šibák/šibeňák*, *huncút*, *figliar*, *šelma*, *beštia*, *paskuda/paskudník*). In unserem Fragebogen verknüpfte sich der sprachgeographische und psycholinguistische Aspekt (a) mit dem soziolinguistischen (b).

a) Es hat sich die Ansicht bestätigt, daß die in bestimmten geographischen Arealen vorkommenden mundartlichen lexikalisch-semantischen Erscheinungen diachronisch interpretiert werden können, und zwar als Veränderungen in der zeitlichen Aufeinanderfolge (vgl. z. B. Tolstoj, 1969; Habovštiak, 1976). Die systematische Erforschung der geographischen Ausbreitung der semantischen Elemente im ganzen Gebiet der Nationalsprache ermöglicht es, die Bedeutungsketten in ihrer Entwicklungsperspektive zu rekonstruieren und damit den semantischen Bau der lexikalischen Einheit als eine verflochtene, sich entfaltende semantische Struktur aufzufassen (vgl. Blanár, 1974, 1976). Als wir den semantischen Bau der erforschten Wörter in der Schriftsprache und in den Mundarten verglichen, zeigte es sich, daß ihr Bedeutungsumfang in den Mundarten größer ist, daß das Zurückweichen eines Wortes in einzelnen Arealen unterschiedliche Form hat und einige Veränderungen der Bedeutungsstruktur wie auch der Wortexpressivität für gewisse geographische Gebiete charakteristisch sind.

b) Die sprachgeographische Erforschung fand unter bestimmten Bedingungen und mit festgesetztem Ziel statt. Die Informatoren gehörten größtenteils der landwirtschaftlichen Landbevölkerung der älteren Generation ohne besondere philologische Bildung an. Im grossen und ganzen wurde das Sprachmaterial aus gleichartigem Gesellschaftsmilieu gesammelt. Die Untersuchung zielte auf die Erklärung des individuellen Wortgebrauchs und der Bedeutung durch den Benutzer selbst hin. Es kamen dreierlei Verfahren zur Anwendung: der Informator führte die Paraphrase der inhaltlichen Seite des Wortes an, dann den Kontext der üblichen Verwendung sowie Wörter ähnlicher Bedeutung. Obwohl das gesammelte Material den festgestellten Bedingungen nicht immer entspricht, verweisen die individuellen Paraphrasen und Bestimmungen in ihrer Gesamtheit relativ übereinstimmend auf die relevanten semantischen Merkmale in der üblichen Kommunikation. Als wir die geographische Ausbreitung und die Frequenz der relevanten semantischen Merkmale verfolgten, erwiesen sich die Grund- bzw. Ausgangsssememe, die Art und Weise ihrer weiteren Entfaltung, das Vorkommen der abgeleiteten Sememe in bestimmten Arealen, wie auch das Funktionieren der semantischen Merkmale als konstitutive und differenzierende Elemente des Semems. Die Vorgangsweise bei der semantischen Analyse vom individuellen Gebrauch des Wortes zur Rekonstruktion seiner invarianten semantischen Komponenten (auf der Ebene des Sprachsystems) entspricht dem methodischen Verfahren des sog. gedanklichen Experiments (vgl. z. B. Horák, 1975).

2.1 Probe der Bearbeitung des Materials MAŠKRTNÍK, „Leckermaul“

Vorkommen: in der West- und Mittelslowakei fast allgemein bekannt, beschränktes Vorkommen in der Ostslowakei (vorwiegend in der älteren Generation).
Gesamtheit der semantischen Merkmale:

Von 11 semantischen Merkmalen sind 3 ganz peripher (sie kommen nur einmal vor).
Handelnde Person, Träger der Eigenschaft:

1. Mensch (Erwachsener oder Kind) (268)

a) Erwachsener (28), b) Kind (8)

2. Tier (1)

Die bei der Verschaffung und Konsumation von Speisen geäußerten Eigenschaften:

3. wählerischer Geschmack (167)

4. hohes Maß von Genußsucht (Drang zum Handeln, Besitzen) (81)

In bezug auf:

5. Speisen (301), besonders Süßigkeiten (110), Obst (1)

6. Arbeit (1)

7. Eigentum, Vermögen (1)

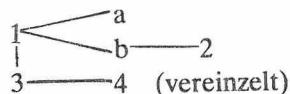
8. Mädchen (1)

9. Gegenstände der Umwelt (5)

Art und Weise der Beschaffung, Konsumation:

10. geheim, heimlich (20)
 11. mit Appetit, feinschmeckerisch (187)

Semantische Struktur :

Sememe :

1. „Wähler und Feinschmecker, Leckermaul“
  - a) ein Mensch, der beim Essen wählerisch ist
(er bevorzugt Süßigkeiten), er isst mit Appetit (eventuell zu viel)
  - b) ein Mensch, der gut (gewählte Speisen, besonders Süßigkeiten) und zu viel isst
2. „ein unersättlicher Mensch, Fresser, Vielfraß“
ein Mensch, der viel (und oft auch mit Appetit) aufißt
3. (gewöhnlich) ein Kind, das heimlich von guten Speisen nascht
4. „Dieb“
ein Mensch (gewöhnlich ein Kind), der heimlich etwas wegnimmt, stiehlt

2.2 Bemerkungen zur Bewertung der Untersuchung

Gegenstand unserer Untersuchung waren einerseits Wörter, die in einem größeren slowakischen Sprachgebiet gebraucht werden, z. B. *šibal/šiben*(ec), *šibák/šibeňák*, *maškrtník*, *huncút*, *šelma*, andererseits Wörter, deren Verwendung örtlich oder auch gesellschaftlich (auf die ältere Generation) beschränkt ist, z.B. *šarha*, *šinter*, *ras*, *holomok*, *paskuda/paskudník*. Im Vergleich mit der Schriftsprache ist der semantische Bau dieser Wörter in den Mundarten reichlicher gegliedert. Relativ ausgeprägtere Bedeutungsumrisse haben die motivierten Wörter mit breiterer kommunikativer Gültigkeit; die Wörter mit engerer kommunikativer Gültigkeit haben eine mannigfaltigere Bedeutungsstruktur und die einzelnen Sememe werden mit Übergangsformationen in größerem Ausmaß verbunden, als dies bei allgemein bekannten Wörtern der Fall ist. Einer interessanten Tatsache begegneten wir bei den expressiv gefärbten Wörtern. Die expressive Färbung in der Spannweite von der Pejorativität bis zur Meliorativität ist geographisch nicht gleichmäßig verteilt. So

$$1 + 3 + 5 + 11 \pm 4$$

wSl 50, mSl 64, oSl 20

$$1 + 3 + 5 + 4$$

wSl 1, mSl 13, oSl 4

$$1 + 4 + 5 + 11$$

wSl 4, mSl 10, oSl 11

Variant b) $1 + 4 + 5 \pm 10$
oSl 7

$$1b \pm 2 + 3 + 5 + 10 \pm 4 \pm 11$$

wSl 2, mSl 8, oSl 5

$$1 + 10 + 9 \pm 3$$

z. B. schwindet allmählich mit dem Zurückweichen des Wortes *paskuda/paskudník* in der Richtung von Osten nach Westen seine pejorative Färbung.

Die hier analysierten lexikalischen Bedeutungen stützen sich auf den individuellen Begriff der üblichen Kommunikation. Die von einer größeren Anzahl von Dorfbewohnern und von den Einwohnern aus der näheren Umgebung gewonnenen Informationen zeugen davon, daß diese individuellen Begriffe einen verhältnismäßig hohen Grad gesellschaftlicher Verbindlichkeit haben. In einigen Fällen zeigt sich allerdings die individuelle onomasiologische Einstellung, die Auswahl der „wesentlichen“ Merkmale des Gegenstandes, deren Erscheinung subjektiv ist. Von den semantischen Merkmalen, die wir als relevante Komponenten des Semems abstrahiert haben, gliederten wir die Merkmale mit der kleinsten Frequenz (Vorkommen: 1–2) als peripher aus, obwarzar dabei die Frage offen bleibt, welche von ihnen als Ausdruck subjektiver Einstellung des Informators anzusehen und welche auf einem sehr kleinen geographischen Areal gesellschaftlich verbindlich sind. Aus den frequentiertesten Bedeutungskomponenten bildet sich die vom Standpunkt des heutigen Benutzers aus zentrale Bedeutung.

Wir sind der Meinung, daß (z. B. auch vom Standpunkt der lexikographischen Praxis) der Begriff des mundartlichen Wortschatzes der Nationalsprache erforderlich ist; darum ziehen wir bei der Rekonstruktion der paradigmatischen Bestandteile der lexikalischen Bedeutung neben den obligatorischen semantischen Merkmalen auch solche Merkmale in Erwägung, welche in einigen Arealen des slowakischen Sprachgebietes wohl zur Geltung kommen, in anderen jedoch nicht. Solche Merkmale modifizieren den Bedeutungskern durch weitere, nicht wesentliche Bedeutungskomponenten. Vom sprachgeographischen Standpunkt fassen wir sie als fakultative semantische Merkmale auf. So gesehen stellen wir eine große Variabilität des lexikalisch-semantischen Systems in den Mundarten fest.

Wir betrachten die lexikalische Bedeutung — wie schon erwähnt wurde — als eine hierarchische Einheit der allgemeinsten (kategorialen) Merkmale und der Merkmale niedrigerer Abstraktion, welche die lexikalische Einheit als das Element eines bestimmten semantischen Feldes, eventuell eines Mikrosystems bestimmen und sie im Verhältnis zu anderen Elementen dieser Menge ausgliedern. Darum werden im Teilsystem ganz isolierte Sememe homonymischer Natur nicht näher segmentiert, wie z. B. *huncút* „Kuchen, Dessert“, *šarha* „Brotlaib, den der Rastelbinder in die Welt mitnahm“, *holomok* „Reste des von Vögeln gefressenen Getreides“. Zur wichtigsten Aufgabe der Analyse gehört die Segmentierung der Bedeutungskomponenten des Wortes. Wir zeigen das Verfahren der semantischen Analyse am Wort *maškrtník* „Leckermaul“.

Das Wort *maškrtník* wird durch die substantivische Benennung als Substanz und durch die betreffenden morphologischen Kategorien als männliches Lebewesen charakterisiert; durch die Wortbildungseingliederung (*maškrta*, *maškrťiť*: *maškrtník*) wird die lexikalische Bedeutung im Verhältnis zur Wortbildungsbedeutung

bestimmt. Durch den Vergleich der Wörter, die *⟨ den Menschen in bezug auf die Speisen, auf die Art der Konsumation der Speisen ⟩* — dies ist das genus proximum — bezeichnen, wird festgestellt, welche semantische Merkmale aus der semantisch relevanten Menge sich bei der Konstituierung des betreffenden Semems geltend machen. So werden z. B. in Beziehung zu den Wörtern *pažravec, nenásytník, pahltník „Vielfraß, unersättlicher Mensch“* die Wörter *maškrtník, labužník, lakotník „Leckermaul, Feinschmecker“* durch die Merkmale *⟨ + qualitative Auswahl ⟩* $\wedge$ *⟨ – quantitative Auswahl ⟩* charakterisiert; in der synonymischen Reihe *pažravec, nenásytník, pahltník* konstituieren das Semem die Merkmale *⟨ – qualitative Auswahl ⟩* $\wedge$ *⟨ + quantitative Auswahl ⟩*. Die semantischen Merkmale befinden sich in komplementärer Distribution, wenn es sich um die lexikalische Semantik in einem Teilsystem oder in der polysemischen Struktur eines Wortes handelt. Zum Unterschied von der Schriftsprache haben die analysierten Wörter in den slowakischen Mundarten mehr oder weniger verflossene polysemische Strukturen. Darum können wir bei diesen Wörtern wie bei den niedrigsten Mikrosystemen die Komponentenanalyse anwenden.

3. Verallgemeinernde Beobachtungen

3.1 Anmerkungen zu den semantischen Merkmale. Wenn wir den semantischen Bau des angeführten Wortes *maškrtník* auf Grund der dialektologischen Erforschung auf dem ganzen slowakischen Sprachgebiet zu rekonstruieren versuchen, gelangen wir zu einem komplizierterem Gebilde; seine lexikalische Bedeutung entfaltet sich wie bei den nichtmotivierten Wörtern.

1. Das Semem „Wähler und Leckermaul“ hat zwei Varianten:

- a) *⟨ qualitative Auswahl ⟩* $\wedge$ *⟨ Speise ⟩* $\wedge$ *⟨ mit Appetit, feinschmeckerisch ⟩* $\wedge$ *⟨ ± quantitative Auswahl, hohes Maß von Genußsucht ⟩* $\subset$ *⟨ Erwachsener oder Kind ⟩*,
- b) *⟨ qualitative Auswahl ⟩* $\wedge$ *⟨ Speise ⟩* $\wedge$ *⟨ quantitative Auswahl ⟩* $\subset$ *⟨ Erwachsener oder Kind ⟩*.

Der gemeinsame Bedeutungskern ‚Auswahl in den Speisen‘ wird durch die obligatorischen Komponenten (semantische Merkmale): *⟨ qualitative Auswahl ⟩* und *⟨ Speise ⟩* gestaltet. Bei der ersten Variante treten zum Bedeutungskern noch das obligatorische Merkmal *⟨ mit Appetit, feinschmeckerisch ⟩* und das fakultative Merkmal *⟨ quantitative Auswahl, hohes Maß an Genußsucht ⟩*, bei der zweiten Variante nur das obligatorische Merkmal *⟨ quantitative Auswahl ⟩* hinzu. In beiden Fällen ist das Merkmal *⟨ Erwachsener oder Kind ⟩* übergeordnet. Die erste Variante kann man durch folgende Paraphrase charakterisieren: ein Mensch, der beim Essen wählerisch ist (er bevorzugt Süßigkeiten), er ißt mit Appetit (und eventuell zu viel). Diese Grundvariante ist im ganzen slowakischen Sprachgebiet relativ gleichmäßig verbreitet. Die Paraphrase der zweiten Variante: ein Mensch, der gut (ausgewählte Speisen, besonders Süßigkeiten) und zu viel ißt. Die zweite

Variante ist seltener, sie kommt am meisten in der Mittel-, weniger in der Ostslowakei vor.

2. Im Semem „unersättlicher Mensch, Vielfraß“ neutralisiert sich das Merkmal *⟨ wählerische Art ⟩*; seinen Bedeutungskern *⟨ viel aufessen ⟩* bilden die Komponenten *⟨ quantitative Auswahl ⟩* und *⟨ Speise ⟩*. Fakultative Bedeutungskomponente ist *⟨ mit Appetit, feinschmeckerisch ⟩*. Die Paraphrase dieser Bedeutung: ein Mensch, der viel aufißt (und oft auch mit Appetit). Es handelt sich um eine seltene Bedeutung, ihr typisches Areal ist die Ost-, teilweise die Mittelslowakei. Den Übergangsgrad zum dritten Semem bildet die (nicht allzu häufige) Variante mit fakultativem Merkmal *⟨ ± geheim, heimlich ⟩*.

3. Durch die Semantisierung des Merkmals *⟨ geheim, heimlich ⟩* entfaltete sich das Semem mit dem Bedeutungskern „Speisen heimlich kosten“. Die Paraphrase der Bedeutung: (gewöhnlich) ein Kind, das heimlich von guten Speisen kostet oder nascht. Diese nicht zu häufige Bedeutung ist aus der Mittel- und Ostslowakei belegt.

Wenn wir die angeführten Sememe vergleichen, können wir beobachten, daß im ersten Fall das Merkmal *⟨ qualitative Auswahl ⟩*, im zweiten Fall *⟨ quantitative Auswahl ⟩*, im dritten *⟨ geheim, heimlich ⟩* eine differenzierende Gültigkeit haben. Der semantische Bau des Wortes *maškrtník* in slowakischen Mundarten ist als ein semantisches Feld aufzufassen; bei jeder Bedeutung könnten wir die oben angeführten relevanten Merkmale auf einer gemeinsamen Matrize ausdrücken. Die Matrize sollte die Gesamtheit der relevanten Merkmale aller Sememe enthalten.

Es hat sich des weiteren gezeigt, daß sich ein semantisches Merkmal, beziehungsweise ein Bündel semantischer Merkmale auf dem ganzen Gebiet verhältnismäßig gleichmäßig verbreiten kann (das bezieht sich auf jene Bedeutungen, die vom Standpunkt des Teilnehmers und der Kommunikation die häufigsten, grundlegenden sind); Randbedeutungen und vor allem die Bedeutungen seltener verwendeter Wörter haben gewöhnlich ihre geographischen Areale. Für die Mittelslowakei ist z.B. der Hinweis auf einige Seiten „des bösen Menschen“ bei den Wörtern *šarha* und *šinter* charakteristisch. Man könnte an die Attraktion (semantische Analogie) der Wörter *šibal/šibenec* — *šinter* — *šarha* denken.

3.2 Der semantische Aufbau der polysemischen lexikalischen Einheit. Die Variante der lexikalischen Bedeutung

Bei Veranschaulichung der semantischen Struktur der polysemischen lexikalischen Einheit, z.B. auf einer Matrize, sehen wir, daß einige Merkmale konstitutive Elemente des betreffenden Semems darstellen, andere aber nicht distinkтив sind, sie schließen sich aus; diese Merkmale sind allerdings konstitutive Elemente des anderen Semems (der anderen Sememe). Distinktive Gültigkeit haben diejenigen Merkmale, durch die sich einzelne Sememe bei gemeinsamem semantischen Kern voneinander unterscheiden.

Ein derartiges — fast möchten wir sagen ideales — Bild komplizieren die Übergangserscheinungen. Es sind dies die Varianten der lexikalischen Bedeutung.

(Vorläufige Bemerkungen zum Begriff Variante der lexikalischen Bedeutung vgl. bei Seliverstova, 1975.) Der Bedeutungskern kann sich in einem bestimmten Areal durch ein weiteres Merkmal (Merkmale), das keine distinktive Gültigkeit hat, entfalten. Dieses (obligatorische oder fakultative) semantische Merkmal ist im Verhältnis zum gegebenen Bedeutungskern peripher, aber in einem anderen Semem kann es dessen Bedeutungskern bilden, eine periphere Stellung nehmen dann wieder andere Merkmale ein. Es ist dies ein begleitendes semantisches Merkmal. Vom begrifflichen Standpunkt aus weist es auf irgendein peripheres Merkmal der Erscheinung hin. Wir führen einige Beispiele an:

Die Variante des 2. Semems von *maškrník*, die nur in der Ostslowakei vorkommt, unterscheidet sich vom 2. Semem „unersättlicher Mensch, Vielfraß“ durch die fakultative Komponente { geheim, heimlich }. Dieses Merkmal bildet im 3. Semem („das Kind, das heimlich von guten Speisen nascht“) den Bedeutungskern und wurde zum differenzierenden Merkmal gegenüber dem Semem „unersättlicher Mensch, Vielfraß“. Im Hinblick auf die Existenz der semantischen Varianten ist die Segmentierung der zurücktretenden Wörter, die sich durch deutliche semantische Dynamik auszeichnen, viel komplizierter. Als geeignetes Beispiel kann z. B. das Wort *holomok* dienen. Im reich entfalteten semantischen Bau in den slowakischen Mundarten wurde unter anderem die Kategorie { Alter } semantisch relevant. Durch besondere Sememe differenziert man { (männliche) Person } $\wedge$ { Unmündigkeit } $\vee$ { Kindesalter }, d. h. „Bursche, Junggeselle“ neben „Knabe, Kind“. Bei der Benennung der nicht erwachsenen Person verbinden sich manchmal mit dem Merkmal { Unmündigkeit } auch weitere, für den heranreifenden Jüngling typische Merkmale, z.B. { Unerfahrenheit, Umbesonnenheit }, { Spitzfindigkeit, Unfug treiben }, { Scharfsinn }. So entstehen mehrere Varianten, welche die Übergangsstufen zu anderen Sememen bilden. Noch verwickelter ist die Situation bei der Benennung eines Menschen mit bestimmten negativen Eigenschaften. In diesem Bereich ist die Bedeutung mit dem Bedeutungskern „niedrige Charaktereigenschaften, Gemeinheit, Unehrllichkeit“ sehr ausdrucksvoll; es geht um das Semem „Schurke, Lump“. Es bleibt fraglich, ob die durch relativ wenig frequentierte Komponenten { Leichtsinnigkeit, Verschwendungsucht }, { unanständiges Benehmen, Unerzogenheit }, { Grobheit }, { Faulheit }, { Schmutz, Unordentlichkeit } konstituierten Bedeutungen als gesellschaftlich und geographisch eng begrenzte besondere Sememe des Wortes *holomok* oder aber als Varianten irgendeiner allgemeineren Bedeutung (z. B. „Mensch mit bestimmten negativen Eigenschaften“) zu fassen sind. Die Frage der Bedeutungsvariante muß auch noch vom Standpunkt der Schriftsprache ausführlicher untersucht werden.

Diese Beispiele führen zu einem wesentlichen Problem der lexikalischen Semantik. Die lexikalisch-semantische Struktur stellt ein Netz von Beziehungen dar. Es müssen aber auch feste Knotenpunkte des lexikalisch-semantischen Systems existie-

ren, die die Kommunikation ermöglichen. Auf sie stützt sich einerseits die Möglichkeit des Gedankenaustausches und andererseits geht von ihnen die potentielle Variabilität in der Sprache aus. Und hier hat die fortwährende Spannung zwischen der Lexikologie und Lexikographie ihren Ursprung. In der lexikographischen Bearbeitung sind die kontinuierlichen Sprachbeziehungen (vor allem in der lexikalischen Semantik) als diskrete Erscheinungen darzulegen.

3.3 Zur Entwicklung der lexikalischen Bedeutung

Die Bedeutungswandlungen haben zwei Grundformen. Sie betreffen:

- die lexikalische Verbindbarkeit,
- die semantische Verbindbarkeit.

a) Bei der lexikalischen Verbindbarkeit handelt es sich um die Veränderungen der semantischen Positionen der Aktanten. Das ist die sog. Bedeutungsverengung, -verbreiterung, -übertragung usw. Diese Veränderungen sind durch die unmittelbare Beobachtung zu erfassen, sie gehen auf der Ebene der Rede vor sich. Bei den Wandlungen der semantischen Positionen ist es wichtig, ob sich die semantische Klasse des Trägers der Eigenschaft, des Agens der Handlung, des Patiens oder der Umstände der Handlung verändert oder ob sie die Obligation der Valenzpositionen selbst betrifft. Die Wandlung ist um so ausgeprägter, je zentraler sie in der onomatologischen Struktur ist, und hierarchisch je höher die semantische Komponente ist. Man wertet z. B. als eine Verschiebung zur Homonymität die Veränderung in der semantischen Klasse des Agens beim Wort *šarha* „Schinder, Gehilfe des Henkers“ { Person : Kind } $\rightarrow$ { Tier : scheues Pferd }, { Sache : Brotlaib } oder beim Wort *holomok* „Geselle des Henkers; Schurke u. a.“ { Erwachsener, Bursche, Kind } $\rightarrow$ { Sache : Reste des Getreides }.

b) Die Veränderungen der semantischen Verbindbarkeit (auf der Ebene des Sprachsystems) stellen wir mittels der komplexen semantischen Analyse fest. Einerseits handelt es sich um Zunahme der begleitenden semantischen Merkmale; in dieser Veränderung äußert sich eine bestimmte Veränderung in der Erfassung der benannten Sache (im onomasiologischen Prozeß erfaßt man auch weitere, periphere Seiten der objektiven Realität); durch die sprachliche Bearbeitung einer solchen Widerspiegelung wird die Variante der lexikalischen Bedeutung konstituiert. Andererseits handelt es sich um die Veränderung der im gegebenen Semem relevanten semantischen Merkmale; in diesem Fall ändert sich die semantische Struktur des Wortes (Zunahme/Abnahme der Sememe). Wir fassen z. B. die Veränderung des Semems *ras* „Flegel, grausamer, gewaltssamer Mensch“, „Verderber, Zerstörer“ als Veränderung der Merkmale { Grobheit, Gewaltsamkeit } $\wedge$ { zu den Sachen der Umwelt } $\wedge$ { Egoismus, Aggressivität } $\subset$ { (männliche) Person } $\rightarrow$ { $\pm$ Grobheit, Gewaltsamkeit } $\wedge$ { Zerstören, Töten } $\wedge$ { $\pm$ Sachen der Umwelt } $\subset$ { (männliche) Person } auf.

Die Veränderungen der lexikalischen und semantischen Verbindbarkeit hängen

eng zusammen. Bei der Veränderung der lexikalischen Verbindbarkeit ist zu untersuchen, durch welche Veränderungen der semantischen Verbindbarkeit sie bedingt wurden.

Die Veränderungen der semantischen Struktur des Wortes werden durch die Zusammenwirkung außersprachlicher Faktoren (die aktive Einstellung des Subjekts zur erfaßten und benannten Wirklichkeit) und innersprachlicher Faktoren (die Attraktion der Elemente des Mikrosystems) verursacht. Bisher haben wir uns mit den Wandlungen und gegenseitigen Einflüssen der Bedeutungskomponenten befaßt, schließlich führen wir einige Beispiele der Bedeutungsveränderungen an, die ihre Ursache im lautlichen Bau des Lexems haben. Da das Wort *šarha* auf -a endet, wurde die Eigenschaft (in der Mittel- und seltener in der Ostslowakei) auch auf eine weibliche Person als Träger übertragen („untreue, unmoralische, unverträgliche Frau“). Unter dem Einfluß der Volksetymologie wurde das heute nichtmotivierte Wort *holomok* im Zusammenhang mit *holý „kahl“* gebracht und in einem kleinen Areal in Liptov bezeichnet es auch einen Mann mit kahlem Kopf oder einen armseligen Mann.

Velleicht gelang es zu zeigen, daß der sprachgeographische Aspekt wichtige Kenntnisse auch für die Beleuchtung wesentlicher Fragen der lexikalischen Semantik bietet.

LITERATUR

- BLANÁR, V.: Významová stavba slov paskuda, paskudník. Slovenská reč, 39, 1974, S. 80—84.
BLANÁR, V.: Od myšlienkového odrazu k lexikálnemu významu. Jazykovedný časopis, 27, 1976, S. 98—116.
BLANÁR, V. — MATEJČÍK, J.: Živé osobné mená na strednom Slovensku. I. 1. Designácia osobného mena. Zborník Pedagogickej fakulty v Banskej Bystrici. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1978, 416 S. + 5 Karten.
BLANÁR, V.: Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava 1979, Mschr. 250 S.
HABOVŠTIAK, A.: Atlas slovenského jazyka. 4. Lexika (syntetické mapy). Bratislava, Veda 1982.
HORÁK, E.: Myšlienkový experiment a jazykoveda. Jazykovedný časopis, 26, 1975, S. 113—129.
Probleme der semantischen Analyse (PsA). Autorenkollektiv unter Leitung von D. Viehweger. Studia grammatica, 15. Berlin, Akademie-Verlag 1977, 405 S.
SELIVERSTOVA, O. N.: Komponentnyj analiz mnogoznačnych slov (Na materiale nekotorych russkich glagolov.) Moskva, Izdatelstvo Nauka 1975, 240 S.
STEPANOV, J. S.: Metody i principy sovremennoj lingvistiki. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1975, 311 S.
ŠČUR, G. S.: Teorii poča v lingvistike. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1974, 255 S.
TOLSTOJ, N. I.: Slavjanskaja geografičeskaja terminologija. Semasiologičeskie etudy. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1969, 262 S.
TRUBAČOV, O. N.: Etimologičeskie issledovanija i leksičeskaja semantika. In: Principy i metody semantičeskich issledovanij. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1976, S. 147—179.

Zur Charakteristik der mundartlichen Lexik vom Standpunkt der Wortbildung

FERDINAND BUFFA

Obwohl unser Jubilar Professor Ján Horecký seine wissenschaftliche Forschung vor allem auf das Gebiet der Schriftsprache richtet, zieht er oft auch die Verhältnisse in den slowakischen Mundarten in Betracht, besonders Fakten, bei denen sich die mundartlichen Erscheinungen von den in der Schriftsprache parallelen Erscheinungen unterscheiden. Viele Ergebnisse seiner theoretischen Erwägungen lassen sich außerdem erfolgreich auch in der Dialektologie anwenden, wovon sich auch der Verfasser dieses Beitrages oft überzeugen konnte, besonders bei der Erforschung der Wortbildung in den Mundarten, weil es auf diesem Gebiet keine wesentlichen Unterschiede zwischen den Mundarten und der Schriftsprache gibt. Abgeleitete mundartliche Wörter weisen jedoch auch gewisse Eigenarten auf, die wir in diesem Beitrag berühren möchten. Wir gehen dabei vor allem von unserer bisherigen Forschung auf diesem Gebiet aus.

Unter dem Begriff mundartliche Lexik verstehen wir alle jene lexikalischen Elemente, die zum aktiven Wortschatz derjenigen Menschen gehören, die noch heute vorwiegend eine Mundart sprechen. Und was die abgeleiteten mundartlichen Wörter betrifft, wenden wir bei deren Bestimmung und Analyse dieselben Prinzipien an, die in der Schriftsprache angewendet werden und die bei uns von unserem Jubilar Prof. Ján Horecký am ausführlichsten durchgearbeitet worden sind.

1. Vor allem möchten wir die Frage des Auftretens der abgeleiteten Wörter in der mundartlichen Lexik berühren. Es wird meistens konstatiert, daß die abgeleiteten Wörter in der Schriftsprache gegenüber den unabgeleiteten (unmotivierten) überwiegen. Unserer Ansicht nach gilt diese Feststellung in noch höherem Maße für die mundartliche Lexik, was schon die Tatsache beweist, daß viele von den in der Schriftsprache unmotivierten Wörtern in den Mundarten auch abgeleitete Wörter als Äquivalente vorweisen, z. B. *žiak* (Schüler) — mundartlich *školák*, *školiar*. In anderen ähnlichen Fällen entspricht außerdem einer mehrwortigen Benennung in der Schriftsprache ein abgeleitetes Wort in der Mundart (z. B. *poschodový dom* — mundartlich *štokovec*). Man muß jedoch zugeben, daß es auch umgekehrte Fälle

gibt, besonders bei neueren terminologischen Benennungen des Typs *lekáreň* — mundartlich *apatička*. Besonders bei den expressiv gefärbten Benennungen kommt die Überzahl der mundartlichen Ableitungen sehr deutlich zum Vorschein, z. B. bei den Deminutiven, wo die mundartlichen abgeleiteten Wörter häufig gegenüber den schriftlichen Ableitungen das Übergewicht haben. Die angeführte Überzahl der abgeleiteten Wörter in den Mundarten hängt wahrscheinlich damit zusammen, daß die Mundarten nur in gesprochener Form vorkommen, die sehr günstige Bedingungen für Entstehung und Annahme von neuen abgeleiteten Wörtern bietet, vor allem in bestimmten mehr kompakten und mehr geschlossenen Bevölkerungsgruppierungen, wie es früher die einzelnen mundartlichen Gemeinschaften waren. Außerdem hängt der Reichtum an abgeleiteten mundartlichen Wörtern auch damit zusammen, daß einem System der Schriftsprache viele Systeme der einzelnen Mundarten gegenüberstehen, die, worauf wir noch hinweisen, nicht immer in gleichem Maße ihre wortbildenden Möglichkeiten ausgenutzt haben. Aus diesem Grunde gibt es auch viele Begriffswörter, bei denen einer einzigen schriftsprachlichen Form mehrere mundartliche Ableitungen gegenüberstehen (vgl. z. B. *mlatec* — mundartlich *mlatec*, *mlacač*, *mlacek*, *mlacko*, *mlatiar*, *mlackoš*, *mlatník*).

Ähnliche Unterschiede im Ausmaß von Ableitungen bestimmter Typen gibt es jedoch auch zwischen den einzelnen Mundarten, besonders zwischen den größeren mundartlichen Gemeinschaften. So z. B. zeigt es sich, daß vielen Ableitungen in gewissen Mundarten oft zweiwertige Benennungen in anderen Mundarten gegenüberstehen, z. B. *kilovec* — *kilový kvicht*, *ovsenka* — *ovsená slama* u. ä. Sehr oft können auch kleinere mundartliche Gesamtheiten mit überraschender Leichtigkeit neue Benennungen bilden, und zwar auch für Gegenstände, die in anderen Mundarten keine gesonderte Benennung haben. Dies kommt z. B. in den Mundarten von Orava sehr deutlich zum Vorschein (vgl. z. B. Werkzeugbenennungen des Typs *hrkalo*, *krutalo* „zum Drehen von Strohseilen“, *kružilo* „ein Teil vom Werg“, *pripúšťalo* „am Webstuhl“, *tažadlo* „am Pflug“, *škrábalo* „eine Art von Besen“, *ráfalo* „zum Riffeln von Flachs“, *zapchavilo* „Stöpsel“ usw. Das hängt wahrscheinlich mit der relativ großen geographischen Abgeschlossenheit dieser Mundarten zusammen, so daß sie auch in der Entwicklung der Lexik auf ihre eigenen Benennungen angewiesen waren. Öfters gibt es aber solche Fälle, als ob die einzelnen Mundarten einen Überschuß an abgeleiteten Wörtern (z. B. im Vergleich mit der Schriftsprache) nur in einer bestimmten Richtung hätten, bei Benennungen bestimmter Sachbereiche, worauf wir später noch hinweisen.

Im Zusammenhang mit der angegebenen Charakteristik der mundartlichen Lexik möchten wir noch konstatieren, daß die Mundarten im Rahmen der Wortbildung sehr aktiv waren, obwohl sie auch die anderen Möglichkeiten der Bereicherung des Wortschatzes (z. B. Entlehnung, Bedeutungsübertragung u. ä.) gekannt haben, bzw. daß diese in der neueren Zeit völlig überwiegen. Diese wortbildende Aktivität äußerte sich natürlich vor allem bei der Benennung der Sachverhalte, die für den

Dorfbewohner von Bedeutung waren (die also besonders mit der landwirtschaftlichen Arbeit, mit der Folklore usw. zusammengehangen haben), sowie auch bei Wörtern aus dem Bereich des Gefühlslebens des Menschen. Die mundartliche Lexik dieser Bereiche ist ständig von abgeleiteten Wörtern durchdrungen, sehr oft handelt es sich dabei um Wörter, die auf ein bestimmtes geographisches Gebiet beschränkt sind, wodurch ihre sonderbare Differenziertheit gebildet wird, die aber selten mit der Differenziertheit der anderen Sprachebenen übereinstimmt (z. B. mit der Lautlehre).

2. Wie wir schon erwähnt haben, gibt es auch im Bereich der Wortbildung bedeutende Unterschiede zwischen den einzelnen mundartlichen Systemen. Es zeigt sich, daß sich die einzelnen Mundarten vom Standpunkt der Wortbildung aus verhältnismäßig selbständig entwickelt haben, besonders was die Bildung der einzelnen Wörter betrifft. In diesem Falle, wenn die mundartlichen Wörter nur in vereinzelten, isolierten Mundarten gebildet worden sind, handelt es sich eigentlich um eine lexikalische Differenzierung. Vom Standpunkt der Wortbildungslehre aus sind die Unterschiede zwischen den einzelnen Mundarten in der Bildung einer ganzen Reihe von Wörtern gleichen Typs von größerer Bedeutung. In diesem Falle geht es um ein wichtiges charakteristisches Zeichen des Wortbildungssystems der einzelnen Mundarten. Zwischen den einzelnen Mundarten kann auch jener Unterschied in ihren Wortbildungssystemen bestehen, daß ein bestimmtes Wortbildungselement nur in einigen, nicht in allen Mundarten der Nationalsprache produktiv vorkommt, es wurde jedoch zu einem wichtigen charakteristischen Zeichen aller Mundarten (z. B. nur für west- und mittelslowakische Mundarten sind die Benennungen der Personen nach der Eigenschaft auf -áň, Sammelnamen auf -ie, Benennungen der Tätigkeiten auf -ačka u. ä. produktiv). Solche Fälle gibt es jedoch in unseren Mundarten relativ wenig.

Die angegebenen Differenzen können in den einzelnen Mundarten verschiedene Oppositionen bilden. Vom strukturellen Standpunkt aus kann es sich um die Oppositionen der affixalen Morpheme zwischen Ableitungen mit der gleichen Bedeutung, mit einem gemeinsamen Wortstamm, aber mit unterschiedlichen affixalen Morphemen handeln (z. B. der Typ *mlatec* — *mlatník* — *mlacko...*). Die Oppositionen dieser Art kommen in unseren Mundarten am häufigsten vor, und sie sind vom Standpunkt der Wortbildungslehre die evidentesten. In anderen Fällen haben wir mit der Opposition der Grundmorpheme bei gemeinsamen affixalen Morphemen zu tun (der Typ *tlačidlo* — *pučidlo* — *dusidlo* — *dlávidlo...*). Auch diese Oppositionen kommen in den Mundarten ziemlich oft vor, sie fußen aber auf einer lexikalischen mundartlichen Differenzierung. Außerdem gibt es natürlich auch Oppositionen aller, also der affixalen und der Grundmorpheme (der Typ *bičisko* — *rukadlo* — *osádka*). Die Oppositionen dieses Typs, obwohl sie in den wortbildenden Mitteln zum Ausdruck kommen, gehören schon ganz und gar in die Lexikologie.

Vom geographischen Gesichtspunkt aus können die Wortbildungsunterschiede zwischen den einzelnen Mundarten Areal-Oppositionen bilden, wenn die einzelnen Ableitungen in größeren Siedlungsgebieten verbreitet sind, wodurch die Mundarten in größere Gruppen zusammengestellt werden. Im anderen Falle können einige Oppositionableitungen in demselben Gebiet in einer Konkurrenzstellung stehen, was gewöhnlich eine gewisse Bewegung in der Entwicklung des Wortbildungssystems widerspiegelt.

Die Gründe für die Differenzen zwischen den einzelnen Mundarten im Bereich der Wortbildung können verschiedenartig sein. Viele abgeleitete Wörter, die nur auf bestimmte Mundarten beschränkt sind, sind durch Analogiebildung zu verschiedenen Benennungen der verwandten Begriffe entstanden. In so differenzierten Benennungen kann es sich zwar auch um eine unterschiedliche Bewertung oder um eine unterschiedliche Begriffseinreichung der zu benennenden Sachverhalte in den einzelnen Mundarten handeln. Auf diese Weise konnten z. B. für „die Einrichtung zum Sitzen für den Kutscher“ die Benennungen des Typs *sedadlo* (als „Werkzeug“ zum Sitzen) — *sedisko* (als „Platz“ zum Sitzen) — *sedák* (als „Gegenstand“ zum Sitzen) entstehen. Im anderen Falle sind ähnliche Unterschiede in den mundartlichen Ableitungen für Ergebnisse der Auswahl von verschiedenen Motivationsmerkmalen zu halten, die zum Benennungsgrund derselben Sachverhalte in den einzelnen Mundarten geworden sind. Solche Unterschiede äußern sich besonders in den Grundmorphemen, wie z. B. bei dem Typ *rybár* — *šichtár*; *sušienky* — *štiepanky* u. ä.

Die angegebene unterschiedliche Stellungnahme der Benennenden zu der zu benennenden Wirklichkeit zeugt von einer großen Isoliertheit der Angehörigen der einzelnen Mundarten, die diese neue Wirklichkeit etwa in derselben Zeit gekannt haben und die sie benennen mußten. Da es zu dieser Zeit keine über den Mundarten stehende Sprache gegeben hat, haben die einzelnen Mundarten nicht selten auch eigene abgeleitete Wörter gebildet, die außer anderem auch ihre sonderbare Auffassung der realen Wirklichkeit widerspiegeln konnten.

Eine wichtige Voraussetzung für das Vorkommen der mundartlichen Differenzen ist auch die Existenz von mehreren Synonymen oder bedeutungsverwandten Morphemen (vor allem Affixen) für die einzelnen onomasiologischen Kategorien, von denen sich die einzelnen Mundarten für die Bildung der einzelnen Ableitungen nicht immer dieselben Affixe gewählt haben. Auf diese Weise sind die Reihen von tautonymen Benennungen des Typs *mlatec* — *mlacač* — *mlacek* — *mlacko* ... u. ä. entstanden.

3. In unserem Beitrag haben wir uns um eine Wortbildungscharakteristik der mundartlichen Lexik bemüht, insofern es uns die bisherigen Forschungen in diesem Bereich erlaubt haben. Kurz gefaßt sind wir zu folgenden Schlußfolgerungen gekommen:

a) Die mundartliche Lexik ist sehr stark von abgeleiteten Wörtern durchdrungen, besonders von Wörtern, die für die ländliche Bevölkerung typisch sind (d. h. sie betreffen Landwirtschaft, Volkskunde, Natur usw.) und die ein expressives Merkmal aufweisen. In diesen Gebieten waren die Mundarten bis vor kurzem wortbildend sehr aktiv, so daß die heimischen Wörter neben den Lehnwörtern einen Grundbestandteil des Wortschatzes gebildet haben. Unter dem Einfluß von verschiedenen äußeren Umständen wird die mundartliche Lexik heutzutage ausschließlich nur um aus der Schriftsprache entlehnte Wörter bereichert.

b) Unter den einzelnen Mundarten gibt es Unterschiede auch im Bereich der Wortbildung. Es sind z. B. die Unterschiede im Ausmaß ihrer wortbildenden Mittel, weil nicht alle Mundarten ein vollkommen gleiches Repertoire der wortbildenden Mittel haben. Am öftesten handelt es sich um die Unterschiede in ungleicher Verwendung von mehreren gemeinsamen Wortbildungselementen, besonders Affixen. So sind z. B. die Unterschiede zwischen den einzelnen Mundarten im Bereich der Mittel entstanden, mit deren Hilfe dieselben Wörter abgeleitet sind, oft aber kommen auch die Unterschiede in ungleicher Verwendung der einzelnen Wortbildungstypen vor.

c) Die Wortbildungsdifferenzen zwischen den einzelnen Mundarten bilden verschiedenartige Oppositionen. Vom strukturellen Gesichtspunkt aus handelt es sich um Oppositionen verschiedener Affixe bei identischen Grundwörtern und um Oppositionen verschiedener Grundmorpheme bei identischen Affixen. Vom geographischen Gesichtspunkt aus sind die Areal-Oppositionen von größter Bedeutung, besonders die in den größeren Mundartregionen.

Die Bildung von neuen Wörtern ist in den heutigen Mundarten nicht mehr produktiv. Trotzdem bilden die abgeleiteten Wörter einen wesentlichen Bestandteil der mundartlichen Lexik. Es sind nämlich die ursprünglich abgeleiteten Wörter, von denen viele allmählich mit dem Untergang der Gegenstände, die sie benennen, auch untergehen, oder die aus der Schriftsprache entlehnten Wörter, die auch in den Mundarten ihre Bedeutungsdurchsichtigkeit behalten. Solche Wörter haben die Mundarten auch in der Vergangenheit durchdrungen, aber heutzutage ist dieser Prozeß so stark, daß die Mundarten fast völlig aufgehört haben, wortbildungsaktiv zu sein. Von dieser Erscheinung ist ihre Existenz jedoch nicht bedroht, weil sie die entlehnten Wörter mindestens den wichtigsten mundartlichen Merkmalen anpassen, besonders im Bereich der Lautlehre, so daß die auf diese Weise entlehnten Wörter die heutigen Mundarten bereichern und ihnen bei ihrer weiteren Existenz helfen, weil sie es ermöglichen, auch neue Sachverhalte mundartlich zu besprechen.

**Взаимоотношение между словообразовательным
и лексическим значениями транспозиционных производных**

КЛАРА БУЗАШИОВА

Характерной чертой словообразования как особой подсистемы языка является то, что в нем диалектически объединяются на первый взгляд исключающие друг друга свойства: универсальное и неуниверсальное, регулярное и нерегулярное, продуктивное и непродуктивное, конечное и бесконечное, творческое и воспроизведимое (Кубрякова, 1975, с. 52). Регулярное и нерегулярное относится как к плану выражения (формальному), так и к плану содержания (значения). Регулярность значения производного состоит в сходстве его лексического и словообразовательного значений, напр., *dobrák* (добряк) – « тот, кто добр » (в лексическом и словообразовательном отношении); противоположное свойство, нерегулярность значения, вытекает из дивергенции обоих данных значений, из того, что лексическое значение производного слова не представляет собою сумму значений производящей основы и словообразовательного форманта, а заключает в себе нечто большее, что структурно не выражено. Напр., лексическое значение слова *vlniak* (шерстяной платок) – это « большой квадратный или прямоугольный платок, который обычно накидывают на плечи », словообразовательное же значение слова – это « нечто шерстяное, нечто из шерсти » (носитель свойства). На необходимость исследования взаимоотношения между лексическим и словообразовательным значениями указывает в последнее время целый ряд исследователей. Так Ласковски утверждает, что каждая теория словообразования, претендующая на адекватность описания, должна учитывать двоякий характер словообразовательных явлений: их регулярность (грамматичность) и их неповторимость, единичность (лексический характер). Производные слова (в терминологии у Ласковского « сложные морфологические структуры ») должны отвечать определенным деривационным правилам, позволяющим предвидеть регулярные, структурные значения производных слов ; одновременно необходимо дать информацию о нерегулярных чертах производных лексем (Laskowski, 1977). Дополнительные семантические элементы, приводящие к тому, что мотивированное слово становится нерегулярным (идиоматичным), и другие явления, могущие

стать источником идиоматичности, изучает в своей монографии о словообразовательной семантике в русском языке Улуханов (1977). Для тематики настоящей статьи большой интерес представляют работы Докулила (1978) и Ермаковой (1975), посвященные проблеме взаимоотношения словообразовательного и лексического значений разных типов производных слов. Такую нерегулярность значения, при которой лексическое значение производного слова, как правило, не состоит только из значений его составных частей, Ермакова называет фразеологичностью, идиоматичностью; фразеологичность семантики производного слова она считает одним из существенных свойств производных слов. При этом она одновременно подчеркивает тот факт, что производные слова не в одинаковой мере обнаруживают склонность к идиоматичности или фразеологичности. Никогда не бывают идиоматичными производные слова, относящиеся к области модификационных образований и синтаксической деривации, напр.: домик, волчиха, глупость, книжный. Мера идиоматичности других типов производных слов зависит преимущественно от их принадлежности к той или иной части речи, причем большее сходство между лексическим и словообразовательным значениями наблюдается у глаголов и имен прилагательных, меньшее – у имен существительных. Что касается существительных, то большим сходством лексического и словообразовательного значений отличаются производные слова словообразовательной категории имен производителя действия, т. е. названия живых существ (в результате чего они лишены идиоматичности); большей мерой идиоматичности характеризуются названия предметов. На степень идиоматичности производных слов влияет и принадлежность мотивирующих слов к той или иной части речи (Ермакова, 1975). Результаты исследования, полученные Докулилом при анализе взаимоотношений между словообразовательным и лексическим значениями мотивированных слов, во многом совпадают с выводами Ермаковой. Уже в своей известной монографии, посвященной теории словообразования (1962), Докуликонстатирует полную идентичность лексического и словообразовательного значений у имен действий (-ba, -ka), имен свойств (-ost) и состояний (-ství) в том случае, если они сохраняют отвлеченные значения действия и свойства. Склонность данных имен к лексикализации связана, по мнению автора, с их конкретизацией (Dokulil, 1962, с. 97). В своей последней работе Докулик приходит к выводу, что ономасиологические структуры модификационного и транспозиционного типов, и в первую очередь имена свойств и действий принципиально выделяются сходством словообразовательных и лексических значений: „напр. *hoření* = *předmětně pojatý děj vyjadřovaný jakožto příznak substance slovesem hořet, plynulost* = *vlastnost plynulého, předmětně pojatá vlastnost vyjadřovaná jakožto příznak substance adjektivem plynulý*“ (Dokulil, 1978, с. 248). Целый ряд факторов, приводимых

Докулилом в качестве релевантных для степени сходства или несходства словообразовательного и лексического значений производных слов, совпадает с факторами, приводимыми Ермаковой: принадлежность производного слова к той или иной части речи, одушевленность/неодушевленность называемых субстанций, принадлежность мотивирующего слова к той или иной части речи. Докулик приводит и другие существенные факторы, обуславливающие степень спецификации (а значит, и идиоматизации) лексических значений по отношению к соответствующим словообразовательным значениям: эксплицитность или имплицитность выражения компонентов значения в структуре слова, напр., эксплицитность имен производителя действия по сравнению с имплицитностью имен носителя активного воздействия на предмет (*konatelská jména*) ; в имплицитных типах (напр., субстантивная основа + *ář*) лексические значения богаче словообразовательных. Важным фактором, воздействие которого мы будем учитывать в дальнейших частях настоящей статьи, является неединственность или множественность словообразовательной структуры слова. В упомянутой выше статье Докулик более подробно объяснил и проиллюстрировал три вида отношений: отношение эквивалентности, инклузии и пересечения [эти три вида отношений, которые возникают между лексическим и словообразовательным (структурным) значениями мотивированных слов, определил Немец (1968)]. Данные отношения представляют собою три степени важности, с которой структурное значение принимает участие в конституировании лексического значения слова: в случае эквивалентности оба значения совпадают, лексическое значение выражается непосредственно структурным значением ; в случае инклузии лексическое значение содержится в структурном значении ; для выражения лексического значения структурное значение необходимо ограничить следующим элементом значения ; в случае пересечения обоих значений, т.е. в таком случае, когда лексическое значение сохраняет только некоторые элементы структурного значения, а другие становятся лишними, структурное значение дает только этимологическую информацию (ср. Němec, 1968, с. 21.; Dokulil, 1978, с. 244).

В настоящей статье мы более подробно проанализируем взаимоотношение между словообразовательным и лексическим значением названий свойств, образованных при помощи форманта *-ost*, и названий состояний, свойств и деятельности, образованных при помощи форманта *-stvo*, т. е. таких производных слов, которые на основе различия модификационных, транспозиционных и мутационных производных (по Докулилу) относятся к транспозиционным производным и для которых, как правило, имеет силу сходство лексического и словообразовательного значений в той мере, в какой они сохраняют свое отвлеченное значение. Для нас представляют интерес отвлеченные значения, причем мы не учитываем однозначных вторичных значений,

возникающих путем конкретизации, как, напр., названия *sladkostí* (сладости) со значением «кондитерские изделия», *krajčírstvo* (швейная мастерская), *predsedníctvo* (со значением «председатель и члены комитета») и др.

В настоящей статье мы попытаемся на примере отвлеченных существительных, образованных при помощи форманта *-osť*, *-stvo*, показать возможный источник противоречия, которое может возникнуть при оценке их лексического и словообразовательного значения. С одной стороны, эти отвлеченные существительные можно рассматривать как транспозиционные производные, для которых действительно сходство реальных лексических значений с их словообразовательным значением. С другой стороны, необходимо осознать, что большинству из них присуща множественность словообразовательной структуры слова, осложняющая отношение между словообразовательным и лексическим значениями, и что для многих отвлеченных существительных с формантами *-stvo* основной или единственной мотивацией является мотивированность субстантивом; это отсубстантивные существительные, которые обладают определенными компонентами значения лишь имплицитно, а это может значить, что их лексические значения богаче, более специфичны, чем их словообразовательные значения. И, наконец, целый ряд отвлеченных существительных с формантами *-osť* и *-stvo* мотивирован относительными прилагательными, а это также может негативно влиять на сходство лексических и словообразовательных значений. Тезису о неидиоматичности транспозиционных производных существительных можно противопоставить тезис Ермаковой о существительных, образованных от прилагательных: относительные прилагательные, в отличие от качественных прилагательных, всегда порождают слова с идиоматичной семантикой. Напр., в то время как лексические значения таких слов, как, напр., хитрец, толстяк являются суммой значений формально выраженных частей, значения признака и значения носителя признака: хитрец – « тот, кто хитер », ср. словацкое *dobrák* – « тот, кто добр », лексическое значение таких слов, как, напр., газовик, торфяник – это « специалист по торфу », ср. аналогичный словацкий пример *záložník* — „člen zálohy“ (полузаштитник – « член полузаштиты »). Это связано с тем, что относительные прилагательные не способны к самостоятельной семантической мотивации, они обычно уступают ее своему производящему. Характер мотивации в таких случаях не отличается от мотивации непосредственно существительным (Ермакова, 1975, с. 60). Аналогичные случаи мотивированности относительными прилагательными наблюдаются не только у конкретных существительных, какими являются приводимые Ермаковой названия лиц, но и у существительных с отвлеченным значением. Несмотря на правильный в принципе тезис, что возможность субстантивации относительных прилагательных всегда свидетельствует о том, что своим значением прилагательное более тесно связано

с качественным прилагательным и что те прилагательные, которые не приобрели качественное значение, как правило, не подвергаются транспозиции в отвлеченное существительное с формантами *-osť* (Dokulil 1962, с. 44), существуют производные существительные с формантами *-osť*, которые мотивированы относительными прилагательными. Однако их нельзя рассматривать как производные существительные транспозиционного типа. В этот разряд мы предлагаем включить производные существительные типа *nehodovosť*, *úgazovosť*, *chorobnosť* (аварийность, заболеваемость), словообразовательное (структурное) значение которых объяснил Горецки (1973). Горецки констатирует, что эти производные существительные имеют значение «число аварий, число заболеваний ...», значение и признак количества, а не значение (и признак) качества. В лексическом значении здесь ни в коей мере не проявляется мотивированность относительным прилагательным *chorobný* (болезненный) и потенциальным прилагательным *nehodový* (аварийный), поэтому автор в таких случаях говорит о пустых адъективных морфемах *-n-*, *-ov-*, об инфиксах. По отношению к существительному с абстрактным значением *chorobnosť* автор констатирует два словообразовательных (структурных) значения: *chorobnosť* в значении «свойство, вид больного» – это семантически и формально существительное, образованное от прилагательного, то же слово в значении «число заболеваний» автор рассматривает как отсубстантивное существительное. Если к существительному типа *chorobnosť* (в значении число заболеваний) мы применим введенное Ермаковой понятие расщепления структурной и семантической мотивации, то будем иметь дело со структурной мотивированностью относительным прилагательным и семантической мотивированностью существительным; мотивированность относительным прилагательным отличается тем, что семантическую мотивацию она уступает своему производящему, т. е. существительному : *choroba* (болезнь). (О понятии расщепления структурной и семантической мотивации см. Земскую, 1965, Ермакову, 1972 а, б, ср. и Buzássyová, 1980). С точки зрения рассматриваемой нами проблемы отвлеченное существительное *chorobnosť* в значении «свойство, вид больного» представляет собой транспозиционное производное существительное с неидиоматичным, регулярным словообразовательным значением, которое тождественно лексическому значению слова ; производное существительное *chorobnosť* в значении «число заболеваний» является мутационным производным существительным, а не транспозиционным, поэтому необходимо определить, идет ли в данном случае речь о сходстве словообразовательного и лексического значений или об его отсутствии. Горецки в своей работе прямо не говорит о взаимоотношении словообразовательного и лексического значений, но из его выводов вытекает, что производные существительные *chorobnosť*, *nehodovosť*... он рассматривает как особый словообразо-

вательный тип с одинаковым лексическим и словообразовательным значениями. Прежде чем высказать свое мнение по поводу точки зрения Горецкого, обратим внимание еще на некоторые другие случаи.

Отвлеченное существительное *hudobnosť* (музыкальность) является транспозиционным производным с бесспорной идентичностью словообразовательного и лексического значений («свойство чего-нибудь музыкального») в том случае, когда мотивирующим его словом является прилагательное *hudobný* (музыкальный) в качественном значении. Словарь словацкого языка (*Slovník slovenského jazyka*, I, с.536). толкует это значение как «имеющий характер музыки, мелодичный», напр., *hudobný verš* — *hudobnosť (melodickosť) verša* [музыкальный стих — музыкальность (мелодичность) стиха]. Идентично по выражению производное *hudobnosť* в значении «отношение к музыке, чувство музыки», которое можно иллюстрировать контекстом: *Rozhodujúca úloha kritickej obce spočíva práve v sústavnej a systematickej výchove mäs k hudobnosti* (из газеты) не является транспозиционным производным. Относительное прилагательное *hudobný* не имеет самостоятельного значения, оно уступает мотивацию слову, от которого оно образовано, т. е. существительному *hudba* (музыка).

Существуют и другие отвлеченные существительные с двузначной словообразовательной структурой слова и двумя лексическими и словообразовательными значениями, одним — транспозиционным, другим — нетранспозиционным. Отвлеченное существительное *odbornosť* (профессиональный характер) является транспозиционным производным со сходными словообразовательным и лексическим значениями («свойство чего-нибудь специального, профессиональный характер») в том случае, когда оно мотивировано прилагательным *odborný* (специальный) в качественном значении, при наличии которого можно выразить степень, меру свойства, напр.: *ten text je veľmi (vysoko) odborný* — *ten text sa vyznačuje vysokou odbornosťou* (этот текст отличается высоким профессионализмом). И наоборот, идентичное по выражению производное *odbornosť*, структурно мотивированное относительным прилагательным *odbor* (= касающийся специальности, имеющий отношение к специальности) отличается тем, что семантическая мотивация переносится на существительное *odbor* (специальность) как на основу предыдущей деривации. Обратим внимание на контекст: *XY má odbornosť kuchár. Veľmi výkonne upravené stoly signalizujú, že desiaty ročník súťaže v odbornosti kuchár, čašník, cukrár je v plnom prúde* (из газеты). Отвлеченное существительное *odbornosť* имеет значение «вид специальности», вид того, что названо производящим словом. Признак «вид» (*druh*), в форме единственного числа структурно не выраженный дополнительный компонент, во множественном числе имеет свое структурное выражение как составная часть форманта, в который включается и флексия множественного числа. Речь здесь идет о «видовом» множес-

твенном числе (*druhový plurál*) — и тот факт, что отвлеченное существительное *odbornosť* в этом значении может образовывать множественное число, сигнализирует о наличии особого структурного, другими словами, словообразовательного, а не только лексического значения, не сходного со значением отвлеченного существительного *odbornosť*¹ (в значении свойство чего-нибудь профессионального), которое не образует формы множественного числа. Отвлеченные существительные типа *chorobnosť* (заболеваемость) в значении «число заболеваний», *odbornosť* (специальность) в значении «вид специальности», *sledovanosť*, *reprízovanosť* «мера следования программ», «мера вторых показов», *hudobnosť* (музыкальность) в значении «отношение к музыке» выделяются на фоне регулярных неидиоматичных названий свойств как случаи несходства, а конкретнее — как случаи пересечения лексического и словообразовательного значений. Но возможно и другое решение проблемы: считать особым словообразовательным значением определяющее реляционного свойства («свойство, проявляющееся по отношению к тому, что называет существительное, являющееся основой относительного прилагательного») или, если не признавать расщепление структурной и семантической мотивации, то данные производные существительные, можно рассматривать как существительные, образованные от существительных при помощи перинтегрированного форманта *-nosť* или же (тип *náhodovosť*) форманта *-ovosť* как варианта форманта *-ost*. Словообразовательное значение и в таком случае не очень отличалось бы, оставалось бы «отношение к тому, что называет производящее существительное». Такое довольно широкое словообразовательное значение могло бы быть сужено в лексическом значении, уточнено такими компонентами, как количество, мера, вид и др. При таком понимании речь шла бы об отношении инклузии между лексическим и словообразовательным значениями; отдельные лексические значения включались бы в определенное таким образом словообразовательное значение. О том, что у носителей языка существует потенциальное чутье опредмеченного реляционного свойства, свидетельствует окказионализм *náhodovosť* в значении «отношение, любовь к народу»: *Nekládli (revoluční demokrati) na prvé miesto reakčne pochopene náhodovosť, ale sociálnu spravodlivosť* (D. Hajko). Возникновение этого производного объясняется тем, что автор хотел избежать нежелаемой омонимии со словом *národnosť* (национальность). В случае слова *národnosť* в значении «принадлежность к национальности», «национальное меньшинство в государстве» речь идет о производном, которое стало полностью лексикали-

¹ Семантический компонент «вида» (*druhu*) в отвлеченных существительных с формантами *-ost* проявился как уникальный признак слова *odbornosť*; чаще всего он встречается в именах действия, образующих «видовое» множественное число (*druhový plurál*), синонимичное конструкциям в единственном числе, как об этом пишет Я. Пузынина (1969, с. 108). Ср. *Existujú rôzne výchovy. Výchova býva rôzna*.

зованным, идиоматичным, именно поэтому в Словаре словацкого языка оно рассматривается как омоним к названию отвлеченного свойства, образованному от относительного прилагательного *národný* (национальный), которое приобрело качественное значение, т. е. как омоним к названию *národnosť* (национальность) в значении «национальный характер чего-нибудь» : *národnosť umeleckého diela* (национальный характер художественного произведения). Окказионализмом *národovosť*, так как он образован от вне всяких сомнений относительного, хотя также случайно образованного прилагательного *národový*, значение «отношение к национальности», определяющее значение отвлеченного свойства выражается однозначно.

Многозначную словообразовательную структуру имеют и отвлеченные существительные *obraznosť* и *farebnosť* (образность, красочность). Одним из своих значений они принадлежат неидиоматичным, регулярным производным, представляющим транспозицию качественного свойства. От качественного прилагательного, *obrazný* = *prenesený, metaforický* (образный = переносный, метафорический) образовано отвлеченное существительное *obraznosť* (*obrazný ráz niečoho, metaforickosť*) : *obrazná reč, obrazné vyjadrovanie — obraznosť reči, obraznosť vyjadrovania* (образность – образный характер чего-нибудь, метафоричность, образность речи, образность выражения); таким же образом от качественного прилагательного *farebný* (= *živý, výtazný*) [красочный (= живой, выразительный)] образовано отвлеченное существительное *farebnosť* (красочность) : *farebný opis — farebnosť opisu* (красочное описание – красочность описания). Другое значение этих отвлеченных существительных структурно мотивировано соответствующими относительными прилагательными, семантически же они мотивированы только посредством существительных *obraz, farba* (образ, краска), т. е. посредством слов, являющихся основой предыдущей деривации. Отвлеченное существительное *obraznosť* имеет значение «способность создавать образы», воображение, фантазия, напр., *výtvor obraznosti* (продукт воображения); отвлеченное существительное *farebnosť* имеет значение «способ использования красок», ср. (*H. Matisse*) *sa stretol so starým, byzantským a ruským umením, ktoré ovplyvnilo jeho farebnosť* (из газеты); идиоматичность в данном случае достигается при помощи имплицитного компонента действия, который может наличествовать и в некоторых других относительных прилагательных и образованных от них отвлеченных существительных с суффиксом *-osť*. В публицистическом стиле речи (рецензии на художественную литературу) встречаются отвлеченные существительные *pásmovosť, montážnosť* не в значении «свойство чего-нибудь зонального, монтажного», а в значении «способность к образованию зон ...», ср., напр.: *A odmyslieť a nevyzdvihnuť sa nedá ani to, že formotvorná hybridnosť tohto rozprávania, ku ktorej autor privázuje svoju vrodenú pásmovosť a montážnosť...* (P. Števček).

Значение этих отвлеченных существительных обусловлено семантическим свойством относительных прилагательных, на что обратила внимание Ермакова (1972): относительное прилагательное не всегда прямо выражает отношение к предмету, названному в производящей основе, а лишь опосредованым образом, посредством действий, направленных на этот предмет. Несмотря на то что Ермакова приводит в качестве примера также прилагательные, от которых не образуются отвлеченные существительные с формантами *-osť*, напр., инженерный, обувной, нам кажется, что Ермакова отметила более общее свойство, которое может проявиться в значении производных относительных прилагательных и в отвлеченных существительных с формантами *-osť*. В таких отвлеченных существительных, как *pásmovosť, montážnosť*, значение «способность к образованию зон ...» – это их единственное структурное (словообразовательное) значение, одновременно являющееся и значением лексическим.

Улуханов (1977) считает суффикс *-osť* неинвариантным, т. е., в его понимании, однозначным, но одновременно отмечает, что этот неинвариантный суффикс может выступать в идиоматичных и неидиоматичных словах (напр., «смелость» – неидиоматичное слово, «красивость» – идиоматичное, так как, в отличие от первого слова, выражает отрицательно характеризующее качество).

Несмотря на то что отвлеченные существительные, образованные при помощи форманта *-stvo*, абстрагированы от вторичных конкретных значений, они оказываются многозначными: выражают свойство (*dobráctvo* – добра), состояние (*vdovstvo* – вдовство) и различного рода деятельность (*donášačstvo, tesárstvo, klamstvo* – доносительство, плотничество, обман). Мы учитываем и тот факт, что признание признака действия и деятельности возможно только тогда, когда одновременно за теми же производными и признается признак неактуальности и непротекания действия. У этих существительных часто отсутствует однозначность словообразовательной структуры слова, т. е. имеет место возможность двойного членения, а значит, и возможность нескольких мотиваций, их множественность.² Напр., производное существительное *podvodníctvo* (мошенничество) может быть мотивировано существительным *podvodník* (мошенник) и глаголом *podvádzať* (мошенничать), производное сущес-

² Отсутствие однозначности в словообразовательной структуре слова – возможность двойного членения – в советской дериватологии обозначается термином множественность словообразовательной структуры слова, множественность мотиваций; В. Стракова (1973) считает более адекватным термин «симвултанный анализ», так как в нем отражен того факт, что речь идет о лингвистической интерпретации языковых фактов. В польской литературе для этого явления употребляется термин *wielomotywacyjność*. Так как в словацком языкознании пока нет подходящего термина, мы предлагаем для этого понятия термин *polymotivačnosť*, которым и будем пользоваться в качестве условного (рабочего) термина.

твительное *hrdinstvo* (героизм) – существительным *hrdina* (герой) и прилагательным *hrdinsky* (героический). У отвлеченных существительных, образованных при помощи форманта *-stvo*, имеет место и расщепление структурной и семантической мотивации, напр., производное существительное *otcovstvo* (отцовство) в значении состояния («состояние того, кто является отцом») структурно мотивировано относительным прилагательным *otcovský* (отцовский), семантически – существительным *otec* (отец). Все это приводит к тому, что может возникнуть по поводу того спор, представляют ли данные значения лексические дивергенции (семантические группы) на фоне одного структурного (словообразовательного) значения состояния (бытие кем) или одного значения свойства, или же речь идет о нескольких словообразовательных значениях, которым соответствуют идентичные, а также и неидентичные лексические значения. Напр., в работах Горецкого (1959, 1971) все отвлеченные существительные с суффиксом *-stvo* (кроме собирательных), все названия родов деятельности, занятий приводятся в разделе имен, называющих свойство. В последних работах автор уже приписывает некоторым из этих отвлеченных существительных признак свойства с отрицательным значением (*-qual*), (ср. Ногеку, 1979, 1978). Одновременно возникает вопрос, какие из этих производных существительных относятся и какие не относятся к транспозиционному типу словообразования.

Нам кажется, что решению этих проблем может значительно помочь такое новое понимание (по сравнению с взглядами М. Докулила и других исследователей) транспозиционной, модификационной и мутационной деривации, какое предлагает польский лингвист Пузынина (1978). Это понимание нашло свое отражение в ее монографии (в соавторстве с Р. Гжегорчиковой), посвященной образованию слов в современном польском языке (Grzegorczykowa — Puzynina, 1979). В настоящей статье мы не можем остановиться на всех отклонениях от известного докулиловского понимания проблематики. Для нас здесь важно то, как авторы понимают транспозицию и транспозиционные производные. Транспозиционная функция форманта заключается в переходе производного в другую часть речи (по сравнению с производящей основой); транспозиционные производные являются производными с формантами, функция которых всегда транспозиционная, т. е. вызывает изменения в принадлежности к части речи производного (по сравнению с его производящим), но не вызывает изменения значения производящей основы. Производные, форманты которых вносят изменения в значение производящей основы, являются лексическими – это общее название модификационных и мутационных производных (Puzynina, 1978). В монографии, изданной в 1979 г., определение транспозиционных производных сформулировано следующим образом: это мотивированные выражения, в которых формант выполняет функцию преобразователя синтаксического значения, без изменения лексического значения. Авторы учитыва-

ют при этом отношения между производными и их производящими, понимаемыми как лексемы в своих первичных синтаксических функциях. Напр., существительное *belferka* «выполнение обязанностей белфера» (белфер – учитель на студенческом жаргоне) рассматривается как мутационное производное, так как изменилось его значение по отношению к производящей основе в первичной синтаксической функции. Существительное *podlosť* (подлость) в значении «что-нибудь подлое, подлый поступок» считается также мутационным производным, так как значение производного по отношению к значению основы изменилось. (К производным типа *podlosť* в значении «подлый поступок» мы еще вернемся.) Важно то, что синтаксическая транспозиция, наряду с транспозицией части речи по отношению к производящей основе, может быть сопутствующим явлением в модификационных и мутационных производных. Важным считаем также и то, что Я. Пузынина в рамках мутационных производных, наряду с собственными мутационными производными, выделяет особый, так называемый отрицательно-мутационный (чejem-po-mutacyjnemu) подтип, в который включает некоторые производные с формантом *-stvo*. В этот подтип Пузынина включает производные, в которых формант превращает название «субъекта» (носителя) свойства или деятельности в название самого свойства или деятельности, напр. *donosicielstwo* ← *donosiciel* (доносительство-доносчик), *belferka* ← *belfer* (см. выше), *twarzyszyć* → *twarzysz* (быть собеседником – собеседник); в качестве аналогичного словацкого примера могут служить слова *učiteľovať* ← *učiteľ* (учительствовать – учитель). Это как-будто отрицательная функция форманта, которая, однако, при этом всегда связана с синтаксической транспозицией. Нам кажется, что этот тип мутации можно понимать как обратную деривацию, но в семантическом смысле. По мнению Пузыниной и Гжегорчиковой (1979), большинство производных с формантом *-stvo* представляет собой мутационные производные, транспозиция и модификация встречаются реже. Среди мутационных производных преобладают так называемые *nominę essendi*, т. е. названия свойств, должностей, профессий, учреждений, видов спорта по лицу, называемому производящей основой. С точки зрения мотивации превалируют отсубстантивные существительные; адъективные и глагольные основы чаще всего встречаются у существительных с множественной мотивацией. Работа, на которую мы ссылаемся, не ставит своей целью исследование отношений между лексическим и словообразовательным значениями, но она помогает решению этой проблемы. Значение «*nomen essendi*», т. е. «бытие тем, кого называет производящее существительное», можно считать общим (структурным) словообразовательным значением, с которым лексические значения отсубстантивных производных находятся в отношении инклузии. Однако можно предполагать и существование значения свойства и действия (т. е. состояния и деятельности) как частных словообразовательных значений, сходных с со-

ответствующими лексическими значениями, так как лексические значения производных, образованных при помощи форманта *-stvo*, в определенной степени можно предвидеть на основе словообразовательного и лексического значений производящей основы существительных. Напр., если производящая основа называет лицо по профессии *zvárač* (сварщик), то производное существительное *zváračstvo* (сварное дело) имеет значение соответствующего рода деятельности, занятия или профессии. Если производящая основа называет производителя действия или носителя активного воздействия на предмет со значением спортсмена: *plavec, kajakár* (пловец, байдарочник), то производные существительные *plavectvo, kajakárstvo* (плавание как вид спорта, байдарочный спорт) имеют значение рода деятельности как соответствующего вида спорта. Если производящей основой является существительное со значением носителя свойства *dobrák, zákerník* (добряк, подлец), производные существительные *dobráctvo, zákerníctvo* (доброта, подлость) имеют значение соответствующего свойства. Если производящей основой является существительное со значением определенного родственного отношения или социального положения: *vdova, otrok, nevoľník* (вдова, раб, крепостной), то производные *vdovstvo, otroctvo, nevoľníctvo* (вдовство, рабство, крепостничество) имеют значение состояния. Предсказуемость лексического значения такого рода отвлеченных существительных зависит от мотивированной прозрачности производящей основы существительных. Как мы отмечали в другой статье (Buzássyová, 1980), несомненное значение свойства имеют производные существительные типа *čudáctvo, dobráctvo* (чудчество, доброта), образованные от существительных *čudák, dobrák* (чудак, добряк). С другой стороны, несомненное значение деятельности (рода человеческих занятий) имеют производные существительные типа *zberateľstvo, tesárstvo, stolárstvo* (коллекционерство, плотничество, столярничество), производящей основой которых являются названия производителя действия *zberateľ, tesár* (коллекционер, плотник) или носителя активного воздействия на предмет *stolár* (столяр). Все вышеупомянутые производные представляют собой производные, структурно и семантически мотивированные существительными. Возможная альтернативная мотивированность прилагательным *zberateľský* (коллекционерский) – *zberateľstvo* – *zberateľská činnosť* (коллекционерство – коллекционерская деятельность), точно так же, как альтернативная мотивированность прилагательным *dobrác-ky* (добрый) – *dobráctvo, vlastnosť dobrého človeka* (доброта, свойство доброго человека), не оказывает, собственно говоря, влияния ни на значение деятельности, которое имеет производное *zberateľstvo*, ни на значение свойства, которое имеет производное *dobráctvo*, так как в обоих случаях альтернативной мотивации речь шла о мотивированности относительными прилагательными, которые уступают семантическую мотивацию мотивирующему их слову, т.

е. существительному *zberateľ* (коллекционер) или *dobrák* (добряк). Именно поэтому у производных существительных типа *dobráctvo, zberateľstvo* и нет необходимости в предположении наличия мотивированности адъективом.

В случае производных существительных, мотивированных прилагательными, как и в случае отвлеченных существительных с формантами *-ost*, для выделения значения качества, состояния и деятельности, а также для выделения транспозиционных и мутационных случаев деривации можно использовать разницу между качественными и относительными прилагательными (по форме они часто совпадают). Напр., хотя «Словарь словацкого языка» у производного существительного *otcovstvo* (отцовство) регистрирует лишь одно значение состояния (отцовство = состояние того, кто является отцом), мы видим здесь два словообразовательных и лексических значения: значение состояния и значение свойства. Производное существительное *otcovstvo* в значении состояния, которое можно проиллюстрировать, напр., сочетаниями *zisťovanie otcovstva, uznanie otcovstva* (установливание отцовства, признание отцовства), структурно мотивировано относительным прилагательным *otcovský* (отцовский), семантически – существительным *otec* (отец) – здесь мы сталкиваемся с расщеплением структурной и семантической мотивации. Производное существительное *otcovstvo* в этом значении – мутационное производное. Но оно имеет, однако, и значение свойства, мотивированное качественным прилагательным свойства (отцовский = имеющий качества отца, заботливый, ласковый). Значение свойства иллюстрирует, напр., сочетание *výchova k otcovstvu a rodičovstvu* (воспитание отцовства и материнства). При наличии значения свойства у производного существительного *otcovstvo* мы имеем дело с транспозиционным производным, так как лексическое значение производящей основы при деривации *otcovský* – *otcovstvo* не меняется, меняется только принадлежность существительного к части речи по отношению к его производящей основе.

Особого внимания с точки зрения словообразовательного и лексического значения заслуживают отвлеченные существительные, образованные при помощи форманта *-stvo*, не мотивированные существительными со значением лица (*nomina agentis*, имени носителя активного воздействия на предмет или носителя свойства). В эту группу входят названия разных видов деятельности, как, напр., *odevníctvo* (швейная промышленность) = промышленное производство одежды, *archívničstvo* (архивное дело) = забота от архивах, *výstavníctvo* (выставочное дело) = организация выставок. Эти существительные можно считать мутационными производными, отсубстантивными существительными, образованными непосредственно от существительных *odev, výstava, archív* (одежда, выставка, архив) при помощи перинтегрированного форманта *-pís-tvo*. Здесь мы имеем дело с имплицитным выражением деятельности (призна-

ка действия), этим и обусловлена меньшая (чем у производных существительных со словообразовательным значением «быть тем, что называет производящая существительного основа») степень сходства между словообразовательным и лексическим значениями. В качестве примера мы приведем названия, у которых не отмечены дериваты со значением производителя действия или носителя активного воздействия на предмет (**odevník*, **výstavník*). Не всегда такие названия видов деятельности, как, напр., *hutníctvo*, *baníctvo* (металлургия, горное дело), мотивированы существительными со значением лица, выступающего в качестве производителя действия, если даже и имеются соответствующие названия лиц (*hutník*, *baník* – металлург, шахтер). Гжегорчика и Пузынина (1979) правильно указывают на то, что существует нечеткая граница между названиями профессий, которые выполняются лицами, названными в производящей основе, и между более широко понимаемыми видами деятельности, напр., польское *górnictwo*, *rolnictwo*, *szkolnictwo*, где уже вряд ли можно говорить о мотивации названием лица. Для производных существительных такого рода, по мнению авторов, характерно соединение значения деятельности со значением лица, производящего деятельность, и предметов, по-разному связанных с этим видом деятельности. При таком понимании лексическое значение рассматриваемых производных было бы шире словообразовательного значения. Здесь можно, однако, поставить вопрос, не следует ли так широко понимать словообразовательное значение таких производных.

Мы коснемся еще и вопроса стилистической маркированности, обратим внимание на признак пейоративности в названиях типа *pedantstvo*, *leňošstvo*, *literártvo*, *autoritárstvo* (педантство, леность, литераторство, безапелляционность). До сих пор в словацкой литературе по словообразованию отмечался скорее понятийный, нейтральный характер производных существительных с формантом *-stvo*, что применимо к отвлеченным существительным со значением вида деятельности, в отличие от стилистически маркированных названий с тем же значением, но с формантом *-čina*, ср. противопоставление *murártvo* — *murárcína* (ремесло каменщика), которое М. Марснова правильно квалифицирует как противопоставление немаркированной литературной формы с формантом *-stvo* и маркированной формы с суффиксом *-čina/-ina* (Marsinová, 1970, s. 156). Производные с формантом *-stvo*, со значением свойства выступают, наоборот, как стилистически маркированные по отношению к стилистически нейтральным названиям свойств с формантом *-osť*. Ср. цепочки дериваций: *lenívý* — *lenivosť* (ленивый — ленивость); *slabý* — *slabosť* (слабый — слабость), *pedantný* — *pedantnosť* (педантный — педантность), *literárny* — *literárnosť* (литературный — литературность), *autoritátny* — *autoritátnosť* (авторитетный — авторитетность), с одной стороны, и (*lenívý*) — *leňoch* — *leňošstvo* (ленивый — лентяй — леность), (*slabý*) — *slaboch* — *slabošstvo* (слабый — слабоволный человек — слабоволие), (*pedantný*) — *pedant* —

pedantstvo (педантный — педант — педантство), *literát* — *literártvo* (литератор — литераторство), (*autorita*) — *autoritár* — *autoritárstvo* (авторитет — безапелляционный человек — безапелляционность), с другой стороны. В парах *leňošstvo* — *lenivosť*, *slabošstvo* — *slabosť*, *pedantstvo* — *pedantnosť*, *literártvo* — *literárnosť*, *autoritárstvo* — *autoritátnosť* все производные с формантом *-stvo* по сравнению с производными с формантами *-osť* оказываются выразителями соответствующего свойства в более высокой степени и одновременно субъективно отрицательно расцениваемого (напр., *pedantstvo* — это излишняя педантичность, *autoritárstvo* — неуместная авторитетность, ср. толкование: чересмерное подчеркивание собственного авторитета). Признак экспрессивности (пейоративности) у этих отвлеченных существительных является не составной частью форманта, а составной частью значения мотивирующей основы, но структурно он выражен только в тех производных, производящая основа которых содержит существительное с экспрессивным формантом, т. е. в производных *leňošstvo* (leňoch), *slabošstvo* (— slaboch), но ни в коем случае в производных *pedantstvo*, *literártvo*, *autoritárstvo*. Признак экспрессивности в таком случае следует считать имплицитным, дополнительным семантическим компонентом; речь идет об экспрессивности лексической. На экспрессивную маркированность (большую пейоративность) названий свойств с формантами *-stvo* по сравнению с соответствующими названиями с формантами *-osť* (польск. *slama-zarstwo* — *slamazarnosć*) и на тот факт, что речь здесь не идет о пейоративности как о самостоятельной функции форманта, обращают внимание и Гжегорчика — Пузынина (1979, с. 300).

Рассмотренные выше производные типа *pedantstvo*, *leňošstvo* можно, следуя Я. Пузынине, включить в отрицательно-мутационный тип (носитель свойства превращается здесь в само свойство), а их значение свойства считать одновременно и словообразовательным и лексическим. Колебание в их отнесении к транспозиционному или мутационному типу деривации может, по нашему мнению, возникнуть у таких, также стилистически маркированных, производных, у которых нельзя по семантическим причинам предполагать мотивацию существительным со значением лица (имени носителя активного воздействия на предмет или носителя свойства), а также в тех случаях, когда существительное со значением лица — носителя свойства в тексте не встречается и, наконец, тогда, когда по значению отвлеченному существительному с формантами *-stvo* ближе прилагательное с формантами *-ský*. В упоминаемой выше нашей статье о расщеплении структурной и семантической мотивации мы рассматриваем производное *siláctvo* с пейоративным значением «неестественная, чрезмерная демонстрация силы» как транспозиционное производное, образованное от качественного прилагательного *silácky* (не убеждающий силой); мы не учтываем при этом мотивированность существительным *silák* (силач, эксп. очень сильный человек), потому что это существительное не имеет пейоративного

значения. Подобное отношение наблюдается и у производного существительного *odborníctvo* (излишний профессионализм), пейорат. одностороняя специализация, пейоративное значение имеет и прилагательное *odbornícky* (слишком профессиональный), но существительное *odborník* (специалист) представляет собой нейтральное название. Если производные существительные типа *siláctvo*, *odborníctvo* образуются прямо от прилагательных *silácky*, *odbornícky*, то они являются транспозиционными производными. Но их можно рассматривать и как производные от существительных *silák*, *odborník* при условии, что в процессе деривации нейтральное значение основы превращается в маркированное пейоративное (при описании деривации с помощью семантических признаков существительным *silák*, *odborník* необходимо было бы сначала приписать признак пейоративности). Потом можно было бы, однако, говорить о мутационных производных.

Наконец коснемся и проблемы транспозиционного или мутационного характера деривации и отношений между словообразовательным и лексическим значениями у еще одного типа отвлеченных существительных, образованных при помощи формантов *-ost'* и *-stvo*. Речь идет о типе *hlúpost'/hlúposti* (глупость, глупости), в значении «что-нибудь глупое; глупый поступок» и о типе *darebáctvo/darebáctva* (мерзость, мерзости) в значении «подлый поступок». По мнению М. Докулила, отвлеченные существительные в этом значении можно рассматривать как носителей свойства, причем носителем является не субстанция, предмет в собственном смысле слова, а понимаемые как опредмеченные общий признак, действие, или подчиненное понятие деятельности. (Dokulil, 1962, с. 46; *Tvoření slov v češtině* II. с. 399). Автор квалифицирует формант *-ost'* в таких случаях как несобственный формант носителей свойства. Названия носителей свойства автор, как известно, включает в мутационный тип деривации. Я. Пузынина производные типа польск. *podłosć „cos podlego, podły czyn“* считает мутационными, а не транспозиционными производными, так как изменилось значение производного по отношению к значению производящей основы. Таким производным автор приписывает словообразовательное значение «субъектов» (в нашей терминологии носителей) свойств и состояний, причем как и Докулил, констатирует факт, что «субъектами свойств могут быть и поступки или действия» (Pužynina 1979, с. 300). Вслед за цитированными авторами мы также считаем рассматриваемые производные производными мутационного типа, так как изменяется значение производного по сравнению со значением производящей основы, оно превращается из свойства в акт действия (основа всегда адъективная). Это значит, что здесь мы имеем дело не только с особыми лексическими значениями, которые принято регистрировать в лексикографической практике, но и с особыми значениями словообразовательными (иное значение по сравнению с названиями свойств как чистыми отвлечеными существительными сигнализирует в данном случае возмож-

ность употребления производных в этом значении во множественном числе, иногда употребление во множественном числе встречается даже более часто). Общее слaboобразовательное значение носителей свойства («нечто такое, что называет производящее прилагательное») здесь всегда уточнено: носителем соответствующего свойства является чаще всего отвлеченное существительное *čin, reč* (поступок, речь), а также другие отвлеченные существительные в зависимости от внешнего контекста, от сочетаемости отвлеченных существительных с глаголами со значением *robiť* (делать) или *hovoriť* (говорить) и с их экспрессивными синонимами. Напр., *Rada si vymýšľam, vravím pochabosti* (= *pochabé reči* — безрассудные речи) (Девечкова). *Pomyslel si: Aké pochabosti* (= *pochabé myšlienky* — безрассудные мысли) *ti pletú hlavu* (Папп). *Dnes sa tam stane veľa pochabostí* (= *pochabých činov, skutkov* — безрассудных поступков) (Минач) — *Vkročí do záhonu a bezcitne ulamuje krehké hlavičky kvetov... žena dokončila svoje vandalstvo* (= *vandalský čin* — вандальский поступок) *a zamierila už naozaj na vlak.* — *Pozostalí môžu len s vdakou kvitovať porozumenie redakcií, ktoré kritizujú vandalstvá v čintorínoch* (из газеты). Вышеупомянутая определенность словообразовательного значения приводит к тому, что словообразовательное и лексическое значения конкретного производного совпадают.

Заключение. В настоящей статье затрагиваются только некоторые проблемы, касающиеся отношений между лексическим и словообразовательным значениями отвлеченных существительных с формантами *-ost'*, *-stvo*. Наши наблюдения показывают, что отвлеченные существительные с формантами *-stvo* функционируют скорее как производные мутационного типа. Из сказанного вытекает, что отношения между их словообразовательным и лексическим значениями более сложны, чем у транспозиционных производных, поэтому возникает необходимость в более подробном исследовании намеченной проблематики. Часто наблюдается и сходство обоих значений. В статье не отмечен важный факт, что наше предложение использовать различие между качественными и относительными прилагательными как мотивирующими словами для различия производных со значением свойства и действия наталкивается на затруднения в том смысле, что иногда остается неясным направление деривации. Многие исследователи указывают на то, что относительные прилагательные типа *hutnícky, banícky* выражают отношение не только к лицу, но и к специальности (Horecký, 1971; Рясианская, 1978, Grzegorczykowa – Pužynina, 1979), т. е., напр., *hutnícky (priemysel)* — металлургическая (промышлённость) мы понимаем скорее как «связанный с металлургией», а не наоборот. Это не позволяет считать пролагательное *hutnícky* (металлургический) деривационной и мотивационной основой существительного *hutníctvo* (металлургия). Нам кажется, что отвлеченные существительные с формантами *-ost'* и *-stvo* заслуживают большого внимания и с точки зрения лексикографии. Те структурные (словообразовательные) значения, которые

сигнализируют и о самостоятельных лексических значениях, необходимо, по нашему мнению, регистрировать в словарях, хотя это не всегда так делается. В производной лексеме *odbornost'*, мы должны были бы в таком случае отметить и значение «род специальности», хотя из помещения отвлеченного существительного (без толкования) в одну словарную статью с прилагательным вытекает только значение «свойство чего-нибудь специального».

ЛИТЕРАТУРА

- ЕРМАКОВА, О. П.: О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова. In: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12–15 сентября 1972 г). Ред. А. Н. Тихонов. Самарканد, 1972, с. 68–72.
- ЕРМАКОВА, О. П.: Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур. In: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ред. А. Н. Тихонов, Ташкент, Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами 1975, с. 57–63.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: Заметки по современному русскому словообразованию. Вопросы языкознания, 14, 1965, № 3, с. 102–110.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: Еще раз о месте словообразования в системе языка. In: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ред. А. Н. Тихонов. Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами 1975, с. 48–52.
- РЯСНЯНСКАЯ, Р. А.: Множественность словообразовательной структуры прилагательных с морфами – ческий, –еский в современном русском языке. In: Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы докладов и краткие сообщения III. Республикаской научной конференции 21–23 сентября 1978 г. Ред. А. Н. Тихонов. Ташкент, Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами 1978, с. 267–271.
- УЛУХАНОВ, И. С.: Словообразовательная семантика в русском языке. Москва, Наука 1977, 256 с.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: O rozštiepení štruktúrnej a sémantickej motivácie slov s formantom -stvo. In: Jazykovedné štúdie. 15. Horeckého zborník. Red. J. Ružička. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1980, c. 57–62.
- DOKULIL, M.: Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, Nakladatelství ČSAV 1962, 264 c.
- DOKULIL, M.: K otázce prediktability lexikálního významu slovotvorně motivovaného slova. Slovo a slovesnost, 39, 1978, c. 144–251.
- GRZEGORCZYKOWA, R. — PUZYNINA, J.: Slowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufixalne rodzime. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1979, 325 c.
- HORECKÝ, J.: Slovotvorná sústava slovenčiny. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1959, 218 c.
- HORECKÝ, J.: Slovenská lexikológia. 1. Tvorenie slov. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1971, 252 c.
- HORECKÝ, J.: Sústava desubstantívnych substantív v spisovnej slovenčine. Slovenská reč, 39, c. 129–136.
- HORECKÝ, J.: Sémantické príznaky v slovotvornom hniezde. In: Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Lingvistika. Praha, Academia 1978, c. 125–129.
- LASKOWSKI, R.: Morfologia w gramatyce transformacyjno-generatywnej (W poszukiwaniu modelu opisu). In: Studia gramatyczne. 1. Red. Z. Topolińska. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. Základ narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN 1977, c. 103–133.
- MARSINOVÁ, M.: Názvy typu murárčina. Slovenská reč, 35, 1970, c. 152–161.
- NĚMEC, I.: Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha, Academia 1968, 194 c.
- PUZYNINA, J.: Nazwy czynności we współczesnym języku polskim. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1969, 205 c.
- PUZYNINA, J.: Transpozycja, mutacja, modifikacja. Poradnik językowy, 1978, c. 195–199.
- STRAKOVÁ, V. (rec.): Tichonov, A. N.: Problemy sostavlenia gnezdovogo slovoobrazovatel'nogo slovaria sovremennoj russkoj jazyka. Kurs lekcij, Samarkand 1971. In: Československá rusistika, 18, 1973, c. 138–140.
- Tvoření slov v češtině. 2. zv. Odvozování podstatných jmen. Red. Fr. Daneš, M. Dokulil, J. Kuchař. Praha, Academia 1967, 779 c.
- Slovník slovenského jazyka. I—VI. Red. Peciar. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1959–1968.

Über die Sprache der feudalen slowakischen Nationalität im 15.—18. Jahrhundert

JÁN DORUĽA

Die Erfahrungen und Erkenntnisse aus dem bisherigen Studium umfassender schriftlicher Materialien aus dem 15.—18. Jh. erlauben uns über die Sprache der feudalen slowakischen Nationalität einige allgemeine Schlüsse zu ziehen. Bisher veröffentlichte Teilergebnisse unseres diesbezüglichen Materialstudiums haben wir in unserer Monographie kurz zusammengefaßt (Doruľa, 1977).

Aus dem 15.—18. Jh. stehen uns zahlreiche Texte aus dem gesamten slowakischen Sprachraum zur Verfügung. Diese Texte bilden eine reichhaltige Quellenbasis für ein historisches Wörterbuch der slowakischen Sprache, darüber hinaus läßt sich auch die Entwicklung vieler weiterer sprachlicher (phonetischer und grammatischer) Erscheinungen des Slowakischen gut verfolgen. Sie stammen aus der vorschriftsprachlichen Zeit, d. h. aus jener Etappe, als die Slowaken keine eigene gesamtslowakische Schriftsprache besaßen. Eine solche slowakische Schriftsprache mit gesamtgesellschaftlichen Ambitionen war erst die Bernoláksche Schriftsprache vom Ende des 18. Jh. und danach die Štúrsche Schriftsprache aus der Mitte des 19. Jh. Ihre Genese hängt mit der Formierung der neuzeitlichen slowakischen Nation in der Etappe des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus, als sich die feudale Auffassung der Nation grundlegend änderte, untrennbar zusammen.

Wie bekannt, wurde die feudale Nation in Ungarn aus Angehörigen der privilegierten Gesellschaftsschichten gebildet. Sie bestand aus Angehörigen sämtlicher in Ungarn lebender feudaler Nationalitäten. Zur feudalen Nation zählte also nicht die privilegierte leibeigene Bevölkerung, das arbeitende Volk aller Nationalitäten. Die Angehörigen der feudalen Nation waren mit dem Volk der eigenen Nationalität bis zu einem gewissen Grad durch die gemeinsame Sprache verbunden. Wenngleich in Ungarn jener Zeit (15.—18. Jh.) Latein die Amtssprache war, so ist uns doch bekannt, daß in den höchsten herrschenden feudalen Schichten damals vorwiegend ungarisch gesprochen wurde. Der niedrigere und der Landadel slowakischer Herkunft hingegen sprach und schrieb auch meist slowakisch (die Zahl der Texte steigt vor allem seit der Mitte des 16. Jh.). Darüber hinaus kam die slowakische Sprache nicht nur in der privaten Korrespondenz, sondern auch in den Amtsgeschäften auf

den Herrschaftsgütern bedeutsam zur Geltung. Ebenso bedeutend war Slowakisch im Milieu des slowakischen Bürgertums u. zw. sowohl in der Privat- und amtlichen Korrespondenz der slowakischen Bürger als auch in den Stadtbüchern und Protokollen sowie in Zunfturkunden. Zahlreiche zeitgenössische slowakische Schriftstücke stammen auch von slowakischen Gebildeten, vor allem von Geistlichen (verschiedene Rezeptbücher, Predigten u. dgl.). Es kam sogar vor, daß infolge der Erweiterung des Schulnetzes und der Verbreitung der Kenntnis des Lesens und Schreibens (in diesem Zusammenhang muß vor allem auf das Erscheinen von Komenskýs Lehrbuch *Orbis sensualium pictus quadrilinguis* in Levoča im Jahre 1685 hingewiesen werden) slowakische Schriften von Angehörigen der Schicht der Leibeigenen verfaßt wurden. Bei der Wertung der sprachlichen Situation in der Slowakei jener Zeit darf allerdings die Vorrangstellung des Lateinischen als hierarchisch auf höchster Stufe stehender Sprache in Ungarn nicht übergangen werden. Latein wurde natürlich auch in den bereits erwähnten Schichten des slowakischen Landadels, des Bürgertums und der Intelligenz verwendet. Es war Vorbild und Quelle, aus der vor allem die verwaltungsrechtliche Terminologie ins Slowakische übernommen wurde. Nicht außer acht gelassen werden darf ferner die bedeutsame Rolle der deutschen Sprache besonders im bürgerlichen Milieu, ebensowenig wie die Beziehung des Slowakischen zu weiteren Sprachen (dem Ungarischen, Tschechischen, Polnischen, Ukrainischen) aus der Gesamtcharakteristik der sprachlichen Situation in der Slowakei ausgeschlossen werden kann.

Slowakisch wurde also im mündlichen und schriftlichen Gebrauch im 15.—18. Jh. von privilegierten und nichtprivilegierten Angehörigen der slowakischen feudalen Nationalität verwendet. Es ist klar, daß die Begriffe „ungarländische feudale Nation“ (es handelt sich hier um eine zeitgebundene Auffassung, um den zeitgenössischen Inhalt dieses Begriffes, lateinisch „*natio hungarica*“) und „slowakische feudale Nationalität“ (wir fassen sie vom marxistischen Gesichtspunkt als eine der Formen der gesellschaftlichen Entwicklung auf) terminologisch auseinandergehalten werden müssen. Wie aus den bisherigen Ausführungen hervorgeht, müssen der slowakischen Nationalität auch Angehörige der ungarländischen feudalen Nation slowakischer Herkunft zugerechnet werden.¹ Eindeutig muß hier die Masse des slowakischen Landadels eingeordnet werden u. zw. ohne Rücksicht auf weitere Peripetien der historischen Entwicklung ihrer einzelnen Angehörigen. Wie das umfassende schriftliche Beweismaterial aus jener Zeit zeigt, war der slowakische Landadel ein bedeutsamer Träger und Pfleger der slowakischen Sprache.

¹ Es ist freilich eine andere Frage, daß im Verlauf der historischen Entwicklung manche Angehörige der privilegierten ungarländischen feudalen Nation ihre Zugehörigkeit mit der Benutzung des Ungarischen zu verbinden begannen, was allmählich zu ihrer völligen Madjarisierung und zum Übergang in den Bund der madjarischen feudalen Nationalität führen konnte. Anstoß zu einer derartigen Entwicklung konnte das Überwiegen der madjarischen Komponente in den höchsten herrschenden Schichten Ungarns gewesen sein.

Wie man sieht, war die feudale slowakische Nationalität sozial und klassenmäßig ziemlich differenziert und uneinheitlich. Ihre grundlegende Masse bildete aber die Leibeigene Landbevölkerung mit ihrer eigenständigen Volkskultur und ihrem Brauchtum. Diese Bevölkerung sprach slowakische Mundarten. Aus der unterschiedlichen gesellschaftlichen und wirtschaftlichen Stellung der einzelnen Klassen und Schichten der slowakischen feudalen Nationalität resultieren auch die Unterschiede in ihrer gesamten Lebensweise, in der Kultur. Ein bedeutsames Bindeglied der slowakischen feudalen Nationalität war neben dem gemeinsamen ethnischen Ursprung das gemeinsame Verständigungsmittel — die Sprache, genauer gesagt, es war das gemeinsame ethnische Bewußtsein und (trotz aller mundartlichen Zersplitterung) das gemeinsame sprachliche Bewußtsein, dessen historische Wurzeln weit über das 15. Jh. zurückreichen.

Eine weitere Voraussetzung für die Entfaltung der feudalen slowakischen Nationalität war das kompakte gemeinsame Gebiet, auf dem die Slowaken als dessen autochthone Einwohner auch im Rahmen des ungarischen Staates lebten. Die Tatsache, daß die Slowaken in einem Vielvölkerstaat lebten, komplizierte in so mancher Hinsicht die Entfaltung der slowakischen Nationalität. Als Einwohner des ungarischen Staates wurden auch die Slowaken manchmal als „Ungari“ (*Uhri*) bezeichnet, vor allem in der Beziehung zu nichtungarländischen Nationalitäten. Ähnlich wurden manchmal auch andere Einwohner Ungarns, z. B. Deutsche bezeichnet.

Die Eingliederung der Slowakei in den Rahmen des ungarischen Vielvölkerstaates sowie das Vorhandensein einer zahlenmäßig und wirtschaftlich starken deutschen Einwohnerschaft in slowakischen Städten trug ebenfalls dazu bei, daß die ökonomische, politische und kulturelle Integration auf dem Gebiet, wo die slowakische Nationalität kompakt lebte, nicht nur dieses Territorium selbst erfaßte, sondern breitere Bindungen und Zusammenhänge besaß. Aber die Entfaltung der Produktion und der wirtschaftliche Aufschwung in der Slowakei unterstützten in bedeutsamer Weise die Entfaltung der slowakischen Nationalität, die Stärke ihrer Position, die ökonomische und gesellschaftliche Rolle vor allem im Leben der Städte, in denen Slowaken beim Magistrat und im Verwaltungsapparat in Schlüsselstellungen gelangten. Aus mehreren Städten der Slowakei besitzen wir Aufzeichnungen über nationalitätsbedingte Streitigkeiten, die ökonomische Hintergründe und Ursachen haben. So ist es also letztlich die ökonomische Entfaltung, die zur Festigung des Zusammengehörigkeitsbewußtseins der Angehörigen der slowakischen Nationalität, zu ihrer Integrierung beiträgt.

Wie bereits erwähnt, sprach die grundlegende Masse der Angehörigen der slowakischen Nationalität slowakische Mundarten. Aber obgleich es z. B. auch im slowakischen Volkslied und Volksschrifttum eine Vielfalt von sprachlichen Ausdrucksmitteln gibt, die das kulturelle Leben und die kulturelle Aktivität des slowakischen Volkes widerspiegeln, so forderte das gesellschaftlich und ökonomisch

differenzierte Leben des slowakischen Bürgertums notgedrungen auch seine differenzierten sprachlichen Ausdrucksmittel. Das betrifft auch das Milieu des slowakischen Landadels und der Intelligenz. Derartige notwendige und stilistisch differenzierte Ausdrucksmittel haben sich in der slowakischen Sprache tatsächlich gebildet u. zw. aufgrund slowakischer sprachlicher Mundartformen sowie durch das Übernehmen und Adaptieren von Wörtern aus anderen Sprachen. Es handelt sich um bekannte Prozesse der bedeutungsmäßigen und stilistischen Differenzierung und Terminologisierung von Wörtern heimischer und fremder Provenienz (vgl. *priš* — *žalobník* — *aktor*, „Kläger“, *svedok* — *fatens*, „Zeuge“; *ponosa*, „Klage“, *ponosovať* sa, „klagen“ im rechtsterminologischen und nichtterminologischen Sinn u. dgl.) sowie die Bildung notwendiger neuer Wörter und Termini auf heimischen sprachlichen Grundlagen (vgl. z. B. *božiť* sa — *božba*, „schwören“ — *Eid*“, *boženík*, „Geschworener“). Es handelt sich hier um die Kultivierung der Sprache, die in jeder Etappe der gesellschaftlichen Entwicklung die Kommunikationsbedürfnisse der entsprechenden Gesellschaft voll befriedigt. Dieses Kultivieren der Sprache ging aber nicht von einem bestimmten kulturellen oder politischen slowakischen Zentrum aus, weil die Slowaken ein derartiges gesamtslowakisches Zentrum unter den Bedingungen des Vielvölkerstaates Ungarn einfach nicht besaßen. Deshalb war die mündliche kultivierte Sprache des slowakischen Bürgertums, des Landadels und der Gebildeten in der ganzen Slowakei nicht einheitlich, sie trug vor allem in der Phonetik und in der Grammatik, aber auch in der Lexik die Merkmale des jeweiligen breiteren Mundarthinterlandes (Doruľa, 1975a). Lokale (auch mundartliche) oder regionale sprachliche Merkmale konnten mit der Person des Schreibers in verschiedene Gebiete der Slowakei übertragen werden; daher finden wir mittelslowakische Sprachelemente in Schriften aus der Ostslowakei (Doruľa, 1969), oder ostslowakische Elemente in Schriftstücken aus der Mittelslowakei (Kniezsa, 1952). Zahlreiche Ausdrücke und Termini, durch die sich das Slowakische als Ganzes schon damals von den nachbarlichen slawischen Sprachen (vom Tschechischen und Polnischen) unterschied, kommen freilich in Schriftstücken aus der ganzen Slowakei vor (*pravda*, *ponosa*, *ponosovať* sa, *božiť* sa, *božba*, *stolica*, *stoličný*, *chotár*, *špán* u. a. m.). Gesamtslowakisch sind ferner zahlreiche Entlehnungen und Lehnübersetzungen aus dem Lateinischen, Madjarischen und Deutschen. Eine Folge lebhafter ökonomischer, mercantiler und gesellschaftlicher Kontakte zwischen slowakischen Städten und der damit verbundenen Personenfluktuation (vor allem Priester, Schreiber und Lehrer) ist die relativ große Einheitlichkeit in der verwaltungsrechtlichen Terminologie der ganzen Slowakei, u. zw. nicht nur in der erwähnten Schicht ursprünglicher slowakischer Lexikalismen, sondern auch in der Schicht übernommener Ausdrücke. Es gibt freilich auch manche fest eingebürgerte regionale Lexikalismen, die auch von Zuwanderern (Schreibern) aus anderen Gegenden der Slowakei respektiert werden (ostslowakische Wörter *berecín*, *berecinec*, „Büttel, Büttelsstube“, im Gegensatz zu mittel- und westslowakischen *šarha*, *šarhovňa*, mittel- und westslowakisch *boženík*,

priš u. dgl.). Aber Schriftstücke, die im 15.—18. Jh. von Slowaken verfaßt wurden, sind in der Regel nicht konsequent in der Form (vor allem nicht lautmäßig) des erwähnten kultivierten Slowakisch geschrieben. Die Ursache liegt darin, daß die Slowaken neben dem Lateinischen in ihren schriftlichen Äußerungen auch das Tschechische (und im Gebiet der Ostslowakei auch das Polnische) verwendeten, das damals eine ausgereifte Schriftsprache war und die ihnen verständlich war. Als praktisches Kommunikationsmittel in einem bestimmten Bereich der Korrespondenz, in Schriftstücken praktischen (vor allem ökonomischen) Charakters und in Texten, die für die breiten Schichten der Bevölkerung bestimmt waren (wie z. B. religiöse, didaktische und homiletische Literatur) war Tschechisch besser geeignet als Latein. Obwohl, wie bereits erwähnt, Latein eine bedeutsame Quelle der Bereicherung des slowakischen Wortschatzes war und bei der Stilisierung von Texten als Beispiel diente (zahlreiche slowakische Schriftstücke enthalten ganze lateinische Phrasen, Formeln und Passagen), so hat doch das Tschechische als verwandte slawische Sprache in bedeutenderem Maße als Latein die formale (vor allem phonetisch-orthographische) Seite slowakischer schriftlicher Äußerungen beeinflußt, obwohl Tschechisch bei weitem keine so bedeutsame Quelle der Entlehnungen im Bereich des Wortschatzes war wie Latein. Der Gebrauch des Tschechischen beschränkte sich auf schriftliche Äußerungen.² Und hier zeigte sich die Diskrepanz zwischen dem slowakischen Bewußtsein der Schreiber und dem Buch-tschechisch, das die Slowaken als gesprochene Sprache nicht verwendeten, in verschiedenen heterogenen, manchmal seltsam anmutenden sprachlichen Mischformen, deren Verwendung die Sphäre schriftlicher Äußerungen niemals überschritten hat, d. h. es ist in die mündliche Sprache nicht vorgedrungen.³ Allerdings ist hier immerhin eine gewisse Gesetzmäßigkeit in der Beziehung zwischen dem Tschechischen und Slowakischen erkennbar und zwar dargestalt, daß die markantesten tschechischen sprachlichen Merkmale, die damals im Slowakischen unbekannt waren, durch slowakische ersetzt wurden.⁴ Typische Bohemismen verwendeten meistens nur jene, die Tschechisch studiert hatten (z. B. an der Prager Universität).

² In der evangelischen Kirche verwendeten die Slowaken Tschechisch als liturgische Sprache. Auch in diesem eng begrenzten Bereich des Gebrauchs hatten sich die Slowaken das Tschechische adaptiert, in bekannter Weise slowakisiert, so daß wir in diesem Zusammenhang von der sog. „Bibelsprache“ sprechen.

³ Als besonders treffend kann in diesem Zusammenhang die Feststellung von P. Trost (1976, S. 2, Anm. 12) angeführt werden: Vor der Stabilisierung der Schriftsprache (der Literatursprache) verfaßte literarische Werke weisen in der Regel eine dialektisch uneinheitliche Sprachform auf. Es ist oft eine Vermengung, in der sich kaum im Sprachgebrauch des Autors oder in seiner Umgebung verwendete Sprache widerspiegelt. Eingedenk des Grundsatzes, daß es sich gehört, anders zu schreiben als zu sprechen, entwickelt hier der Autor ein eigenes schriftsprachliches Gebilde.

⁴ Eine ähnliche Adaptierung des Tschechischen kann bis heute in der Aussprache von tschechischen religiösen Texten in der slowakischen evangelischen Kirche, in einer eng abgegrenzten religiösen Sphäre, der wir hier keine besondere Aufmerksamkeit widmen, bemerkt werden.

Diese Bohemismen haben sich auch besser in fertigen und gefestigten Formeln erhalten. Öfter begegnen wir in Schriftstücken aus der Slowakei zahlreichen tschechischen sog. Hilfswörtern (frequentierte Konjunktionen, Präpositionen und Partikeln). Ansonsten gingen die Slowaken mit dem Tschechischen ziemlich frei um, sie adaptierten es ohne sonderliche Hemmungen, ohne ein offenkundiges Bestreben irgendeine tschechische Sprachnorm einzuhalten, eine Norm, die für sie eigentlich ohne Belang war (etwas anders stellt sich die Situation bei gedruckten Texten dar, wo auch Korrektoren intervenieren konnten). Sie gingen von einer gewissen Tradition des Gebrauchs der tschechischen Sprache in der Slowakei aus (die erwähnte Art und Weise ihrer Adaptierung in bestimmten Punkten, manche frequentierte tschechische Ausdrücke, die freilich neben entsprechenden slowakischen Ausdrücken Verwendung fand). Das geht unter anderem aus der Tatsache hervor, daß sich tschechische und slowakische Formen und Ausdrücke in demselben Text abwechseln, wobei sie sich weder bedeutungsmäßig noch stilistisch voneinander unterscheiden. Manchmal begegnen wir auch bewußten slowakisierenden Tendenzen, die sich aus dem Bestreben ergeben, den geschriebenen Text dem slowakischen Leser näherzubringen, den Inhalt möglichst verständlich zu machen. Das Bemühen um eine verständliche Deutung lateinischer Wörter für den slowakischen Benutzer ist auch im sog. Kamaldulsen Wörterbuch aus dem Jahre 1763 (*Syllabus dictionarii latino-slavonicus*) sichtbar, in dem oft tschechische und slowakische Äquivalente lateinischer Wörter einfach nebeneinander verwendet werden. Eine solche Tendenz zeigt sich markant z. B. auch in der erwähnten *Levočaer* Ausgabe von Komenskýs Lehrbuch *Orbis pictus* im Jahre 1685, wo der Verfasser des slowakisierten tschechischen Teiles⁵ aller Wahrscheinlichkeit nach Daniel Sinapius-Horčička ist, der, obwohl selbst nicht aus der Ostslowakei stammend, als Erklärung für den slowakischen Benutzer oft auch ostslowakische Lexikalismen anführt (z. B. auf S. 253: *wezeni — těmnice, berecjnce, ssarhowne*; das Gefangenhaus). Ähnlichen Bestrebungen begegnen wir auch in vielen anderen Texten, oft z. B. in Predigten.

Aber die Tatsache, daß das Tschechische sich im gesamten slowakischen Sprachgebiet geltend machte (die erwähnte Art und Weise seiner Adaptierung, Anwendung und Geltendmachung war in der ganzen Slowakei die gleiche), war für die slowakische Nationalität bedeutsam als integrierender Faktor, der zu ihrer Vereinigung und Festigung beitrug. Die gesamte sprachliche Entwicklung in der Slowakei strebte völlig natürlich und gesetzmäßig auf eine slowakische Schriftsprache hin, sie ging Hand in Hand mit der Entwicklung der slowakischen Nationalität in Richtung

⁵ Im Buchtitel, der in vier Sprachen angeführt wird, spricht man im lateinischen Titel von der Lingua bohemica, im deutschen von der Böhmischem Sprache, im ungarischen hingegen heißt es Tót nyelv und im tschechischen Slowensky gazyk. Einer ähnlichen uneinheitlichen Bezeichnung begegnen wir auch in anderen Schriftstücken. Sie ist durch die damalige gesellschaftlich-historische Situation bedingt.

einer neuzeitlichen Nation. Mit anderen Sprachen halfen sich die Slowaken in schriftlichen Äußerungen einige Zeit lang aus, oft in einem sich gegenseitig ergänzenden oder anders zeitgenössisch bedingten Umfang.

Die Slowaken benutzten also in der vorschriftsprachlichen Etappe neben dem Slowakischen (d. h. neben slowakischen Mundarten und dem mündlich gepflegten kultivierten Slowakisch, das auch in die Schriftstücke Eingang fand) Latein, in einem gewissen Umfang und in gewisser Weise das Tschechische und auf einem begrenzten Gebiet und in gewissem Ausmaß auch das Polnische (Art und Weise der Adaptierung und die Bedingungen der Verwendung des Polnischen waren in Prinzip die gleichen wie bei der Beziehung zwischen Slowakisch und Tschechisch). Jede dieser Sprachen diente den Slowaken in gewissem Maße zur Befriedigung ihrer kommunikativen Bedürfnisse. Die historischen Lebensumstände der slowakischen Nationalität in Ungarn bewirkten, daß im erwähnten Zeitabschnitt (15.—18. Jh.) eine gesamtslowakische Schriftsprache nicht entstehen konnte.

Es kann also festgestellt werden, daß das Attribut der slowakischen Nationalität als gesellschaftlich-historischer Kategorie keine einheitliche Schriftsprache, sondern die slowakische Sprache als Komplex sämtlicher slowakischer Mundarten und lokal differenzierter kultivierter Formen des Slowakischen mit bestimmten gemeinsamen Merkmalen war. Die einheitliche gesamtslowakische Schriftsprache entsteht erst in der Zeit der Konstituierung der slowakischen Nation und wird dann zu einem ihrer Attribute.

Es darf nicht die Tatsache übersehen werden, daß die feudale slowakische Nationalität im Verlauf der erwähnten vier Jahrhunderte eine historische Entwicklung in Richtung ihrer Konsolidierung und Festigung erfahren hat. Die slowakische Nationalität wird in der reichen Etappe ihrer Entwicklung im Prinzip durch die gleichen Hauptmerkmale wie später die slowakische Nation (in der marxistischen Auffassung der Nation als Form der gesellschaftlichen Entwicklung) gekennzeichnet, aber zwischen den Merkmalen von Nationalität und Nation gibt es wichtige qualitative Unterschiede (so wie z. B. wichtige qualitative Unterschiede zwischen den Merkmalen einer kapitalistischen und einer sozialistischen Nation vorhanden sind), die die Entwicklungsstufe von Produktionskräften, der ökonomischen und politischen Organisation und Kultur betreffen (Doruľa, 1975b; 1976).

Die Berücksichtigung konkreter historischer Lebensbedingungen der feudalen slowakischen Nationalität in Ungarn, die Gliederung der damaligen Gesellschaft (die privilegierte feudale ungarländische Nation, das territorial-politische Kriterium bei zeitweiliger Bezeichnung der Zugehörigkeit zur sog. ungarländischen Nation — *natione Ungarus ...*; als Kriterium galt hier nicht die Sprache) macht es uns möglich, auch die damalige sprachliche Situation in der Slowakei gut zu begreifen, unter anderem auch die Art und Weise, wie sich die Slowaken zur tschechischen Sprache stellten. Diese Art ergibt sich daraus, daß in den erwähnten historisch-gesellschaftlichen Bedingungen die tschechische Sprache für sie kein Attribut ihrer Nationalität,

sondern nur eines der Instrumente, eines der Kommunikationsmittel war, nach dem sie griffen, um es in einer bestimmten Funktion und in einem bestimmten Ausmaß für sich mit Vorteil zu nutzen. Wir haben auch auf gewisse günstige Konsequenzen hingewiesen, die sich für die slowakische Nationalität daraus (aus der Tatsache der Verwendung der tschechischen Sprache in der Slowakei) ergaben.

Zur objektiven Beleuchtung und zum Verständnis der historischen Entwicklung muß der gegebene Problemkreis komplex erforscht werden, wobei man nicht der Versuchung erliegen darf, a priori nichtadäquate, unhistorische Wertungskriterien, die unweigerlich zur Verfälschung des Bildes der historischen Entwicklung führen, in die Vergangenheit zu übertragen. Das sorgfältige Studium von Archivmaterial in breitestmöglicher Erfassung gehört zu den unabdingbaren Voraussetzungen einer derartigen komplexen Erforschung unserer Problematik.

LITERATUR

- DORUĽA, J.: O stredoslovenských jazykových prvkoch v textoch a zápisoch zo 17. storočia na východnom Slovensku. Nové obzory, 11, 1969, S. 383—394.
- DORUĽA, J.: Slovenčina v Bardejove podľa zápisov v súdnych protokoloch zo 17. storočia. Nové obzory, 17, 1975a, S. 417—428.
- DORUĽA, J.: Problémy vzťahu jazyka a spoločnosti v novšej sovietskej odbornej literatúre. Jazykovedný časopis, 26, 1975b, S. 158—168.
- DORUĽA, J.: Leninizmus a nacionálna otázka v súčasných podmienkach. Jazykovedný časopis, 27, 1976, S. 171—180.
- DORUĽA, J.: Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, Veda 1977.
- KNIESZA, Š.: Stredoveké české listiny. Budapest, Akadémiai Kiadó 1952, S. 158—159.
- TROST, P.: Střídání kódů. Slovo a slovesnost, 37, 1976, S. 1—3..

Theorie der Homonymie

MÁRIA IVANOVÁ-ŠALINGOVÁ

Eine extreme Anschauung in bezug auf die Homonymie vertreten die Sprachforscher, die die Erscheinungen der Homonymie als unerwünschte, als solche gegen die sich jede Natursprache wehrt, ablehnen. Zum Beispiel im Slowakischen ist es allgemein bekannt, daß man vom Worte *básnik* (Dichter) die weiblich moviezte Form *básnička* (Dichterin) nicht bildet, da diese ein unerwünschtes Homonym mit der geläufigen Benennung *básnička* (Gedicht) gäbe. Um diese Homonymie zu vermeiden, haben wir im Slowakischen das Wortpaar *básnik* — *poetka* (ein Derivat vom Lehnwort *poet* — *poeta*).

Einer weiteren extremen Ansicht nach werden die Phänomene der Homonymie zu weit begriffen und so werden in die Homonymie alle homophonien, homographischen und homoformen Erscheinungen eingeschlossen. Zu dieser Forschergruppe gehören zahlreiche sowjetische Linguisten, so z. B. Kutina (1957), Kolesnikov (1978), Malachovskij (1974), Kim (1972a, b), Soboleva (1978). Hierher gehören bei uns die Sprachforscher, die aus diesen Ansichten der erwähnten sowjetischen Forscher hervorgehen, so z. B. an der im Jahre 1952 in Bratislava stattgefundenen lexikographischen Konferenz waren es einige Linguisten (s. Lexikografický zborník, 1953).

Eine genauere und engere Bestimmung der Erscheinungen der Homonymie legen die Autoren des Manual of Lexicography (1971), SSJČ (siehe Einleitung, S. XVII), Šanskij (1959), Helcl (1953), Maslovova-Lašanskaja (1973) und andere dar.

Šanskij (1959) fordert eine strenge Unterscheidung der lexikalischen Homonymie von der Homophonie, Homomorphie, Homographie und Paronymie. Er erkennt auch die wortbildende Homonymie an (S. 19—23, 160). Doch Šanskij erläutert nicht ausführlich die logisch-linguistische Begründung seiner Ansichten, sondern setzt konsequent laut der grundlegenden Definition der Homonymie fort (S. 158): „Homonyme sind gleichlautende doch in ihrer Bedeutung ganz unterschiedliche Wörter, die gleich geschrieben werden und in allen oder in einer ganzen Reihe ihrer grammatischen Formen gleichförmig sind. Homonyme sind also Wörter einer und derselben grammatischen Klasse.“

Die Relativierung der Begriffe Homonymie und Synonymie ist charakteristisch für Karcevskij's (1929) Theorie, laut welcher jedes Sprachzeichen zugleich und virtuell Homonym und Synonym ist, weil dies zwei korrelative Koordinaten sind. Noch weiter ist Kuryłowicz (1955) gegangen, indem er den Begriff Homonymie durch den Begriff Polysemie ersetzt hat. Filipc (1961), der ein solches Verfahren für richtig hält, erörtert diese Ansicht nicht weiter (S. 191). Ähnlich fährt auch Dolgich (1974) fort, wenn er bei der Erforschung der Metonymie die lexikale Homonymie als eine zufällige (irreguläre) Erscheinung ablehnt und Metonymie und Homonymie unter den Begriff Polysemie subsumiert (S. 211, 215). Die erwähnten Lösungen könnten bestehen, wenn in der Sprache die einzelnen Begriffe und ihre Bezeichnungen nicht förmlich, expressiv und semantisch, inhaltlich fixiert und differenziert wären.

Manche Sprachwissenschaftler wie z. B. Ullmann (1967), Lyons (1969) betrachten die Homonymie als einen homonymischen Konflikt, der sich in der Sprache infolge von historischem Sprachwandel (z. B. phonetischen oder semantischen) in einem bestimmten Stadium der Sprache entwickelt. Ullmann und Lyons stützen sich auf Gilliérons Forschungen und führen Beispiele aus der Geschichte der französischen, englischen und anderen indoeuropäischen Sprachen an (siehe Lyons, 1969, S. 39, 90 f., 287, 405 f.). Die Beispiele deuten darauf hin, daß es infolge des historischen Lautwandels oder unter dem Einfluß semantischer Verschiebung in konkreter Sprache zum Entstehen unangenehmer Homonyme kommt, denen die Sprache ausweicht, es kommt zu lexikalischem Suppletivismus, zum Verfall eines zweideutigen homonymen Wortes usw.

Aus dem Slowakischen führen wir folgendes konkretes Beispiel an: die Wörter *čelad*, *čeliadka* (Familie) wurden im früheren Stadium des Schriftslowakischen als neutrale gleichwertige Varianten gebraucht. Sobald sich jedoch die pejorative Bedeutung des Wortes *čeliadka* (zberba, banda) (Pöbel, Gesindel) verbreitet und verallgemeinert hat, hat man aufgehört diese Benennung zur Bezeichnung von Familienmitgliedern und Verwandtschaft zu gebrauchen. Und neben dem Substantiv *čeliadka* wurde zugleich das neutrale Wort *čelad* an den Rand des Wortschatzes geschoben.

Der Ansicht von Ullmann und Lyons steht der Standpunkt von Ufimceva nahe (1968), die die Phänomene und Probleme der Homonymie eher für Erscheinungen der Diachronie als einen Gegenstand der historischen Linguistik und nicht für Erscheinungen des Sprachsystems vom Standpunkt der Synchronie hält.

Einen diachronischen Standpunkt finden wir in den historischen Wörterbüchern (z. B. Staročeský slovník, Praha 1968, S. 21; Lexicon linguae paleoslovenicae, Praha 1959, S. XXIX). Im Staročeský slovník werden die lexikalischen Homonyme von homonymischen Formen differenziert (S. 21: „lexikální a tvarová homonyma“): „lexikální homonyma, t. j. výrazy netvořící polysémickou jednotu (např. *lžička*, -y f. demin. k lež a *lžička*, -y f. demin. k lžice; srov. 3.12; za prep. a za konj. „zda“, srov.

3.31 a) ... neliší-li se morfologickou ani slovnědruhovou charakteristikou...“ (das heißt, daß homonyme Wörter derselben Wortart sind).

Der alten Tradition nach vertreten die Linguisten oft die Meinung, daß die homonymischen Paare von Wörtern entweder in historischer Entwicklung der Sprache (Ullmann, Ufimceva, Gilliéron) oder dadurch entstehen, daß sich gleichlauende Wörter aus verschiedenen Sprachen in einer Nationalsprache (ganz zufällig) begegnen.

Unser Material über lexikale Homonyme und auch die russischen Wörterbücher der Homonyme (der russischen Gegenwartssprache von Achmanova und Kolesnikov) zeigen, daß die Homonyme oft durch semantische Differenzierung und mittels der Wortbildung entstehen.

Von verschiedenen Wortbasen werden Homonyme von vielen Wortarten gebildet, vgl.: *druh* I — Genosse, Geselle, *druh* II — Art, Gattung; *huba* I — Maul, *huba* II — Schwamm; *box* I — Faustkampf, *box* II — (z. B. im Kaffeehaus); *drhnúť* I — reiben, *drhnúť* II — drosseln (škratiť); *brániť* I (pôdu) — eggen, *brániť* II — verteidigen; *boxovať* I (krémom) — (Schuhe einwichsen); *boxovať* II — (sport. boxen); *kritický* I — kritisch I (von Kritik), *kritický* II — kritisch II (von Krise); *autový* I — (vom Auto), *autový* II — das Aut im Fußballspiel; tschech. *prst* I — (Finger) (aus urspr. *prst*), *prst* II — (aus urspr. *prst* — slow. *prst* — Erdreich, Humus); russ. *liternyj* I (Adj. von liter — Freifahrt), russ. *liternyj* II — (Adj. von litera — Buchstabe); russ. *liň* I — Schlei (Fisch), russ. *liň* II — Schiffsleine; russ. *lisíčka* I (Dimin. von lisica — Füchslein), russ. *lisíčka* II — Pfifferling (Pilz); russ. *zagoniať* I (za + goniať) — pf. — abjagen, abhetzen, russ. *zagoniať* II — (zum Verbum *zagnať*) — hineinjagen, hineintreiben usw.

Eine große Gruppe von Homonymen ist durch semantische Differenzierung in der Entwicklung der Sprache entstanden und auch heute entstehen Homonyme in der Umgangssprache, wie auch in der Fachsprache. Diese Differenzierung kann auch mit dem wortbildenden Verfahren kombiniert werden.

Beispiele: *jazdec* I — Reiter (Person), *jazdec* II — (súčiastka — Bestandteil); *jačmeň* I — Gerste, *jačmeň* II — (med. Gerstenkorn); *čajka* I — (Schiff), *čajka* II — Möve, Dachmöve; *hlava* I — Kopf, *hlava* II — (Gegenstand in ähnlicher Funktion); *červienka* I — Rotkelchen, *červienka* II — Durchfall, Dysenterie; *rúčka* I — (kleine Hand, von Hand), *rúčka* II — Stiel, Holm; *čeladník* I — (von *čelad* — Mitglied der Familie), *čeladník* II — Gesindestube); *kobylka* I — Heuschrecke, *kobylka* II — junge Stute, *kobylka* III — musik. Geigensteg; *červeň* I (F.) I — Röte, *červeň* II (M.) — (Karte); *kuriatko* I — Hühnchen, *kuriatko* II — Pfifferling; *družica* I — Brautjungfer, *družica* II — tech. Erdsatellit; russ. *listok* I — Dimin. kleines Blatt, russ. *listok* II — Schein; russ. *izdat* I — herausgeben, russ. *izdat* II — von sich geben; ausströmen; russ. *iskateľ* I — Sucher (Person), russ. *iskateľ* II — Sucher (Ding).

Eine große Anzahl von homonymischen Paaren entsteht mittels wortbildenden Verfahren verschiedener Art. Deswegen muß man diese Problematik extra studie-

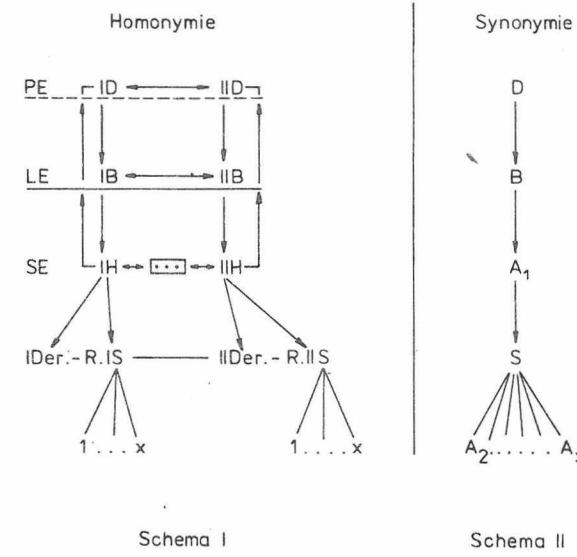
ren. Doch wir wollen schon jetzt einige interessante Beispiele der wortbildenden Homonyme bringen.

Beispiele: *čistič I* — Reiniger, *čistička I* (vom *čistič*) — Reinigerin, *čistič II* (*čistička II*) (wortbildende Variante) — Maschine zum Reinigen (beide vom Verbum *čistit*); (*kura* — Henne) — *kurička I* (Dimin.) — Hühnchen, (*kurič* — Heizer) — *kurička II* — Heizerin; (*chemik* — Chemiker) — *chemička I* — Chemikerin, *chemička II* (umgangssprachlich durch Univerbisation aus: chemische Fabrik); *čokoládka I* (Dimin. von *čokoláda* — Schokolade) — *čokoládka II* (umgangssprachlich durch Univerbisation aus: Schokoladenfabrik); *kryštál I* — Kristall, *kryštál II* — Kristallzucker (von „*kryštálový cukor*“); (*hmota* — Materie), (*hmotný* — materiell) — *hmotnosť I* — Materialität, *hmotnosť II* (ebenso gebildet vom Wort *hmota*) — phys. Gewicht (enstanden durch parallele Wortbildung); *dozrievat* I (vom Verbum — *zrievat*) — pf. — beaufsichtigen, *dozrievat* II (vom Verbum *zrievat*) — pf. — ausreifen; *dovrievat* I (vom Verbum *vrievat*) — pf. — kochen, *dovrievat* II (vom Verbum — „*vrievat*“) — pf. — zumachen; *dotlačiť I* (vom Verbum *tlačiť*) — pf. — nachdrücken (Bücher usw.), *dotlačiť II* (vom Verbum *tlačiť*) — pf. — (zu)drücken, (zu)schieben; *dospievat* I (vom Verbum *spievat*) — pf. — absingen, *dospievat* II (vom Verbum *dospievať*) — impf. — heranwachsen, *dospievat* III (vom Verbum *dospievať* k *dačomu*) — imp. — gelangen, anlangen; *nadrobiť I* (vom Verbum *robíť* — machen) — dazu geben, dazu machen ?, *nadrobiť II* (vom Verbum *drobiť* — krümeln) — abrökeln; *narezat I* — (trochu nadrezat — ein bischen einschneiden), *narezat II* — (veľa odrezat, porezat — viel Holz hacken) usw.

Die homonymischen Wörterbücher (und außerdem die Fremdwörterbücher der slawischen Sprachen) zeigen, daß es nur ganz wenige Homonyme gibt, die aus verschiedenen Sprachen stammen (ob gleich es sich um ein Homonym aus der Nationalsprache und eines aus der fremden Sprache oder um alle Homonyme aus verschiedenen fremden Sprachen handelt) z. B. *Atlas I* — Gebirge, *Atlas II* — Sammlung von Landkarten, *Atlas III* — med. Halswirbel (griech.), *Atlas IV* — text. weiches Seidengewebe (arab.); *čelo I* — Stirn — slow., *čelo II* — ital. cello, mus. Instrument usw. handelt.

Wenn die Geschichte der Wörter auch das Entstehen oder den Verfall der Homonyme bestätigt, erklärt sie damit nicht alle Erscheinungen der Homonymie. Wir halten die lexikale Homonymie für eine Erscheinung des Sprachsystems, und zwar in dem Sinne, daß die Homonymie einen organischen Bestandteil des konkreten Sprachsystems bildet und einen spezifischen Reflex in den einzelnen partiellen Subsystemen hat (z. B. im semantischen, im wortbildenden Subsystem).

Schematisch könnten wir die Beziehungen der Begriffe, der Homonyme zu den Denotaten folgendermaßen darstellen:

Erläuterungen: PE — pragmatische Ebene, LE — logische Ebene, SE — Sprachebene, Der.-R. — Derivationsreihe, A — Apellativ, H — Homonym, S — Synonym, B — Begriff, D — Denotat, ... — gemeinsame Lautform.

Das Schema I zeigt das Prinzip, auf dessen Grund die lexikalische Homonymie funktioniert. Die Homonyme sind gleichlautende Wörter (gleich oder verschieden in ihrer Herkunft), verschieden in ihrer Bedeutung, in ihrer Beziehung zum Denotat auf der pragmatischen Ebene, verschieden in bezug auf den Begriff auf der logischen Ebene (Ebene des Denkens). Die paradigmatische Gleichheit kann vollständig oder unvollständig sein (z. B. *pero I*, *pero II* — volle Homonyme, *kura I*, *kury Fem. Henne*; *kura II*, *kuraťa Neutr. Hühnchen* — unvollständige Homonyme). Bei der völligen paradigmatischen Ungleichheit, z. B. *mat* — *mám*, *haben* — Verbum; *mat*, matere, Fem. Subst. Mutter — hier kann man nur von Homophonie sprechen. Auf der Sprachebene werden die Homonyme noch durch die spezielle selbständige Derivationsreihe charakterisiert und ebenfalls von einer eigenen synonymischen Reihe gekennzeichnet.

Außerdem muß man immer die Valenz, die Kombinationsfähigkeit des homonymischen Paars auf der Ebene der Syntagmatik berücksichtigen. Die Verschiedenheit der lexikalisch-semantischen Kategorien bei den Homonymen haben verschiedene (ungleiche, mannigfaltige) Bestimmungen, Ergänzungen usw. auf der Syntaktischen Ebene zur Folge. Schematisch wird es so dargestellt: $A \dots + I H + \dots B \leftrightarrow C \dots + II H + \dots D$.

Bei einem homonymischen Paar gibt es Beschränkungen verschiedener Art: logische — auf der logischen Ebene müssen sich die Homonyme durch verschiedene

(bis extreme) logische Kategorien differenzieren (*sklákva* I — Tätigkeit, *sklákva* II — Ort der Tätigkeit), (*narúbať* I — viel hacken, *narúbať* II — nur ein bisschen hineinschneiden, einhacken = *nadrúbať*) ; psychologische : unbrauchbar ist *čeliadka* pejorativ in der Bedeutung Familie, zugleich ethische, historische usw. Beschränkungen (z. B. slow. heute differenziert *radok* — *riadok*, *mesto* — *miesto*), sprachliche (wortbildende) Beschränkungen: *básnička* (Gedicht) — *básnik* (Dichter) — (*básnička*) — *poetka* (Dichterin); Kakophonie, Doppelsinnigkeit, Humor usw.

Das Schema der Synonymie (Schema II) im Gegensatz zum Schema der Homonymie (Schema I) zeigt, daß man bei der Synonymie nicht die Relationen einer zweiten Reihe des Benennungspaares auf allen Ebenen beachten muß. Deshalb scheint das Schema II im Vergleich mit Schema I so einfach und eindeutig.

Das Schema I deutet auf eine relative Selbständigkeit, auf eine Zergliederung der auf der paradigmatischen, syntagmatischen, derivativen, synonymischen usw. Achse charakterisierten Erscheinungen der Homonymie. Die Definition der Homonymie erfordert eine weitere Präzisierung und weitere Ergänzungen. Es geht um die Beschränkung des Begriffes „Zeichen“. Im Falle der lexikalischen Homonymie setzen wir in der Definition Wort, Benennung hinzu. Das bedeutet, daß wir die Homonymie als lexikalische Homonymie begreifen.

Wenn wir in die Definition der Homonymie (ein) Lexem hinzufügen, bedeutet das, daß es uns nicht um irgendein Lexem geht, sondern um eine solche lexikalische Einheit, die zur gleichen Wortart gehört wie das homonyme Lexem, das heißt homonym sind solche Lexeme, die prinzipiell in dieselbe Wortart gehören. Daher weigern wir uns ein solches Kriterium für eindeutig und klar anzuerkennen (wie es während einer langen Zeit in der sowjetischen Sprachwissenschaft und demzufolge auch in unserer Lingistik — vergleiche Ďurovič und Mistrík — anerkannt wurde) demnach zwei gleichlautende Wörter offensichtliche Homonyme sind, auch wenn sie zu unterschiedlichen Wortarten gehören (so Achmanova, Kolesnikov, Malachovskij und viele andere). Eine ganze Menge von Beispielen führt Mistrík in der Studie: *Homonymia v slovenčine* (Homonymie im Slowakischen) an. Von den sowjetischen Autoren war es Maslovova-Lašanskaja (1973), die ihren Zweifel über die Richtigkeit des Kriteriums der Homonymie im Falle einer Zugehörigkeit zu verschiedenen Wortarten ausgedrückt hat.

Man muß den Begriff der Homonymie als Erscheinung der Gleichwertigkeit (zur Übereinstimmung der phonetischen Gestalt der Zeichen, der Wörter, der Lexeme kommt die Übereinstimmung der Wortart in der grammatischen Charakteristik hinzu) anerkennen und man muß aus dem Gebiete der Homonymie die Wortpaare der „sogenannten“ Homonyme ausschließen, die zu unterschiedlichen Wortarten gehören und nur in einigen Wortformen mit den zu einer anderen Wortart gehörenden Wörtern übereinstimmen. Wir haben die folgenden Beispiele aus Mistríks Studie (1977, S. 190) gewählt: *krásne* (schön — Adjektiv), *krásne* (schön — Adverb), *lep* (Imperativ des Verbums *lepiť* — kleben), *lep*, -u M. (Substantiv —

Leim), *plač* (Imperativ des Verbums *plakať* — weinen) — *plač*, -u M. (Substantiv — Weinen), *jedlo* (3. Person SG. Vergangenheit Neutr. des Verbums *jest* — essen) — *jedlo*, -a Neutr. (Substantiv — Essen), *váha* (3. Person SG. Gegenwart des Verbums *váhať* — zögern) — *váha*, -y Fem. (Substantiv — Gewicht) usw. Ferner führt er noch solche Beispiele an: *mať* (matka — Substantiv — Mutter) und *mať* (mám — Verbum — haben), *kry* (von ker — Substantiv — Strauch) und *kry* — (Imperativ vom Verbum *kryť* — verstecken) usw.

Das bedeutet, daß wir im Falle der Homonymie jedes einzelne der Lexeme als einen untrennbaren Komplex der lexikalischsemantisch-grammatischen und phonetischen Komponenten auffassen. Deswegen ist es nicht recht möglich eine einzige Form eines Verbums und eines Substantivs, ein Adjektiv und ein Adverb, eine Vorwortverbindung und ein Lexem usw. zu vergleichen (siehe v otcovom und vodcovom, Mistrík, 1977, S. 191).

Manche Forscher (z. B. in *Manual of Lexicography*, S. 81; Peciar) betrachten solche Fälle, wo es sich bei zwei oder mehreren gleichlautenden Wörtern nicht um Koinzidenz des ganzen Paradigmas sondern nur um Übereinstimmung einiger Formen handelt, als partielle Homonyme oder Konversion. Hierher reihen sie solche Wörter wie: *večer*, -a M. — Abend (Substantiv) und *večer* — abends (Adverb), *zima*, -y F. — Kälte, Winter (Substantiv) und *zima* — kalt (Adverb), *mať*, matere F. (Substantiv — Mutter) und *mať* — mám (Hilfszeitwort — haben) und ähnliche Wörter. Unserer Meinung nach handelt es sich in allen Fällen dieses Typus um selbständige, nicht homonyme Lexeme, eventuell um zufällige Homophonie und Homographie. Einige Beispiele wie *lov!* (Imperativ des Verbums *loviť* — fangen, jagen) und *lov*, -u M. (Substantiv — Jagd) und ähnliche bezeichnen manche erwähnten Forscher mit dem Begriff konversive Homonyme (siehe Malachovskij, 1974, S. 278).

Wenn wir die ursprüngliche Definition der Homonymie noch mit der folgenden Präzisierung ergänzen: es handelt sich bei der Homonymie um die Identität der geschriebenen (graphischen) und phonetischen Formen zweier oder mehrerer Wörter, dann scheiden aus dem Gebiete der Homonymie automatisch die Wörter aus, die unterschiedlich geschrieben, aber gleich ausgesprochen werden (Homophone) und die Wörter, die gleich geschrieben, jedoch anders ausgesprochen werden (Homographe). Und so treten immer klarer und eindeutiger die Grenzen zwischen Homonymie und Homophonie und auch zwischen Homonymie und Homographie hervor. Infolgedessen werden die unterschiedlich geschriebenen, aber gleichlautenden englischen Wörter wie zum Beispiel: *right*, *rite*, *write*, *wright*; *knight*, *night* usw. nicht als Homonyme betrachtet. *Manual of Lexicography* (S. 78) hält sie nicht für Homonyme sondern nur für Homophone. Mit einer solchen Wertung sind wir einverstanden. Im soeben erwähnten Werk werden die Wörter *panický* (Adjektiv von *panic* — deutsch nur „jungfräulich“) und Adjektiv von *panika* — d. h. panisch (einmal mit ň, ein anderes mal mit n ausgesprochen) nicht als Homonyme (es han-

delt sich um phonetisch unterschiedliche Wörter), sondern nur als Homographen betrachtet. Auf diese Weise scheiden aus dem Bereich der Homonymie die phonetisch-lexikalischen Homonyme (Beispiele bei Mistrik: *biť* (schlagen) — *byť* (sein), *vír* (Strudel) — *výr* (Uhu), *plob* (Frucht) — *plot* (Zaun), *prúd* (Strom) — *prút* (Rute), *snob* (Snob) — *snop* (Garbe) usw.), und die phonetisch-grammatischen Homonyme aus (Beispiele dafür bei Mistrik): *panický* — panisch (von *panika*) — *panický* — „junfräulich“ (?) (von *panic*), *nite* (n-) von *nit* (Niet) und von *niť* (ñ-) (Zwirn) usw.

Es folgt aus dem Gesagten, daß man die Homonymie auf der einen Seite mit der Homophonie (rein phonetische Übereinstimmung zweier oder mehrerer Wörter), auf der anderen Seite mit der Homographie (bloß in der graphischen Form stimmen zwei oder mehrere Wörter überein) nicht identifizieren kann. Die Homonymie ist eine viel kompliziertere und komplexere Erscheinung, die von einer ganzen Reihe von Kriterien verschiedener (linguistischer und nichtlinguistischer) Ebenen abgegrenzt ist. Außerdem ist es natürlich, daß bei Homonym-Paaren oder Homonym-Reihen nur homogene, aus derselben Sprachebene und nicht aus unterschiedlichen Sprachebenen oder Sprachplänen gewählte Erscheinungen in Betracht gezogen werden. Deshalb kann man z. B. nicht vergleichen und als homonymes Paar nebeneinander reihen: *vo svete* (in der Welt) — *v osvete* (in der Aufklärung); *chod' sa* (geh dich...) — *chodca* (Gänger); *od činu* (von der Tat) — *otčinu* (Heimat); *redšie* (seltener) — *rečie* (sagt) (Mistrík, 1977, S. 191), *zle piť* (schlecht trinken) (Syntagma) — *zlepíť* (zusammenkleben) (Verbum) usw. (S. 186).

Von den homonymen Erscheinungen unterscheiden sich eindeutig und klar sowohl logisch wie auch linguistisch und auch pragmatisch (also auf allen Ebenen) die homoformen Phänomene. Seit der Zeit von Ch. Bally gilt jene Definition der Homonymie, laut der als Homonyme diejenigen gleichlautenden Zeichen (Wörter) betrachtet werden, die in der Realität unterschiedliche Gegenstände, Erscheinungen bezeichnen, das heißt Wörter, die sich semantisch unterscheiden. Dieser grundlegenden logisch-semantischen und pragmatischen Forderung, diesem elementaren Wesentlichen der Homonymie bestimmenden Prinzip oder Kriterium widerspricht die Eingliederung der sogenannten grammatischen Homonyme (z. B. nach Kolesnikov, Mistrik und anderen) in den Bereich der lexikalischen Homonymie.

Da es bei gleichen Formen der Wörter eines und desselben Lexems im Rahmen des Paradigmas in Wirklichkeit nicht um zwei Begriffe geht, und auch nicht um zwei Denotate, sondern bloß um Formen eines Lexems, die im Text verschiedene grammatische Funktionen erfüllen können, kann man diese Homoformen nicht als lexikale Homonyme anerkennen. Folglich müssen Kolesnikovs (1978) Pseudohomonyme (Typ 3 und 6 — vgl. S. 5—6) aus dem Gebiet der Homonyme ausgeschlossen werden. Bei Mistrik (1977, S. 189—190) handelt es sich um den Typ G (grammatische Homonyme). Unbegründet, unlogisch werden hierher identische Formen

von Substantiven, z. B. zum Musterwort *žena* (Weib), *dlaň* (Handfläche), *kost'* (Knochen), Formen von Adjektivalien, identische Formen von Pronomina usw. eingereiht. Zum Typ rein grammatische Homonyme fügt Mistrik unbegründet auch lexikal-grammatische Pseudohomonyme vom folgenden Typ hinzu, wie z. B. das Wortpaar: Imperativ Sg. des Verbums fahren, *fahre!*, *voz!* — Substantiv Wagen, *voz*, -a, usw., denn hier handelt es sich um zu unterschiedlichen Wortarten gehörende Wörter und nicht um Koinzidenz der Formen im Rahmen eines Paradigmas und desselben Lexems wie im Falle des Substantivs *kost'* (Knochen), 2. F. Sg. *kosti*, 3. F. Sg. *kosti*, 1., 4. F. Pl. *kosti* u. a.; weiterhin um graphisch, orthographisch unterschiedliche Formen desselben Wortes, z. B. verschiedene Formen der Pronomina und Adjektive: „*mi* — *my*, *pekní* — *pekný*, *samí* — *samý*, *ktorí* — *ktorý*...“ (S. 191).

Durch die Ausschließung pseudohomonymer Erscheinungen aus dem Gebiet der Homonymie, und zwar zufälliger Homophone, Homographen und Homoformen bekommen wir eine klare Vorstellung über die homonymen Erscheinungen.

Beim Studium der Problematik der lexikalischen Homonymie erweist sich als eines der schwersten Probleme die Unterscheidung einer klaren Grenze zwischen der Homonymie und Polysemie (vom synchronischen oder diachronischen Standpunkt aus betrachtet). Da bei einem polysemantischen Wort nur die innere semantische Struktur erforscht wird, muß man bei Homonymen neben der semantischen Struktur der beiden Homonyme auch auf die derivativen Gruppen und auf die synonymischen Reihen immer Rücksicht nehmen. Dies ist eine gesonderte Problematik und bildet nicht den Gegenstand unseres Artikels.

Manchmal ist es unklar, welcher metonymische, übertragene Gebrauch eines Wortes für verwandte Begriffe noch als Metonymie, Metapher (d. h. Polysemie) oder schon als Homonymie betrachtet werden soll. Meistens werden die Fälle, bei denen der innere semantische Zusammenhang der Wörter verloren gegangen ist (und homonyme Lexeme auch selbständige derivative Reihen bilden), als Homonyme betrachtet (*pero* I, II, *kontrola* I, II, aber *škola* — noch polysemantisch). Und umgekehrt die Wörter, bei denen noch immer der innere semantische Zusammenhang deutlich ist, werden als metonymische, metaphorische usw. Übertragung betrachtet.

Sehr interessant wäre es die synonymischen Reihen bei polysemischen und bei homonymischen Lexemen zu konfrontieren. Schema II zeigt, wieviel einfacher die Verhältnisse zwischen einem monosemischen Wort und seinen Synonymen sind und Schema I dagegen zeigt zwei Homonyme und deren differenzierte synonymische Gruppen.

Noch komplizierter wären Schemata der synonymischen Reihen bei polysemantischen Wörtern und bei polysemantischen homonymen Lexemen und deren synonymische Reihen.

In den Bereich der homonymen Phänomene müssen auch die wortbildenden

Homonyme eingegliedert werden. Mit der Problematik der wortbildenden Homonymie haben sich in der letzten Zeit sowjetische Sprachforscher viel befaßt, wie z. B. Tichonov, Ščigareva, Vinogradova, Im, Manučarian und andere (Beispiel: *skládka* I — Prozeß — Abladen; *skládka* II — Lager).

Zu der Grundproblematik der Theorie der lexikalischen Homonymie gehört die Klassifikation und Typologie der Homonyme. Je nach den Kriterien, die bei der Klassifikation der Homonyme gebraucht werden, unterscheidet man verschiedene Klassen und Typen von Homonymen, z. B.:

1. Nach der Zugehörigkeit zu den Redeteilen unterscheidet man: substantivische, adjektivische, verbale ... usw. Homonyme (Beispiele: *jačmeň* I — Gerste, *jačmeň* II — Gerstenkorn; *parabolický* I — litwiss. parabolisch I, *parabolický* II — geom. parabolisch II; *drhnúť* I — reiben, *drhnúť* II — sich abplagen usw.).

2. Nach dem Kriterium der historischen Entstehung oder gegenwärtigen Bildung der Homonyme: die historischen oder gegenwärtigen Homonyme (z. B. tschech. *prst* I — Finger, *prst* II — Humuserde, slow. *prst*); (*čeliadka* I — Familie, *čeliadka* II pejor. — Gesindel).

3. Nach dem stilistischen Kriterium unterscheidet man: stilistisch gefärbte oder neutrale (stilistisch nicht gefärbte) Homonyme (z. B. *hmotnosť* I — Materialität; *hmotnosť* II — phys. Terminus Gewicht).

4. Nach der Herkunft der homonymischen Wörter unterscheidet man die einheimischen oder fremden Homonyme, evtl. ein Homonym aus der Nationalsprache, eines aus der Fremdsprache, evtl. alle Homonyme fremder Herkunft (z. B. *pero* I — Feder, *pero* II — Spiralfeder; *čelo* I — Stirn, *čelo* II — Cello; *atlas* I—IV — Atlas I—IV).

5. Nach dem Charakter der Wortbildung unterscheidet man verschiedene Typen der derivativen Homonyme (von lexikalischen Homonymen gebildet: *čelo* I — *čelový* I, *čelo* II — *čelový* II; von nicht Homonymen gebildete: *aut* — *autový* I, *auto* — *autový* II; *kríza* — *kritický* I, *kritika* — *kritický* II; *panic* — *panický* I, *panika* — *panický* II usw.; *nad-robit* I — *na-drobiť* II, *čistič* — *čistička* I, *čistiť* — *čistička* II usw.)

6. Je nach der Zugehörigkeit der Homonyme zu festen Redewendungen (oder Nichtzugehörigkeit zu Redewendungen) spricht man von homonymischen Phraseologismen oder von Nichtphraseologismen (z. B. *zahryznúť do kyslého jablka*; *jedna noha sem, druhá tam*; *Jožko sem, Jožko tam*, *chláp sem, chlap tam*).

7. Es gibt onomastische und appellativische Homonyme, je nach dem, ob die Homonyme zu Eigennamen oder zu Appellativen gehören (z. B. *Dunaj* I — Fluß, *Dunaj* II — Geschäft, *Dunaj* III — Eigenname usw.; *kubánsky* I von Kuba, *kubánsky* II von Kubán — ukrainisch). Die Problematik der Klassifikation und Typologie der Homonyme ist sehr reich — und wir konnten sie hier nur auf das Kürzeste fassen.

Jedes homonymische Paar muß extra geprüft und bestätigt werden.

Es bleibt noch unsere Stellungnahme zu Erscheinungen wie: die Satzhomonymie, die Syntaxhomonymie, die Texthomonymie der Sätze (Kontexthomonymie) (siehe Dressler, 1973, S. 58) in Kürze zu erläutern. Es geht aus dem unterschiedlichen Wesen und aus der verschiedenen Art der lexikalischen Homonymie und der Syntax- und Satzhomonymie (evtl. der Texthomonymie) hervor, daß man hier die beiden unterschiedlichen Phänomene nicht in eine und dieselbe Definition einschließen kann. Während es sich zum Beispiel in der logischen Ebene lexikalischer Homonymie um den entsprechenden Begriff handelt, haben wir beider Satzhomonymie in der logischen Ebene die Prädikation (den Sinn) als dem Satz auf der Sprachebene entsprechende Einheit (resp. einer bestimmten Satzart entsprechende Einheit).

Diese Tatsache der logischen Ebene hat ihre Folgen auf der Sprachebene und auch auf der pragmatischen Ebene. Auf der Sprachebene geht es um den Satz als grundlegende homonyme Einheit (resp. um ein Fragment des Textes, des Kontextes) und auf der pragmatischen Ebene entspricht den homonymen Sätzen ein unterschiedlicher Ausschnitt der Realität, ein Komplex von Denotaten, eine Situation, eine Konsituation usw.

Während es sich bei der lexikalischen Homonymie in der Beziehung der sprachlichen und pragmatischen Ebene vor allem um die designative Funktion des Zeichens (Wortes, Lexems) handelt, geht es bei der Syntaxhomonymie hauptsächlich um die konnotative Funktion des Sprachausdrucks.

Es stellt sich heraus, daß wir es im Falle der Syntaxhomonymie mit einer Erscheinung unterschiedlichen Charakters, mit einer anderen Ebene und mit gänzlich verschiedenen logischen, linguistischen, stilistischen und kommunikativen Funktionen, als bei der lexikalischen Homonymie zu tun haben, deswegen betrachten wir diese Problematik als eine besondere, die ganz unabhängig untersucht werden muß. Dies ist nicht der Gegenstand unseres Artikels.

Die Autoren des Manual of Lexicography (S. 84) haben festgestellt, daß auf die Bestimmung der Homonymie als Spracherscheinung nicht nur Systemerscheinungen der konkreten Sprache einwirken, sondern auch lexikologische Theorien und lexikographische und auch grammatische Traditionen. Früher haben wir angedeutet, daß die slowakischen Theorien der Homonymie (Durovič und Mistrík und auch die gegenwärtige lexikographische Praxis) unter entscheidendem Einfluß sowjetischer Linguisten und ihrer Ansichten bezüglich einer weit — sogar zu weit — begriffenen Homonymie stehen.

In diesem Beitrag ging es uns nicht im geringsten um die Darlegung eines Abrisses der Geschichte der Probleme der Homonymie (weder bei uns noch im Ausland), es ging uns auch nicht um die Widerspiegelung der Theorien der Homonymie in der lexikographischen Praxis (dies könnte der Gegenstand einer anderen, selbständigen Studie sein), sondern es ging uns um das Auffinden des Wesens der Homonymie und um die Unterscheidung dieser von anderen verwandten Erscheinungen sowie auch von den Pseudohomonymen.

LITERATUR

- ACHMANOVÁ, O. S.: Slovar' omonimov russkogo jazyka. Moskva, Izdatelstvo Enciklopedija 1974, S. 5 f.
- BLANÁR, V.: Poznámky o homonymii, antonymii a synonymii vlastných mien. In: Jazykovedné štúdie, 13. Ružičkov zborník. Red. J. Horecký. Bratislava, Veda 1977, S. 37—43.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava, Veda 1974, S. 78.
- DOLGICH, I. A.: Različnyje aspekty izuchenija metonimii. In: Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Red. Kollektiv. Praha, Universita Karlova 1974, S. 209—225.
- DRESSLER, W.: Einführung in die Textlinguistik. 2. Aufl. Tübingen, Max Niemeyer Verlag 1973, S. 58.
- DVONČ, L.: O polysémii a homonymii z hľadiska gramatického rodu. Jazykovedný časopis, 11, 1960, S. 103.
- FILIPČ, J.: Česká synonyma z hľadiska stylistiky a lexikologie. Praha, Nakladatelství ČSAV 1961, S. 9, 22, 36, 40, 191, 213, 242, 249, 259.
- Filosofie — metodologie — věda. Autorenkollektiv. Red. F. Čížek. Praha, Nakladatelství Svoboda 1969, 448 S.
- FINDRA, J.: O funkčných možnostiach polysémie a homonymie. Slovenská reč, 43, 1978, Nr. 3, S. 129—139.
- HELCL, M.: Z diskusie (o homonymii). In: Lexikografický zborník. Red. Š. Peciar. Bratislava 1953, S. 76—80.
- HORECKÝ, J.: Zložené príavné mená v slovenčine. In: Jazykovedné štúdie, 13. Ružičkov zborník. Red. J. Horecký. Bratislava, Veda 1977, S. 131—137.
- IM, S. B.: Omonimija suffiksov i jejo sňatiye morfologičeskimi sredstvami. In: Aktualnyje problemy russkogo slovoobrazovaniya. I. Red. A. N. Tichonov. Taškent, Taškentskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut imeni Mizani 1975, S. 22—225.
- KARCEVSKIJ, S.: Du dualisme asymétrique de signe linguistique. In: TCLP I, Praha 1929, S. 88—93.
- KIM, O. M.: Omonimija na urovne častej reči i jejo otráženie v slovare. In: Aktualnyje problemy russkogo slovoobrazovaniya. I. Red. A. N. Tichonov. Samarkand, 1972a, S. 102—107.
- KIM, O. M.: Omonimija na urovne častej reči i jejo otноšение k slovoobrazovaniju. In: Aktualnyje problemy russkogo slovoobrazovaniya. II. Materialy respublikanskoj naučnoj konferencii (12.—15. sent. 1972 g.). Red. A. N. Tichonov. Samarkand, 1972b, S. 203—205.
- KOLESNIKOV, M. P.: Slovar' omonimov. Tbilisi, Izdatelstvo Tbilisskogo universiteta 1978, 628 S.
- KURYŁOWICZ, J. R.: Zametki o značenii slova. Voprosy jazykoznanija, 1955, Nr. 3, S. 73—81.
- KUTINA, L. L.: Omonimy v tolkovych slovariach russkogo jazyka. (Akademičeskaja leksikografija dorevolucionnoj pory.) In: Leksikografičeskij sbornik. II. Red. O. S. Achmanova u. a. Moskva, Gosudarstvennoje izdatelstvo inostrannych i nacionálnych slovarej 1957, S. 54—65.
- Lexikografický zborník. Red. Š. Peciar. Bratislava, Veda 1953, S. 63—75; Diskussion S. 76—82.
- LYONS, J.: Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press 1969, S. 7, 39, 40, 90 f., 287, 400 f.
- LYONS, J.: Semantics. I, II. 2. Aufl. Cambridge, Cambridge University Press 1978. II. Bd., S. 550—569.
- MALACHOVSKIJ, L. V.: O vozmožnostijach sravnitelno-tipologičeskogo issledovanija omonimii. (K voprosu o semantičeskikh universalijach.) In: Problemy semantiki. Red. V. M. Solncev. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1974, S. 272—278.
- MASLOVOVA-LAŠANSKAJA, S. S.: Leksikologija švedskogo jazyka. Leningrad, Izdatelstvo Leninskogorskogo universiteta 1973, S. 58.
- MISTRÍK, J.: Homonymia v slovenčine. In: Jazykovedné štúdie, 13. Ružičkov zborník. Red. J. Horecký. Bratislava, Veda 1977, S. 185—194.
- Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae paleosloveniae — 2 Úvod — Prolegomena. Red. J. Kurz. (Verfasser der Einleitung F. V. Mareš, S. XXIX.) Praha, Nakladatelství ČSAV 1959.

- Slovník spisovného jazyka českého I—IV (SSJČ). Red. B. Havránek. Praha, Academia 1960—1971.
- SOBOLEVA, P. A.: Slovoobrazovateľnaja struktura slova i tipologija omonimov. In: Problemy strukturnoj lingvistiki. Red. V. P. Grigorijev. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1978, S. 5—33.
- Staročeský slovník. Red. B. Havránek. (Verfasser der Einleitung Z. Tyl, S. 19—53.) Praha, Academia 1968.
- ŠANSKIJ, N. M.: Očerki po russkomu slovoobrazovaniju i leksikologii. Moskva, Gos. uč.-ped. izdatelstvo MP RSFSR 1959, S. 157 ff.
- UFIMCEVA, A. A.: Slovo v leksiko-semantičeskoj sisteme jazyka. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1968, S. 50 ff.
- ULLMANN, S.: Grundzüge der Semantik. Deutsche Fassung S. Koopmann. Berlin, Walter de Gruyter 1967, S. 123 ff., 137 ff.

Иерархизация атрибутов в словацком языке

ЯН КАЧАЛА

1. Атрибут является весьма дифференцированным членом предложения. Это видно главным образом в синтагмах, в которых к определяемому существительному присоединяется несколько неоднородных определений. Настоящая статья посвящена анализу дифференциации таких атрибутов и определению их иерархии.

1.1 Существительное как главный член атрибутивных синтагм обладает, по сравнению с глаголом, способностью теснее связывать распространяющие его члены предложения (Kačala, 1979). Эта более тесная связь касается как грамматической формы второстепенных членов предложения, обусловленной определяемым существительным, так и их фиксированного расположения, причем эта связь обусловлена лексико-семантическими и, в частности, грамматическими свойствами существительного как части речи. Под лексико-семантическими свойствами мы подразумеваем прежде всего то, что имя существительное – это «наименование самостоятельно существующего без учета времени» (Pauliny, 1958, с. 22). Такое наименование предполагает существование наименования «несамостоятельно существующего без учета времени» (Pauliny, 1958, с. 22). С этим связана лексико-семантическая сочетаемость существительных, их способность сочетаться с наименованиями признаков на базе общих семантических свойств образующих синтагму наименований. Под грамматическими свойствами мы понимаем, в частности, то, что в формах существительного отражаются грамматические значения, или же грамматические категории рода, числа и главным образом падежа. С этим связана грамматическая сочетаемость существительных, т. е. их способность сочетаться с грамматически обусловленными наименованиями в соответствующих согласованных или несогласованных формах. Лексико-семантическая и грамматическая сочетаемость существительного находятся в диалектическом единстве.

1.2 Упоминаемая выше более прочная грамматическая связь определяющих членов имени существительного отчетливо проявляется в том, как эти

определяющие члены приспосабливаются к определяемому существительному по форме (согласованные определения), или в том, какой формы требует определяемое существительное от управляемых второстепенных членов предложения (несогласованные определения), или же в том, какую позицию по отношению к определяемому существительному занимают согласованные определения, выражаемые разными частями речи и имеющие разную семантику, с одной стороны, и несогласованные определения, выражаемые разными частями речи и в разной форме и имеющие разную семантику, с другой стороны. Результатом такого построения компонентов именной группы является то, что структура последней грамматически значительно прочнее структуры глагольной группы. Подобные высказывания относительно именной и глагольной групп находим и у других исследователей. Горецки (1959, с. 56–57) о порядке слов в субстантивных синтагмах пишет: «О порядке слов в собственном смысле слова можно говорить лишь по отношению к членам предложения, главным образом в детерминативной синтагме атрибутивного типа. Именно в этом типе находят применение все факторы словопорядка, но в первую очередь, возможно, фактор грамматический.» Ружичка (1974, с. 196), говоря о порядке слов в глагольных синтагмах, замечает: «Ни один член предложения, лежащий в интенционном поле Vf, не имеет в словацком предложении фиксированного места.» Кратко это состояние можно охарактеризовать так: в основе порядка членов именной группы лежит грамматический принцип, в то время как порядок членов глагольной группы обусловлен потребностями смыслового построения предложения или же актуального членения предложения.

2. Атрибут является зависимым членом синтагмы с существительным в функции главного члена. С синтаксической, семантической и лексико-морфологической точек зрения он представляет собою единый член предложения, но одновременно в синтаксическом, семантическом и лексико-морфологическом отношении он очень дифференцирован.

Синтаксическую дифференциацию атрибута мы видим главным образом в том, что два вида определения – согласованное и несогласованное – заложены на различных грамматических принципах, и в том, что к одному главному существительному могут присоединяться два, три и четыре неоднородных определения, между которыми нет никакой синтагматической связи; напр., согласованное и несогласованное определения: *zaujímať príbeh o roľníkovi, dlhý čas čakania*; далее – одно согласованное и два несогласованных определения: *dobré predpoklady mladých uplatniť sa, najnovšia vyhláška ministerstva školstva o rigoróznom konaní*; два несогласованных и одно согласованное в постпозиции: *práce Martina Kukučína zo slovenskej dediny, citované na začiatku štúdie*; два несогласованных, причем второе обусловлено наличием первого:

uzatváranie manželstiev mladistvými, obrábanie pôdy družstevnými rolníkmi (последние, а также другие случаи синтаксической дифференциации атрибута мы рассмотрим во второй части статьи).

Семантическую дифференциацию атрибута следует видеть в разнообразии семантики, выражаемой оборотами с функцией атрибута не только на уровне семантического построения предложения, сколько в конкретных предложениях (высказываниях). Семантическая дифференциация атрибута обусловлена прежде всего необходимостью распространить с различных сторон выступающее в качестве главного члена определительной синтагмы имя существительное (как одно из двух главных частей речи) в самых различных позициях в предложении; кроме того, семантика имени существительного также весьма пестра и разнообразна. С этим непосредственно связан тот факт, что и семантика распространяющего атрибута чрезвычайно дифференцирована и богата. На высшей ступени обобщения мы говорим о признаке как смысловом наполнении выражения с функцией атрибута.

На низшем уровне абстракции можно говорить об атрибуте со значением субъекта действия (*návrat otca, napadnutie človeka medvedom*), объекта действия (*ukladanie kníh, polievanie vodou*), адресата действия (*dar republike*), инструмента действия (*kosenie ručnou kosou, kombajnom*), действия (*rozhodnutie odísť*), качества (*chôdza krokom*), количества (*veľa ľudí*), меры (*papier strednej veľkosti*), времени (*prelet v noci, čaj o piatej, príchod zrána*), места (*návrat domov, práca na stavbách, auto pred domom*), причины (*neprítomnosť pre chorobu, skákanie od radosťi*) и с другими значениями. У несогласованных атрибутов эти значения обусловлены значениями соответствующих наименований в исходных конструкциях (напр., конструкция *napadnutie človeka medvedom* является трансформатом исходного предложения *človeka napadol medved'*, причем семантика исходной конструкции переходит и во вторичную именную конструкцию).

С семантической дифференциацией связана лексико-морфологическая дифференциация атрибута. Она определяется тем, что в функции атрибута могут выступать все знаменательные части речи, а в рамках изменяемых частей речи – все морфологические формы. При этом речь идет не только о морфологических формах, зависящих от формы определяемого существительного в случаях с согласованными определениями; и при существительных в роли несогласованного определения следует учитывать весь богатый репертуар беспредложных и, в частности, предложных падежей.

3. С синтаксической, семантической и лексико-морфологической точек зрения самой значительной является разница между согласованным и несогласованным определениями. Это положение о максимальной дифференциации касается синтаксической весомости и расположения этих двух видов атрибута,

их семантики, а также и выбора части речи и морфологических средств для их реализации. В синтаксическом отношении важно то, что согласованное и несогласованное определения имеют фиксированную позицию: согласованное – препозитивную, несогласованное – постпозитивную. Согласованное определение находится в постпозиции лишь в том случае, если оно выступает в функции полупредикативной конструкции: *farebná publikácia, venovaná stredovekému ľutepiu*. Если к определяемому существительному присоединяются и несогласованные определения, находящиеся, естественно, в постпозиции, то согласованное определение в функции полупредикативной конструкции стоит только после них: *neľudský spôsob ničenia tejto šelmy, nedôstojný správneho roľovníka*. Это связано, несомненно, и с тем, что по своей функции полупредикативная конструкция близка придаточному предложению. Придаточное предложение, которое, правда, также следует считать несогласованным определением, стоит тоже после постпозитивных несогласованных определений: *pokročil k veľkej bráne kúsok povyše, ktorú od bližšej chalupy oddelovala záhrada*.

3.1 Если в постпозиции имеется несколько несогласованных определений, то они всегда дифференцированы с точки зрения синтаксической весомости и словопорядка, а также в семантическом и лексико-морфологическом отношении (неоднородные определения к одному и тому же определяемому существительному имеют, как правило, разную морфологическую форму). На первом месте, непосредственно за определяемым существительным, стоит более близкий с синтаксической точки зрения атрибут в родительном падеже, на втором, третьем или четвертом месте стоят более отдаленные с синтаксической точки зрения атрибуты, выраженные другими формами существительного, другими частями речи (словосочетаниями с числительными, инфинитивом глагола, наречием), или определительное придаточное предложение: *výrok súdu o neplatnosti manželstva; vzrast počtu vozidiel o päť percent; predpoklady mladých uplatníť sa, ktoré sú dané spoločensky*; более отдаленное определение может находиться непосредственно при определяемом существительном лишь в том случае, если отсутствует более близкое определение в родительном падеже: *rozsiahlejšia štúdia o dialekтиke vedeckého myslenia, v ktorej sú rozvedené moderné princípy; totálna zaostalosť v básnických jazykových prostriedkoch*.

3.2 В структуре препозитивных определений грамматический принцип проявляется в том, что определения по форме согласуются с определяемым существительным. Если речь идет о нескольких препозитивных согласованных определениях, то их позиция по отношению к определяемому существительному определяется уже не грамматическим (такие определения имеют одинаковую грамматическую форму), а семантическим принципом: самый важный с семантической точки зрения атрибут стоит непосредственно при существительном, позиция остальных атрибутов зависит от смысловой иерар-

хии; дальше всех стоят местоимения, семантика которых является наиболее общей: *každý prvý závažný životný krok; taká netradičná televízna relácia* (подробнее см. Oravec, 1959, с. 68 и Mistrík 1966, с. 37 и далее).

4. Наметив общую проблематику в предыдущей, вводной части, рассмотрим более детально отдельные явления. Поскольку атрибут может располагаться по обе стороны от определяемого существительного, причем согласованное определение стоит перед существительным, а несогласованное, в свою очередь, – за существительным, естественным основным разграничительным знаком препозиции или постпозиции определения является его согласованность – несогласованность. Проблематика определения с этой точки зрения распадается на три вопроса: 1. определения в препозиции, 2. определения в постпозиции и 3. определения одновременно в препозиции и в постпозиции. Мы, конечно, не можем рассматривать здесь проблематику определения в полном объеме. Сосредоточим свое внимание лишь на некоторых явлениях, таких, которые важны с точки зрения иерархизации и которым до сих пор в грамматической литературе не уделялось должного внимания.

5. Определение в препозиции

5.1 Как мы уже отмечали, при расположении нескольких (неоднородных) согласованных атрибутов в препозиции соблюдается семантический принцип. Правда, речь при этом идет о построении синтагмы с определяемым существительным, а не о построении предложения. Семантический принцип приобретает решающее значение вследствие того, что грамматический принцип не позволяет отличить отдельные согласованные препозитивные определения друг от друга, так как они имеют одинаковое морфологическое оформление, определяемое формой определяемого существительного. Следовательно, место (позиция) согласованных препозитивных определений зависит от степени их семантической значимости для определяемого существительного: непосредственно при существительном стоит самое важное в семантическом отношении определение – такое определение имеет характер более близкого определения. Такие определения часто становятся частью многочленного словосочетания, т. е. сложного наименования. Более близкое определение не может свободно перемещаться с места при существительном на другое место, т. е. на место одного из более отдаленных определений: *moja každodenná biela káva; jeden profesorov hlavný referát*. Более отдаленное с семантической точки зрения определение может находиться непосредственно при определяемом существительном лишь в случае отсутствия более близкого атрибута: *moja každodenná káva — jeden profesorov referát — jeden referát*.

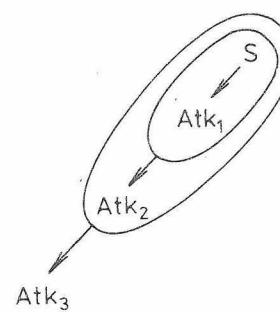
Порядок следования более отдаленных определений также обусловлен их семантической значимостью по отношению к определяемому существитель-

ному: чем дальше от определяемого существительного находится данное определение, тем меньше его семантическая значимость для этого существительного.

5.2 Так как речь идет об определениях, которые различаются с точки зрения их семантической значимости для определяемого существительного, важным является ответ на вопрос, как обстоит дело с собственно синтагматическим построением такого сочетания существительного с несколькими неоднородными согласованными определениями в препозиции. Дело в том, что теоретически можно исходить из предположения, что каждое из этих неоднородных определений связано с определяемым существительным самостоятельным синтагматическим отношением:

naše klasické domáce predstavy → domáce predstavy
klasické predstavy
naše predstavy

С чисто синтаксической точки зрения такое предположение было бы вполне обоснованным. Однако, как мы видели, решающую роль в расположении членов в таких сочетаниях существительного с несколькими неоднородными согласованными препозитивными определениями играет лексическая семантика. Поскольку последняя играет решающую роль в порядке слов в таком сочетании, ее следует учитывать и при синтагматическом анализе. С этой точки зрения мы приходим к заключению, что отдельные определения присоединяются к существующей единице, к существующему сочетанию циклически: основным является сочетание существительного с более близким определением. Более удаленное определение присоединяется к этой единице уже с учетом более близкого определения, присоединяясь к уже существующему сочетанию «прилагательное + существительное». Второе более удаленное определение затем присоединяется к словосочетанию как целому [прилагательное + (прилагательное + существительное)] и т. д. Схематически можно, напр., представить структуру описанного сочетания в следующем виде:

Пояснение обозначений: S = имя существительное, Atk = согласованный атрибут, $\leftarrow$ = синтагматическое отношение.

Следовательно, из сказанного выше вытекает, что при рассматриваемом типе атрибтивной синтагмы один атрибут не присоединяется непосредственно к другому. Точнее: согласованное адъективное определение не распространяется другим согласованным адъективным определением, более отдаленным от определяемого существительного. Значит, согласованное определение, выраженное адъективом, может распространяться лишь наречием в функции обстоятельства: *iné výdatnejšie* a *lahšie získateľné potravné zdroje*; *zázračne čisté belasé nebo*; *určitá vopred predpokladaná konkrétna súvislosť*; *dosiaľ neznáme inonárodné umelecké dielo*. Если в функции согласованного определения в препозиции выступает страдательное причастие, то при нем в качестве распространяющего члена предложения может стоять и дополнение: *elektrinou nabitá súčiastka*; *priamo predsedovi podriadení funkcionári*. Однако такое определение употребляется в препозиции, как правило, лишь в том случае, если в постпозиции к определяемому существительному имеется несколько несогласованных атрибутов. Обычно же такое определение выступает в роли полупредикативной конструкции, находящейся, естественно, после определяемого существительного: *súčiastka nabitá elektrinou*; *funkcionári podriadení priamo predsedovi*.

5.3 Как мы уже отмечали, синтагматическое отношение между существительным и распространяющими его членами при препозитивном согласованном определении выражается согласованием. Но факт тесной грамматической и семантической связи подчиненного и подчиняющего членов, равно как и их фиксированное взаиморасположение приводит нас к выводу, что в качестве способа реализации синтагматической связи между подчиненными членами и подчиняющим их существительным в такой синтагме используется примыкание, т. е. прочное и тесное расположение подчиненного члена по отношению к господствующему. Следует подчеркнуть, что примыкание выступает здесь, наряду с первичным согласованием, как вторичное средство реализации синтагматической связи. Особо следует отметить, что примыкание означает здесь лишь местоположение определяющего члена (определяющих членов) непосредственно при определяемом члене. Последовательность более близкого и более удаленных определений определяется, как уже было сказано, семантической значимостью определений по отношению к определяемому существительному.

5.4 Особое место среди согласованных препозитивных определений занимает обязательное определение. Под ним мы подразумеваем не определение в словосочетаниях типа : *podstatné meno*, *televízny prijímač*; *triedna kniha* и др., которые можно разложить на определяющий и определяемый члены лишь с формальной синтаксической точки зрения, так как синтагматическая конструкция здесь выступает в роли наименования. Под обязательным определением мы понимаем определение в таких конструкциях, как, напр. : *želaťniekomu bohaté nákupy*; *chodiť s otvorenými očami*, *s bosými nohami*, *s plnými rukami*; *vstať*

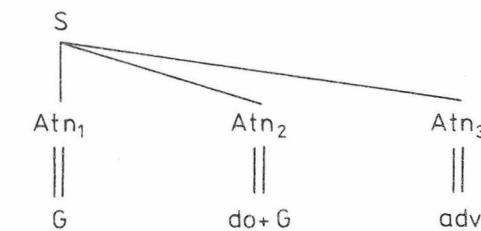
s pokojným svedomím, s dobrou náladou ; človek vysokej postavy, hrdina s kladnými vlastnostami ; občania poľskej národnosti ; rámk strednej veľkosti и т. п., в которых определение с семантической и синтаксической точек зрения является обязательным распространителем определяемого существительного. Обязательное определение встречается в конструкциях с существительными определенного семантического типа в роли главного члена ; эти существительные в сочетании с определенными главными членами нуждаются в таком обязательном определении на основании своей семантики, равно как и на основании типа синтагмы. Следует подчеркнуть именно наличие упомянутого главного члена этих синтагматических конструкций, так как без связи с таким главным членом обязательное определение при них не встречается, напр.: *urobiť* (*bohaté*) *nákupe*; *chrániť si* (*otvorené*) *oči*; *poradiť sa so* (*svojím*) *svedomím*. Само обязательное определение в конструкциях приведенного типа может распространяться наречием : *chodiť s úplne zatvorenými očami*, *vstať s veľmi dobrú náladou*, *človek stredne vysokej postavy*, или же вся синтагма с обязательным определением может распространяться более отдаленным определением : *hrdina so samými kladnými vlastnosťami*. В конструкциях с обязательным определением мы говорим о связанном члене предложения.

5.5 Особый случай определения в препозиции представляют несогласованные определения в конструкциях типа : *fajn chlapec*, *blond vlasy*, *nóbl správanie*, *nanič jedlo*, *mrcha človek*, *priama šaty*, *gala koncert*. В этих синтагмах на месте согласованного препозитивного определения стоит несогласованное выражение в роли адъектива. Синтагматическая связь между определяющим и определяемыми членами синтагмы реализуется, в отличие от рассмотренных выше синтагм, только примыканием : несогласованное выражение в роли адъектива стоит непосредственно при определяемом существительном, а именно перед ним. Эта позиция является единственным средством, сигнализирующим о грамматической связи несогласованного выражения с определяемым существительным. Несогласованное выражение имеет здесь характер более близкого атрибута, и вся атрибутивная синтагма может распространяться более отдаленным определением : *zreteľné blond vlasy*. Доказательством того, что более отдаленное определение относится ко всей синтагме *blond vlasy*, служит сопоставление такого более отдаленного определения с обстоятельством в такой же позиции : *úplne blond vlasy*. В то время как более отдаленное определение, несмотря на то что между ним и определяемым существительным стоит более близкое несогласованное определение, согласуется со своим главным членом, наречие относится только к несогласованному выражению в функции определения (*úplne blond*, *celkom fajn*), а не к существительному или ко всей атрибутивной синтагме в целом (синтагма *úplne vlasy* нереальна).

6. Определения в постпозиции

6.1 В отличие от конструкций с определением в препозиции, в словопорядке конструкций с определениями в постпозиции реализуется как сематический, так и грамматический принцип, и более отчетливо также лексико-морфологический принцип. Относящиеся к одному и тому же определяемому существительному неоднородные определения в постпозиции во всех трех вышеприведенных отношениях четко различаются и по своей общей структуре. Грамматический принцип проявляется в том, что неоднородные определения, в зависимости от их грамматической значимости по отношению к определяемому существительному, дифференцируются на более близкое и более отдаленное (более отдаленные) определения, причем эта дифференциация отражается и в порядке их расположения : непосредственно при определяемом существительном стоит более близкое определение, в то время как более отдаленные определения следуют за ним в порядке их значимости. Более отдаленные определения могут стоять непосредственно при определяемом существительном лишь в том случае, если оно не распространено более близким определением.

Семантический принцип проявляется в том, что неоднородные определения в постпозиции различаются по своей семантике. С этим тесно связан факт, что такие синтаксически или же грамматически различные определения с различной семантикой выражаются разными лексико-морфологическими средствами ; в этом состоит лексико-морфологический принцип при построении синтагмы с несколькими определениями в постпозиции. Эти утверждения мы проверим путем анализа словосочетания *vstop riaditeľa pracoviska do budovy hned' zľápa*. Схематическую структуру этого словосочетания можно изобразить следующим образом :

Пояснение обозначений : Atn = несогласованное определение, G = родительный падеж, adv = наречие, || – реализация члена предложения, что касается выражения его той или иной частью речи и его морфологического оформления.

Каждый из трех несогласованных определений в постпозиции находится в особой синтагматической связи с определяемым существительным, причем между отдельными атрибутами никакой синтагматической связи нет. Поэтому

речь идет о неоднородных определениях, и именно поэтому они синтаксически (иногда одновременно и морфологически) иерархизированы. Эта иерархизация проявляется в том, что ближе всех к определяемому существительному стоит более близкое определение, выраженное родительным падежом: между определяемым существительным и несогласованным генитивным определением нельзя вставить другое определение, относящееся к тому же существительному (Mathesius, 1947, с. 350). С точки зрения семантики в данном примере речь идет о родительном падеже субъекта действия, как показывает и исходная конструкция *Riaditeľ pracoviska vstúpil do budovy hneď zrána*, трансформацией которой в именную конструкцию возникла и анализируемая конструкция с тремя неоднородными определениями. За более близким определением следуют более отдаленные определения: первое выражено генитивом с предлогом *do* с отчетливым пространственным значением (согласно соответствующему члену в исходной конструкции), второе выражено наречием со значением времени (также согласно соответствующему компоненту исходной конструкции). Что касается более отдаленных определений в обеих конструкциях, то ясна их тождественность в отношении части речи и вообще морфологии.

6.2 Синтаксическая зависимость определений в постпозиции, в отличие от определений в препозиции, выражается не согласованием, а примыканием, или же примыканием и управлением одновременно. Примыкание как способ формальной реализации синтагматической связи находит выражение в закрепленном местоположении определяющего члена (или определяющих членов) в непосредственной близости от определяемого члена. О наличии примыкания свидетельствует и тот факт, что в случае отсутствия в конструкции более близкого определения непосредственно при определяемом существительном стоит первое более отдаленное определение, а за ним следует второе более отдаленное определение: *vstup do budovy hneď zrána*. То же самое получается, если генитив субъекта в конструкции заменить притяжательным местоимением третьего лица, стоящим перед определяемым существительным: *jeho vstup do budovy hneď zrána*. При наличии в конструкции лишь второго более отдаленного определения оно помещается в непосредственной близости от определяемого существительного: *vstup hneď zrána* или *jeho vstup hneď zrána*.

6.3 Исходный глагол *vstúpiť*, путем номинализации которого возникло существительное со значением действия *vstup*, является субъектным или же безобъектным, вследствие чего и его именной трансформат не позволяет реализовать синтагматическую связь с несогласованным определением определенного типа посредством управления. Но такая реализация возможна, например, при близком существительном действия *ústup*, являющимся трансформатом исходного глагола (*ustúpiť nepriateľovi po prvom útoku*). Управление объектом в дательном падеже на основании тесной смысловой и формальной связи с глаголом сохраняет и производное существительное *ústup*: *ústup*

nepriateľovi po prvom útoku. Таким образом, для реализации синтагматической связи между определяемым существительным *ústup* и определяющим существительным в дательном падеже *nepriateľovi*, наряду с примыканием, служит управление, присущее этому существительному на основании связи с исходным глаголом. В этой конструкции ближе всего к определяемому существительному стоит определение в дательном падеже, но, несмотря на это, оно не является более близким определением, что подтверждается порядком следования неоднородных атрибутов в расширенной за счет введения в нее определения в родительном падеже конструкции: *ústup obrancov nepriateľovi po prvom útoku*. Этим ясно доказывается, что существительное в генитиве в таких конструкциях всегда носит характер более близкого определения, в то время как существительное в других беспредложных или предложных формах или же другие части речи в функции определения и даже полупредикативные и предикативные конструкции в роли определения носят характер более отдаленных определений. Конечно, более отдаленные определения также имеют прочную иерархию: на первом месте находятся более отдаленные определения, реализованные посредством управления определяемого существительного, на втором месте помещаются более отдаленные определения, выражающие разные обстоятельства (времени, места, причины и т. д.), правда, последние также в строгой последовательности, третье место занимают более отдаленные определения в функции полупредикативной конструкции и, наконец, более отдаленные определения в форме придаточного предложения.

Эти выводы мы можем проиллюстрировать следующими примерами: *nezáujem kúriajúcich o nekvalitnú kožušinu*; *chytanie rysov do želiez*; *vplyv rozličných faktorov na rozšírenie a početnosť rysa*; *knižka o medveďoch pod názvom Medvedí rok*; *ctižiadosť prekladateľa objavila neznámeho inonárodného autora*; *štúdia o dialektike vedeckého myslenia*, в которых было высказано усилие к усилению о системизации выдobytkov empirického poznania; *pohľad jej blankytných očí*, который был близок пálil; *chytanie živých, neporanených rysov do sklopov pre potreby zoologických záhrad*; *náhľady odborníkov na problém výživy vyslovené na vedeckých konferenciách*; *prehľad potravy rysa ostrovida v slovenských Karpatoch z rôznych aspektov podľa rozboru žalúdkov*; в новелле Ernesta Hemingwaya *Starec a more*, которая принадлежит к его наилучшим произведениям.

6.4 Из приведенного выше анализа конструкций с неоднородными определениями в постпозиции вытекает естественный вопрос, допускает ли столь богатую структуру определений любое существительное как определяемый член таких определений. Наше предыдущее изложение, как и приведенные примеры, показывает, что все сказанное относится прежде всего к существительным с определенными лексическими, семантическими, а также морфологическими признаками – к отглагольным существительным и именам действий с ярко выраженным значением действия, хотя, с другой стороны, следует

признать, что в качестве главного члена такой распространенной атрибутивной синтагмы может выступать весьма большое число существительных, теоретически, собственно говоря, любое существительное. Способность соединять разнообразные типы определений в постпозиции свойственна прежде всего таким существительным, при которых четко ощущается их связь с глаголом, так как глагол на основе своих семантических и грамматических свойств способен соединяться с несколькими названиями, выраженными другими частями речи (речь идет о названиях субстанций и признаков; подробнее см. Качала, 1974). Эту способность, правда, в видоизмененной форме, сохраняют и отглагольные существительные и имена действия. Это доказывают и анализируемые конструкции, которые следует рассматривать как результат номинализирующей трансформации конструкций с определенной формой глагола в сказуемом (о разграничении объекта при помощи такой трансформации см. Oravec, 1978).

6.5 Описанная тесная связь отглагольного существительного с исходным глаголом проявляется и в том, что наличие некоторых более удаленных определений в постпозиции обусловлено наличием в конструкции более близкого генитивного определения. Такое более удаленное определение мы называем связанным членом предложения. Своеобразие такой конструкции состоит в том, что между определениями, более близкое из которых обуславливает наличие более удаленного, нет никакой синтагматической связи: такие определения просто располагаются рядом, но более удаленное определение в такой конструкции не может иметь места без более близкого определения. О связанном более удаленном определении речь идет, например, в таких конструкциях: *povoľovanie manželstva maloletým*; *dodržiavanie alebo nedodržiavanie ochrany v letných mesiacoch*; *prenasledovanie zvierat výrastkami*; *význam dialektiky v úsilí o integráciu vedy*; *vyžiadanie spisu od podriadeného*; *návrat otca vobrej vôlei*; *substituovanie cudzích prvkov domácimi*.

Объяснение этого явления нельзя искать лишь в синтаксическом, или же вообще в грамматическом плане, так как в случае реализации иного лексического состава возможны конструкции с аналогичной формой определяемого существительного и более удаленного определения и без более близкого определения в форме родительного падежа, напр.: *odmena robotníkom*; *prelety v nočných hodinách*; *napadnutie medvedom*. Однако по конструкции, т. е. синтаксически, связанный тип определения обусловлен в том смысле, что он встречается в определенных конструкциях с неоднородными определениями в постпозиции. Причину этого явления следует видеть в семантике определяемых существительных. Дело в том, что в определенных случаях эти существительные семантически настолько однозначны и полнозначны, что они не нуждаются в выражении производителя действия или объекта действия при помощи особого наименования в генитиве. Но в других случаях эта семанти-

ческая однозначность и полнозначность у определяемых существительных отсутствует и, таким образом, при наименованиях со значением агента в творительном падеже, со значением адресата в дательном падеже или со значением различных обстоятельств они нуждаются и в выражении названия производителя или объекта действия в родительном падеже. Связанный тип несогласованного определения представляет собой специфическое явление, присущее атрибутам в постпозиции. Аналогичное явление при нескольких определениях в препозиции нами не обнаружено.

6.6 Общей чертой определений в постпозиции и определений в препозиции является то, что при определенных семантических типах существительных в роли несогласованного определения встречаются обязательные несогласованные определения. Речь идет о тех же лексико-семантических группах существительных, о которых мы говорили, рассматривая согласованные определения, поэтому мы не будем останавливаться на них подробнее. Приведем лишь несколько примеров существительных, требующих обязательного определения, в данном случае несогласованного: *odchádzanie s dlaňami na ušiach*, *s hlavou v dlaniach*; *prosba so slzami v očiach*; *postavenie sa k niečomu s dávkou humoru*; *predmet veľkosti koruny*; *substantíva typu komuniké*; *predizba v tvare písma L*.

7. Определения одновременно в препозиции и в постпозиции

7.1 Конструкции, в которых к одному существительному одновременно присоединяются определения в препозиции и в постпозиции, представляют, в сущности, объединение первых двух типов [проблематику порядка слов в таких конструкциях наметил Шмилauэр (1966, с. 196–197)]. Поскольку в grammatischem отношении такие конструкции вполне правильны, число препозитивных и постпозитивных определений, распространяющих одно и то же существительное, может ограничивать, собственно говоря, кроме значения определяемого существительного, лишь мера коммуникативности такой конструкции; дело в том, что конструкции с большим числом определений в препозиции и в постпозиции предъявляют повышенные требования к их пониманию, в тексте они выглядят неуклюжими, а вследствие множества имен даже тяжелыми. Они встречаются большей частью лишь в профессионально-технической речи. Наиболее часто встречаются случаи с одним согласованным препозитивным и одним, двумя, иредка даже тремя постпозитивными несогласованными определениями. Несколько примеров: *do siva bielená chalupa so starodávnymi oblôčikmi*; *nízka veža staručkého kostolíka*; *vysoká, štíhlá deva krásnej, akoby slinkom rozhorúčenej tváre*; *okovaná brána v pichlavom a bujnom živom plote*; *značný rast populácie malých hlodavcov*; *planá dilema, či môže byť pekná žena verná*; *niet pozitívneho dokladu, že by určitý vymedzený objektívny jav vôbec nijako nebol determinovaný*; *celková vyčerpanosť raticovej zveri v neskorom*

zimnom a predjarnom období; prirodzený úhyb mláďat a dospelých jedincov vplyvom chorôb, prirodzených nepriateľov, staroby atď.; vyhlásenie čiastočnej ochrany rysa v čase od 15. marca do 30. septembra; nezákonny odstrel medveďa zo strachu alebo pri zámene s diviakom; prehodnotiť všetky preklady poézie, ktoré u nás doteraz vyšli; rysa opisuje ako typického lovca menšej koristi, ktorý sa veľkou zverou živí predovšetkým len v zime; zložitý proces substituovania cudzích elementov domácimi, v ktorom nátime cudzie, aby pôsobilo na domáce.

7.2 Obyčajne i случаи, когда в постпозиции, наряду с несогласованным определением, встречается и согласованное определение, реализуемое полу-предикативной конструкцией или (согласованным) существительным: *veľký starý dom na Podkose, postavený celkom ináč než ostatné domy v dedine*; *kniha opisuje osudy nájdeného medvieda Lucy, vychovaného na správe Tatranského národného parku, ktoré potom vypustili do voľnej prírody*; *stará brána z brezových štiepok, desaťročia neotváraná, obrastená trávou a zeleninou, celá sa zakývala*; *ulica sa klonila k dlhému pásu vŕb, pokrútenému ako pohodený bič, ktorý označoval kľukaté koryto potoka*; *škrkavkovitý červ, dlhý 3–10 cm, ktorý žije v čreve hostiteľa*; *neľudský spôsob ničenia tejto krásnej šelmy, nedôstojný správneho polovníka*.

7.3 Несколько реже встречаются случаи, когда, наряду с согласованным определением в препозиции, имеется и согласованное определение (согласованные определения) в постпозиции: *vrátila sa s kvetovanou misou plnou kapusty a údeného mäsa*; *jeho perepkná, ale veľmi pracovitá a rozumná žena Kristína*; *jeho jediný syn Štefan*; *viedol tackajúceho sa Luboša, prihrbeného ako vyplášený kocúr, pod veľkú bránu*; *prvá etapa sa skončila vážnym otrásom vyvolaným rozbitím prvej republiky*; *obrovský medveď grizzly, žijúci v odľahlom kúte Skalistých hôr, prenasledovaný poľovníkom spisovateľom*.

7.4 Изредка встречаются случаи, когда определяемое существительное связано с несогласованными определениями в препозиции и в постпозиции: *nóbl oblečenie do divadla*; *bol trocha pijan a ledabolo hospodár, ktorý by už dávno bol vyšiel na bubon*; *povolil sa jeho odstrel pre expozíciu Turčianskeho múzea*; *niekoľko štúdií o problémoch fonéty*.

8. Заключение: Рассматриваемые конструкции с несколькими неоднородными определениями, самостоятельно соединяющимися с одним определяемым существительным, представляют специфический тип более сложных синтагматических конструкций. Наш анализ показал, что определение является весьма дифференцированным членом предложения, но эта дифференциация не является препятствием для строгой иерархической расстановки неоднородных определений не только по обеим сторонам определяемого существительного, но и, в частности, нескольких неоднородных определений в рамках только препозиции или в рамках только постпозиции. Как раз наоборот:

дифференцированность определения требует такой строгой иерархической расстановки его видов, а в рамках последних и отдельных типов. Результатом этой расстановки является четкая и точная структура конструкции с несколькими неоднородными определениями, в которой оба вида, а в их рамках все типы, определения имеют свое закрепленное место. Решающее значение при построении конструкции с несколькими неоднородными определениями имеет грамматическая и семантическая сочетаемость существительного. Важнейшим фактором при этом является то, что второстепенные члены предложения стоят непосредственно при существительном; порядок следования нескольких определений одного и того же существительного обусловлен синтаксической и семантической (при несогласованном определении) или семантической (при согласованном определении) значимостью соответствующего определения по отношению к определяемому существительному. С этой точки зрения важно главным образом разграничение более близкого и более отдаленного определений (более отдаленных определений). Более близкие и более отдаленные определения встречаются в препозиции и в постпозиции. Согласованное и несогласованное определения как распространяющие члены атрибутивной синтагмы равнозначны.

В окончательной структуре конструкции с несколькими неоднородными определениями большую роль играют и способы реализации синтагматических отношений между отдельными определениями и определяемым существительным. Мы констатировали, что применяются все три наиболее употребительных способа, т. е. согласование, управление и примыкание, причем они могут и комбинироваться (согласование с примыканием и управление с примыканием). Управление как способ реализации синтагматической связи встречается чаще в глагольной группе; согласование в субстантивных категориях и примыкание в глагольной группе не применяется (согласование в субстантивных категориях встречается лишь в описательных пассивных конструкциях) – это характерные средства именной группы.

Выражением сложности конструкции с несколькими неоднородными определениями, относящимися к одному и тому же существительному, является и связанное определение как член предложения, наличие которого в конструкции обусловлено не только определяемым существительным, с которым оно связано синтагматически, но и другим членом предложения, с которым оно синтагматически не связано, но который синтагматически связан с тем же определяемым существительным. Связанные определения могут быть разного вида, причем важную роль играет и семантика определяемого существительного.

ЛИТЕРАТУРА

- КАЧАЛА, Й.: Субстанциальные и несубстанциальные характеристики глагола. In: Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, Наука 1974, с. 38—47.
- РУЖИЧКА, Й.: Порядок слов в структуре предложения. In: Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. Москва, Наука 1974, с. 191—199.
- HORECKÝ, J.: Gramatickí činitelia v poriadku slov. In: Jazykovedné štúdie. 4. Spisovný jazyk. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1959, c. 55—62.
- KAČALA, J.: Primkýnanie ako spôsob realizácie syntagmatického vzťahu. Jazykovedný časopis, 30, 1979, c. 44—48.
- MATHESIUS, V.: Základní funkce českého pořadku slov. In: Čeština a obecný jazykozpyt. Soubor statí. Praha, Melantrich 1947, s. 327—352.
- MISTRÍK, J.: Slovosled a vетослед в словенчина. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1966, с. 37—48.
- ORAVEC, J.: Postavenie zhodného prívlastku в словенчина. In: Jazykovedné štúdie. 4. Spisovný jazyk. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1959, c. 63—72.
- ORAVEC, J.: De la limitation de l'objet par la transformation en slovaque. In: Recueil linguistique. 5. Red. J. Horecký. Bratislava, Veda 1978, c. 153—158.
- PAULINY, E.: Systém v jazyku. In: O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, Nakladatelství ČSAV 1958, c. 18—28.
- ŠMILAUER, V.: Novočeská skladba. 2. vyd. Praha, Státní pedagogické nakladatelství 1966, c. 196—197.

Очерк классификации словосочетаний в словацком языке

ФРАНТИШЕК КОЧИШ

1. Словосочетание как одна из основных синтаксических единиц всегда находилось и находится в центре внимания синтаксического исследования. К проблематике словосочетаний особенно часто возвращаются советские синтаксисты, причем не только в рамках традиционного синтаксиса, но и в работах, по-новому интерпретирующих синтаксические явления (ср. напр., сборник статей «Грамматическое описание славянских языков», 1974). Цельное толкование словосочетаний, ориентированное также на школьное обучение, находится в общеизвестных академических грамматиках русского языка (Грамматика русского языка, 1952—1954, Грамматика современного русского литературного языка, 1970); самый последний обзор развития учения о словосочетаниях находим у Белошапковой (1977).

В приведенных выше академических грамматиках предлагается и классификация словосочетаний. Грамматики остальных славянских языков в общем являются свидетельством того, что классификация словосочетаний не считается важной проблемой синтаксиса. Отсутствие интереса к классификации словосочетаний связано, по всей вероятности, с тем обстоятельством, что вся проблематика классификации синтагм решается в основном на уровне членов предложения, причем данная проблематика обычно ограничивается классификацией простых словосочетаний; критерием классификации является функция в предложении главного члена синтагмы (или его принадлежность к части речи) и способ реализации синтаксической связи. При этом анализу подвергаются исключительно синтагмы, образованные на основе подчинительной связи.

Словацкие синтаксисты занимались проблемой классификации синтагм лишь спорадически, главным образом исходя из запросов школьного обучения и не ставя себе целью разработку цельной системы классификации словосочетаний. Более глубоким зондажем данной проблематики можно считать соответствующую главу вузовского курса лекций Оравца (1978). Основным критерием классификации этого является закрытость и открытость структу-

ры словосочетаний. Закрытую структуру имеют подчинительные словосочетания, открытую – сочинительные словосочетания. Если не принимать во внимание неясный критерий открытости и закрытости структуры, классификация Оравца – это, собственно говоря, классификация, в основе которой лежит принцип синтаксической связи, т. е. деление словосочетаний на сочинительные и подчинительные. Подчинительные словосочетания Оравец делит дальше на детерминативные и предикативные, предикативные в свою очередь – на простые и сложные. В рамках сочинительных словосочетаний автор применяет принцип деления на дву-, трех- и более чем трехчленные словосочетания. В группе подчинительных словосочетаний, которые Оравец считает в основном двучленными, он выделяет простые и сложные словосочетания, и кроме того такие словосочетания, в которых отдельные члены не вступают в взаимные синтаксические связи (напр., я пойду завтра в город за покупками). Все подчинительные словосочетания Оравец расчленяет еще по признаку принадлежности главного члена к той или иной части речи – к существительному, прилагательному, глаголу или наречию (ср. аналогичную классификацию подчинительных словосочетаний в пособии по грамматике «Словацкая грамматика», 1968).

Шведова в Грамматике современного русского литературного языка (1970) делит словосочетания по внутренней структуре отдельных видов словосочетаний на простые, сложные и комбинированные. Данное деление основано не на каком-либо внешнем, количественном критерии (напр., по количеству членов словосочетания), а на способе реализации подчинительной связи между членами словосочетания. Поэтому простое словосочетание образуется на основе одной непрерывной реализации подчинительной связи. Простое словосочетание строится из двух, трех или четырех членов, образующих единую нерасчлененную структуру, напр.: допустить студента к экзамену, вбить гвоздь в стену, идти плечом к плечу, переслать письмо из главка в министерство, перевести книгу с русского на словацкий. Сложное словосочетание состоит по крайней мере из трех членов, причем детерминативная связь исходит из одного главного члена. Такое словосочетание можно подразделить на два простых (двучленных) словосочетания, напр.: веселые прогулки по лесу (=веселые прогулки, прогулки по лесу), безмерная преданность родине, прекрасный летний день, приготовить пищу на целый день, ждать от полуночи до утра. По мнению Шведовой, комбинированные словосочетания образуются из нескольких членов, причем зависимый член является одновременно главным членом по отношению к следующему члену; это значит, что в комбинированном словосочетании имеется больше (по крайней мере два) главных членов, напр., воодушевленно выполнять намеченный план (=воодушевленно выполнять, выполнить план, намеченный план), непоколебимо верить в полную победу, прийти на другой день, жениться после окончания института. Дальнейшее деление

простых и сложных словосочетаний (на глагольные, субстантивные, адъективные и наречные словосочетания) происходит в зависимости от того, какая часть речи выступает в роли главного члена.

Уже такой краткий обзор классификации словосочетаний в «Грамматике-70» показывает, что не учитываются в ней сочинительные словосочетания, или, иначе говоря, однородные члены предложения. Сочетания слов, образованные на основе сочинительной связи, рассматриваются в этой грамматике как открытые или закрытые ряды слов, связанные при помощи сочинительных союзов или сочинительной связью без союзов.

В общем можно сделать вывод, что во всех приведенных выше попытках классификации применяются одинаковые критерии. Большинство критериев является общим для обоих проектов классификации, но их применение не всегда одинаково и не всегда последовательно. В качестве основного критерия здесь рассматривается синтаксическая связь (подчинение и сочинение), далее количество членов словосочетания, какой частью речи выражен главный член словосочетания, открытость или закрытость ряда (количества) членов словосочетания и расчленимость или нерасчленимость многочленного сочетания на простые сочетания. Приведенные критерии составляют иерархическую систему: по этим критериям постепенно выделяются все более узкие по объему группы словосочетаний, но ни в том, ни другом случае классификации синтагм нельзя говорить о совершенной классификации. Содержание термина сложное (усложненное) сочетание в классификации Оравца не совпадает, напр., с содержанием того же термина в классификации «Грамматики-70». В словацкой синтаксической литературе этот термин начал употребляться сравнительно недавно, но его содержание пока еще точно не определено.

2. В кратком обзоре проектов классификации словосочетаний уже частично намечены критерии, которые необходимо применять при общей классификации словосочетаний. В следующей части настоящей статьи мы попытаемся дополнить вышеупомянутые критерии таким образом, чтобы на основе их применения стало возможным построение исчерпывающей и полной классификации словосочетаний.

2.1 Первым и основным критерием деления словосочетаний необходимо считать реализацию синтаксических связей (подчинения и сочинения) вообще. Основываясь на этом критерии, мы будем делить словосочетания на сочинительные, подчинительные и сочинительно-подчинительные (комплексные). Так как только по отношению к подчинительным словосочетаниям у лингвистов нет сомнений в том, что они имеют синтагматический характер, мы попытаемся привести доводы, ведущие нас к выделению (наряду с подчинительными) сочинительных и сочинительно-подчинительных словосочетаний. Из применения критерия реализации синтаксической связи выте-

кает, что сочетание на основе сочинения двух или более синтаксически однородных и равноценных членов следует считать словосочетанием, синтаксически равноценным сочетанию двух или более членов на основе подчинения, т. е. словосочетанием, синтаксически равноценным подчинительному словосочетанию. Мнение, согласно которому члены (словоформы), связанные сочинительной связью, образуют только какой-то ряд словоформ без более точной синтаксической квалификации и точной отнесенности к синтаксической системе, надо считать неправильным и теоретически непоследовательным. Сочинительные и подчинительные словосочетания представляют собой равноценные составные части синтаксической системы, несмотря на то что по структуре они не одинаковы и принимают не одинаковое участие в структуре простого и сложного предложения. Их структурное несходство вытекает, собственно говоря, из несходства синтаксического качества сочинения и подчинения, уходящего корнями во внеязыковую действительность.

Группа сочинительно-подчинительных (комплексных) словосочетаний выделяется на основе структурной и смысловой нерасчленимости членов, связанных сочинительной и подчинительной связью (ср. напр., словосочетания: отец и его сын, милая улыбка и ласковое обращение, луга и поля под снежным покровом, в работе самоотверженный человек и опытный активист). Такого рода словосочетания имеют соответствующую изоморфную структурную параллель в многочленных сложных предложениях третьей основной структуры $H_n \rightarrow V_n$ (ср. Кошик, 1973, с. 61). Изоморфизм реализации основных синтаксических связей в словосочетании и сложном предложении (простом и многочленном) в настоящее время уже считается синтаксическим фактом (ср. Белошапкова, 1977; Ломтев, 1976).

2.2 В иерархии критериев, применяющихся в классификации словосочетаний, второе место занимает критерий, по которому сочинительные и подчинительные словосочетания подразделяются на простые и сложные. Как уже показано в начале статьи, простое и сложное словосочетание понимаются не всеми авторами одинаково. Простое словосочетание обычно рассматривается как словосочетание, состоящее из двух членов (напр.: отец и мать, маленький мальчик, усердно работать). В нашей классификации синтагм мы придерживаемся такого же понимания. Самый обычный тип словосочетания – это двучленное словосочетание. По сравнению со сложным словосочетанием простое словосочетание отличается такими специфическими свойствами, которые позволяют ему выступать в качестве прототипа общей синтаксической единицы. На второй ступени классификации словосочетаний находятся, таким образом, простые сочинительные и простые подчинительные словосочетания, с одной стороны, и сложные сочинительные и сложные подчинительные словосочетания, с другой стороны.

В противоположность простым словосочетаниям, сложные словосочетания выделяются на той основе, что они образуются по крайней мере из трех членов. Определяя сложные словосочетания, мы учтываем также структурный изоморфизм между внутренним строем простых и сложных предложений, т. е. мы исходим из предпосылки, что качественные и количественные свойства (димензии) словосочетаний, простых (сочинительных и подчинительных) и многократных сложных предложений аналогичны или параллельны. Сложному подчинительному словосочетанию на уровне многократных сложных предложений соответствуют количественные варианты первой основной структуры многократных сложных предложений (ср. Кошик, 1973, с. 73–99) – это сложные сочинительные предложения с тремя, четырьмя и более главными членами, связанными сочинительными отношениями собственного или несобственного паратаксиса или способами сочинительной связи из обоих типов паратаксиса. Таким образом, сложное сочинительное словосочетание состоит по крайней мере из трех членов. Большее количество членов сложного сочинительного словосочетания факультативно. Оно – кроме синтаксических закономерностей – обусловлено также целью высказывания и стилистическим замыслом говорящего.

Сложное подчинительное словосочетание, в отличие от простого (двучленного) подчинительного словосочетания, образуется также минимально из трех членов, которые обычно связаны подчинительными отношениями, реализующимися первично во второй основной структуре многократных сложных предложений $H \rightarrow V_n$; речь идет о зависимости постепенной, разветвленной и многократной (ср. Кошик, 1973, с. 53). Большее количество членов подчинительного словосочетания факультативно. Здесь можно наблюдать трехчленные, четырехчленные и более чем четырехчленные сложные подчинительные словосочетания.

Наше понимание сложности как свойства словосочетания отличается от ее понимания современными советскими синтаксистами (ср. Грамматика-70). Наше понимание сложности более широкое и основано на принципе строгой количественности. Двучленность в нашем понимании противопоставлена трех- и более чем трехчленности. Как сложные подчинительные словосочетания мы рассматриваем и такие более чем двучленные словосочетания, которые, по мнению Шведовой, нельзя расчленить на два простых словосочетания (напр.: дать ученику книгу, перевести повесть с русского на словацкий). Подобно тому как трех- и более чем трехчленные сочинительные сочетания любого вида сочинения (включая соединительный вид сочинительной связи) мы противопоставляем двучленным сочинительным словосочетаниям, в области подчинительных словосочетаний мы противопоставляем двучленным словосочетаниям все остальные словосочетания, которые мы считаем сложными.

2.3 Дальнейшие критерии деления сочинительных, подчинительных и сочинительно-подчинительных словосочетаний надо специфицировать в зависимости от внутренней синтаксической обстановки, отдельно в рамках простых и сложных сочинительных словосочетаний, отдельно в рамках простых и сложных подчинительных словосочетаний и, наконец, отдельно в рамках сочинительно-подчинительных словосочетаний.

2.3.1 Простые и сложные сочинительные словосочетания можно далее разделить, положив в основу традиционный критерий, на словосочетания из собственного и несобственного паратаксиса. Полезность и удобство такого деления вытекают из реального противоречия между содержанием и грамматической формой выражения связи между элементами словосочетания. В рамках сложных сочинительных словосочетаний можно далее выделить группу словосочетаний, в которых реализуются синтаксические связи и виды сочинения из собственного и несобственного паратаксиса – эту группу мы будем называть смешанной. В простых словосочетаниях собственного и несобственного паратаксиса можно, наконец, выделить словосочетания, в которых сочинительная связь реализуется при помощи союзов или бессоюзно. Простые словосочетания из собственного паратаксиса можно, наконец, делить и по способу реализации сочинительной связи на соединительные, противительные и разделительные словосочетания. Это последнее деление имеет, однако, уже синтаксическо-семантический фон. В каждой из приведенных групп словосочетаний можно далее выделять отдельные семантические классы простых сочинительных словосочетаний. С формальной и семантической точек зрения особого внимания заслуживают простые словосочетания, в которых реализуется синтаксическая связь несобственного паратаксиса и которые традиционно подразделяются (наряду с возможным делением на союзные и бессоюзные) на словосочетания причинные, следственные, уступительные и условные – аналогично членению сочинительных сложных предложений несобственного паратаксиса. Приведенная классификация является, однако, гипотетической, так как реальные сочетания такого рода встречаются сравнительно редко (ср. Kočíš, 1976, с. 196; Ondrus, 1971).

Сложные сочинительные словосочетания, как показано выше, делятся на словосочетания собственного и несобственного паратаксиса и на смешанные словосочетания, в которых реализуются сочинительная связь и виды сочинения собственного и несобственного паратаксиса. В каждой из приведенных групп словосочетаний можно предполагать трехчленные, четырехчленные и более чем четырехчленные словосочетания, члены которых соединяются при помощи союзов или без них, или комбинированным способом. В рамках отдельных паратаксических типов можно идентифицировать группы словосочетаний с только соединительным способом сочинения, но чаще всего встречаются словосочетания с комбинацией соединительного, градационного, проти-

вительного или разделительного видов сочинения или с комбинацией видов сочинения собственного и несобственного паратаксиса. Наименее реальной является группа сложных словосочетаний с комбинацией способов сочинения из несобственного паратаксиса.

Уточнение классификации сложных словосочетаний, главным образом реальность отдельных групп синтагматических сочетаний, необходимо еще проверять на конкретном материале. С наибольшей вероятностью здесь можно предполагать скорее единичные и случайные сочетания, чем замкнутую и последовательно реализованную систему сложных сочинительных словосочетаний.

2.3.2 Простые подчинительные словосочетания принято делить в зависимости от того, какой частью речи выражен главный член словосочетания. Они делятся на субстантивные, адъективные, глагольные и наречные (ср., напр., Pauliny — Ružička — Štolc, 1968). Субстантивные словосочетания подразделяются далее на согласованные (напр.: высокий дом) и несогласованные (напр.: дом у ручья). Глагольные словосочетания подразделяются на объектные (напр.: рубит дрова) и обстоятельственные (напр.: хорошо поет,ходить по лесу). В адъективном словосочетании в качестве определяющего члена может выступать обстоятельство (напр.: очень красивый) или объект (напр.: полный энтузиазма). Адверbialное словосочетание образуют два обстоятельства, находящиеся в отношении зависимости (напр.: очень охотно, недалеко от дома).

В группу простых подчинительных словосочетаний можно, применяя определенные критерии, включить и предикативное словосочетание (сочетание подлежащего со сказуемым), в котором реализуются такие же отношения зависимости, какие имеют место в любом согласованном словосочетании (ср., напр., Bauer — Grepl, 1970).

2.3.3 Богато разветвленную систему синтаксических сочетаний представляют собой сложные подчинительные словосочетания, главным образом с точки зрения способа реализации подчинительной связи между отдельными членами словосочетания. Для их внутреннего членения мы используем в первую очередь количественный критерий, на основе которого различаем трехчленные и более чем трехчленные подчинительные словосочетания. В рамках каждой из приведенных групп между членами словосочетаний можно идентифицировать реализацию подчинительной связи с постепенной, разветвленной и многократной зависимостью. Приведенные три способа реализации зависимости отличаются определенными синтаксическими и семантическими специфическими свойствами, которые ясно обнаруживаются при анализе соответствующих групп словосочетаний. С синтаксической точки зрения пока еще недостаточно проанализированы сочетания с многократной зависимостью, в которых имеет место так называемая глобальная координация (ср. Kočíš, 1966),

и сложные словосочетания с зависимостью, которую мы называем разветвленной. С помощью разветвленной зависимости реализуется такая подчинительная связь, при которой два или более чем два члена словосочетания, детерминируя главный член словосочетания, не вступают в синтагматические взаимоотношения (напр.: высокий дом направо, сшить платье за два дня, передать письмо брату, работать за домом в саду, прийти в понедельник вечером в восемь часов –ср. Коčíš, 1977, с. 162; Miko, 1971; Oravec 1967). Основную группу сложных словосочетаний здесь представляют трехчленные словосочетания. Четырех- и более чем четырехчленные сложные словосочетания встречаются реже, но и их реальное существование предусматривается (ср., напр., сложное словосочетание в предложении: *A junce hybaj strečkom hore dedinou rovno do stajne* или сложное словосочетание с постепенной зависимостью: оценка результатов исследования роста населения в ЧССР).

Классификация сложных подчинительных словосочетаний на трехчленные и более чем трехчленные с постепенной, разветвленной и многократной зависимостью предполагает существование чистых типов синтагматических сочетаний на основе соответствующего вида зависимости (напр., постепенная зависимость: исследование мнения населения; разветвленная зависимость: высокий дом за ручьем; передать письмо в швейцарскую, встретиться на площади около кафе; многократная зависимость: тонкое и изысканное поведение, убрать дом и двор). Однако существует целый ряд сложных подчинительных сочетаний, в которых распространяющие конститутивные члены, образующие соответствующий тип сложного словосочетания, распространяются дальнейшими членами. Это не нарушает основной структуры сложных словосочетаний, но в определенной степени эта структура осложняется и становится нечеткой. Кроме того, здесь могут возникать сложные словосочетания, в которых отдельные способы реализации зависимости комбинируются (при определенных условиях), при этом, однако, не создается нового типа сложного словосочетания. Сложное сочетание такого рода можно условно назвать комбинированным или гибридным сложным словосочетанием (напр., сложное словосочетание «исследование мнения населения» можно распространить дальнейшими членами следующим образом: общее исследование общественного мнения нашего населения) и в соответствии с этим выделять их в особую группу, наряду с группами сложных словосочетаний с чистой реализацией трех способов зависимости.

2.3.4 Внутреннее членение сочинительно-подчинительных (комплексных) словосочетаний основано в основном на том, каким образом реализуется подчинительная связь между соответствующими членами словосочетания. В такого рода словосочетаниях отношениями сочинения связаны по крайней мере два члена (большее количество членов факультативно), причем один из них обычно распространяется одним или несколькими зависимыми членами.

При расчленении типов синтагматических сочетаний в этой третьей группе мы будем опираться на принцип изоморфизма в реализации синтаксических связей в словосочетании этого типа и в многократных сложных предложениях третьей основной структуры $H_n \rightarrow V_n$ (ср. Коčíš, 1973, с. 61). В связи с этим принципом в реализации синтаксических связей мы считаем удобным выделить шесть типов комплексных словосочетаний. Эти шесть типов образуют основную группу комплексных словосочетаний.

Первым типом комплексного словосочетания мы будем считать словосочетание с двумя или несколькими присоединенными членами и с одним зависимым членом. Основной вариант – словосочетание с двумя присоединенными и одним подчиненным членом (напр.: мать и соседка с дочерью). Остальные варианты образуются с учетом места зависимого члена, количества присоединенных членов или способа их присоединения (напр.: отец, мать, сын и дочь с косичками). Второй тип комплексного словосочетания представляет собою словосочетание с двумя, реже с несколькими присоединенными членами с одним зависимым членом, который синтаксически и семантически детерминирует все сочиненные члены (речь идет о словосочетаниях с так называемой глобальной детерминацией, напр.: зеленые луга и склоны; дом и двор у ручья; мужчины, женщины и дети на лыжах; будущие юристы, философы и лингвисты). В третий тип входят словосочетания с двумя или несколькими сочиненными членами, из которых каждый распространяется одним зависимым членом (напр.: рабочие на заводах и колхозники на полях; рабочий класс и его авангард; наш отец, мальчик от соседей и Ванина собака). Дальнейшие три типа комплексных словосочетаний образуют словосочетания, содержащие по крайней мере четыре члена; два из них являются сочиненными, а два – зависимыми от одного из сочиненных членов. Один тип словосочетания представлен словосочетанием с постепенной зависимостью (напр.: женщина и очень молодой человек), второй тип – словосочетанием с разветвленной зависимостью (напр.: женщина и рослый мужчина с усами), третий тип – словосочетанием с многократной зависимостью (напр.: женщина и молодой, рослый парень). Приведенные выше сочетания представляют собой основные варианты трех типов комплексных сочетаний. Остальные варианты образуются в зависимости от количества сочиненных и подчиненных членов и от места подчиненных членов.

Кроме группы основных шести типов комплексных словосочетаний в группу сочинительно-подчинительных или комплексных словосочетаний входят и комбинированные типы словосочетаний, образованные координацией простых подчинительных и сложных словосочетаний или координацией сложных словосочетаний (напр.: молодая женщина и рослый мужчина с усами; довольно смуглая женщина и очень молодой человек и пр.).

3. Вышеприведенный очерк классификации словосочетаний в словацком языке показывает, что словоформы как синтагматические члены в процессе коммуникации образуют простые, сложные и комплексные синтагматические сочетания на основе соответствующей реализации существующей между ними связи – сочинительной или подчинительной. Синтагматические члены включаются в эти сочетания по строго структурному принципу, который с небольшими изменениями применяется при сочетании языковых единиц в словосочетаниях, предложениях и сложных предложениях. Словосочетания, таким образом, создают подсистему синтаксиса. Так как словосочетания служат конституирующими элементом предложения, их нельзя считать такими самостоятельными синтаксическими единицами, как, напр., простое или сложное предложение. Поэтому в предлагаемой классификации словосочетание понимается как элемент, присущий структуре предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕЛОШАПКОВА, В. А.: Сложное предложение и словосочетание. К вопросу об изоморфизме в синтаксической системе. В кн.: Грамматическое описание славянских языков. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, Наука 1974, с. 79–89.
- БЕЛОШАПКОВА, В. А.: Современный русский язык. Синтаксис. Москва, Высшая школа 1977, с. 60–77.
- Грамматика русского языка. Том 2. Синтаксис. Часть 1. Москва, Издательство АН СССР 1960, с. 113–348.
- Грамматика современного русского литературного языка. Москва, Наука 1970, с. 536–540.
- ЛОМТЕВ, Т. П.: Общее и русское языкоизнание. Москва, Наука 1976, с. 195.
- BAUER, J.: Složité souvěti a jeho klasifikace. Slovo a slovesnost, 27, 1966, с. 289–298.
- BAUER, J. — GREPL, M.: Skladba spisovné češtiny. Praha, Státní pedagogické nakladatelství 1972, с. 50.
- KOČIŠ, F.: Zložené súvetie v slovenčine. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1973, 272 c.
- KOČIŠ, F.: Izomorfizmus v syntaxi. Slovenská reč, 41, 1976, с. 193–197.
- KOČIŠ, F.: Príslovkové určenie v zloženej syntagme. In: Jazykovedné štúdie. 13. Ružičkov zborník. Red. J. Horecký, Bratislava, Veda 1977, с. 157–166.
- MIKO, F.: Generovanie príslovkového určenia v slovenčine. In: Jazykovedné štúdie. Jónov zborník. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1971, с. 189.
- ONDRUS, P.: Vetný rozbor v príkladoch. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1971, с. 74.
- ORAVEC, J.: Väzba slovies v slovenčine. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1967, с. 270.
- ORAVEC, J.: Náčrt slovenskej skladby pre vysokoškolákov. [skriptum]. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1978, с. 8–38.
- PAULINY, E. — RUŽIČKA, J. — ŠTOLC, J.: Slovenská gramatika. 5-oe izd. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1968, с. 339–340.

Some Remarks on the Noun Classes and Genders

VIKTOR KRUPA

The interrelations of language, perception, reality, and thought may be ranked among the cardinal problems of linguistics and such as have far-reaching implications for philosophy, logic, psychology, ethnology, etc. This is obvious to anybody accustomed to view language as a component system within a more extensive whole and not as an isolated system cut off from anything else. A careful investigation of these interrelations may shed some light upon the foundations of typology, causality of the linguistic universals and also inevitably upon the prelinguistic determinants of the essential unity of all languages.

The existence of noun classes in various languages of the world has frequently been the subject of research in the past. Its results have partly been summarized by Allan (1977); however, only partly, because his study does not cover, e. g., Caucasian and Slavic languages. Although many of his conclusions are plausible, I would like to turn attention to what ought to be added about the category of noun classes in general.

First of all, one should never tire of stressing that a linguistic (grammatical) category undergoes a cyclical development that may be represented as a potential sequence of phases oriented down the time axis. This means that the basic movement takes place from the lexical level to grammar (and not vice versa). Any grammatical category has its origin upon the lexical level. Certain lexemes gradually lose their semantic and phonetic autonomy, their range of distribution becomes more and more restricted while their frequency of occurrence may increase and, consequently, they turn into dependent elements such as affixes that mark some categorial meaning. The increasing formalization of the markers inevitably loosens their referential links, and thus they are transformed into markers of more or less purely structural (syntactical) relations. In other words, if language is regarded as a kind of a hypothesis of reality (experience), then it tends to be both adequate (as a reflection of reality) and coherent (i. e., it is a system the elements of which are mutually related and conditioned) and the shift from the lexical to the grammatical level means that it is the function of coherency that prevails over that of adequacy with the categorial markers. But under constantly changing external conditions, adequacy cannot be

identical with stability, and the need to accomodate itself forces language to change in both its aspects, i. e., in adequacy and coherency. Due to various types of impulses (both external and internal), the categorial markers may eventually disappear from language, clearing thus stage for a new cycle. Furthermore, the cycle is a potential sequence of phases in the sense that a category need not undergo in each language all possible phases ; it may begin fading or receding at any phase, or become subject to a restructuration and reinterpretation. One ought to bear in mind that the particular phases of the cycle must not be mechanically correlated with the development of thought, despite the fact that each grammatical category does to some extent (at least in relics) reflect mental processes, especially as far as its initial motivation is concerned. This initial presence of referential valency is easy to understand if we accept that the basic movement in language is that from the lexical to the grammatical level. One of the numerous proofs of the nonmechanical character of the correlation *grammatical cycle—development of thought* is mentioned by Allan who observes that there is not a single color classifier in any language although grouping by colour is said to be ontogenetically prior to grouping by shape (Allan, 1977, p. 297).

Once the cyclical nature of the grammatical categories is accepted, various languages may be said to represent specific phases of the cycle. Thus, in the domain of the noun classes, the initial phase may be attested for the so-called numeral classifier languages (Chinese, Japanese, Indonesian, etc.) where the class markers are to some degree autonomous lexemes, obligatory in certain environments ; the external motivation is still productive with them. Syntactical concord is not known in these languages as an absolute principle although its forerunners may perhaps be seen in repetitions of the sort of Indonesian seorang orang Belanda "a Dutchman". A subsequent phase of the cycle is represented by the so-called concordial classifier languages. Here the class markers become obligatory with all nouns as well as with their modifiers (e.g., in many Australian and African languages). A semantic reinterpretation may lead to some changes in the concord (cf. Swahili). In the latter instance, the modifier agrees with its noun according to its semantics, not mechanically according to its formal class marker. (There is some analogy to this phenomenon in Slavic languages, cf. *dobrý sluha* "good servant"; -a is a formal indicator of the feminine but the word *sluha* "servant" is masculine due to its referential valency and the adjective modifier takes the masculine ending -ý.) The Caucasian languages represent a recessive phase of the cycle and the decline of the category is manifest from the fact that the class markers have disappeared from the nouns (except for a few relics) and occur as class indicators only with the modifiers.

The category of gender in many European languages seems to have entered the final phase of the cycle, which consists in a considerable restriction of the number of classes (three or two) as well as in the concomitant loss of their semantic transparency. E.g., English has lost all overt gender markers both with nouns and

their modifiers ; the so-called counters (e.g., a piece of information, two heads of cattle) represent the lexical phase of a new cycle which perhaps may become more formalized in the distant future. This is an example of the fact that the category of noun classes is cyclical and virtually omnipresent (either as a purely lexical, a mixed lexico-syntactical or a predominantly syntactical category). There are two reasons to explain this. First, each language necessarily abstracts and classifies ; second, it inevitably changes, the categorial markers are reduced phonetically, modified semantically or disappear, and thus a need in the appearance of new markers becomes felt.

The noun classes in Japanese, Chinese, Indonesian, Bantu and Australian languages (and in many others) are a mixed lexico-syntactical category. The lexical aspect prevails with the numeral classifier languages ; it is true that here the classifiers serve as formal links between numerical expressions and nouns (which may be regarded as their syntactical aspect), however, there is a considerable variety of such links out of which the speaker is expected to select the proper one (this is their lexical aspect). The syntactical aspect is felt as dominant, e.g., in many Australian and Bantu languages as well as in many European languages.

Gender in the Slavic languages may be quoted as the instance of such a development in the cycle when the semantic content of the category is subject to a reinterpretation or to a revival. The following examples have been taken from Slovak. The latter may be characterized as a concordial classifier language. The traditional grammar distinguishes three genders, i.e., masculine, feminine, and neuter. This certainly was a plausible analysis of the situation in the more distant past. But this ternary system has been revived and made more complex by the addition of the opposition of animate versus inanimate nouns. Altogether there are ten concordial classes in Slovak :

- (1) *dobrý človek* "good man" (masc. animate)
- (2) *dobrý sluha* "good servant" (masc. animate, ending in -a)
- (3) *dobrý strom* "good tree" (masc. inanimate)
- (4) *dobrý zajac* "good hare" (masc. animal)
- (5) *dobrá žena* "good woman" (fem., ending in -a)
- (6) *dobrá kost* "good bone" (fem., ending in -Ø)
- (7) *dobré mesto* "good town" (neut., ending in -o or -e)
- (8) *dobré vysvedčenie* "good certificate" (neut., ending in -ie)
- (9) *dobré dievča* "good girl" (neut., ending in -Ø)
- (10) *dobré hodiny* "good clock" (plur. tantum)

When this scheme, known in variations from other Slavic languages, is compared to the Caucasian languages, it becomes obvious that there are some differences in the development of the noun classes in both groups of languages. The gender markers of the Slavic languages are fused with the case and number markers (which is observed with the Caucasian languages as well) and the adjectival markers of class or gender

are materially different from those occurring with the nouns. Besides, the adjectival markers, especially in the plural, tend to a considerable unification (which is complete in Russian) as far as gender is concerned. The semantic changes are likewise far-reaching. The tripartition into masculine, feminine, and neuter which had become rather formalized, has been complicated by a productive opposition of animate versus inanimate nouns. In Slovak plural, the class of animate nouns coincides with nouns that refer to the rational beings only (plus four nouns referring to animals, i.e., *psi* "dogs", *venci* "wolves", *vtáci* "birds", *býci* "bulls") while in singular it covers both rational beings and animals (both statements hold only for the masculine nouns). Thus the opposition of animate versus inanimate leads to a ternary subdivision (of the masculine nouns), i.e., rational nouns, animal nouns, inanimate nouns. However, the semantic motivation is manifest in other classes as well. The class (8) includes only abstract nouns that display the status of deverbatives. The class (9) comprises human or animal youngsters, e.g., *dievča* "girl", *vtáča* "little bird", *dieťa* "child", "baby", *holúbä* "little pigeon", *páža* "page boy", *knieža* "prince". Finally, the class (10) includes nouns referring to complicated objects; this is why they are classed as pluralia tantum, e.g., *hodiny* "clock", "watch", *sane* "sledge", *nožnice* "scissors", and even names of some festivities as *Vianoce* "Christmas", *Turíce* "Whitsun".

On the other hand, the semantic content of the masculine, feminine, and neuter is rather vague although male beings are usually classed as masculine and female beings as feminine nouns. In Russian, the situation is very similar to that in Slovak. There is one important difference, however; unlike Slovak, the opposition animate versus inanimate cuts across both masculine and feminine genders and animals are classed consequently as animate in both singular and plural, i.e., with the rational beings. The interrogative pronouns also support this feature of Russian. While Slovak *kto?* "who?" refers only to the rational beings and *čo?* "what?" to things and animals, Russian *kto?* "who?" covers both the rational beings and animals while *čto?* "what?" refers only to things.

Examples from Slavic languages indicate that noun classes and genders are no essentially different categories. They are "variations on the same subject" and as such are manifestations of the universal and inherent inclination of language to classify experience and to make use of the emerging classes as means of structural coherency.

REFERENCES

ALLAN, K. (1977): Classifiers. *Language*, 53, 258—311.

К вопросу о сопоставительном изучении фразеологии (На материале русского и словацкого языков)

ЭЛЕОНORA КУЧЕРОВА

1. В центре внимания языковедов все чаще и чаще оказывается молодая лингвистическая дисциплина — фразеология. Становление и развитие фразеологии как научной дисциплины вызвано развитием лексикографии в последние десятилетия; в прошлом изучению фразеологии внимание уделялось только в связи с составлением общих словарей, когда надо было решать вопрос о том, какие фразеологические единицы включать в общий словарь и как их толковать.

2. Фразеология — это, с одной стороны, научная дисциплина, изучающая фразеологические единицы языка, а, с другой стороны, совокупность таких единиц в языке. В рамках фразеологии можно изучать фразеологическое богатство как одного языка, так и двух языков — в сопоставительном плане. В данной статье мы бы хотели сосредоточить внимание на тех теоретических вопросах, которые важны для сопоставительного изучения фразеологии двух языков.

2.1 Основные понятия фразеологии разные исследователи формулируют по-разному. Нет единого мнения о том, что такое фразеологизм — сочетание слов или отдельное слово. Для обозначения фразеологизмы в языковедческой литературе используются самые различные термины: фразеологическое выражение, фразеологическая единица, фразеологический оборот речи, фразеологическое сочетание и др.

2.2 Предметом фразеологии как научной дисциплины являются, по нашему мнению, фразеологизмы — выражения, состоящие из двух и более компонентов. По своему происхождению фразеологизм — единица производная, вторичная, имеющая свою мотивацию, свой генетический прототип, представляющий по своей структуре словосочетание или предложение. С целью экономии места все типы сочетаний слов мы будем характеризовать как словосочетания.

3. Принято считать, что существуют две группы сочетаний слов:
1. словосочетания свободные и 2. (слово) сочетания устойчивые.

3.1 Свободные словосочетания (читать книгу, писать письмо, хороший мальчик, красиво петь, читать вслух) образуются в процессе коммуникации, т. е. в речи. Их образование обусловлено номинативным, реальным значением составляющих их слов, а также их лексической и грамматической сочетаемостью. Свободное словосочетание как единое целое не имеет лексического значения (оно не может выступать в роли номинации), оно имеет лишь смысл, семантическое содержание. Семантическое содержание свободного словосочетания выводится из лексических значений образующих его слов, но оно не является только простой суммой этих лексических значений. Отличительной чертой семантического содержания свободного словосочетания является его целостность. Свободное словосочетание можно перевести на иностранный язык. При его переводе переводятся отдельные слова-члены словосочетания с учетом контекста, в котором находится переводимое слово и в котором реализуется одно из его значений.

3.2 В отличие от свободных словосочетаний несвободные (слово)сочетания в лексике каждого языка существуют в виде готовых, устойчивых единиц, и в таком виде они и участвуют в процессе коммуникации. Устойчивые (слово)сочетания состоят из постоянных компонентов и имеют самостоятельное лексическое значение. Устойчивые (слово)сочетания мы делим на словосочетания лексически устойчивые, т. е. лексикализованные (русский язык, словацкий я., чешский я., французский я....; кирпичный завод, машиностроительный з., консервный з. ... ; сделать попытку, с ошибкой, с оговоркой...) и сочетания фразеологически устойчивые, т. е. фразеологизованные.

4. В основе каждого выражения, которое мы характеризуем как фразеологически устойчивое сочетание, лежит образ, ставший его мотивацией. В этот образ, передаваемый словами, народ вкладывал свой жизненный опыт, свои повседневные наблюдения. В некоторых случаях образ был столь сильным, выразительным и обобщающим, что пережил породившую его ситуацию, продолжал существовать, использовался в качестве метафоры в ситуации, похожей на исходную. Он вошел в обиход. Таким образом, образное выражение стало единицей словарного состава, т. е. лексикализовалось. Лексикализации сопутствовала фразеологизация, и в результате при употреблении образного выражения постепенно забывалась или не принималась во внимание ситуация, породившая данное выражение. Одновременно смысл выражения переставал выводиться из лексических значений слов, входящих в образное выражение.

4.1 Выражение, с помощью которого образно описывалась ставшая мотивацией фразеологизма ситуация, с точки зрения семантических связей

между словами, образующими выражение, являлось свободным словосочетанием, и таким образом, не было единицей словарного состава языка. Такой единицей оно стало лишь благодаря лексикализации и сопутствовавшей ей фразеологизации. Что такое фразеологизация?

4.2 Фразеологизация – это «активный процесс внутриязыкового развития, одним из условий протекания которого является ассоциативная мысль мыслящего и говорящего на языке коллектива» (Толикина, 1964, с. 166). Во время процесса фразеологизации

4.2.1.1 семантическое содержание генетически свободного словосочетания трансформируется в лексическое значение фразеологически устойчивого сочетания – фразеологизма (тем самым фразеологизм становится и единицей номинации),

4.2.1.2 форма прототипа фразеологизма приобретает постоянный, устойчивый вид,

4.2.2 слова-члены свободного словосочетания утрачивают признаки слова, которые были присущи их генетическому источнику: они утрачивают

4.2.2.1 свое лексическое значение (десемантизируются) и

4.2.2.2 различные грамматические категории. Таким образом

4.2.3.1 значение фразеологически устойчивого сочетания в результате десемантизации уже не определяется значениями слов-членов исходного свободного словосочетания, а имеет свое целостное лексическое значение. «Лексическое значение фразеологизма, как и лексическое значение слова, представляет собой известную смысловую абстракцию, известное смысловое отвлечение, т. е. обозначение или название тех или иных сторон, свойств, отношений и т. п. предметов и явлений объективного мира» (Молотков, 1977, с. 104).

4.2.3.2 Между словами-членами исходного свободного словосочетания нарушаются и семантико-грамматические связи в результате утраты ими лексического значения и грамматических категорий. Слова эти превращаются из отдельных единиц словарного состава языка в компоненты фразеологически устойчивого сочетания-фразеологизма, характеризующегося целостностью своей формы.

5. Фразеологизмы как отдельные единицы словарного состава языка, характеризующиеся целостностью значения и целостностью формы, могут соотноситься по форме, по значению и т. п., могут вступать друг с другом в синонимические, омонимические и антонимические отношения. У синонимии, омонимии и антонимии фразеологизмы имеются в основном общие признаки с синонимией, омонимией и антонимией слов, но имеются и свои специфические черты, связанные с природой фразеологизма. Например, синонимы-фразеологизмы, подобно синонимам-словам, имеют тож-

дественное или близкое значение и различную форму. Специфической чертой слов-синонимов является их принадлежность к одной и той же части речи, а фразеологизмов-синонимов - наличие одинаковой лексико-грамматической характеристики. Несколько примеров на синонимию фразеологизмов:

Русский язык: стреляный воробей ↔ тертый калач ; между двух огней ↔ между молотом и наковальней ↔ между Сциллой и Харибдой ; два сапога пара ↔ одним миром мазаны ↔ одного поля ягода ; яблоку некуда упасть ↔ шагу некде /некуда ступить ↔ иголку некде/некуда воткнуть ↔ дохнуть/дыхнуть некде ↔ плюнуть некде /некуда и т. п. Словацкий язык: ošklbať niekoho ako hus ↔ odrať niekoho ako ľipu ; pohnúť rozumom ↔ vziať rozum do hrsti ↔ chytíť sa rozumu ; jablko by tam neprepadlo ↔ niet kde hrachu hodíť ↔ hlava na hľave и т. п.

Примеры из обоих языков показывают, что фразеологизмы могут образовывать даже синонимические ряды, состоящие из нескольких фразеологизмов.

6. Если синонимия, омонимия и антонимия фразеологизмов связаны с взаимоотношениями между двумя и более фразеологизмами, вариантность и факультативность компонентов фразеологизмов затрагивает лишь один фразеологизм.

6.1 Под варьированием компонентов фразеологизма мы понимаем изменение формы фразеологизма (при сохранении его лексического значения) путем замены компонентов фразеологизма, напр.:

Русский язык: родиться в сорочке/в рубашке ; седьмая/десятая вода на киселе ; камень с души/с сердца свалился у кого ; стреляный/старый воробей = стреляный волк/зверь = стреляная/обстрелянная птица ; заглядывать в бутылочку/в рюмку и т. п.

Словацкий язык: vedieť/uhádnuť, koľko bilo/udrelo ; vedieť od čoho muchy karú/dochnú ; hľadať niekoho, niečo ako īlu v sene/v kope sena и. т. п.

Заменяемость компонентов не произвольна, она строго ограничена традицией. Варьирование компонентов фразеологизма нельзя смешивать с заменой слов-синонимов в свободном словосочетании. Слова-синонимы – это отдельные единицы словарного состава языка, образующие синонимический ряд, в то время как компоненты фразеологизма – это только компоненты-заменители, образующие лишь вариантный ряд.

6.2 Компоненты фразеологизма могут не только варьироваться, но и опускаться. Факультативные компоненты, т. е. компоненты, которые опускаются, количественно изменяют состав фразеологизма, не изменяя его лексического значения. Факультативность компонентов, как и вариантность компонентов, – это только особенность формы фразеологизма, напр.:

Русский язык: ни в зуб (ногой) ; ни аза (в глаза) ; виников не хватает (в голове) ; ни за какие блага (в мире) ; держи карман (шире)! и т. п.
Словацкий язык: byť/cítiť sa (ako) v (siedmom) nebi ; mať (svoje) muchy ; nevie, čo (má) skôr do ruky chytiť ; myslí si, že všetku múdrost (sveta) pojedol и т. п.

7. Как одну из отличительных черт фразеологизма многие фразеологи называют его непереводимость, т. е. дословную, буквальную непереводимость на другие языки. Мы согласны с этим мнением. Оно подкреплено и всем сказанным выше. При транспозиции фразеологизма в другой язык мы переводим не фразеологизм, не его отдельные компоненты, а значение, которое первоначально свободное словосочетание приобрело в процессе фразеологизации. Это значит, что в целевом языке мы подыскиваем фразеологизм с аналогичным значением, т. е. с таким же значением, какое имеет фразеологизм в языке подлинника.

8. Сопоставительный анализ русской и словацкой фразеологии показывает, что не каждый русский фразеологизм имеет в словацком языке свой фразеологический эквивалент. В словацком языке встречаются следующие основные типы эквивалентов русских фразеологизмов (те же типы наблюдаем и в обратном направлении):

8.1 Эквивалентом русского фразеологизма является словацкий фразеологизм (= идеальный эквивалент). Мотивация фразеологизмы-эквивалентов может быть

8.1.1 абсолютно одинаковая (тождественная) с мотивацией русского фразеологизма, и тогда фразеологизмы-эквиваленты полностью совпадают с русскими фразеологизмами по значению и по компонентному составу. Эти фразеологизмы-эквиваленты можно считать абсолютноими эквивалентами, напр.:

водить за нос кого-л. vodiť/táhať za nos niekoho ; смертный грех — smrteľný hriech ; ахиллесова пята — Achillova päta ; дамоклов меч — Damoklov meč ; око за око, зуб за зуб — oko za oko, zub za zub ; петь дифирамбы кому-чему — spievať ódy/hymny/chválospevy na niekoho, niečo ; лебединая песня — labutia pieseň ; открывать Америку — objavovať Ameriku ; строить воздушные замки — stavať si vzdušné zámky ; вот где (в чем) собака зарыта — v tom (tam) je (ten) pes zakopaný ; найти общий язык с кем-л. — nájsť spoločnú reč/spoločný jazyk s niekým ; (идти, двигаться) семимильными шагами — (napredovať, kráčať) (sedem)milovými krokmi и. т. п.

К абсолютным фразеологизмам-эквивалентам можно отнести общеславянские фразеологизмы, фразеологизмы, заимствованные русским и словацким языками из европейских языков, из книг священного писания (библии, нового завета) и т. п.

8.1.2 близкая, почти одинаковая – фразеологизмы-эквиваленты полностью совпадают с русскими фразеологизмами по значению и частично – по компонентному составу, напр.:

знать как свои пять пальцев – *poznať ako svoju/vlastnú dlaň*; делать из муhi слона — *robiť z komára somára*; убить двух зайцев — *jedným úderom/jednou ranou zabiť dve muchy*; родиться в сорочке/в рубашке — *narodiť sa v čerčeku* и т. п.

Этот тип фразеологизмов-эквивалентов по тождественности своего значения со значением русского фразеологизма приближается к абсолютному эквиваленту. Отличие состоит только в том, что, хотя мотивация этих фразеологизмов-эквивалентов близка к мотивации русских фразеологизмов, образ, легший в основу их прототипа, получил в словацком языке несколько иное словесное выражение;

8.1.3 различная (нетождественная) – фразеологизмы-эквиваленты полностью совпадают по своему значению с русскими фразеологизмами, но совсем не совпадают с ними по компонентному составу. Этот тип фразеологизмов-эквивалентов можно назвать относительными эквивалентами. С такими эквивалентами мы имеем дело при транспозиции исконно русских фразеологизмов, а также при транспозиции фразеологизмов, заимствованных русскими из языков соседних народов. При дословном переводе этих фразеологизмов на словацкий язык получилась бы бессмыслица, напр.:

море по колено кому-л. — *svet mu je gombička*; пороха не выдумает кто-л. — *nespráví/neurobí dieru do sveta*; китайская грамота — *španielska dedina*; ни пуха ни пера! — *zlom väz!*, *veľa šťastia!*; стричь (всех) под одну гребенку — *hádzat/pchať všetkých do jedného vreca* и т. п.

8.1.3.1 Относительные фразеологизмы-эквиваленты отличаются в отдельных случаях от русского фразеологизма степенью своей выразительности и изобразительности. Русский фразеологизм может иметь в качестве эквивалента один или несколько словацких фразеологизмов, напр.:

не лезть/лазить за словом/за ответом в карман — *nejsť ďaleko po odpoved,* *mať odpoved' naporúdzi, neostať dlžen odpoved'*; держи карман (шире)! — *máš ho vidieť!, môžem (môžeš...) čakať!*; собаку съел в чем/на чем — *má niečo v malíčku, je v niečom doma*; моя (твоя...) хата с краю — *to nie je moja (tvoja...) vec, tňa (teba...) sa tá vec netýka* и т. п.

8.1.3.2 У исконно русского фразеологизма в словацком языке иногда нет общего, основного фразеологизма-эквивалента. Подбор словацкого эквивалента обусловлен в таких случаях словесным окружением, сочетаемостью русского фразеологизма. Например, авербиальный фразеологизм «во всю ивановскую» в одном из своих значений (это многозначный фразеологизм) имеет следующее толкование: «очень громко – кричать, храпеть и т. п.».

В сочетании с различными глаголами говорения в словацком языке получаем следующие эквиваленты:

кричать во всю ивановскую. — *Kričať z plného hrdla.*

Он храпит во всю ивановскую — *Chrápe, ani čo by (dosky) píli.*

Иван Петрович, хохоча во все горло, рассказывал им анекдот..., рассказывал во всю ивановскую, так, что всем дачам слышно было (Чехов) [...] *rozprával na celú ulicu...*

8.2 У русского фразеологизма нет в словацком языке фразеологического эквивалента, и тогда в качестве эквивалента выступает описательное выражение или однословный эквивалент, являющиеся по существу толкованием значения русского фразеологизма. Эквиваленты по значению должны совпадать с исходным русским фразеологизмом, но их форма обусловлена контекстом и, таким образом, лишена какой-либо устойчивости. Эквиваленты этого типа – их можно назвать контекстуальными – не являются единицами языка, это единицы речи. С точки зрения стилистической окраски, выразительности и изобразительной силы они не равнозначны фразеологизмам языка подлинни, напр.:

сидеть/оказаться у разбитого корыта — *byť tam, kde človek začína*, *o vsetko prísť*; без ножа зарезать — *priviesť do zúfalej situácie*; непочатый край/угол чего-л. — *veľké/nesmierne množstvo niečoho* и т. п.

9. Происхождение фразеологизмов, как и понимание первоначального образа, к которому генетически восходит фразеологизм, не имеет никакого значения

9.1.1 ни для правильного употребления фразеологизма в родном (= словацком) языке, напр.:

ísť do spiša/na ucho — «ложиться спать»; — *predávať/strúhať petržlen* — «о девушки – сидеть, не танцевать на танцах»; *rozumieť sa niečomu ako koza petržlenu* — «ничуть, нисколько, совершенно не понимать»; *až naprší a uschnie* — «неизвестно когда, в неопределенном будущем времени» и т. п.,

9.1.2. ни для усвоения и правильного употребления фразеологизма в иностранном (= русском) языке, напр.:

ума палата у кого-л. — «кто-л. очень умен»; дать/задать стрекача/стречка — «пускаться наутек, стремительно, поспешно убегать, удирать»; у черта на куличках/на рогах — «очень далеко, в отдаленных, глухих местах»; как на маланьину свадьбу (наварить, наготовить) — «в очень большом количестве (наварить, наготовить) и т. п.

9.2 Для правильного употребления фразеологизма релевантно только знание и понимание лексического значения, возникшего в процессе фразеологизации.

10. Редко, но все же встречаются фразеологизмы, компонентный состав которых в русском и словацком языках одинаков, но значение при этом различно, напр.:

русский фразеологизм «глядеть сквозь пальцы на что-л.» имеет значение «сознательно не замечать чего-л. недозволенного», а словацкий *pozerať cez prsty na niečo* имеет значение «смотреть на что-л. свысока, с презрением». Другой пример: русское «обвести/обернуть вокруг пальца кого-л.» имеет значение «ловко обмануть», а словацкое *okrútiť si/omotať si okolo prsta niekoho* имеет значение «крутить кем-л.».

11. Фразеологизмы, как и слова, могут быть не только однозначными, но и многозначными, полисемантическими. Напр., русский фразеологизм «стучаться в дверь» и его словацкий эквивалент *klopať na dvere* имеют значения: 1. « обращаться к кому-л. с просьбой, добиваясь чего-л.» и 2. «неуклонно приближаться, надвигаться, наступать».

12. В настоящей статье мы ставили перед собой цель – сообщить о некоторых результатах нашей работы над общими русско-словацкими словарями. Мы думаем, эти результаты могут быть использованы и при работе над русско-словацким фразеологическим словарем, при переводе художественной литературы и в процессе преподавания русского языка в словацкой среде.

ЛИТЕРАТУРА

- МОЛОТКОВ, А. И.: Основы фразеологии русского языка. Ленинград, Наука 1977, 284 с.
ТОЛИКИНА, Е. Н.: О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы. In: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Ред. А. М. Бабкин. Москва–Ленинград, Наука 1964, с. 150–172.
Фразеологический словарь русского языка. Ред. А. И. Молотков. Москва, Советская Энциклопедия 1967, 543 с.
DOROTJAKOVÁ, V. — FILKUSOVÁ, M. — KUČEROVÁ, E. — MALÍKOVÁ, M. O. — SEKANINOVÁ, E.: Veľký rusko-slovenský slovník. Bratislava, Vydatelstvo SAV 1960—1970. 5 zv.
KUČEROVÁ, E.: Z konfrontačného štúdia ruskej a slovenskej frazeológie. In: Studia Academica Slovaca. 7. Prednášky XIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mistrik. Bratislava, Alfa 1978, c. 229—239.
SMIEŠKOVÁ, E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1974, 296 c.

Toponym und onymische Situation

MILAN MAJTÁN

Entstehung und Funktionsweise des Toponyms sind die dialektisch verknüpften Komponenten seiner Existenz. Den Gegenstand der toponomastischen Forschung können deshalb nicht nur die etymologische Betrachtung, die Rekonstruktion der Motivation der ursprünglichen lexikalischen Bedeutungen bzw. der lexikalisch-semantischen, strukturell-typologischen, paradigmatischen u. ä. Seite der Namen bilden. Ebenso große Aufmerksamkeit ist auch der Rolle der Toponymie in der heutigen Gesellschaft zu widmen, d. h. dem Leben der Namen in der sprachlichen Kommunikation (in der Rede), ihrer Verwendung bei der gesellschaftlich bedingten Identifizierung geographischer Objekte.

Die Kommunikation vollzieht sich in verschiedenen Kommunikationssphären, die durch spezifische kommunikative Charakteristika bestimmt sind. Wenn wir von der Funktionsweise des Eigennamens in der Gesellschaft sprechen, meinen wir seine Funktionsweise in einer bestimmten sprachlichen Situation, die nach A. Jedlička durch koexistierende sprachliche Gebilde und Formen charakterisiert wird, die in einer gegebenen Gesellschaft vorhanden sind, und die in wechselseitigen Beziehungen zueinander stehen (Jedlička, 1974, S. 35).

Die propria (onymische) Gültigkeit des Toponyms, d. h. die Wertigkeit des Toponyms bei seiner Verwendung in der Gesellschaft (der Inhalt des Toponyms) setzt sich aus den folgenden Komponenten zusammen: 1. gesellschaftlich bedingte Identifizierung des Objektes durch den Namen, 2. gattungsmäßige Einordnung in die entsprechende Klasse von Objekten und Namen, 3. Lokalisierung des Objektes im Gelände, 4. Bereich der gesellschaftlichen und geographischen Wirksamkeit (komunikative Gültigkeit) des Namens, 5. Standardisiertheit des Namens, 6. Expressivität des Namens (Majtán, 1976, S. 34—35).

Eine solche Definition des funktionellen Wertes des Toponyms kommt der Auffassung von der toponymischen Bedeutung bei A. V. Superanskaja (1973, S. 320, 322) nahe. Die toponymische Bedeutung (die Semantik des Toponyms) setzt sich nach Superanskaja aus der Information, die das Toponym beinhaltet, aus sprachlichen sowie spezifisch onomastischen Funktionen und aus dem stilistischen und ästhetischen Wert des Toponyms zusammen.

Die moderne Onomastik betont im Unterschied zur traditionellen, rein sprachwissenschaftlichen Analyse die komplexe Analyse von onymischen Erscheinungen. In jüngerer Zeit formulierte V. Blanár dies so, daß die komplexe Analyse von Eigennamen von der Benennung der Realia zur Widerspiegelung der Umstände der Namengebung in der Designation des Eigennamens und weiter zur Art und Weise der sprachlichen Gestaltung eines onymischen Inhaltes geht. Der Eigename wird im onymischen Kontext als Element eines bestimmten onymischen Systems aufgefaßt (Blanár, 1978, S. 9).

Bei der komplexen onomastischen Betrachtung genügt es also nicht, nur von dem konkreten Eigennamen, vor seiner sprachlichen Gestalt auszugehen, sondern man muß auch die Umstände der Namensgebung und das gesamte System von Namen für eine gegebene Anzahl von Objekten berücksichtigen, d. h. die Stellung des konkreten Namens im System. Aber man muß auch die Namensgebung eines gegebenen Objektes insgesamt kennen, d. h. die Rolle des konkreten Namens im System der Namen für dieses Objekt und ihre Varianten.

Neben dem onymischen Kontext ist bei der komplexen onomastischen Analyse auch die onymische Situation zu bewerten. Ausgehend von Jedličkas Definition der sprachlichen Situation können wir den Begriff onymische Situation bestimmen. Wir unterscheiden dabei die Begriffe allgemeine onymische Situation und konkrete onymische Situation.

Die allgemeine onymische Situation bildet die in Raum und Zeit vorhandene Koexistenz von Formen, von Varianten des Eigennamens oder mehrerer Eigennamen bei der Benennung eines Denotates in unterschiedlichen Kommunikationsphären. Die konkrete onymische Situation stellen der Eigename (eine Variante) dar und die Kommunikationssphäre, die Umstände, unter denen er verwendet wird.

Zum Beispiel ist für die Stadt *Hlohovec* in der Westslowakei der Name *Glogovec* (*glog-ovčec*) seit dem Jahre 1113 belegt. Die belegte Form (*Golgóć*, *Golguz*, *Golgoc*) ist die magyarisierte Gestalt des slowakischen Namens für die Burg und die Gemeinde am Fuße der Burg. Im 14. Jahrhundert entstand in enger Nachbarschaft zu der alten Siedlung *Hlohovec* die Siedlung *Neu-Hlohovec* (1369 *Ogalgoch*, *Wyalgoch*; *Ógalgóć* = Alt-*Galgoc*, *Újgalgóć* = Neu-*Galgoc*), ein Städtchen mit eingewandter deutscher Bevölkerung, das man dt. *Freistadtl* zu nennen begann. Beide Städtchen wuchsen noch vor dem 18. Jahrhundert zusammen, die slowakische Bevölkerung überwog, im slowakischen Milieu bürgerte sich für die Stadt der aus dem Deutschen übernommene und adaptierte Name *Frašták* (< *Freistadtl*) ein. Aber der offizielle Name war bis zum Jahre 1918 die magyarisierte Form des ursprünglichen slowakischen Namens *Galgóć*; erst nach 1918, nach der Entstehung der Tschechoslowakischen Republik, wurde die slowakische Form *Hlohovec* zum offiziellen Namen. Den inoffiziellen Namen *Frašták* gibt es bis heute. Im 18. Jahrhundert existierten parallel die Formen slow. *Frašták*, dt. *Freistadtl*, ung. *Galgóć*, lat.-griech. *Eleutheropolis* (= freie, befreite Stadt) sowie die latinisierte

ungarische Form *Galgocinum*. Der ursprüngliche slowakische Name *Hlohovec* zeichnet sich bereits in einer Eintragung aus dem Jahre 1113 (*Golgóć* < *Glogovec*) ab, aber rekonstruiert wurde er erst nach 1918, denn jahrhundertelang wurde anstatt dessen (oder auch neben ihm) der aus dem Deutschen übernommene und dem Slowakischen angepaßte Name *Frašták* verwendet. Jeder der angeführten Namen (*Hlohovec*, *Galgóć*, *Freistadtl*, *Frašták*, *Eleutheropolis*, *Galgocinum*) hatte und hat im System der slowakischen Ortsnamen eine andere Stellung und wurde in der konkreten onymischen Situation unterschiedlich verwendet. Die allgemeine onymische Situation ist durch die Existenz aller Namen und Varianten in der Entwicklung der Benennung der Ortschaft (der Stadt) *Hlohovec* seit ihrer Gründung bis heute charakterisiert, durch das parallele Vorkommen von — nehmen wir an — allen fünf Namen in der Vergangenheit und von mindestens zwei dieser Namen (*Hlohovec*, *Frašták*) in der Gegenwart, und zwar jeweils in unterschiedlichen Kommunikationssphären.

Der Terminus „onymische Situation“ ist in der Onomastik noch nicht geläufig, aber von einer Einschätzung der onymischen Situation geht auch Blanárs Konzeption von der Wertung und Modellierung der inhaltlichen Seite von „lebendigen“ Personennamen (1975; Blanár — Matejčík, 1978) aus. Bei der anthroponomastischen Analyse lassen sich die gesellschaftlichen und familiären Beziehungen und die Umstände der Namensgebung gut an der heutigen, inoffiziellen Namensgebung von Personen verfolgen. Viel komplizierter ist die Situation bei der Wertung und Analyse von historischen Personennamen. Aber auch hier muß bei der komplexen Betrachtung von dem benannten Denotat, der benannten Person aus an den Eigennamen herangegangen werden (Majtán, 1978, 1980).

Besonderheiten bei der Bewertung der onymischen Situation sind vor allem das Ergebnis des spezifischen Charakters und spezifischer Kennzeichen (onymische Merkmale) der einzelnen Klassen von Eigennamen. Der Mensch als Objekt der Namensgebung hat im Vergleich zum geographischen Objekt nur eine relativ kurze Lebensdauer, obwohl sich auch der Charakter von geographischen Objekten und die Art und Weise ihrer Verbindung mit der menschlichen Gesellschaft durch das Wirken des Menschen oft ändert.

Die Mehrnamigkeit (manchmal auch „onymische Synonymie“ genannt) und die Varianz von Namen sind Erscheinungen, die von der onymischen Situation ausgehen, von der Wertung onymischer Erscheinungen und Fakten, die vom Denotat zu seiner Benennung (seinen Benennungen) geht. Unter Mehrnamigkeit verstehen wir die Existenz von lexikalisch, wortbildungsmäßig, paradigmatisch und durch den Numerus unterschiedenen Namen ein und desselben Objektes; die Varianz sehen wir in den lautlich und eventuell auch graphisch unterschiedlichen Gestalten des Namens.

Mehrnamigkeit und Varianz lassen sich bei der Einschätzung der allgemeinen onymischen Situation beobachten, und zwar gewöhnlich auf der Ebene: älterer

Name — neuerer Name, allgemein — individuell verwendeter Name, dialektale — schriftsprachliche Gestalt des Namens, nichtstandardisierte — standardisierte (offizielle) Gestalt des Namens, neutraler — expressiver Name, ursprünglicher — in eine andere Sprache substituierter (adaptierter) Name u. a. Umgekehrt besitzen in der konkreten onymischen Situation nicht einmal die sog. Vieldesignatseigennamen mehrere Designate; sie haben immer nur ein konkretes Designat (Miodunka, 1976, S. 59).

Die komplexe onomastische Analyse soll also vorgehen: 1. vom Eigennamen zum Denotat, 2. vom konkreten Eigennamen zur entsprechenden Klasse von *propria*, aber auch 3. vom Denotat als dem Objekt der Namensgebung zu seinen Benennungen durch einen oder mehrere Eigennamen.

Sie soll sowohl den onymischen Kontext des Eigennamens berücksichtigen, d. h. die Einordnung des Eigennamens in den entsprechenden Teil des onymischen Systems, als auch die onymische Situation, d. h. alle Eigennamen (und Varianten der Namen), durch die das Denotat unter verschiedenen Umständen benannt wurde und wird.

LITERATUR

- BLANÁR, V.: Výskum designatívnej stránky živých osobných mien. *Slavica Slovaca*, 10, 1975, S. 20—37.
- BLANÁR, V.: Predmet i metody onomastiki. *Slavia*, 47, 1978, S. 5—13.
- BLANÁR, V.—MATEJČÍK, J.: Živé osobné mená na strednom Slovensku. I. 1. Designácia osobného mena. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1978, 416 S. + 5 Karten.
- JEDLIČKA, A.: Spisovný jazyk v súčasné komunikácii. Praha, Universita Karlova 1974, 227 S.
- MAJTÁN, M.: Mimojazyková stránka toponyma. In: VI. slovenská onomastická konferencia (Nitro 4.—6. apríla 1974). Zborník materiálov. Red. M. Majtán. Bratislava, Veda 1976, S. 31—37.
- MAJTÁN, M.: Die außersprachliche Seite des Toponyms. In: Recueil linguistique de Bratislava. 5. Red. J. Horecký. Bratislava, Veda 1978, S. 231—237.
- MAJTÁN, M.: Príspevok k metodike výskumu historickej antroponymie. In: Jazykovedné štúdie, 15. Horeckého zborník. Red. J. Ružička. Bratislava, Veda 1980, S. 151—155.
- MIODUNKA, W.: Znaczenie nazw własnych w świetle analizy grup nominalnych współczesnej polszczyzny mówionej. *Onomastica*, 21, 1976, S. 41—64.
- SUPERANSKAJA, A. V.: Obščaja teorija imeni sobstvennogo. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1973, 365 S.

Der urslawische Charakter von Pilznamen im Slowakischen

MARIE MAJTÁNOVÁ

Der Wortschatz jeder Sprache ist unmittelbar mit dem Ethnikum verbunden, das die Sprache benutzt. Es ist deshalb verständlich, daß die Linien der Isolexe gewöhnlich nicht mit den Linien der wichtigsten Isophone und Isomorphe übereinstimmen. Sie haben jedoch viel mit der ethnographischen Gliederung gemeinsam (Bartnicka-Dąbkowska, 1964, S. 76). Die Isolexe stimmen oft auch nicht mit den Grenzen zwischen den einzelnen Sprachen und Staaten überein. Einige Wissenschaftler suchen deshalb in ihnen die verlängerte historische Perspektive einer ehemaligen Stammesteilung bzw. auch Beweise für Kontakte in der Epoche einer postulierten urslawischen oder auch baltoslawischen Einheit (Budziszewska, 1965, S. 298, 304).

Die volkstümlichen Namen von Pilzen bilden einen Teil der volkstümlichen naturwissenschaftlichen Terminologie, für die in den slawischen Sprachen eine relativ große Einheitlichkeit kennzeichnend ist. Die überwiegende Mehrzahl dieser Namen hat noch heute für das ganze slawische Gebiet Gültigkeit. Dabei ist damit zu rechnen, daß es in der Vergangenheit noch mehr solche allgemeinlawische Namen gab (Budziszewska, 1965, S. 294). In den westslawischen Sprachen, bzw. im nördlichen Teil der slawischen Sprachen sind die Pilznamen besonders alt und zwar sowohl hinsichtlich der lexikalischen als auch der wortbildungsmäßigen Seite. Wir denken hier vor allem an Namen mit dem Suffix -ъ (rydz, bił, mlieč, smrž, chříč), an Namen mit dem Suffix -ъсь (tsch. ryzec, sorb. młokanc) und an alte Komposita vom Typ muchomor(ka), syrojēd(ka). Dieser Zustand hängt zweifelsohne mit der Tatsache zusammen, daß die Pilznamen eine solche Komponente des Wortschatzes darstellen, in der der Prozeß der dialektalen Integration im westslawischen Wortschatz sehr langsam vor sich geht, und deshalb bewahren viele Namen ihre alte Gestalt (Bartnicka-Dąbkowska, 1964, S. 79; Budziszewska, 1965, S. 308—309).

Aus dem Bestand der westslawischen volkstümlichen Pilznamen läßt sich ein sehr alter Kern herausheben, der durch Namen mit gesamtslawischer Verbreitung repräsentiert wird, und der ein urslawisches Erbe darstellt. Als ein solches betrachtet man Namen, die heute mindestens in zwei verschiedenen Gruppen slawischer

Sprachen belegt sind (Merkulova, 1965, S. 98; Šmilauer, 1970, S. 5). Im Hinblick auf ihre Zahl gehen die Meinungen der Wissenschaftler auseinander: Merkulova (1965) führt 8 und (1967) 12 bis 14 Lexeme an, Moszyński (1962) 10 Lexeme, Budziszewska (1965) 11 bis 14 Lexeme.

Nach unseren Untersuchungen gibt es mehr von diesen Namen, wir meinen 18, oder bis zu 21. Zu ihnen gehören die slowakischen Pilznamen *bedľa*, *biel*, *brezák*, *hliva*, *holubinka*, *huba*, *hríb*, *chruštieľ*, *kozák*, *líska*, *masliak*, *mlieč*, *muchomôrka* *openka*, *pečiarka*, *rýdzik*, *smrž*, *suroviatko* und möglicherweise auch *pesterec*, *prachavica* und *trúd*.

Einige metaphorische Namen (*kuriatko*, *kozia brada*, *kravka*), die Areale bilden, welche mehrere Sprachen der gleichen Gruppe oder zweier Gruppen slawischer Sprachen berühren, können auch als Namen jüngeren Datums betrachtet werden. Zu den Namen des urslawischen Typs zählen wir auch nicht den Namen *plávka*, obwohl gerade seine semantische Seite, die auf das südslawische Sprachgebiet hinweist, sicherlich sehr alt ist.

Die Verwendung alter Namen urslawischen Typs in der slowakischen Volksterminologie der Pilze sieht im Vergleich zu dem Vorkommen in anderen slawischen Sprachen, in der Übersicht folgendermaßen aus (Majtánová, 1968—1970, 1970, u. a.):

*BĚL-: slow. *biľ*, *biel*, *biľak*; tsch. (altsch.) *byel*; poln. *biel*, *bielak*, *bielich*; ukr. *bil*, *bilak*, *biļun*. Die Namen *biľ*, *biel*, *biľak*, *bilak*, *beľak*, *belmo*, *podbiel*, in der Orava *bielcák*, in Liptov *beláň* bezeichnen weiße, einander sehr ähnliche Milchlinge, den Grünenden Pfeffermilchling *Lactarius piperatus* (L. ex FR.) S. F. GRAY und den Wolligen Milchling *Lactarius vellereus* (FR.) FR., die in der Praxis von den Pilzsammlern nicht unterschieden werden. Die Namen sind für den östlichen Teil der ostslowakischen Dialekte charakteristisch, wobei sie an die Dialektverhältnisse in Südostpolen und in der Ukraine anknüpfen.

*BERZ-: slow. *brezák*, *brezovec*; tsch. *březák*, *březovák*, *březáč*; poln. *brzozak*, *brzoziąk*; sorb. *brězak*, *brězan*; russ. *berezovik*; bulg. *brezovka*. Die Formen *brezák*, *brezovec* seltener *březák*, *breznák*, *brežňák*, *brezinák*, *březovčák*, *březovik*, *březovka*, *březívka*, *březovianka*, *podbřezák*, *podbřezovec*, *podbřeznák* sind über die ganze Slowakei verbreitet, im Osten sinkt jedoch ihre Frequenz, und sie werden eher durch Zweiwortnamen vom Typ *březovy grib*, *březovy kozar* ersetzt. So werden verschiedene Arten Rauhfuß benannt, vor allem der Birkenpilz *Leccinum scabrum* (BULL. ex FR.) S. F. GRAY und die Rotkappe *Leccinum aurantiacum* (BULL. ex FR.) S. F. GRAY, was gerade für die westslawischen Sprachen charakteristisch ist.

*BĚDLA: slow. *bedľa*, *bedla*; tsch. *bedla*, *bedle*; poln. *bedla*, *bedłka*, *bełtka*; sorb. *bedło*, *bedłak*; russ. *blicy* pl. Die Namen *bedľa*, *bedluša*, *bedla-jedľa*, die den Riesenschirmpilz *Lepiota procera* (SCOP. ex FR.) QUEL. bezeichnen, gelangten in den letzten Jahrzehnten durch tschechische Pilzhandbücher und -lehrbücher in die Slowakei. In die tschechische botanische Terminologie wurde dieses Wort von J. S.

Presl in der Mitte des vergangenen Jahrhunderts eingeführt. Es handelt sich dabei um einen alten Namen, der im Urslawischen wahrscheinlich zur Bezeichnung von Pilzen im allgemeinen diente; in seiner ursprünglichen breiten Bedeutung wird er bis heute nur im Polnischen und im Sorbischen verwendet.

*GLIVA: slow. *hliva*, *liva*, *hlivec*; tsch. *hlíva*, *liva*, *livka*; poln. *gliva*, *gluvy* pl.; sorb. *gliwk*; ukr. *hlyva*, *gliva*; serbokr. *gljiva*; slowen. *gliva*, *glicevec*. Mit den Namen *hliva*, seltener *gliva*, *liva*, *hlivka*, *hlivák*, *hlivec* wird in der Regel der Austern-Seitling *Pleurotus ostreatus* (JACQ.) QUEL. bezeichnet, in der Umgebung von Bratislava auch andere Arten von im Herbst wachsenden Blätterpilzen, vor allem der Lilastielle Rötel-Ritterling *Lepista personata* u. a. Die Einengung der ursprünglichen Bedeutung „Pilz auf dem Baum“ auf die Gattung *Pleurotus* ist kennzeichnend für das Slowakische und Tschechische, während es in den südslawischen Sprachen (im Serbokroatischen) umgekehrt zu einer Erweiterung der Bedeutung zu Pilze im allgemeinen (fungus) kam.

*GOLQB-: slow. *holubinka*, *holubienka*; tsch. *holubinka*, *holoubek*, *holoubka*; poln. *gołąbek*, *gołąbka*; ukr. *holubinka*, *holubka*; serbokr. *golubača*; slowen. *golobica*; bulg. *гълъбка*, *гълъбница*. Die Namen *holubinka*, *holubienka*, *holubka*, vereinzelt *holubenka*, *holubička*, *holubnička*, *holubok*, *holubnik* sind in den ostslowakischen Dialekten belegt, während die Formen *holubjénka*, *holubica*, *holúbka*, *holúbok* im westlichen Randgebiet der Slowakei auftreten. Sie bezeichnen verschiedene Arten von Täublingen *Russula*. Im übrigen Gebiet wird die Bennennung *plávka* verwendet.

*GOBA: slow. *huba*, *hubka*, *hubáň*; tsch. *houba*, *hubka*, *hubice*, *hubáň*; poln. *huba*, *hubka*, *gąbka*; sorb. *hubica*, *gubica*; altruss. *guba*; ukr. *huba*, *hubka*; beloruss. *huba*; serbokr. *guba*; slowen. *góba*, *goban*; bulg. *гъба*; mazed. *гъба*, *gamba* (?). Mit dem Namen *huba* können in den slowakischen Dialekten bezeichnet werden: 1. höhere Pilze im allgemeinen, d. h. solche, die gesammelt werden bzw. nicht gesammelt werden; 2. alle Pilze außer Röhrenpilzen; 3. Pilze, die nicht gesammelt werden; 4. Pilze, die auf Bäumen wachsen. In der letztgenannten Bedeutung werden — vor allem in der Westslowakei — häufiger derivierte und Deminutivformen verwendet wie *hubáň*, *hubán*, *hubaňa*, *hubka*, die verschiedene Arten von harten Baumpilzen aus der Familie der Schichtpilze *Stereaceae* bezeichnen. Das ist eine Erscheinung, die für die westslawischen Sprachen und das Ukrainische zutrifft.

Mit Hilfe des Deminutivums *hubka* wie auch des zusammengesetzten Namens *červená hubka* und der hybriden Formen vom Typ *herhubka*, *kerhubka*, *rajhubka*, *rajhukba*, *hajdahubka*, *habajhubka* u. ä. wird in der Gegend von Prievidza der Echte Pfifferling *Cantharellus cibarius* FR. benannt. Es handelt sich hier um eine Calquierung (Lehnübersetzung) und eine Nachahmung der deutschen Namen Herrschwamm(erl) und Rotschwamm(erl) der gleichen Bedeutung.

*GRIBĚ: slow. *hríb*, *gríb*, *grib*; tsch. *hřib*; poln. *grzyb*; sorb. *hrib*, *grib*, *gribica*; russ. *grib*; ukr. *hryb*; beloruss. *hryb*; slowen. *grib*; bulg. *grib*. Mittels der Namen

hríb, in der Orava und in Liptov gríb, in der Ostslowakei hrib, grib, vereinzelt auch hriba, griba werden bezeichnet: 1. höhere Pilze im allgemeinen, d. h. solche, die gesammelt werden bzw. nicht gesammelt werden, 2. Pilze, außer Pilzen, die auf Bäumen wachsen, 3. Pilze, die gesammelt werden, 4. Röhrenpilze Boletaceae, 5. eßbare Dickröhrlinge Boletus.

Am häufigsten werden diese Namen in der stark erweiterten Bedeutung verwendet, als Bezeichnung für Pilze im allgemeinen. Als Bezeichnung der sog. echten eßbaren Dickröhrlinge Boletus werden diese Namen offensichtlich später verwendet, und zwar vor allem in der westlichen Hälfte der Slowakei, während sie im Osten durch Namen mit anderen lexikalischen Basen verdrängt worden sind (dubák, pinceľ, tvrdýš, kozar, zapach u. a.).

*CHREŠT-/CHRQST-: slow. chruštieľ, chraška; tsch. chřič, křič; altsch. chřieš; poln. chrząszcz, chrust; russ. chriašč, gruzd'; ukr. chriašč, chrušč, hruzd'; beloruss. gruzd'. Die slowakischen Namen chruštieľ, chraška sowie chrapkan und škripel' beziehen sich auf vielfältige Arten starker und mürber Blätterpilze, z. B. auf den Grünenden Pfeffermilchling *Lactarius piperatus* (L. ex FR.) S. F. GRAY, den Brätling *Lactarius volemus* (FR.) FR. Sie treten im Unterschied zum Tschechischen, Polnischen und vor allem den ostslawischen Sprachen nur sporadisch auf.

*KOZA-: slow. kozák, kozar, kozlák; tsch. kozák, kozár, kobzár; poln. kozak, koźlak, koźlar; sorb. kozak; russ. kozak; ukr. kozar. Die Namen kozák, kozlák, in der Ostslowakei kozar, kožar bezeichnen verschiedene Arten von Rauhfuß, vor allem den Birkenpilz *Leccinum scabrum* (BULL. ex FR.) S. F. GRAY, den Hainbuchenröhrling *Leccinum griseum* (QUEL.) SING. und die Rotkappe *Leccinum aurantiacum* (BULL. ex FR.) S. F. GRAY, in der Ostslowakei, aber auch bei Banská Bystrica und bei Zvolen auch den Steinpilz *Boletus edulis* BULL. ex FR., oder in der Ostslowakei sogar Pilze im allgemeinen, die gesammelt werden.

*LIŠ-/LIS-: slow. líška, liska, lisovka; tsch. liška; pol. liszka, lisówka; sorb. lišenka, lišavka; russ. lisica, lisočka; ukr. lisica, liška; serbokr. lisica, lisjača; slowen. lisica, lisičica. Die Namen líška, liška, lištička, lišočka, lešočka, lišovka, lišuvka, lešívka, pidlišivka, liska, lisecka, lisica, lisovka, lisívka bilden im slowakisch-polnischen Grenzgebiet und in der Ostslowakei ein zusammenhängendes Gebiet, das an den Zustand in den benachbarten südpolnischen und ukrainischen Dialektken anknüpft. Sie bezeichnen den Pfifferling *Cantharellus cibarius* FR.

*MASL-: slow. masliak, masliar; tsch. maslák, másník, máselňák; poln. maślak, maślarz; sorb. smaslak; russ. masliak, maslionok; ukr. maślak, masliuk, maslanyk; slowen. maslenka; bulg. maslovka. Die Namen masliak, maslák, maślak, masläk, maslejk, mašlok, maslair, mašlar, maslér, seltener máselňák, máselník, maslaník, mašlanik, mašlenik, mašlej, masloviak, mašluk, mašliš, maslienka, maslovka, mašlarka sind über die ganze Slowakei verbreitet; einige davon bilden Areale. Sie bezeichnen verschiedene Arten von weicheren Röhrenpilzen, d.h. den Schleimröhrling *Suillus* und den Filzröhrling *Xerocomus*, aber auch andere Röhrenpilze mit

gelblichem Fruchtfleisch, wie z. B. den Netzstieligen Hexenpilz *Boletus luridus* SCHAEFF. ex FR., den Anhängselröhrling *Boletus appendiculatus* SCHAEFF. ex FR., den Bronzeröhrling *Boletus aereus* BULL. ex FR. u. ä.

*MELK-: slow. mlieč; tsch. mléč, mleč, mličák; poln. mlecz, mleczak; sorb. mlokanc, mlóčnak; russ. moločaj, podmoločnik; ukr. moločnik, moločyj; serbokr. mlečnica; slowen. mlečna pečenica; bulg. mlečnica. Die Namen mlieč, mlíč, mléč, mlioc, mliečavník, mliečara, mlieková (d. h. Pilz) bezeichnen in der ganzen Mittel- und Westslowakei außer dem westlichen Vorland der Kleinen Karpaten den Grünenden Pfeffermilchling *Lactarius piperatus* (L. ex FR.) S. F. GRAY, bei Myjava und Nitra auch den Edelreizker *Lactarius deliciosus* (L.) FR. Die Verwendung dieser Namen für den Grünenden Pfeffermilchling erweist sich als eine slowakische Erscheinung im Unterschied zu den anderen westslawischen Sprachen, wo mehrere andere Arten von Milchlingen so bezeichnet werden, vor allem der Brätling *Lactarius volemus* FR.

*MUCHOMOR-: slow. muchotrávka, muchomúrka; tsch. muchomůrka, mochomůrka; poln. muchomor, muchomora; sorb. muchoraz, muchoradło; russ. muchomor, moramuška; ukr. mochomor, marymuch; serbokr. muhara; slowen. mušnica; bulg. muchomorka. In der Slowakei treten die Formen muchomôrka, muchomorka, muchomúrka und muchomurka vereinzelt nur in den westlichen Randgebieten auf. Im westlichen Vorland der Kleinen Karpaten sind die stark verstümmelten Formen chochromára, ochomúra belegt. Sonst überwiegt die Form muchotrávka, die als eine einheimische Neubildung nach einem alten Modell entstand. Alle diese Namen bezeichnen verschiedene Arten von Fliegenpilzen, vor allem den Roten Fliegenpilz *Amanita muscaria* (L. ex FR.) PERS. ex HOOKER. Eine Parallele zu dem slowakischen Namen muchotrávka finden wir in sorbischen Namen vom Typ muchoraz und in ukrainischen Namen vom Typ muchotrut(ka).

(OB)PŘNB-: slow. openka, podpenka, podpník; tsch. opěnka, kolopeňka; poln. opieńka, podpieńka; russ. opienka, opienok; ukr. podpinka, opienok; serbokr. panjevka; bulg. pripřnka, přnuška. Die Namen openka, opienka, in der Ostslowakei podpenka, podpinka, popinka, pidpenka, pidpeňka, pudpinka, pinka, in der Mittel- und Westslowakei podpřnovka, podpřnúvka, přnovka, podpník, pníčok bezeichnen den Hallimasch *Armillaria melea* (VAHL.) QUEL., seltener werden sie auch auf andere Arten von parasitären Pilzen übertragen, z. B. auf Schüpplinge *Pholiota*, auf den Austern-Seitling *Pleurotus ostreatus* (JACQ.) QUEL. u. ä. In der Westslowakei und teilweise auch in der Mittelslowakei sind diese Namen durch Namen vom Typ václavka, michalka verdrängt.

*PEK-: slow. pečiarka pečárka; tsch. pečárka, pečírek; poln. pieczarka; russ. pečurka; ukr. pečiarka, pečerica; serbokr. pečurka; slowen. pečurka; bulg. pečurka; mazed. pečurka; beloruss. piačurica. Mit den Namen pečiarka, pečárka, pečarka, pešarka, pešiarka, pečírka, verstümmelt pečiatka, pičurka werden in der Slowakei die Champignons *Agaricus* belegt, in der Südwestslowakei aber auch der

Brätling *Lactarius volemus* (FR.) FR. und der Riesenschirmpilz *Lepiota procera* (SCOP. ex FR.) QUEL., in Gemen die Täublinge *Russula*.

*PORCH-: slow. *prachavica*, *prášnica*; tsch. *prachovka*, *prášivka*; poln. *prochówka*, *purchawka*; sorb. *porchawa*, *porchajca*; russ. *porchovka*, *porochovica*; ukr. *porhavka*, *porochavka*; serbokr. *puhara*; slowen. *prašnica*; bulg. *pърчутка*. Die Namen *prachatka*, *prachavica*, *prachavka*, *prachovka*, *prahovka*, *porchavka*, *porhavka*, *parchavka*, *parchavica*, *prohovica*, *prchavica*, *prchavka*, *purchatka*, *práchno*, *práchnivka*, *prachnička*, *práchená huba*, *práchnivá huba*, *práchnitá huba*, *prášivka*, *prášnica*, *prášivka*, *práška*, *praška*, *prašáčka*, *prašiak*, *prašinec*, *prašina*, *prášnica*, *prášnica*, *prášnivka*, *prášnička*, *prášniak*, *prášnik*, *prášivá huba*, *prášivý hríb*, *prášná huba*, *prášna hubka*, *prášnivá hubka*, *prášnavá huba*, *prášnatá hubka*, *prášnatý hríb* u. ä. sind am häufigsten Namen von Pilzen der Ordnung Staubpilzartige *Lycoperdales*. Verbreitet sind sie über die ganze Slowakei, obwohl sie im Osten durch Namen vom Typ *fukavica*, *fučka* verdrängt werden.

*PſSTR-: slow. *pesterec*, *pastorec*, *pſtreň*; tsch. *pestřec*, *pſtřeň*; poln. *piestrak*; russ. *pestrec*; ukr. *pistrak*. Von der Basis *pſtr-* abgeleitete Namen bezeichnen in den slowakischen Dialekten vielfältige Arten von Pilzen mit einer für sie charakteristischen, uneinheitlichen Huthaut. So bezeichnen z. B. die Namen *pestrec*, *peſterec*, *peſtrak*, *peſtrica* und *pſtreň* den Schuppigen Schwarzfußporling *Polyporus squamosus* (HUDS.) ex FR., die Namen *zemský pesterec*, *peſterec*, *pastorec*, *peſtera*, *beſterka*, *beſterka*, *meſterka*, *beſene* (Pl.) den *Catathelasma imperiale* (FR.) SING., die Namen *corny piesterec*, *priesterec*, *prſtenec* den Habichtspilz *Sarcodon imbricatum* (FR.) KARST.; der Name *sriem* (von *pſtren*) bezeichnet den Leberpilz *Fistulina hepatica* (SCHAEFF.) ex FR. und die Namen *pesterec*, *peſterec* u. ä. Baumpilze, z. B. der Eichhase *Grifola umbelata* (PERS. ex. FR.) PIL., den Austern-Seitling *Pleurotus ostreatus* (JACQ. ex FR.) KUMM u. a.

*RYDJ-: slow. *rýdzik*, *ryndzik*, *rydz*; tsch. *ryzec*, *rezek*; poln. *rydz*, *rydzek*; sorb. *ryzyk*, *ryž*; russ. *ryžik*; ukr. *ryžik*, *ryžok*, *ryž*. Die Namen *rýdzik*, *rydzik*, in der Orava und in Liptov *ryndzik*, im Osten *rydžik*, *ryžik*, vereinzelt auch *rýzik*, *hrýzik*, *rödžik*, *rydžik*, *rydzak*, *ryzek*, *rýzek*, *rydžek*, *redžek*, *rydz*, *rýdz*, *rydž*, *ryš*, *rydza* f. bezeichnen den Edel-Reizker *Lactarius deliciosus* (L.) FR. Verbreitet sind sie in der ganzen Slowakei. Das Suffix *-ik* ist in diesem Namen neben dem Slowakischen für das Sorbische und die ostslawischen Sprachen kennzeichnend.

*SMŘRG-/SMŘRK-: slow. *smrček*, *smrž*, *smrh*; tsch. *smrž*, *smrh*; poln. *smardz*, *smarż*; sorb. *smorž*, *smerž*, *smorža*, *smarž*; russ. *smorčok*; ukr. *smorž*, *smorč*, *smorčok*, *smorh*; beloruss. *smaržok*; serbokr. *smrčak*, *smrčka*, *smrč*; slowen. *smrček*; bulg. *smrčka*, *mгърчка*. Mit den westslowakischen Namen *smrž*, seltener *smržek*, *smržok*, *smrh*, *smrha*, den ostslowakischen Namen *smarž*, *smerž*, *smorž*, *smorždz*, *smaržel*, *smaržel*, *zmaržel*, *smaržla*, *smaržlak*, *zmaržlak*, vereinzelt *smarha* und *simerka* wie auch mit den mittelslowakischen Namen *smrček*,

smrčok, *smrečok*, *svrček*, *smrk*, *smrekár*, *smrekovec* sind die Mörcheln *Morchella* belegt, die ihnen ähnlichen Lorcheln *Gyromitra* und *Helvella*, manchmal auch die Stinkmörchel *Phallus impudicus* (L. ex PERS.).

*SYROJĘD-/SUROJĘD-: slow. *suroviatko*, *surovička*; tsch. *syrovinka*, *syrůvka*; poln. *surowiatka*, *surowadka*; russ. *syroježka*; ukr. *syrojidka*, *syrojížka*; serbokr. *srijež*; bulg. *surovaška*. Von den urslawischen Dubletten *syrojęd(ka)* und *surojęd(ka)* finden wir im Slowakischen Formen mit der Basis *sur-* Verwendung, wie *surovička*, *surovka*, *survovka*, *survienka*, *survinka*, *surowiatko*, *surowátko*, *surowietka*, *surovica*, *surovák*, *suroveč*, im Osten vereinzelt *sorovička*, *syrovička*, *syrovka*. Sie sind vor allem in der West- und teilweise auch in der Mittelslowakei und im östlichen Grenzgebiet der Slowakei verbreitet. Ihre Verwendung zur Benennung des Brätlings *Lactarius volemus* (FR.) FR. gilt für die tschechisch-slowakische Sprachgruppe; anderswo werden so auch andere Arten von Pilzen bezeichnet, die man roh essen kann.

*TRÓDЬ/TRÓTЬ: slow. *trúd*, *trúdnik*; tsch. *troud*; russ. *trut*, *trutovník*; ukr. *trut*, *trutnyk*, *trutňak*; serbokr. *trud*; slowen. *trod*, *trot*; bulg. *trът*, *trat*, *trut*. Die mittelslowakischen Namen *trúd*, *trud*, *bukový trúd* werden für den Echten Zunderschwamm *Fomes fomentarius* (L. ex FR.) KICKX gebraucht, der in der Vergangenheit beim Feueranzünden Verwendung fand.

Die alten Namen, die ein beredtes Zeugnis dessen sind, wie gut unsere Vorfahren die Pilze kannten, benennen praktisch alle bis heute genutzten eßbaren Pilzarten, weiterhin auf Bäumen wachsende Pilze (die früher einmal große Bedeutung beim Feueranzünden hatten), Pilze allgemein, Pilze aus der Ordnung der Staubpilzartigen (die außerordentlich auffällig sind und auch in der Volksheilkunde Verwendung fanden) und den Roten Fliegenpilz, der in der Vergangenheit für den giftigsten Pilz gehalten wurde.

Am ältesten waren offenbar Namen mit einer allgemeinen semantischen Gültigkeit, wie *huba*, *bedľa*, *hríb*, von denen man annehmen kann, daß sie bereits in urslawischer Zeit ihre semantische Durchsichtigkeit verloren. Zu den sehr alten Namen gehören auch jene, die Oberbegriffe für Pilze, die auf Bäumen wachsen, z. B. *hliva*, *trúd*, sind.

Bei Namen mit allgemeiner Bedeutung trat mitunter, mit der Zeit eine Verengung des Bedeutungsumfanges ein, z. B. *huba*: Pilz (fungus) → Baumpilz; *hríb*: Pilz (fungus) → eßbarer Pilz → Röhrenpilz → Steinpilz.

In anderen Fällen erweiterte sich die ursprüngliche Bedeutung mit der Zeit, z. B. *kozar*: Steinpilz → Röhrenpilz → eßbarer Pilz.

Namen mit einer großen geographischen Verbreitung können manchmal mehrere Arten von Pilzen bezeichnen. So bezeichnet z. B. in Polen der Typ *syrojedka* den Brätling, in den östlichen Gebieten jedoch — ebenso in der Ukraine — eßbare Arten von Täublingen. Ähnlich bezieht sich in der Slowakei die Benennung *pečiarka* auf

Egerlinge der Gattung *Agaricus*, aber auf einem deutlich abgegrenzten Gebiet in der Südslowakei und im angrenzenden Teil Ostmährens bezeichnet er ebenso wie im Serbokroatischen den Brätling *Lactarius volemus* FR.

Einige Namen bzw. ihre Varianten wie *smrž*, *muchomôrka*, *pečiarka*, *líska* sind auch heute in allen slawischen Sprachen belegt. Andere wie z. B. *bedla*, *hríb*, *chruštieľ*, *kozák*, *rýdzik* sind für den nördlichen slawischen Zweig charakteristisch, d. h. für die westslawischen und ostslawischen Sprachen. Relativ selten sind Fälle, die die westslawischen mit den südslawischen Sprachen verbinden, wie z. B. der Typ *holubinka* und die mittelslowakischen Namen *smrček*/*smrčok* und *plávka*, die man als Ergebnis eines weit zurückliegenden Kontaktes des slowakisch-südslawischen Ethnikums charakterisieren kann (Majtánová, 1970, S. 164).

Namen vom Typ *holubinka* sind durch die bläuliche oder grünliche Farbe eßbarer Arten von Täublingen motiviert, die mit der Farbe des Federkleides von Wildtauben verglichen werden (vgl. auch russ. *goluboj* — blau). Sie sind in den tschechischen und polnischen Dialekten verbreitet. Von dort aus wirkten sie auch für die deutsche Benennung Täubling als semantisches Muster; durch diese weicht das Deutsche von den übrigen westeuropäischen Sprachen ab, wo Namen verwendet werden, die mit dem lateinischen Terminus *Russula* von *russus* — rot zusammenhängen. In der Slowakei sind Namen vom Typ *holubinka* nur für die ostslowakischen Dialekte und für das südwestliche Randgebiet charakteristisch. In den anderen slowakischen Gebieten werden Namen verwendet, die von der Basis *plav* — ausgehen, und zwar mit der Bedeutung „blau“, die in den südslawischen Sprachen bekannt ist und nicht mit der Bedeutung „blaß“, die wir aus den westslawischen Sprachen kennen (Majtánová, 1970, S. 73).

Im Süden der Mittelslowakei begegnet man wiederum die Bezeichnung *smrčok*, in den nördlichen mittelslowakischen Dialekten *smrček*, was mit dem Vorkommen in den Sprachen der Südslawen (*smrček*, *smrčak*) übereinstimmt. Die Form *smrž*, die wir aus Dialekten des Tschechischen kennen, ist in der Westslowakei und in Gemer belegt. Parallel zu dieser Benennung ist in der ganzen Westslowakei wie auch in den walachischen und in den lachischen Dialekten die Form *smrh*/*smrha* verbreitet. Das ist eine formale Neubildung jüngeren Datums, die in anderen westslawischen Sprachen nicht belegt ist. Für die Ostslowakei sind Formen vom Typ *smardz* charakteristisch.

Einige der alten und neueren Namen treten heute auf einem relativ kleinen Gebiet auf, wie z. B. der Typ *biel/bil* (belegt noch im Tschechischen im 14. Jh.) in der Ostslowakei, in Südpolen und in der Westukraine, der Typ *kravka* in der Ostslowakei, in Südpolen und Ostmähren, der Typ *pravák* in Polen, Ostmähren und in der Oberlausitz, der Typ *václavka* in der West- und Mittelslowakei, in Böhmen und Mähren und in der Oberlausitz. Die Form *mušorka* tritt in den südpolnischen Dialekten auf, in den benachbarten lachischen und nordslowakischen Dialekten. An das südpolnische Karpatengebiet des Namens *węžówka* schließt die mittelslowaki-

sche Benennung *hadačka* an, aus den ukrainischen und ukrainisch-slowakischen Gemeinden verbreiteten sich in der Ostslowakei der Namen vom Typ *horkiňa*, während die Namen *horyl/gorýč* durch ihre geographische Verbreitung ungefähr den Gebieten der walachischen Kolonisation entsprechen. Der westslowakische und mittelslowakische Name *michalka* entspricht wiederum wortbildungsgemäß und semantisch dem Modell *václavka*, das aus dem Tschechischen übernommen wurde. An den Randgebieten der Areale der einzelnen Namen begegnen manchmal verstümmelte Form, z. B. *lacvajka*, *laclavíčka*, *ráclavka*, *vícvalka*, *vícvale* (von *václavka*), *ochomúra*, *chochromúra* (von *muchomôrka*), *splávka* (von *plávka*).

Zum Schluß sei bemerkt, daß Pilznamen, die aus der Sicht des heutigen Benutzers mehr an der Peripherie des Wortschatzes stehen, in der Vergangenheit gemeinsam mit der übrigen grundlegenden naturwissenschaftlichen Terminologie einen wichtigen Teil des urslawischen Wortschatzes bildeten, einen Teil seines lexikalischen Gründbestandes.

LITERATUR

- BARTNICKA-DĄBKOWSKA, B.: Polskie ludowe nazwy grzybów. Zakład narodowy im. Ossolińskich. Wrocław—Warszawa—Kraków, Wydawnictwo PAN 1964, 137 S.
- BUDZISZEWSKA, W.: Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Zakład narodowy im. Ossolińskich. Wrocław—Warszawa—Kraków, Wydawnictwo PAN 1965, 356 S.
- ČERVENKA, M. u. Mitarb.: Klúč na určovanie výtrusných rastlín. II. Slizovky a huby. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1972, 396 S. + 16 Katen.
- MACHEK, V.: Etymologický slovník jazyka českého. 2. Aufl. Praha, Academia 1968, 866 S.
- MAJTÁNOVÁ, M.: Zo slovenských ľudových názvov hub. Kultúra slova, 2, 1968, S. 149—151, 308—309, 345—347; 3, 1969, S. 22—24, 55—57, 84—85, 114—115, 169—170, 212—214, 246—247, 269—270, 310—311, 347—350; 4, 1970, S. 13—20, 55—57, 85—87, 114—115, 170—173, 212—213, 247—249, 280—281, 309—310, 349—351.
- MAJTÁNOVÁ, M.: K problematice lexicálnych vzťahov v západoslovanských jazycích (Ľidové názvy hub). [Dissertation]. Bratislava, Jazykovedný ústav L. Štúra 1970, 266 S. + 14 Karten.
- MAJTÁNOVÁ, M.: Západoslovanské ľidové názvy muchomûrky červené *Amanita muscaria* (L. ex FR.) PERS. ex HOOKER. In: Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad A: Rěčespyt (Budyšín), 18, 1971, S. 133—140.
- MAJTÁNOVÁ, M.: Západoslovanské ľidové názvy *Leccinum scabrum*. In: Studia z filiologii polskiej i słowiańskiej, XI. Red. J. Siatkowski. Warszawa 1972, S. 213—225.
- MAJTÁNOVÁ, M.: Ze západoslovanských ľidových názvů hub. Slavica Slovaca, 5, 1970, S. 66—75 (*Agaricus campester* L. ex FR.); 6, 1971, S. 71—75 (*Armillariella mellea* VAHL.); 7, 1972, S. 43—53 (*Suillus luteus* (L. ex FR.) S. F. GRAY).
- MAJTÁNOVÁ, M.: Ze západoslovanských ľidových názvů hub (*Cantharellus cibarius* FR.). In: Štúdie Pedagogickej fakulty v Nitre. Zborník štúdií na počest VII. slavistikého kongresu vo Varšave. Red. Š. Krištof, Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1972, S. 155—164.
- MAJTÁNOVÁ, M.: Ze západoslovanských ľidových názvů hub z čeledi Russulaceae. In: Štúdie z porovnávacej gramatiky a lexikológie. Red. Š Peciar. Bratislava, Veda 1974, S. 92—116.

- MAJTÁNOVÁ, M.: Praslovanské výrazy goba, gribъ, gliva a bъdla v súčasných slovenských názvoch húb. In: Jazykovedné štúdie, 12. Peciarov zborník. Red. J. Ružička. Bratislava, Veda 1974, S. 272—275.
- MERKULOVÁ, V. A.: Ob otomositeľnej chronologii slavianskych nazvanij gribov. In: Etimologija, Moskva, Izdatelstvo Nauka 1965, S. 88—99.
- MERKULOVÁ, V. A.: Očerki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1967, S. 149—202.
- MOSZYŃSKI, K.: O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. Wrocław—Kraków—Warszawa, Wydawnictwo PAN Akademii Umiejętności 1962, S. 120—124.
- ŠMILAUER, V.: Příručka slovenské topomastiky. Praha, Academia 1970, 215 S.

Das prädiktative Attribut im Deutschen und Slowakischen

ERNEST MARKO

1. Den Gegenstand unserer Studie bildet ein konfrontativer Blick auf die syntaktische Kategorie, die man im Deutschen traditionell prädiktatives Attribut (weiter PA), im Slowakischen *doplnok* nennt. Im Unterschied zu Kačala (1971), der das PA im Slowakischen aus der Sicht der intentionalen Struktur prüft, stützen wir uns auf die Valenztheorie, die in der Germanistik bekannter ist.

1.1 Als Vater der PA-Theorie für das Deutsche kann man H. Paul (1919) bezeichnen, der das PA folgendermaßen charakterisiert: „Zwischen Prädikat und Attribut gibt es etwas Mittleres, das wir als prädiktatives Attribut bezeichnen, vgl. er kam gesund an. Das prädiktative Attribut bezieht sich auf das Subjekt, es hat aber auch ein Verhältnis zum Prädikat, und zwar ein zeitliches. Es bezeichnet den Zustand, in dem das Subjekt sich in der Zeit befindet, für die ihm das Prädikat beigelegt wird. Ob dieser Zustand auch schon vorher bestanden hat oder erst in dem betreffenden Moment eingetreten ist, macht für die Form des Ausdrucks keinen Unterschied. Im Gegensatz zu den reinen Attributen bildet das prädiktative ein besonderes Satzglied“ (S.15). Paul kennt auch das PA zum Objekt; beim adjektivischen Typus rät er dies aber lieber zu vermeiden, weil beim prädiktiven Adjektiv „die Beziehung auf einen obliquen Kasus nicht mehr an der Form des Adjektivs erkannt werden kann“ (S. 49).

Sütterlin (1918) erwähnt bei den Nebengliedern des Satzes auch eine „Aussagebeifügung“. Es ist nur eine Verdeutschung für das PA und Sütterlin führt ausdrücklich an, daß er diesen Terminus im Sinne des PA bei Paul versteht (S. 300).

Noch im Jahre 1925 finden wir bei Sommer für das PA den Terminus „Zustandsattribut“ (S. 5). Aber dann folgen deutsche Grammatiken und linguistische Arbeiten, die die Theorie des PA weiter nicht entwickeln und das PA als Satzglied nicht mehr berücksichtigen. Fälle, die als PA zu qualifizieren wären, werden hier zu anderen Satzgliedern gerechnet.

So bezeichnet z. B. Brinkmann (1965) Fälle wie *er ist fröhlich heimgekehrt* zwar als „Attribut des Prädikats“, es sei aber „sprachwidrig, im Deutschen von einem prädiktiven Attribut zu reden“ (S. 111).

Erben (1965, S. 116), sich auf Regula (1951, S. 105) berufend, macht aufmerksam auf ein „freies Prädikativ“ im poetischen Stil: *Ein verliebter Frühlingsträumer wirst du durch die Wälder irren* (Heine). Das PA kommt natürlich nicht nur im Stil der Poesie vor und nicht nur in der angeführten Form. Aber der Terminus „freies Prädikativ“ scheint uns geeigneter als das PA, weil jener besser motiviert ist: das PA ist von prädikativer, nicht von attributiver Natur, und es ist ein freies, kein konstituierendes Satzglied.

Jung beurteilt in seinen zwei Grammatiken (1955, S. 40; 1966, S. 36, 40) einige Fälle des PA als Prädikative, andere als Attribute; er schreibt hier auch von der sog. prädikativen Ergänzung, die einen Prädikatsteil bildet. Dabei unterscheidet er nicht Fälle wie *ich finde ihn zuverlässig* von denen *er starb jung*, wo *jung* kein Prädikatsteil ist, weil es sich dem Prädikat frei anknüpft.

Grebe (1966, S. 511) unterscheidet zwar obligatorische und freie „Artergänzungen“, er beurteilt aber als gleichwertig Fälle wie 1. *ich rate dir als guter Freund* und 2. *er lässt sich bedienen wie ein Fürst*, obgleich es sich im Falle 1 um ein PA, im Falle 2 um ein Adverbiale handelt.

Die Grammatik von Schultz — Griesbach (1972, S. 340, 342) unterscheidet nicht zwischen Typen 1. *ich sehe meinen Freund kommen* und 2. *ich fand das Buch im Schrank*; sie qualifiziert beide als eine „Objektergänzung“, obgleich es sich bei 1 um ein PA, bei 2 um ein Adverbiale handelt.

Schmidt (1965, S. 182), Helbig — Buscha (1972, S. 494) und Helbig (1973, S. 60) führen nach der unterbrochenen Tradition das PA wieder in die deutsche Syntax ein, beeinflußt aber mehr von sowjetischen Germanisten als von H. Paul.¹

1.2 Den sowjetischen Germanisten ist das PA eine bekannte Kategorie. Šendels (1952, S. 258) gebraucht für das PA den Terminus predikativnoje opredelenije. Als PA bezeichnet sie aber auch konstituierende Elemente, die unserer Konzeption nach kein PA, sondern ein Prädikatsteil sind: dieser Vorfall machte alle neugierig.

Levkovskaja (1960, S. 279) rechnet „vtoj (dopolniteInyj) predikativ“, von ihr selbst als „prädikativer Zusatz, Prädikatsattribut“ übersetzt, zu den Hauptgliedern des Satzes.

Admoni (1966, S. 219) hält das PA und das „Modalglied“ für Nebenglieder mit doppelter syntaktischer Abhängigkeit und unterscheidet sie von anderen erweiterten Satzgliedern, die nur von einem Satzglied abhängig sind.

Gulyga — Nathanson (1966, S. 68) beurteilen das PA als ein satzbildendes Glied mit doppelter Abhängigkeit. Als PA interpretieren sie aber auch Typen, wo es sich um konstituierende Elemente handelt: *jmdn. glücklich machen, ihn für begabt halten u. ä.*

¹Bei W. Schmidt dürfte es auch die tschechoslowakische Praxis sein, weil er in den 30er Jahren in Prag studierte.

Moskałskaja (1971, S. 293) erwähnt das PA im Zusammenhang mit den sog. Mitteln der Verdichtung des kommunikativen Gehalts.

1.3 Die tschechoslowakischen Grammatiken der deutschen Sprache, deren Autoren Ouředníček (1923) und Willomitzer (1935) sind, kennen kein PA und Fälle, die als PA zu interpretieren wären, halten sie für ein nomen praedicativum oder für eine Apposition.

Die Grammatik von den Autoren Lederer — Siebenschein (1950, S. 272) nennt das PA nur wenn es durch Adjektiv und Partizip repräsentiert wird.

Und letzten Endes führt die Grammatik von Beneš — Jungwirth — Zapletal (1971, S. 122) an, daß auch das im Slowakischen als doplnok (PA) bezeichnete Satzglied im Deutschen als nicht verbales Prädikat angesehen wird.

1.4 Die das PA im Slowakischen, Tschechischen und in anderen slawischen Sprachen betreffende Literatur ist in der erwähnten Monographie von Kačala (S. 10—53) zusammengefaßt und kritisch gewertet, darum verweisen wir einfach darauf.

In der Slowakistik überwiegt die Ansicht, die letzten Endes für das Deutsche H. Paul geäußert hat, daß der charakteristische Zug des PA in seiner syntaktischen Doppelbeziehung besteht: durch zwei verschiedene Beziehungen verbindet es sich mit zwei Satzgliedern zugleich, und zwar mit dem Subjekt und dem Prädikat (das PA zum Subjekt) oder mit dem Objekt und dem Prädikat (das PA zum Objekt), bzw. im Slowakischen mit dem verbalen Satzfundament.² Die Beziehung zum Subjekt/Objekt ist prädikativen Charakters; es handelt sich aber um keine satzbildende sondern um eine sekundäre Prädikation die von der Existenz des satzbildenden Aktes abhängig ist. Die PA-Konstruktion ist eine kontrahierte, bzw. kondensierte Prädikation, die zwei prädiktive Akte impliziert, sie aber selbständig nicht ausdrückt. Die Beziehung des PA zum Prädikat wird als Koordinierung angesehen, allerdings als eine unechte Koordinierung, da das Prädikat und das PA nicht auf gleicher Ebene stehen. Das PA zum Subjekt wird dem Subjekt als ein weiteres Merkmal zugesprochen und funktioniert in dem Tempus- und Modalrahmen, der durch die Form des Prädikats gegeben ist. Das PA zum Objekt wird dem Objekt zugesprochen, wobei das ganze halbprädiktive Syntagma Objekt—PA auch im Tempus- und Modalrahmen des Prädikats gültig ist (vgl. Kačala, S. 249).

Das PA nimmt im grammatischen Bau des Satzes den anderen Satzgliedern gegenüber eine spezifische Stellung ein: in die Satzkonstruktion tritt es als eine freie

²Im Deutschen gibt es keine eingliedrigen Sätze des Typus *prší* (es regnet). Das ergibt sich aus der einfachen strukturellen Regel, daß im deutschen Aussagesatz das Vf an der zweiten Stelle steht. Wenn ein Prozeß auch kein Agens hat, so muß die Leerstelle vor dem Vf durch ein formales Subjekt, eine semantische Null, besetzt werden: es regnet. Würde das Vf an der ersten Stelle stehen, so würde dadurch ein „non“ einfacher Aussagesatz signalisiert, z. B.: regnet es? regnet es auch, wir gehen doch spazieren u. a. ä.

Ergänzungssangabe ; das bedeutet, daß sie nicht zu den notwendigen (konstituierenden, relevanten) Satzgliedern, also nicht zum sog. syntaktischen Satzminimum gehört.

Die Forderung einer freien Anknüpfung ergibt sich aus dem Wesen des PA, daß dies ein sekundäres Prädikat(iv) ist und zum (verbalen) Prädikat im Koordinierungsverhältnis steht ; koordiniert sind zwei gleichwertige Elemente, sie determinieren und konstituieren sich gegenseitig nicht, eines davon kann wegfallen, ist also frei. Und dieser Umstand, die Valenzeigenschaften des PA, ist für uns, wie schon angedeutet, eines der Hauptkriterien bei der Abgrenzung des PA von anderen Satzgliedern : bindet sich das geprüfte Element im Satz obligatorisch an das Prädikat, so ist dabei kein PA vorhanden. Für das Slowakische hält Kačala (S. 86, 196) das PA für ein konstituierendes Element im Falle, wenn die Struktur des Satzes durch einen quantitativ-semantischen Inhalt bedingt ist, z. B. : *divákov ta prišlo vyše tisíc* (*über Tausend Zuschauer sind dorthin gekommen*). Im Deutschen besteht keine solche Ausnahme, weil hier die Grundzahlen mit dem Substantiv im Kasus kongruieren : *vier Frauen* (*štyri ženy*), *fünf Frauen* (*päť žien*).

2. Die Stellung des PA im System der Satzglieder zu finden ist im Deutschen schwieriger als im Slowakischen, denn die Slowakistik baut schon auf einer PA-Tradition auf, während die meisten deutschen tongebenden Linguisten der letzten Jahrzehnte ihre eigenen Wege gegangen sind und ihre eigenartigen Systeme (vgl. nur Glinz, 1965) entworfen haben, in denen ein PA keinen Platz gefunden hat. Wir sind für gewisse Neuregelungen in der traditionellen Konzeption der Satzglieder, z. B. für die Einführung der Termini Subjekts- und Objektsprädikativ (darüber weiter unten), wir meinen aber, daß auch die deutsche Syntax das PA einkalkulieren kann, weil dies allen Kriterien für die Etablierung eines besonderen Satzgliedes entspricht.

2.1 PA ~ Prädikatsteil. Auf Grund der Valenztheorie kann das Adjektiv, das einen lexikalischen Teil des Prädikats bildet, nicht für ein PA gehalten werden. Vergleichen wir zwei Sätze, die gleiche Oberflächenstrukturen aufweisen : 1. *ich fand den Hasen tot*, 2. *ich schoß den Hasen tot*. Im ersten Satz ist *tot* mit *finden* frei verbunden ; der Satz bleibt grammatisch, wenn *tot* weggelassen wird ; das kann man aber nicht von *tot* im Satz 2 sagen, wo dies als lexikalischer Prädikatsteil zu interpretieren ist. Das beweisen auch Transformate : 1a. *Ich fand ihn. Er war (zu diesem Zeitpunkt) tot.* 1b. *Als ich ihn fand, war er tot.* Aber nicht : 2a. **Ich schoß ihn. Er war tot.* 2b. **Als ich ihn schoß, war er tot.* Im Falle 1 handelt es sich also um ein PA, im Falle 2 um einen Prädikatsteil.

2.2 PA ~ Subjektsprädikativ (weiter PivS). Der Umstand, ob wir mit einem freien oder einem konstituierenden Satzglied zu tun haben, entscheidet auch bei der Abgrenzung des PA vom PivS. Der Terminus PivS entspricht dem slowakischen *neslovesný prísudok* (nicht verbales Prädikat), aber mit dem Unterschied, daß die

heutige Germanistik das Prädikativ als relativ autonomes Satzglied versteht : es ist ein permutable Element (kann im Vorfeld stehen), das zugleich in einen Nebensatz konvertibel ist, wie andere Satzglieder. Von der Slowakistik wird das „nicht verbale Prädikat“ als Teil eines analytischen Prädikats interpretiert, wobei die Kopula das grammatische Zentrum bildet und der nominale Teil als Träger des lexikalischen Gehalts gilt (Oravec, 1978, S. 68).

Viele Germanisten, wie wir erwähnt haben, rechnen Fälle, die wir als PA beurteilen, zur Kategorie Prädikativ. Einige sowjetische Germanisten, die zwar mit dem PA rechnen, setzen keine festen Grenzen zwischen das PA und das Prädikativ (vgl. 1.2).

Ružička (1959) konstatierte vor zwanzig Jahren, daß die Frage des Prädikats in der slowakischen Syntax noch nicht eindeutig gelöst worden ist, insbesondere die Frage des zusammengesetzten Prädikats und das damit zusammenhängende Problem, wo die Grenzen zwischen dem PA und dem Prädikat liegen (S. 23). Nach Kačala (S. 149) sollte dieses Problem im Grunde durch die Aufzählung der kopulativen Verben gelöst werden. Aber auch die Frage Vollverb ~ kopulatives Verb wurde vorläufig nicht eindeutig beantwortet. Es gibt Germanisten (Flämig, 1966, S. 334 f.; Erben, 1965, S. 231; Jung, 1966, S. 36, 40), die die kopulativen Verben wie alle anderen behandeln und meinen, daß das sog. kopulative Verb *sein* in seiner Semantik nicht unvollständiger ist als z. B. ein transitives *legen*, weil jenes zwei-, dieses aber dreiwertig ist : *Hans ist fleißig ~ Hans legt das Buch auf den Tisch*. Die Behauptung, kopulative Verben hätten keine lexikalische Bedeutung, ist nach Ružička (1956, S. 13) nicht überzeugend. Er schlägt vor, bei diesen Verben zwei Klassen zu unterscheiden : 1. Klasse *byť* (sein) ~ *zostať* (bleiben) drückt die Existenz aus mit oder ohne Rücksicht auf die Festlegung des Anfangs, der Dauer oder des Abschlusses. In der 2. Klasse drückt das Verb *sein* die Realität aus gegenüber den halbkopulativen Verben *zdať sa* (scheinen), *cítiť sa* (sich fühlen), *tváriť sa* (sich gebärden), die die Existenz in der subjektiven Sphäre des Sprechers oder des Agens ausdrücken (vgl. auch Morfológia ..., 1966, S. 370 f.).

Uns scheint, daß in bestimmten Fällen auch liegen, stehen (im Slowakischen *ležať*, *stáť*) als kopulative Verben zu betrachten sind, wenn ihr Subjekt das Merkmal „unbelebt“ trägt : *das Land liegt öde* (*krajina leží pustá*), die Tür steht dir offen (*dvere ti stoja otvorené*). Die Adjektive *öde* und *offen* halten wir nicht für PA, doch aber im Falle *Hans steht naß am Fenster* (*Jano stojí močký pri okne*), wo das Subjekt ein Lebewesen ist. Ähnlich kann man auch das halbkopulative Verb *dienen* (*slúžiť*) ansehen : *die Fladenbrote dienen noch lange als gewöhnliche Brotnahrung* gegenüber *Helga diente bei einem Arzt*. J. Kačala beurteilt den Fall *slúži za príklad/príkladom* (er dient als Beispiel) als ein PA (S. 193). Unserer Meinung nach ist *za príklad* (als Beispiel) konstituierend, *slúžiť* (dienen) halbkopulativ und synonym mit *byť* (sein). Der Satz *rodičia majú slúžiť detom príkladom* (die Eltern sollen den Kindern als Beispiel dienen) hat die Bedeutung *sie sollen*

ihnen Beispiel sein, nicht * sie sollen ihre Diener sein. Darum ist *za príklad/príkladom* nicht als PA zu interpretieren, sondern als „nicht verbales Prädikat“, in der germanistischen Terminologie — als Subjektsprädikativ.

Die Frage Vollverb ~ (halb) kopulatives Verb wird bei der Abgrenzung des PA vom Prädikativ irrelevant, wenn man die Valenzeigenschaften dieser Satzglieder in Betracht zieht: ist das geprüfte Element im Satz konstituierend, so kann dies kein PA sein; und umgekehrt: das PA muß im Satz eine freie Ergänzungsaugabe sein; das ergibt sich aus dem Wesen des PA, wie wir es oben gezeigt haben. Beim Prädikativ handelt es sich nur um eine Prädikation, im Satz mit einem PA sind zwei Prädikationen vorhanden; also die Eltern sollen den Kindern als Beispiel dienen = die Eltern sollen den Kindern Beispiel sein, nicht * die Eltern sollen den Kindern Beispiel sein, wenn sie ihnen dienen.

Der Unterschied zwischen dem PA und dem Prädikativ ergibt sich auch daraus, wie es Kačala (S. 108) zeigt, daß das PA in Sätzen mit einem Prädikativ als ein weiteres Merkmal erscheinen kann: *varený vo víne by bol najlepší* (im Wein gekocht wäre er am besten).

2.3 PA ~ Objektsprädikativ (weiter PivO). Das PA ist auch vom Objekt und vom PivO zu unterscheiden, weil es hier wegen ihrer gleichen Oberflächenstruktur oft zu Verwechslungen kommt. Mit dem Terminus PivO bezeichnet die Germanistik einen zweiten Akkusativ oder einen präpositionalen Kasus, bzw. ein Adjektiv nach Verben des Typus *halten für + Subst/Adj.*, *sich fühlen*, *sich stellen*, *nennen*, *wählen*, *machen*, *lassen*. Die Existenz eines PivO als Satzglied wird in der Analogie mit der Existenz eines PivS begründet. Lassen wir die Existenz eines PivS folgenden Typus zu, *er wird für einen Fachmann gehalten*, wo das Merkmal *Fachmann* dem Subjekt in der subjektiven Sphäre eines anderen zugesprochen wird, so muß man auch die Existenz eines PivO zulassen, wenn man damit ein Merkmal einem Objekt subjektiv zuspricht, also *man hält ihn für einen Fachmann*. Beide Sätze haben den Sinn: *nach allgemeiner Meinung ist er ein Fachmann*.

Über die Grenze zwischen PA und PivO, die die gleiche Oberflächenstruktur aufweisen, entscheiden wieder Valenzeigenschaften des geprüften Elements: 1. *ich finde das Kind niedlich* (*pokladám to dieťa za milé*) *niedlich* ist hier obligatorisch, weil der Satz *ich finde das Kind einen anderen Sinn bekommt* („*nájdem dieťa*“); das Slowakische *pokladám dieťa* wäre kein grammatischer Satz, es realisieren sich hier nicht alle relevanten Konstituenten. Auch Transformate 1a. * *pokladám dieťa, je pritom milé* und 1b. * *ked' pokladám dieťa, je milé* wären unlogisch. Und Levkovskaja (S. 264) spricht in solchen Fällen doch von einem PA.

Wie werden diese Typen von der Slowakistik interpretiert? Beim Typus *vymeno-vať koho za koho* (jmdn. zu + Subst. nennen) spricht Ružička (1959, S. 24) von zwei Objekten, von einer stabilisierten Reaktion. Morfológia slovenského jazyka unterscheidet Fälle *učiť prvú triedu dejepis* (die erste Klasse Geschichte lehren) von denen wie *pokladať koho za necestného* (jmdn. führ ehrlos halten) und von *vyvoliť*

koho za predsedu (jmdn. zum Vorsitzenden wählen), wobei die präpositionalen Verbindungen als PA beurteilt werden (S. 62). Nach Kačala seien hier zwei Objekte, eine Doppelrektion vorhanden: „*Čo je realizáciou väzby, nemôže byť doplnkom a naopak: doplnok nemôže byť vo vzťahu k prísudkovému slovesu väzobným výrazom*“ (S. 84, 141).³

Oravec (S. 13) schreibt in diesem Zusammenhang von einem „verbonominalen Prädikat mit präpositionalem Akkusativ“.

Für das Deutsche unterscheidet Ouředníček (S. 109) Verben mit doppeltem Objekt im Akkusativ (wer hat dich solche Streiche gelehrt?) von Verben mit einem Objekts- und einem Prädikatsakkusativ (man nannte ihn den kleinen Karl).

Wir meinen, daß auch die Slowakistik nicht weit von der Konzeption des Objektsprädikativs steht: man spricht hier von einer „possessiven Kopula“ (oči má otvorené — „die Augen hat sie offen“; Kačala, S. 202; Morfológia ..., S. 371), von einer „Objektskopula“, die Kačala (S. 139) und Oravec (S. 145) als Gegenstück der „Subjektskopula“ gegenüber stellen: *ako staťsa pevný znamená spevniť, tak urobiť pevným znamená spevniť*. Es handelt sich hier um den Gegensatz, daß durch die Kopula das Merkmal *pevný* (stark) einmal dem Subjekt, ein anderes Mal dem Objekt zugesprochen wird. Hier wäre nur die Schlußfolgerung zu erwarten, die die Germanistik schon gezogen hat: die „Subjektskopula“ verbindet das Prädikativ mit dem Subjekt, die „Objektskopula“ verbindet das Prädikativ mit dem Objekt. Im ersten Falle haben wir mit dem Subjekts-, im zweiten mit dem Objektsprädikativ zu tun. Wenn man schon den Terminus Objektskopula zuläßt, dann setzt man voraus, daß diese Kopula das Objekt mit etwas verbindet, was syntaktisch einzureihen ist und einen Namen erhalten sollte. Der im Deutschen geläufige Terminus Objektsprädikativ scheint diese Forderungen zu erfüllen.

Den ersten Schritt in dieser Richtung hat für das Slowakische Oravec (S. 13) getan, wenn er in diesem Zusammenhang schon von einem „verbonominalen Prädikat mit präpositionalem Akkusativ“ spricht. Uns stört hier bloß der Terminus „Prädikat“, das sich auf ein Objekt beziehen sollte. Im allgemeinen wird anerkannt, daß das Prädikat vom Subjekt abhängt, daß zwischen Subjekt und Prädikat eine Interdependenz besteht, und jetzt sollte ein Prädikat vom Objekt abhängig werden? Auch bei Oravec (S. 70) finden wir zwar ein Kapitel über die Kongruenz des Prädikats mit dem Subjekt, aber keins über die mit dem Objekt. Mehr geeignet scheint uns die von der Germanistik vertretene Lösung: als Prädikat wird bloß das verbum finitum (bei analytischen Formen auch grammatische und lexikalisch-idiomatiche Prädikatsteile), also „verbales Prädikat“ verstanden; dies ist formal nur vom Subjekt abhängig. Das nomen praedicativum (*neslovesný prísudok*) wird als

³ „Was als Realisierung der Rektion gilt, kann nicht als ein PA betrachtet werden, und umgekehrt: im Verhältnis zum verbalen Prädikat kann das PA nicht als ein Rektionselement erscheinen.“

Prädikativ bezeichnet, das sich sowohl auf ein Subjekt als auch auf ein Objekt beziehen kann, und demnach den Namen Subjekts- bzw. Objektsprädikativ trägt.

2.4 PA ~ Adverbialbestimmung. Einige Slowakisten (z. B. Blanár, 1952, S. 49; Svetlík, 1959, S. 93) und Bohemisten (z. B. Trávníček, 1951, S. 772; Kopečný, 1958, S. 170, 244) halten das PA für eine Art Modal- oder Umstandsbestimmung und sprechen dem PA außer dem attributiven Verhältnis zum Subjekt/Objekt auch eine determinative Beziehung zum Prädikat zu. In der Slowakistik überwiegt aber die Meinung, daß zwischen dem PA und dem Prädikat eine Koordinierung besteht und hier keine determinative Beziehung bewiesen werden kann (Kačala, S. 72). Für die deutsche Syntax ist dieses Problem komplizierter, weil ein prädikativ gebrauchtes Adjektiv die gleiche unflektierte Form aufweist wie ein adjektives Adverb: *ich liebe Kaffee heiß* ~ *ich liebe das Mädchen heiß*. In beiden Fällen ist *heiß* eine freie Ergänzungssangabe. Unterschiede in der Abhängigkeitsstruktur und in den Transformationsmöglichkeiten zeigen doch, daß hier zwei unterschiedliche Satzglieder vorhanden sind. Der Form *heiß* ist noch nicht zu entnehmen, ob dies sich auf das Prädikat oder auf das Objekt bezieht. Erst nach einer semantisch-syntaktischen Analyse kommt man zur Feststellung, daß es sich hier um Syntagmen *heißen Kaffee* und *heiße Liebe*, nicht um **heißen Trinken*, bzw. **heißen Mädchen* handelt. Nach Admoni (1955, S. 77) sind die semantische Gebundenheit an das Subjekt/Objekt und die Unmöglichkeit, das PA als ein Merkmal der durch das Verb ausgedrückten Handlung aufzufassen, so evident, daß wir uns genötigt fühlen, diese Momente für eine syntaktische Form als relevant anzusehen, und das PA vom Adverbiale trotz allen formalen Übereinstimmungen zu unterscheiden.

Wir meinen, daß gerade die Konfrontierung mit dem Slowakischen das Zögern bei Jung (1966, S. 44) eindeutig abschaffen kann, wenn er zweifelt, ob es sich im Satz *wir senden die Ware verpackt* um eine *verpackte Ware* (*zabalený tovar*) oder um **verpacktes Senden der Ware* (*zabalené zaslanie tovaru*) handelt — und ob wir infolgedessen *verpackt* für ein PA oder für ein Adverbiale halten sollen.

Andere Regeln, die z. B. Oravec (S. 145 f.) und Kačala (S. 142 f.) für die Abgrenzung des PA vom Adverbiale anführen, gelten natürlich mutatis mutandis auch für das Deutsche.

2.5 PA ~ Attribut. Einige, vor allem bohemistische Arbeiten (z. B. Kopečný, S. 170, 244) sehen beim PA ein attributives Merkmal. Auch dem traditionellen germanistischen Terminus „prädikatives Attribut“ könnte man entnehmen, daß hier eine Art des Attributs bestünde. Helbig (1972, S. 336) spricht ausdrücklich von einer „besonderen Art des Attributs“. Er verneint die Beziehung des PA zum (verbalen) Prädikat, weil sich das PA dadurch vom Adverbiale unterscheidet. Das Wesen des PA sieht er in der potentionellen Prädikation, und dies sei ein gemeinsames Merkmal des PA und des Attributs. Dagegen könnte man sagen, daß es hier auch unterschiedliche Merkmale gibt, die uns von zwei abgesonderten syntaktischen Einheiten zu sprechen berechtigen:

a) das PA bezieht sich auf ein Substantiv in der Funktion des Subjekts/Objekts, also auf bestimmte Satzglieder, das Attribut dagegen auf ein Substantiv in jeder beliebigen Funktion, also auf eine Wortart;

b) es bestehen auch Unterschiede in der Position: die Stellung des PA richtet sich nach den Regeln des semantischen Aufbaus des Satzes, für das Attribut gelten die Regeln im Rahmen eines nominalen Syntagmas: das Attribut steht unmittelbar vor oder hinter dem Substantiv, das PA ist im Satz beweglicher. Auch Helbig — Buscha betrachten das PA als ein Stellungsglied, das im Vorfeld stehen kann, dem Attribut sprechen sie bloß den Wert eines Gliedteils (1972, S. 473) zu;

c) zu verzeichnen sind auch Unterschiede auf der semantischen Ebene: das Attribut drückt eine dauernde Eigenschaft seines Trägers aus, das PA dagegen einen Zustand, eine Funktion, bzw. eine Handlung, die im zeitlichen Rahmen des (verbalen) Prädikats gelten (vgl. Kačala, S. 144 f.; Oravec, S. 144).

3. Auf Grund dieser Konfrontierung kommen wir zu folgenden Resultaten:

a) die syntaktische Kategorie PA, nicht selten als ein Spezifikum der Slowakistik angesehen, hat ihren festen Platz auch in der deutschen Syntax, weil sie sich mit ihren Eigenschaften von anderen Satzgliedern abhebt;

b) die Valenztheorie und Transformate können die Grenzfälle wenn auch nicht ganz abschaffen, so wenigstens aufs Minimum reduzieren;

c) ein interlingualer konfrontativer Aspekt macht oft auf Probleme aufmerksam, die introlingual, im Rahmen eines sprachlichen Systems, nicht zum Vorschein kämen.

LITERATUR

- ADMONI, W. G.: *Vvedenie v sintaksis sovremennoogo nemeckogo jazyka*. Moskva, Izdatelstvo literatury na inostrannych jazykach 1955, 391 S.
- ADMONI, W. G.: *Der deutsche Sprachbau*. 2. Aufl. Moskva—Leningrad, Izdatelstvo Prosvešenije 1966, 284 S.
- BENEŠ, E. und Koll.: *Gramatika nemčiny*. 4. Aufl. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1971, 191 S.
- BLANÁR, V.: *K otázkam slovenskej skladby*. In: *Jazykovedný zborník SAV. VI*. Bratislava 1952, S. 43—58.
- BRINKMANN, H.: *Die Wortarten im Deutschen*. In: Moser, R. H., *Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1965, 526 S.
- ERBEN, J.: *Abriß der deutschen Grammatik*. 8. Aufl. Berlin, Akademie-Verlag 1965, 316 S.
- FLÄMIG, W.: *Probleme und Tendenzen der Schulgrammatik*. Deutschunterricht, 6, 1966, S. 334 f.
- GLINZ, H.: *Der deutsche Satz*. 4. Aufl. Düsseldorf, Pädagogischer Verlag Schwann 1965, 208 S.
- GREBE, P.: *Der Große Duden*. Bd. 4. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. 2. Aufl. Mannheim—Zürich, Bibliographisches Institut 1966, 774 S.

- GULYGA, E. W.—NATHANSON, M. D.: Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Moskva—Leningrad, Izdatelstvo Prosvěšenije 1966, 226 S.
- HELBIG, G.: Zu Problemen des Attributs in der deutschen Gegenwartssprache. Deutsch als Fremdsprache, 6, 1972, S. 332—341.
- HELBIG, G.: Die Funktionen des substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. Halle, VEB Max Niemeyer Verlag 1973, 296 S.
- HELBIG, G.—BUSCHA, J.: Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, VEB Verlag Enzyklopädie 1972, 629 S.
- JUNG, W.: Kleine Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut 1955.
- JUNG, W.: Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut 1966, 518 S.
- KAČALA, J.: Doplnok v slovenčine. Bratislava, Vydavatelstvo SAV 1971, 277 S.
- KOPECNÝ, F.: Základy české skladby. Praha, Státní pedagogické nakladatelství 1958.
- LEDERER, O.—SIEBENSCHENK, H.: Normativní mluvnice německého jazyka. Praha, Státní pedagogické nakladatelství 1950, 272 S.
- LEVKOVSKAJA, K. A.: Nemeckij jazyk. I. Moskva, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta 1960, 382 S.
- MOSKALSKAJA, O. I.: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskva, Izdatelstvo Vysshaja škola 1971, 384 S.
- Morfológia slovenského jazyka. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavatelstvo SAV 1966, 895 S.
- ORAVEC, J.: Náčrt slovenskej skladby pre vysokoškolákov. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1978, 198 S.
- OUŘEDNÍČEK, E.: Německá mluvnice pro vyšší třídy středních škol. Brno, A. Piša 1923, 216 S.
- PAUL, H.: Deutsche Grammatik. Bd. 3. Syntax. 2. Nachdruck nach der Ausgabe 1919. Halle, VEB Max Niemeyer Verlag 1956, 456 S.
- REGULA, M.: Grundlegung und Grundprobleme der Syntax. Heidelberg 1951.
- RUŽIČKA, J.: Sporné otázky slovenskej morfológie. Slovenská reč, 21, 1956, S. 53—59.
- RUŽIČKA, J.: Základné sporné otázky slovenskej skladby. In: Jazykovedné štúdie. 4. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavatelstvo SAV 1959, S. 7—34.
- SCHMIDT, W.: Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, Volk und Wissen 1965, 323 S.
- SCHULZ, D.—GRIESBACH, H.: Grammatik der deutschen Sprache. 9. Aufl. München, Max Hueber Verlag 1972, 475 S.
- SOMMER, F.: Vergleichende Syntax der Schulgrammatik. Darmstadt 1925.
- SÜTTERLIN, L.: Die deutsche Sprache der Gegenwart. 4. Aufl. Leipzig 1918, 336 S.
- SVETLÍK, J.: Doplnok v slovenčine. Jazykovedné štúdie. 4. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavatelstvo SAV 1959, S. 89—101.
- ŠENDELS, E. I.: Grammatika nemeckogo jazyka. Moskva, Izdatelstvo literatury na inostrannych jazykach 1952, 368 S.
- TRÁVNÍČEK, F.: Mluvnice spisovné češtiny. II. 3. Aufl. Praha, Slovenské nakladatelství 1951, 1497 S.
- WILLOMITZER, F.: Deutsche Sprachlehre. 2. Aufl. Brno, Rudolf M. Rohrer 1935, 255 S.

Durch Tiernamen motivierte Verben in der slowakischen Sprache

MARTA MARSINOVÁ

Tiernamen bilden in der slowakischen Sprache eine geläufige Ableitungsbasis zur speziellen morphologischen Kategorie der Tieradjektive vom Typ *orlí*, *orlia*, *orlie* (Adler-)¹ (*Morfológia slovenského jazyka*, 1966, S. 203—204). Dieses wortbildende Verfahren ist ganz regelmäßig, gesetzmäßig und produktiv. Dagegen ist die Bildung von Adjektiven der Analogie aus Tiernamen und der zu ihnen gehörenden Adverbien unproduktiv, z. B.: *slimákovitý* (schneckenförmig), *ježovitý* (igelförmig), *haditý* (schlangenförmig), *hadistý* (schlangenhaft), *slimákovité* točené schody (schneckenförmige Wendeltreppe).² Im Vergleich zu diesen zwei Kategorien kommen die von Tiernamen abgeleiteten Verben nicht nur vereinzelt vor, wie es bei Adjektiven der Analogie der Fall ist, aber sie bilden auch keine regelmäßig abgeleitete Gruppe von Verben, die eine einzige und eindeutig bestimmte Bedeutung haben, sondern sie bilden verschiedene, besonders durch die Kompliziertheit der semantischen Bezüge zwischen der motivierenden Basis und dem motivierten Endderivat gekennzeichnete Gruppen. Während z. B. zwischen einem Adjektiv und einem von ihm abgeleiteten Verb nur eine begrenzte Anzahl wortbildender Bedeutungen bestimmt werden kann (Marsinová, 1958, S. 64; Dokulil, 1972, S. 131), konstatiert man zwischen den Tiernamen und den von ihnen abgeleiteten Verben verschiedenartige, oft komplizierte Bezüge, ja sogar eine unterschiedliche Stilklassifizierung.

Während geläufige Tiernamen fast regelmäßig metaphorisch gebraucht werden, deutet die Vorerforschung des Materials darauf hin, daß nur eine verhältnismäßig geringe Anzahl, sogar der geläufigen Tiernamen die Bildung eines Verbs mit metaphorischer Bedeutung motiviert.

¹ Bei jedem neuen durch Tiernamen motivierten Verb wird der betreffende Tiername oder das genaue deutsche Äquivalent in Klammern deutsch angeführt.

² Den Adjektiven der Ähnlichkeit, wie wir diese in Beispielen angeführt haben, stehen die terminologischen Adjektive nahe, die die Angehörigkeit zu irgendeiner zoologischen Gruppe ausdrücken. Sie werden im allgemeinen substantiviert und im Plural gebraucht. Z. B.: *holubovité* (taubenartig), *sokolovité* (falkenartig).

1. Mit der Frage dieser Verben hat sich die slowakische sprachwissenschaftliche Forschung im einzelnen bis jetzt nicht befaßt. Zwar nennt Horecký (1959) in seiner Arbeit Slovotorná sústava slovenčiny an mehreren Stellen unter anderen Beispielen der Wortbildung auch einige Fälle von Tiernamen präfixlos gebildeter Verben: *sviniť* (Schwein), *myšiť sa* (Maus), *kokošiť sa* (Hahn), *lískať sa* (Fuchs) (S. 184); manche zitiert er aus Kálal (1923): *mrvaviť* (Ameise), *kokosiať sa*, *lísikovať sa* (S. 184) und führt auch mehrere Präfixverben an: *ožrebiť sa* (Fohlen), *oprasiť sa* (Ferkel), *oteliť sa* (Kalb) (S. 198); (z)jeziť sa (Igel) (S. 201), aber es sind nur Beispiele, aus denen wir uns keinen Begriff vom tatsächlichen Zustand und vom Gebrauch dieser Verben im Slowakischen machen können.

Ältere Wörterbücher der slowakischen Sprache bieten beinahe kein Material aus diesem Bereich. Von Bernolák (1825–1827) angefangen, wiederholen alle folgenden Wörterbücher den Typ *teliť sa/oteliť sa* als Verben aus dem Grundwortschatz, ferner die Verben *myšiť sa*, *sviniť*, aber führen Bernoláks *mrvaviť* nicht mehr an, das erst bei Kálal—Kálal (1923) vorkommt. Loos (1870) erweitert den Bereich um das Verb *zhovádet* (Vieh) und Tvrď (1933) mit *zhavranieť* (Rabe) und *zmuchovatiet* (Fliege). Dies wird erst begreiflich, wenn man bedenkt, daß man zu jener Zeit Wörterbücher nicht nach Excerpten aus der Literatur zusammenstellte und diese Verben aus dem expressiven Bereich nur im sehr bescheidenem Maß angeführt wurden. Das unvollständige Wörterbuch Slovník spisovného jazyka slovenského (1946–1949) hat noch nichts darlegen können, da es erst den Anfang des Alphabets enthielt, und die von Tiernamen gebildeten Verben meist Präfixverben sind. Daher hat erst das Wörterbuch Slovník slovenského jazyka (=SSJ) (1959–1968) eine größere Auswahl durch Tiernamen motivierter Verben dargeboten.

1.1 Als Basis für die Materialsammlung war es deshalb nötig, diese Verben aus dem SSJ zu exzerpieren und dieselben versuchsweise aus dem Material des Sprachwissenschaftlichen Instituts Ľudovít Štúrs der Slowakischen Akademie der Wissenschaften (Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied) zu ergänzen, das dieses Institut für Wörterbücher der slowakischen Sprache gesammelt hat, sowie auch aus der Fachliteratur, der Belletristik und aus der Presse.³

1.2 Nach dem bis jetzt gesammelten Material können wir von zwei Verbgruppen

³ Die Märchenliteratur hat uns eigentlich kein Material gewährt. Zum Beispiel nicht einmal Osmijankové rozprávky (Osmijako's Märchen) (Krista Bendová, Bratislava, Mladé letá 1973, 312 S.), ein an Wortbildungs-Neologismen und Okkasionismen reiches Buch, enthält kein einziges von Tiernamen gebildetes Verb. Hingegen findet man in der gegenwärtigen Belletristik (z. B. Šikula, Bailek) geeignete Belege für Expressiva dieser Art.

Beim Materialsammeln haben wir in JÚĽŠ (Sprachwissenschaftliches Institut Ľudovít Štúrs) die Kartotheke der für ein dialektologisches Wörterbuch gesammelten Belege auch nicht außer acht gelassen. So haben wir z. B. die terminologischen Verben *zbujačiť sa*, *vytelíť sa* einzig und allein aus diesem Material übernommen, doch ist kein Grund vorhanden diese als dialektale Verben zu betrachten.

sprechen: Es geht um Verben, die für die Terminologie notwendig sind und um Verben mit expressiver Färbung, die den slowakischen Wortschatz stilistisch bereichern. Einige Verben ohne jegliches expressives Kennzeichen unterliegen laut SSJ einer Lexikalisation und werden als stilistisch merkmallose Verben ausgewertet.

2. Tierbenennungen bilden die Basis von Verben aus der Landwirtschaftsterminologie und der Terminologie der Hygiene.

2.1 Der Bereich der landwirtschaftlichen Terminologie ist durch die Zucht herkömmlicher landwirtschaftlicher Haustiere und neuerlich durch die geplante Einführung der Zucht anderer Tiere vertreten.

2.1.1 In der Terminologie der Zucht mancher Haustiere findet man die Verbgruppe, die die Geburt des Nachwuchses bezeichnet. Mit den Benennungen *jahňa* (Lamm), *prasa* (Ferkel), *teľa* (Kalb), *žriebä* (Fohlen) hängen im Slowakischen die folgenden Verbpaare zusammen: *jahniť sa/ojahniť sa*, *prasíť sa/oprasíť sa*, *telíť sa/oteliť sa*, *žrebiť sa/ožrebiť sa* mit der Bedeutung „gebären, das Junge zur Welt bringen, dessen Benennung die Ableitungsbasis des Verbs ist“. Übereinstimmend mit Horecký (1959, S. 190) können wir konstatieren, daß es sich um eine geschlossene Verbgruppe handelt, jedoch können wir der Feststellung nicht zustimmen, daß es sich nur um primäre und um perfektive Präfixverben handelt, da parallel auch imperfektive präfixlose Verben vorkommen. Im allgemeinen sind es Verben aus dem Grundwortschatz, die in allen bisherigen slowakischen Wörterbüchern erfaßt sind. Beispiele:

Kobyly sa nám od námahy predčasne žrebia (M. Urban). — Kobylu pripúštame tak, aby sa ožrebiла päťročná (Fachpresse). — Plemenice sa dva razy do roka prasili (P. Blaho). — Dve prasnice sa im práve oprasili (Presse). — Krava sa nám každoročne telí. (Fachpresse). — Pred jahnením dávka pre matku sa trocha znižuje (Fachpresse).

2.1.2 Gleichermassen haben die perfektiven — reflexiven und unreflexiven — Verben mit dem Präfix *vy-* einen terminologischen Charakter: der Typ *vytelíť sa* mit der Bedeutung „sich aus der Gebärmutter drängen“ und der Typ *vytelíť* „ein Kalb gebären, zur Welt bringen“. Die nicht reflexiven transitiven Verben von diesem Typ sind besonders als Verbalnomina dokumentiert. Die Beispiele sind aus der Fachliteratur und aus Dialekten gewählt worden:

Sotva sa *vytelilo* (teliatko), už sa dvíha na nohy (Nach dialektalem Material). — U kobyly nastáva 7.–11. deň po vyžrebení. — Hned po vyprasení sa prasatá odnesú.

2.1.3 In den Wortschatz der Haustierzucht gehören auch die einförmigen Zustandsverben vom Typ *zbujačiť sa* (Stier) mit der wortbildenden Bedeutung „die Eigenschaften des Tieres, sich die Rolle des Tieres zu eigen machen, dessen Benennung als Ableitungsbasis dient“ oder „sich in dieses Tier verwandeln“. Beispiele:

Zbujačiť sa krava, keď viac ráz po sebe neostane teľná (Ľ. Rizner). — Ja mám tuto bratovi poprezať včely. Jeden klát mu ide strudovatiet (M. Kukučín).

Die Verben *zbujačiť* sa „das Aussehen und die Eigenschaften eines Stieres bekommen“ und *strudovatief* (Drohne) mit schon lexikalisierter Bedeutung „von Bienenvolk, von unechter Mutter als Drohne, nicht als Arbeitsbiene ausgebrütet werden“ sind nach den sehr produktiven von Substantiven gebildeten Zustandsverbgruppen gebildet (Maršinová, 1972). Allerdings werden Verben dieser Typen aus Tiernamen in viel größerem Maße als metaphorische Expressiva gebildet, deshalb widmen wir ihnen erst im Kapitel über die Expressiva (3.2) besondere Aufmerksamkeit.

2.1.4 Eine weitere Gruppe von Verben aus der Landwirtschaftsterminologie der Tierzucht bilden die Wortpaare vom Typ *zavčeliť/zavčeľovať* (Biene) mit der Bedeutung „die Zucht gewisser Landwirtschaftstiere einführen“, sowie auch ihre Opposita vom Typ *odvčeliť/odvčeľovať*, die das Abschaffen der Zucht mancher Haustiere bedeuten. Immerhin sind solche Oppositionen im allgemeinen seltener. Hierher gehören Verben wie *zarybníť/zarybňovať* (Fisch), *zazveriť/zazverovať* (Wildtier), *odrybniť/odrybňovať* (Fisch), u. dgl. Die Beispiele sind aus Tageszeitungen ausgewählt:

Dnes sa u nás zavčeľujú mnohé podhorské oblasti. — Stojí za povšimnutie i to, že zarybňujeme i naše údolné priečrady. — Zarybníť rieku Nitru. — Koncentrácia úsilia človeka na lov rýb viedie k pomalému, ale istému odrybňovaniu celých veľkých morských oblastí. — Zazverujeme polovné revíry. — Novú polovnú plochu treba ešte dostatočne zazveriť.

Die Verbgruppe vom Typ *zavčeliť/zavčeľovať* gehört in der Schriftsprache der Gegenwart zu der sehr produktiven Gruppe der abgeleiteten Verben vom Typ *zavodniť/zavodňovať* (bewässern), *odvodniť/odvodňovať* (entwässern) (vgl. Maršinová, 1971, S. 20—27), jedoch wird im Bereich der Tierzucht diese Möglichkeit einer ökonomischen Ausdrucksform vorläufig nicht genügend ausgenutzt. Z. B. man begegnet nicht den Verben *zapstružiť/zapstružovať* (Forelle), *zakapriť/zakaprovať* (Karpfen), sondern bloß den analytischen Ausdrucksformen: *nasadiť pstruhy*, *nasadiť kapry* (Forellen, Karpfen einsetzen).

2.2 Auch in der Terminologie der Hygiene haben wir im Slowakischen einige semantisch von Tiernamen abgeleitete Verbgruppen, und zwar von Benennungen verschiedener Parasiten und wiederum auch innerhalb dieser Gruppen — besonders von Gattungsnamen abgeleitet. Meistens wird jedoch die perfektive Form gebraucht, z. B.: *zašvábiť* (Küchenschwabe), *zablchaviť* (Floh). Vom Standpunkt der Wortbildung kommen die Formen *zaplošticovať* (Wanze), *zafilckovať* (Filzlaus) — dokumentiert in den Partizipien *zaplošticovaný*, *afilckovaný* — nach dem Konjugationmodell *pracovať* seltener vor (Maršinová, 1971, S. 25).

2.2.1 An erster Stelle sind es Verben mit der Bedeutung „jemanden, etwas, gewöhnlich mit irgendwelchen Parasiten verunreinigen“. Solche Verben sind: *zavšivit/zavšivoovať* und auch *zavšivavíť/zavšivavovať* (verlausen), *zahmyzit/zahmyzovať* (Ungeziefer), ferner *zachrobačiť/zachrobačovať* (Käfer).

Zu diesen gehören auch die Opposita mit der Bedeutung „von jemandem, von etwas Parasiten entfernen“. Z. B. *odvšiviť/odvšivoovať* (entlausen), *odhmyzit/odhmyzovať* u. dgl. Die Beispiele wurden aus Tageszeitungen oder aus Hygiene-Literatur gewählt:

Jedno nečisté dieľa zavšíví celý tábor. — Všetky Ianové prikrýky, slamníky, bielizeň bolo treba odvšivoovať (Dzubian). — ... ukazoval nám, ako sa odvšívavú košeľu nad ohňom. — Každého vojaka bolo treba odvšivaviť (V. Šrobár). — Zanedbané knižné fondy bolo treba odhmyzovať. — Robia sa preventívne opatrenia proti zahmyzieniu.

Zu dieser semantischen Gruppe gehören auch die von Fremdwörtern abgeleiteten Verben vom Typ *deratizovať* (Ratte), *dezinktovať* (Insekt). Das erste Verb hat im Slowakischen nur ein analytisches Äquivalent *ničiť potkany* (Ratten vernichten), dagegen hat das zweite Verb im Slowakischen die entsprechende Form *odhmyzit/odhmyzovať* (von Ungeziefer befreien).

2.2.2 Eine weitere Gruppe in der Terminologie der Hygiene bilden die Zustandsverben mit der Bedeutung „irgendwelchen Parasiten unterliegen“. Es ist der Typ *červavieť/sčervavieť* auch *očervavieť* (Wurm). Hierher gehören z. B. *muškavieť/zmuškavieť*, *všivavieť/ovšivavieť*, auch *ovšivieť* (lausig werden), *zmuchovatvieť* u. dgl. Beispiele:

To už stojí za to. Hladovať, všivavieť, krv cediť, dať sa zmrzačiť (J. G. Tajovský). — Jablká červiveli, slivky padali zo stromu (Z. Zguriška). — Jadro nesčervavie (M. Ferko). — Raz zhorkne a očervivie bryndza, lebo ju nemá kto premiesiť (F. Švantner). — Marek Lúčan ovšivavel a za ten čas žena na posteli a zelina na poličku vyschla do koreňa (M. Figuli). — Ovšivel si, Alaka, žiaľ na teba pozriet (Fachpresse).

Seltener werden diese Verben mit dem Präfix *za-* gebildet, z. B.: *zavšivavieť*, *zavoškavieť* u. dgl. Beispiele:

Ja som tu už všetkým ako otec, brat. Ak ktorý zavšivavie, ja mu dám petroleja (J. G. Tajovský). — Všetky ruže v záhrade mu zavoškaveli (Usus).

2.3 Mit den heutigen Tendenzen der nominalen Ausdrucksformen hängt in der Fachliteratur die Tatsache zusammen, daß Verben der Typen 2.1.1 bis 2.2.1 sehr oft in Form von Verbalnomina oder von passiven Partizipien vorkommen. Zu den schon zitierten Beispielen *jahnenie* (2.1.1), *vyžrebenie*, *vyprasenie* (2.1.2), *odrybňovanie* (2.1.4), *zahmyzenie* (2.2.1) können noch weitere zugefügt werden: *odvšivenie vlasov* (Entlausen der Haare), *zavčelenie* „Einführung der Bienenzucht“, *zapavúčené kúty* „von Spinnen(geweben) verunreinigte Ecken“, *zaplošticovaná prična* „von Wanzen verunreinigte Pritsche“ usw.

Oft kann man sogar beobachten, daß das Verb überhaupt nicht vorhanden ist, sondern nach den obenerwähnten Modellen nur das Verbalnomen und das Partizip vorkommen, so z. B. in der Jagdwirtschaft die Termini *prezverený revír* (sehr wildreiches Revier), *prezverenie revíra*, sogar mit dem Intensitätspräfix *pre-*.

2.4 Auf der anderen Seite jedoch sehen wir, daß die bisher angeführten Verben, Verbalsubstantive und Partizipien im Kunststil auch metaphorisch als stark expressive Pejorativa gebraucht werden. Belege dieser Art kommen nicht vor nur für den Typ *zavčeliť — odvčeliť*, der als neuer wortbildender Typ vorläufig einen rein terminologischen Charakter bewahrt. Die Beispiele werden größtenteils der Presse entnommen:

Azda preto, aby sa tu *prasili* mravy a spôsoby, ktoré by národ vyháňali za chlebom do cudziny? — ... a vždy radosť veliká je v Izraeli, keď sa nový časopis oteli... (J. Záborský) — Čo bolo súčeho do života, nemohlo sa rozvíjať, a čo bolo živé, všívavalo. — Hovorilo sa tomu duševné *odvšivenie*. — Všetci ste len vši, rozlieli ste sa a zavšívavili celý svet (V. Mináč). — Mládež treba chrániť od zavšívavenia nerestami, ako je korupcia.

Das Pejorativum *prasíť sa* (ferkeln) hat die übertragene abwertende Bedeutung „sich vermehren“. Das satirisch gefärbte Verb *oteliť sa* (kalben) hat in J. Záborský's Text die Bedeutung „entstehen, entspringen“. Das Expressivum *všívavieť* (lausig werden) wird im Sinne „vegetieren, herunterkommen“ gebraucht. Durch (*duševné*) *odvšivenie* „(geistiges) Entlaufen“ wird expressiv ausgedrückt, daß man jemanden „von etwaigen Skruppeln befreit“. Das transitive Expressivum *zavšívavanie (niečím)* mit Instrumentalobjekt (durch etwas) hat geradezu die lexikalische Bedeutung „jemanden oder etwas durch etwas (Krankhaftes) verseuchen“.

3. Den Verben mit terminologischem Charakter, die Verwandlungen ausdrücken, stehen die in Märchen und im Aberglauben vorkommenden Verben am nächsten. In der Metawelt, zu der sie gehören, drücken sie eigentlich eine gesetzmäßige bestimmte Realität aus, und daher haben sie gewissermaßen einen terminologischen Charakter. Es handelt sich um Verben, die die Verwandlung eines Menschen in ein Tier als Strafsanktion, oder die Umwandlung eines gewöhnlich zahmen oder lieblichen Tieres in ein wildes Tier ausdrücken. Es sind perfektive Zustandsverben mit der Bedeutung „zu dem werden, sich in den verwandeln, der durch den Tiernamen benannt wird“. Es handelt sich um Verben, die an den Typ *zbujačiť sa* anknüpfen (2.1.3), jedoch mit dem Unterschied, daß es um die Motivierung des Verbs nicht nur durch die Benennung des Zuchttieres, sondern des Tieres als, im Vergleich zum Menschen, minderwertigen Lebewesen geht, besonders aber um das Tier, das dem Menschen gefährlich, schlimm zu sein scheint.

Budú ťa tam v palote ponúkať zlatom, striebrom, ale ty neber nič, dievka moja, zožabila by si sa (P. Dobšínský). — Tu vyrozprávala matka dcére všetko úprimne, akí (jej bratia) boli, aj ako ich v hneve svojom zakliala, aby sa zhavrelia a aby dovtedy lietali po svete, kým ich najbližšia rodina nevyslobodí (P. Dobšínský). — Podľa týchto povier zvlkolačiť sa môže aj ten, koho preklajú (Slovania v dánnej minulosti). — Tie malé žabky, čo tu žili, už sa mi, beda, zropušili (Š. Žáry).

Die Verben von den Ableitungstypen *zožabiť sa* (Frosch) und *zhavranieť*⁴ (Rabe) haben in ihrem Märchenkontext einen stilistisch neutralen Charakter. Falls sie

jedoch metaphorisch gebraucht werden, bekommen sie eine expressive Färbung und können durch den Kontext auch verschiedene semantische Abstufungen erhalten. Diesen Typen von sehr produktiven Expressiva, nicht nur von in Märchen vorkommenden Tieren, sondern auch von anderen Tieren widmen wir, im Rahmen der metaphorischen Expressiva, ein Sonderkapitel.

3.1 Wenn wir in Wörterbüchern die Veränderungen in den Bedeutungen der Tiernamen sorgfältig folgen, können wir nicht darüber hinwegsehen, daß fast alle geläufigen Tiernamen metaphorisch gebraucht werden, wodurch sie natürlich eine expressive Färbung bekommen. Ähnlicherweise haben die verschiedensten von Tiernamen gebildeten Verbaraten einen expressiven Charakter, da sie meistens an die Metapher des Tiernamens oder an den Vergleich mit dem Tiernamen anknüpfen.

Bei Verben mit metaphorischer Bedeutung konstatiert man mehrere Intentions- und Bedeutungstypen:

3.1.1 Vor allem ist es der Typ von präfixlosen reflexiven Verben mit der Bedeutung „sich so benehmen, sich so verhalten wie das Tier, durch dessen Namen das abgeleitete Verb motiviert ist“. Beispiele :

Števko, ty si spurná povaha, hned sa *kohútia* (Z. Zguriška). — Urazená dedina sa *ježí* (M. Urban). — Rýchlo! Rýchlo! *Neslimáčiať sa!* Oblok sa rozletel, dnu vtrhol mráz (Slniečko — Kinderzeitschrift). — *Hadil sa v drieku* (P. Kováčik). — Hrdina sa *mrvenci*, roky sa potí, pozvoľna starne (Presse). — Ešte ho aj špinkom vykrmujú. Potom sa *bujačí* (R. Jašík). — A preto sa márne kokošite aj s tými stavbami (K. Lazarová). — Naše zemianstvo sa opíčia po vysokej šlachte (L. Zúbek). — Neboj sa, Evko, šecko bude ako driev, nedbám sa ja pre teba *chriť* (L. Ballek). — Starkí sa celé dni *krtia* pred domom v záhradke (Usus). — *Líškala* sa ako mačka (D. Chrobák).

Das Verb *kohútiať sa* (Hahn) knüpft an den Bezug „sich widerspenstig wie ein Hahn aufführen“, das heißt „zornig sein“; *ježiť sa* (Igel) bedeutet „sich sträuben“, also „erzürnt sein, aufgebracht sein“. Auch das Verb *slimáčiť sa* (Schnecke) knüpft an einen Vergleich: sich wie eine Schnecke schleppen, das heißt „sich faul benehmen“. An die Bewegungen der Schlange erinnert das Verb *hadiať sa* (sich schlängeln), also „sich winden, sich drehen“. Das Verb *mrvaciť sa* — „*mrvenciť sa*“ ist eine unrichtige Form — erinnert an das fleißige Bemühen der Ameise im kleinen, das heißt, fleißig arbeiten. In der Bedeutung des Verbs *bujačiť sa* (Stier) ist ein wildes, zügelloses sexuelles Betragen erfaßt.

⁴In dem Beleg, den wir aus dem 3. Band Dobšínský's Prostonárodné slovenské povesti (Slowakische Volkserzählungen), Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry 1958, S. 90 und 91 exzerpiert haben, lassen wir die dialektale und vom Gesichtspunkt der Wortbildungsnorm verfehlte Form „*zhavranieť sa*“ anstatt der richtigen Form *zhavranieť*. In einer späteren Übertragung desselben Märchens von den drei in Raben verwandelten Brüdern (M. Rázusová-Martáková, Druhý venček (Zweites Kränzchen), Bratislava, Mladé letá 1978, S. 21) wird die geeignete Form *zhavranieť* gebraucht: aby ste *zhavrelia naiste!* (daß ihr euch bestimmt in Raben verwandelt!).

Wie die folgenden Belege beweisen, können Verben von dieser Art auch ihre eigene Rektion haben oder erfordern irgendeine Umstandsbestimmung. So hat das expressive Verb *kokošiť sa s niečím* (Hahn) „sich prahlerisch wie ein Hahn anführen“, dieselbe Rektion wie sein expressives Synonym *vyťahovať sa s niečím* „sich brüsten, sich großtun“ oder das neutrale Verb *vystatovať sa s niečím* „sich (einer Leistung) rühmen“. Das ironisch pejorative Verb *opičiť sa po niekom* (jemanden nachaffen) ist lexikalisiert und aus der ursprünglichen Bedeutung „sich wie ein Affe benehmen“, das heißt „etwas wie ein Affe nachahmen“, hat heutzutage die Bedeutung von jemandem die Art und Weise seines Benehmens übernehmen, das heißt „jemanden nachahmen“. Aus dem Dialekt genommenes Verb *chrtiť sa pre niekoho* (Windhund) stellt keinen Grund dar dies als dialektal zu bewerten, sondern nur als ein expressives Äquivalent des Verbs *namáhať sa pre niekoho* „sich für jemanden bemühen“, ursprünglich „sich wie ein Windhund abhetzen“ (in der Rolle eines Jagdhundes, der seine Beute einholen will). Das lexikalisierte Verb *liškať sa* (Fuchs) *niekomu* mit dem präfixlosen Dativobjekt hat die Bedeutung „jemandem schmeicheln“ und hat ausnahmsweise keinen expressiven Charakter.

Bei den Verben dieser Gruppe muß jedoch ein wichtiger Umstand betont werden. Einerseits, weil es sich bei dem Vergleich oder bei der Metapher um verschiedene Umstände handeln kann (äußere Ähnlichkeit, Benehmen, gemeinsame Eigenschaften u. dgl.), andererseits deswegen, weil wir uns im expressiven Bereich befinden, das Verb kann zu unterschiedlichen Bedeutungsnuancen gelangen, und zwar im Zusammenhang mit dem Kontext. Dies kann an dem Verb *kohútiť sa* (Hahn) erläutert werden:

„Kikiriki!“ *kohúti sa* Ejhledjefka (F. Hečko). — „Bhez khartičky nemôžem nič dať“, *kohútil sa Áron* (M. Urban). — *Kohútili sa na dvore ako chlapci, kohútili sa, keď im prvé fúzky vyskočili pod nosom* (J. Štiavnický).

Hečko's scherhaft gebrauchtes Verb *kohútiť sa* hat die Bedeutung „den Hahn in seinem Krähen nachahmen“; Urban's *kohútiť sa* bedeutet dem Kontext nach „sich wichtig machen (wie der Hahn im Hofe unter dem Geflügel)“; bei Z. Zguriška bedeutet *kohútiť sa* im oben angeführten Beispiel (3.1.1) „sich ärgern“; schließlich ist bei Štiavnický das Verb *kohútiť sa* mit dem reziprok-reflexiven *sa* ein reines Bewegungsverb und bedeutet „sich schlagen, einander wie Hähne anspringen“. Immerhin können alle diese Bedeutungen unter dem Gesichtspunkt „sich wie ein Hahn verhalten“, zusammengefaßt werden. Logisch folgt daraus, daß bei Konzipierung von Wörterbüchern die Aufgabe des Autors darin besteht, daß er alle kontextuellen Bedeutungen des Lexems unter einer wortbildenden Bedeutung richtig erfaßt.

Anders steht es um das Verb *ježiť sa*. Dem SSJ (I, S. 652) nach ist dieses Verb in den geläufigen feststehenden Wendungen ohne stilistisches Merkmal: *vlasy, fúzy sa ježia, neholená brada sa ježí, obočie sa ježí; zvieratú sa ježí srsť alebo chvost* (die

Haare, der Schnurrbart sträuben sich; der unrasierte Bart sträubt sich; die Augenbrauen sträuben sich; dem Tiere sträubt sich das Fell oder der Schwanz). Wir nehmen an, daß das Verb *ježiť sa* auch in diesen Bezügen schwach expressiv ist und durch das neutrale unabgeleitete Verb *stáť* (stehen) ersetzt werden kann: *vlasy stoja* (die Haare stehen), *srsť stojí* (das Fell steht) u. dgl. Eine markante Expressivität des Verbs *ježiť sa* „sich sträuben“ aus der Übertragung der Bedeutung ist offensichtlich in den metaphorischen Wortverbindungen, wie z. B.: *kaktusy sa ježia na rovine* (A. Bednár) (Kakteen sträuben sich auf der Ebene); *zbožie sa ježí* (F. Gabaj) (das Getreide sträubt sich); *strníská sa ježia* (V. Švenková) (die Stoppelfelder sträuben sich) und in einer neuen, weiter übertragenen Bedeutung in Beziehung zu Menschen, das heißt im Gebrauch mit einem persönlichen oder personifizierten Faktor der Handlung.

Aj páni sa ježili, knižočka ich rozdráždila náramne (Lacková-Zora). — Svet sa ježí neprestajne (J. Rysuľa).

Hier handelt es sich um eine lexikalisierte expressive Bedeutung „sich ärgern, sich erheben, sich empören“. Stilistisch merkmallos ist bloß das Verb *liškať sa* (schmeicheln), das wir im expressiven Gebrauch überhaupt nicht dokumentiert haben. Seine Lexikalisierung kommt auch dadurch zum Ausdruck, daß es sogar in Verbindung mit einem sachlich entfernten Vergleich vorkommt wie in: *liškať sa ako mačka* (schmeicheln wie eine Katze).

Die Verbgruppe vom Typ *kohútiť sa* ist im ganzen eine produktive Gruppe der von Tiernamen abgeleiteten expressiven Verben.

Am Rande können hierher auch die expressiven reziprok-reflexiven Verben *holúbkovať sa* (Taube) und *hrdličkovať sa* (Turteltaube) mit der Bedeutung „sich zärtlich zueinander benehmen, sich liebkosen (von Verliebten)“ eingereiht werden.

Starý sa rozhodol skoncovať s takýmto hrdličkovaním: „Heš, potvory!“ a keď sa tamtí dvaja strhli, len tak pre seba zahundral (R. Jašík).

3.1.2 Ebenfalls von Tiernamen wird eine weitere bedeutungsnahe, präfixlose Gruppe von nicht reflexiven Verben abgeleitet mit der Bedeutung „das in der Ableitungsbasis genannte Tier nachahmen“; oder „sich für den ausgeben, der metaphorisch mit dem Tiernamen bezeichnet ist“. Ursprünglich waren es intransitive Verben, jedoch nehmen wir bei ihnen die Tendenz transitiv zu werden wahr. Beispiele:

Človek koňuje od rána do večera a čo má z toho (R. Jašík). — Už som si nehovorila prečo, opakovala som si neviem, neviem, opakovala som si to neviem, keď ma to prenasledovalo! *Papagájovať som to, i keď som nemohla zaspať* (J. Johanides). — Nič nečita, nevzdelať sa, žije z podstaty a z papagájovania otrenaných poloprávd (Presse). — Ak sa chce niekomu bujať, nech skáče, nech strečkuje, lenže doma,

nie na môj účet, lebo mne na mojom živote záleží (V. Šikula). — Nikoho nemožno nútiť, aby mopslíkoval za košťalmi oportunizmu (Presse). — Tu Iudia nejedia, ale vlkujú, nespia, ale drichmú (A. Bednár).

Das Verb *koňovať* (Pferd) mit der Bedeutung „schwer und fleißig arbeiten“ knüpft an die beständige Wortverbindung *robiť ako kôň* (wie ein Pferd schuften). In der gegenwärtigen slowakischen Sprache ist es ein lexikalisiertes Expressivum mit einem stabilisierten Intentionskreis: *koňovať na niekoho* „für jemanden ochsen“, *koňovať na stavbu* „bei Bauarbeit schuften“, *koňovať s utiahnutým remeňom* „mit enggeschnalem Riemen schuften“; *zadarmo koňovať od rána do noci* „sich Tag und Nacht umsonst plagen“. Falls in den aus der Literatur gewählten Belegen die reflexive Form *koňovať sa* „sich abschinden“ vorkam — (*Tridsať rokov sa koňoval Kuncošík, a čakal na svoju zem* (V. Mináč)) (Dreißig Jahre hat sich Koncošík abgeschunden und auf seinen Boden gewartet) — so lässt sich dies mit der Allusion auf die Form der Synonyme des Verbs *koňovať* erklären, wie *namáhať sa* (sich anstrengen), *mocovať sa* (sich abschinden), *mordovať sa* (sich abplagen), *trápiť sa* (sich abrackern).

Das Verb *papagájovať* (Papagei) ist von neuem Datum und bedeutet „unaufhörlich wiederholen (expressiv) dreschen wie ein Papagei“. Es kommt als transitives Verb vor.

Das Pejorativum *mopslíkovat* (Mops) hat nach der übertragenen Ableitungsbasis die klare Bedeutung „wie ein Möpslein sein“, das heißt „sich servil benehmen“. Dagegen ist das Verb *vlkovat* (der Wolf) ein schon lexikalisiertes expressives Synonym des Verbs essen (gefräßig wie ein Wolf).

Aus der Umgangssprache kennen wir das Verb *škrekovať* (hamstern) „wie ein Hamster für sich anhäufen“; zu Kindern sagt man *opičkovať* (Äffchen) „tollen, hüpfen wie ein Äffchen“; aus dem Kerker-Slang *volavkovať* (der Reiher) „den Reiher machen, anzeigen“. Das Verb *bujačiť* „wild sein, sich wild wie ein Stier aufführen“ gehört semantisch zu den Verben vom Typ *koňovať*, „ochsen“, doch der Form nach unterscheidet es sich von ihnen.

Ebenso nur der Bedeutung nach, aber nicht nach der Ableitungsweise — könnten wir auch das stark expressive Verb *sviníť*, „alles verunreinigen, sich wie ein Schwein benehmen; beschmutzen, verderben“ und das archaische *psíť* (Hund) „sich sexuell ausleben“, hierher einreihen. Dieses Pejorativum wird nicht nur intransitiv, sondern auch mit direktem oder indirektem Akkusativ gebraucht. Beispiele:

Netreba rypák človeku a krochká, ryje, sviní (J. Jesenský). — Neznajú služby viesti, iba piti, psiť a jesti (J. Kráľ). — Už zdochýnajú, svinili svet, ako sa rozhadzovali, ako by už nad nich nebolo (A. Bednár). — *Sviní* na „hejslováčenie“ môže len lump (S. H. Vajanský).

3.2 Wie wir schon oben (2.1.3) erwähnt haben, wird von metaphorisch gebrauchten Tiernamen eine beachtenswerte Anzahl von Verben gebildet, die die Bedeutung

haben „die Züge, die Eigenschaften, das Benehmen jenes Tieres bekommen, dessen Name die Ableitungsbasis des Verbs bildet“. Vom Gesichtspunkt der Wortbildung werden diese Verben auf zwei Weisen konstituiert: entweder mit Hilfe des unterbrochenen Formanten *s-/z-/zo-* + reflexives *sa* und mit Einreichung ins Konjugationsmodell *robiť* oder bloß mit dem Präfixformanten *s-/z-/zo-* und angelehnt ins Konjugationsmodell *rozumiť*. Beispiele:

Alebo chcete, aby sa vám syn zvlčil? (H. Zelinová). — Aj ženy všeljaké sa našli, ale nezopsila sa celá dedina (J. Horák). — Zhovádiť sa vystahovalec vraj horšie, ako keby bol zostal trčať v rodnej biede (M. Kukučín). — V celom kaštieli sa len maďarsky mondokuje. Vy jediná ste sa dosiaľ ešte nezopíčili (F. Urbánek). — Zbujačený krásavec Patrick v novele Čierny býk žije kdesi v Anglicku (A. Mráz).

Die Expressiva *zvlčiť sa* (Wolf), *zopsisť sa* (Hund), *zhovádiť sa* (Vieh) sind Pejorativa. Sie stammen aus dem Vergleich: roh werden, wild werden (wie ein Wolf), das heißt „wild werden“; zügellos werden (wie ein Hund), das heißt „moralisch herabkommen“; Sklave der Arbeit werden wie ein Vieh, ohne Ansprüche auf menschliche Würde, das heißt „sich erniedrigen“. Das Verb *zopíčiť sa* (Affe) hat ein ironisches Bedeutungsmerkmal: dem Affen ähnlich werden der blindlings alles nachahmt, das heißt „den Gewohnheiten der Umgebung verfallen“. Das Pejorativum *zbujačiť sa* hat den Charakter eines in die niedrigere Umgangssprache, ja sogar in die vulgäre Sphäre gehörendes Wortes, stellt aber seine Bedeutung „sexuell zügellos, wild werden“ (nur auf männliche Wesen zutreffend).

Zahlreiche Verben von diesem Typ sind Okkasionalismen, die von den Autoren zur Erhöhung der Ausdrucksexpressivität in verschiedenen Kontrasten gebraucht werden. Beispiele:

Ked kaňa zjastrabie, vždy väčšmi driape než jastrab zrodený (J. Palárik). — Váš holub zhavranie, vaša lastovička skrkavčie (S. H. Vajanský).

In diesen Fällen — wir können auch das Beispiel *žabky sa zropušia* (Frösche werden Kröten) (3.) hinzufügen — handelt es sich, in der Tat, nur um einen poetischen Ausdruck des Kontrasts, da die Verben *zjastrabieť* (Habicht), *zhavranieť* (Rabe), *skrkavčieť* (Kohlrale), *zropušiť sa* (Kröte), nicht unabhängig gewertet werden können, sondern nur auf Grund der angeführten Wortverbindungen *kaňa zjastrabie*, *holub zhavranie*, *lastovička skrkavčie* (der Bussard wird zum Habicht, die Taube zum Raben, die Schwalbe zum Kohlraben), und die sind alle mehr oder weniger abstrakt, synonymisch und bedeuten „seinen Charakter verlieren, sich devalvieren“.

Zum Unterschied von diesen, sogenannten strikt symbolischen Wortverbindungen, haben wir auch Wortverbindungen, die lockerer sind und in denen das von einem Tiernamen abgeleitete metaphorische Verb auf verschiedene Weise an die

ursprüngliche konkrete Bedeutung anknüpft. Beachten wir das Verb *zhavranieť* in den folgenden Beispielen:

Žena mu *zhavrela* (J. Horák). — Rubači zatírali zuby, ale vydržali. Nesustili sa, *nezhavreli* (P. Bielik). — Len aby *nezhavrel* ako gróf Thun (Lacková — Zora).

In den ersten beiden Fällen hat das Verb *zhavranieť* die Bedeutung „sich vom Ehemanne, sich von der Familie entfremden, sich von einem Beruf entfremden“, im folgenden Falle geht es um die lexikalisierte Bedeutung „sich entnationalisieren“.

Auch andere Verben von diesem Typ sind lexikalisiert. Beispiele:

Úlohy mám za hodinu hotové a potom sa idem *zmyšľať* od nudy medzi tými dievkami (K. Jarunková). — Ved ohurieš, ved sa *zmyšľať*. Ved huby na tebe narastú (Zeitschrift). — Vo vojne sa *zopsul* (R. Sloboda). — *Zopsula* sa s nemeckým oficierom (P. Karvaš). — *Zopsul* sa mi motor, nemôžeme pokračovať v ceste (Usus).

Das Verb *zmyšľať* sa (Maus) knüpfte ursprünglich symbolisch an das tolle Hin- und Herlaufen der Maus an, zur Zeit hat es die Bedeutung „verrückt werden, toll werden“. Sehr oft kommt es in den die Ursache ausdrückenden festen Wortverbindungen vor: *zmyšľať* sa od nudy, od radosti, od strachu „vor Langweile, vor Freude, vor Angst verrückt werden“. Das Verb *zopsuť* sa (Hund) ist ein alter Lexikalismus, was man auch an der unproduktiven Weise seiner Ableitung wahrnehmen kann. Der Bedeutung nach kann es auch Synonym des neueren *zopsiť* sa „moralisch herabkommen“ sein, und in dieser Bedeutung verbindet es sich ebenfalls mit einem präpositionalen Instrumental. In diesem Bezug ist es ein zum niedrigeren Sprachstil gehörendes Pejorativum. Aber das Verb *zopsuť* sa kann als Expressivum auch in Zusammenhang mit Gegenständen gebraucht werden, und dann hat es die andersartige Bedeutung „eine Sache verderben“.

Alle die bisher angeführten metaphorischen Verben vom Typ *zvlčiť* sa (Wolf) drücken die Beziehung zum Menschen oder zu irgendeiner personifizierten Erscheinung aus (z. B. das Dorf im Sinne der Dorfbewohner). Jedoch gibt es zwei lexikalisierte Verben, die sich vor allem auf Gegenstände beziehen und nur sekundär als Expressiva von Menschen gebraucht werden. Es sind die Verben *zježiť* sa „sich sträuben“ und *zhadiť* sa „sich schlängeln, sich winden“, Beispiele:

Škutiny nad ušami sa *zježili* (R. Jašík). — Celá dedina sa náhle *zježila* a vystrčila tisíc tykadiel proti neviditeľnému nepriateľovi (D. Chrobák). — Smyšlienku na Amálku sa *zježil*: „Prašina čo nesedela doma!“ (M. Urban). — Práve v týchto miestach sa hradská *zhadila* do ostrej zákruty (M. Figuli).

Das im Zusammenhang mit Haaren, mit Schnurrbart, mit Stacheln gebrauchte Verb *zježiť* sa ist im Slovník slovenského jazyka (V, S. 618) als neutral charakterisiert, doch wir nehmen an, daß es ebenso schwach expressiv ist wie das Verb *zhadiť* sa, dem dasselbe Wörterbuch (V, S. 596) diese Expressivität zuschreibt. Das Verb

zježiť sa (von Haaren, Stacheln, Schnurrbart) hat zwei lexikalisierte Bedeutungen: „sich aufrichten“ und „aufgebracht sein“. Immerhin ist mit der ersten Bedeutung auch der übertragene Sinn „sich entrüsten“ verbunden. Das Verb *zhadiť* sa wird nur in Beziehung zu Gegenständen, aber nicht in bezug auf Menschen gebraucht. So steht es vereinzelt am Ende der Reihe der Verben vom Typ *zvlčiť* sa.

Allerdings ist mit dieser Analyse der in der Literatur dokumentierten Verben mit metaphorischer Basis die Reihe dieser Verben nicht beendet. In der Umgangssprache hört man besonders von jungen Leuten scherhaft Verben wie *zblásiť* sa (Floh werden) (Synonym von *zmysliť* sa), *zjeleniť* sa (Hirsch werden): A čo sa *zjelením*? „Und was, soll ich zum Hirsch werden?“ (zum Ausdruck von Verlegenheit); oder *stavieť* (Kamel werden): Z teba môže človek *stavieť*! „durch dein Benehmen kann man zum Kamel werden!“ (zum Ausdruck der Resignation) u. dgl. Diese Verben werden auf dieselbe Wortbildung gebildet wie die bisher analysierten Verben, und das ist ein Beweis, dass es sich um einen produktiven Typ von Verben handelt, die aber in der Literatur vorläufig noch nicht vorkommen.

Übrigens kann man zu den Verben vom Typ *zvlčiť* sa nicht nur das Verb *naježiť* sa hinzufügen, das ein Synonym der Präfixform *zježiť* sa ist, sondern auch die Verben *nakohútiť* sa und *nakokošiť* sa. Beispiele:

Mefistovské škutiny nad holíčovými ušami sa *naježili* (R. Jašík). — *Naježila* sa a prestala sa ovládať (J. Podhradský). — Okolo Julovej hlavy *naježilo* sa odrazu tucet chlapských pásti ako buzogáňov (Š. Gráf). — Čo sa ako *nakohútil* do zápasu, učavilo sa mu, keď počul, že chce hovoriť s jeho ženou (Zeitschrift). — Ako sa *nakokošila*! (L. Smrčok).

Man sieht, daß die Variante *naježiť* sa ebenso frequent ist und vielseitig ausgenutzt wird wie *zježiť* sa. Die Verben *nakohútiť* sa, *nakokošiť* sa sind expressive Synonyme und sie bedeuten „zornig werden, in Zorn geraten“. Aber unser Beleg weist noch auf eine weitere, sich von den bisherigen unterscheidende Bedeutung hin: „sich bereit machen, sich vorbereiten wie ein Hahn auf den Kampf“.

Am Rande dieser Verbgruppe muß auch das metaphorische umgangssprachliche Verb *blškavieť/zblškavieť* (Floh) mit der Bedeutung „so werden, als ob man Flöhe hätte“ erwähnt werden. Von der verholzten Kohlrübe sagt man, daß sie *blškavie*, *zblškavie*. Vorläufig bietet unser Material kein anderes Verb von diesem Typ.

3.2.1 Eine weitere semantische Gruppe, geradezu ein gewisses Pendant zur vorangehenden Gruppe bilden die Verben mit der Bedeutung „verursachen, daß jemand oder etwas metaphorisch zum Tier wird, dessen Benennung die Ableitungsbasis des Verbs bildet“. Es sind entweder perfektive Präfixkausativa, zu denen sekundär ein imperfekitives Verb gebildet wird (vom Typ *zhoväditi*/*zhovädovať*) oder es sind, aber nur sehr selten, imperfektive präfixlose Verben, zu denen das perfektive Präfixkausativum gebildet wird (*ježiť/zježiť*). Beispiele:

Pálenku (krčmár Iud) otravuje a *zhoväduje* (M. Kukučín). — Stoličku som nakoniec stvárnila, ale iba čo mi *zhovädila* výkres (J. Jarunková). — Umeniu v socialistickej spoločnosti pripadá veľká úloha scelit

a zjednati vzťahy medzi ľuďmi, ktoré kapitalizmus *zvlčil* (Presse). — V tom okamihu strážnik zvážnel a *zjastrabil* zrak. „Tam ktori fotografuje!“ skríkol (Presse).

Das Verb *zhovädiť/zhvädovať* kann in verschiedenen Kontexten „vernichten, verderben (das Volk), demoralisieren“ bedeuten, aber es kann auch „verpatzen, verlaufen, verpfuschen (eine Zeichnung)“ bedeuten. *Zvlčiť/vzťahy medzi ľuďmi*, „die Beziehungen zwischen Menschen wild machen“, das heißt „sie auf die Spitze treiben“. Der Okkisionalismus *zjastrabiť* (Habicht) hat seine Bedeutung von dem symbolischen Zusammenhang mit dem Blick (durchdringend scharf) wie der vom Habicht bekommen und bedeutet „schärfen, zuspitzen“. Die Verben *zvlčiť, zjastrabiť* sind Okkisionalismen, während das Verb *zhovädiť/zhvädovať* schon lexikaliert ist, was auch die Rektion (wem was) und die festen Wortverbindungen beweisen, wie z. B.: *zhovädiť niekomu život*, „jemandem das Leben verderben“. Das Verb *zhadiť*, „bewirken, daß irgend etwas zur Schlangennatur wird“ kommt selten vor.

Zu dieser Gruppe gehören nur alte Lexikalismen, und zwar *ježiť/zježiť/naježiť* und *psuť/zopsuť*. Zum Unterschied von der früheren Gruppe ist hier die imperfektive präfixlose Form primär und die perfektive Form sekundär. Beispiele:

Rozdraždený býk *ježil srst* (F. Urbánek). — Joj, pálenicu. Hrozne ho to zježilo (Lacková-Zora). — Psi *naježili* chrby (Ľ. Ondrejov). — *Naježil si* ukazovákom fúziky (F. Gabaj). — Vôňa mi zježila chlúpky na rukách a zodvihla žalúdok (H. Zelinová). — I vyhŕázali sa mu, že *psuje* ich partizánsku robotu (Zeitschrift). — Ozaj, ved' ty si bol kedysi pisárom, kým ta život *nezopsul* (M. Figuli).

Das lexikalierte Kausativum *ježiť* hat zwei Bedeutungen: 1. aufrichten, aufstellen und 2. (expressiv ausgedrückt) ärgern. Auch das Pejorativum *psuť* ist lexikaliert im Sinne von „verderben, vernichten“.

3.2.2 Neben den bisher erwähnten, aus den Tiernamen gebildeten Verben, die man wenigstens im allgemeinen zu bestimmten geläufigen semantischen und formalen Typen abgeleiteter Verben reihen konnte, haben wir hier meistens vereinzelte Verben besonders mit schmerhaftem Charakter, die expressive Pendants zu neutralen abgeleiteten und nicht abgeleiteten Verben sind, und die an diese (letzteren) sogar durch ihre formale Struktur anknüpfen. Beispiele:

Ovrabčiť sa a nik sa nebude o teba obtierať (M. Kukučín). — Mali by ste ho *ovrabčiť* (Z. Zguriška). — *Ked mu dačo vycítaš, hned sa osoví* (Usus). — „Počuj, Marta“, hundral Ondro, „ale nás tí dvaja dnes pekne *obaranili*“ (V. Šikula). — Ale takto sa dat *osomáriť*!? (Usus). — Otec si jej zatiaľ v liste potažkal, ako ho jeho premilení krajania *ošvábili* (Lacková-Zora). — V nedelu prieď holič a *ošvábi ma* (F. Šándor). — Nech sa už *vysomária*, čo myslia. (F. Hečko). — Ons ňou ako s handrou a ona — kto sa v tom *vysomáriť*? (M. Ferko). — A doteraz som sa ja *nevysomáril* z toho všetkého, odpoved' som nenašiel (V. Mináč). — Ale bude z neho notár, keď sa *vypší* (J. G. Tajovský). — Ba naozaj, čo z nás *vysomária*? (F. Šándor). — Len dobrých kamarátov, chlapci zlatí, pomôžte mi, ved' vidite, že sa neviem *vysomáriť* (V. Šikula). — *Zaprasila sa* nám tu diabola náuka (F. Hečko). — Nedajme si *zaprasiť* jazyk nepotrebnými cudzími slovami (Presse). — To je *zaprasený* podnik (J. Kostra). — Neprednášal to, ale to iba *odpapagájoval*

(Presse). — Zato sa mu lepšie *prilíškala*, keď prišiel Bosák do dediny (J. C. Hronský). — „No, teta, no“, *prilíškala* sa k Mariške nedočkavo (K. Lazarová). — Ako začalo mrholiť, cesta *oslimáčela* (im Bus gehört). — Čím väčšia sviňa pôjde vedľa, tým istejšie sa do nej vysviní (M. Rázus). — *Zasvinili* dobré meno Slovákov (V. Mináč). — Konečne sa môže prejavíť ako príslušník informačnej skupiny... Ako zlopovestný kuvik *vykuviká* letku (Š. Žáry). — V celom tele ma *mrváči* (Usus). — Čo naprasí tento zloduch, to skántri (Presse). — Prečo si mi všetko *zvlčil*? (Slang der Jugendlichen).

Alle diese Belege weisen darauf hin, wie ein schöpferischer Autor unter Verwendung einer Tierbasis an geläufige Verbmodelle anknüpfen kann. So knüpfen die scherhaften Verben (*o*)*vrabčiť niekoho* (Spatz) und (*o*)*vrabčiť sa* an die stilistisch neutralen Verben (*o*)*ženiť niekoho* (jemanden verheiraten) und (*o*)*ženiť sa* (heiraten) an.

An das Verb *oduť sa* (sich aufblasen) aus dem Zusammenhang *oduť sa* aka sova (sich aufblasen wie eine Eule) knüpft das Verb *osoviť sa* (Eule) als Synonym der angeführten analytischen Ausdrucksform an.

Mit den Verben *ohlúpiť* (betören), *osprostíť dakoho* (jmdn. verdummen) im Sinne von „ihn betrügen (wie einen Dummen)“ hängen die synonymen Verben *obaraníť niekoho* (Schafbock), *osomáriť dakoho* (Esel) zusammen mit der Bedeutung „sich so benehmen, als ob man jemanden für einen dummen Schafbock oder Esel halte“.

Dokumentiert haben wir das Verb *ošvábiť* (Küchenschwabe) als ein scherhaftes Synonym des Verbs *oholiť*, „die Haare vom Gesicht und Kinn entfernen“ und auch als Äquivalent des Expressivums *oholiť* mit der Bedeutung (jmdn. betrügen), expressiv auch *okabátiť* (jmdn. übertölpeln), *ošmeknúť* (jmdn. prellen, rupfen).

Das Verb *vysomáriť sa* (Esel) hat eine reiche Rektion und je nach dem, mit welchem Grundverb es semantisch verbunden ist, hat es auch mehrere semantische Abstufungen: das Expressivum *vysomáriť sa* knüpft an das Verb *vyjadriť sa* an (sich ausdrücken, sich äußern), ist zu verstehen: „entsprechend, passend, nicht dum“; *vysomáriť sa v niečom* hängt mit dem Verb *vyznať sa v niečom* (sich auf etwas verstehen, sich in etwas auskennen) zusammen; *vysomáriť sa z niečoho* ist ein Synonym zu den Verben *vymotať sa*, *vytiahnuť sa z niečoho* (hinauswanken, sich aus der Patsche ziehen). *Vysomáriť z niekoho niečo* ist im fraglichen Kontext ziemlich unverständlich (herausholen, auskundschaften zum Spott?).

Vypsíť sa (Hund) bedeutet scherhaft *vycibriť sa*, „sich ausbilden“, *vypracovať sa* (sich emporarbeiten). *Zaprasiť sa* (Schwein) ist ein stark expressives Pejorativum, das dem Verb *zahniezdiť sa* (sich einnistten) entspricht; *zaprasiť* mit derselben stilistischen Charakteristik bedeutet *zanešváriť*, „verunreinigen“, *zaniest* nečistotou „mit Schmutz, mit Unrat verschlämmen“.

Das scherhafte Pejorativum *odpapagájať* (Papagei) erinnert an das ähnliche, doch nicht mit Tiernamenbasis gebildete *odverklíkovať* (Drehleier) mit dem es die gemeinsame Bedeutung hat „gedankenlos wie ein Papagei, wie eine Drehorgel rezitieren, vortragen“.

Das Expressivum *prilíškať sa* (Fuchs) „sich anschmeicheln“ wird mit einem

Dativobjekt verbunden. Der präpositionale Dativobjekt *k niekomu* knüpft an das nicht expressive Synonym *pritriet sa k niekomu* an (sich einschmeicheln), das präpositionslose Dativobjekt (*niekomu*) an das Grundverb *lískať sa niekomu* „jmdm. schmeicheln“. Das Verb *oslimáčiť* (Schnecke) ist ein expressives Synonym der Verben *oklznúť*, *osliznúť* „glitschig, schlüpfrig werden“ (von Fleisch, von Quark, von nassem Weg).

An das Verb *vyšpiniť sa* (do niečoho, na niečo, niekde) „etwas beschmutzen“ knüpft das vulgäre Verb *vysviniť sa* (Schwein). Das Verb *zasviniť* knüpft an das neutrale *zašpiniť* (verunreinigen) an und ist stilistisch weniger stark als sein Synonym *zaprasiť* „beschmieren“.

Das Verb *vykuvíkať* (Kauz) knüpft an das neutrale Verb *vyradíť* „auslappern“ an und ist dessen Synonym.

Das unpersönliche Verb *mrváčiť*, *mrváči ma* (Ameise), knüpft an die analogen Verben *pichá ma* (es sticht mich) an, *svrbí ma* (es juckt mich), aber auf Grund der von Ameisen verursachten Ähnlichkeit und Wirkung. Weder dieses Verb noch das Verbalnomen *mrváčenie* „das Kribbeln“, das als medizinischer Terminus gebraucht wird, sind Expressiv, sondern haben eher einen terminologischen Charakter.

Naprasiť (Ferkel) ist ein mehr expressives Synonym des Verbs *nakotiť* (Junge werfen), es bedeutet also „zeugen (aber nur etwas Schlechtes, Minderwertiges, Schädliches)“.

Das scherzhafte von Jugendlichen gebrauchte Expressivum *zvlčiť* (Wolf) ist in der gegenwärtigen Sprache nicht vereinzelt in der Bedeutung „gierig aufessen wie ein Wolf“. Wir haben in der Mundart die Form *zvlkuvať*⁵ von Menschen und auch von Schweinen — mit derselben Bedeutung.

3.3 Die letzte Gruppe der durch Tiernamen motivierten Verben sind die onomatoopoetischen Verben mit der Bedeutung „einen Ton herausbringen, der mit der Benennung eines Vogels oder eines Insekts zusammenhängt“. Es handelt sich hier um die Verben *pinkať* (Fink), *svrčkať* (Grille), *kuvikať*, *kuvikovať* (Kauz), *tuhíkať* (Dorndreher) u. dgl. Beispiele :

Je noc, lebo svrčky svrčkali okolo neho (P. Dobinský). — Pinky *pinkali* (Ľ. Ondrejov). — Kačky kačkali zachrípnuto (Ľ. Ondrejov). — Vždy ten istý kuvik kuviká na veži (J. Smrek). — Počuj, ako kuvik húka, jak na strome kuvikuje (Š. Žáry).

Das poetische Verb *kukučkať* (*Dievčatko kukučalo na mňa často*. — *Chod' len zmúriť... Kukučkať neslobodno!* (Hviezdoslav)—Das Mäderl guckte mich oft an. — Gehe nur blinzeln ... Gucken darf man nicht) knüpft nicht phonetisch an die

⁵ Auf die Form *zvlkuvať* hat mich Dr. Ivan Masár, Mitarbeiter des Sprachwissenschaftlichen Instituts Ludovít Štúrs der SAW, aufmerksam gemacht, und er hat mir aus dem Dialekt seines Heimatortes Nedanovce folgende Belege erbracht: *Obed len tak zvlkuval. Prasa to všetko zvlkuje*. Hier hat also das Verb *zvlkuvať* dieselbe Bedeutung wie das uns bekannte von Jugendlichen gebrauchte Verb *zvlčiť*, „gierig, gefräßig aufessen“.

Benennung des Vogels *kukučka* (Kuckuck) an, sondern es ist ein Synonym des Verbs *kukať* (gucken) im Sinne von „auf jemanden schauen, gucken, oft von hinterher“.

Wie die übrigen von Tiernamen gebildeten Verben werden auch diese Verben in übertragener Bedeutung gebraucht. Das Verb *kuvikať niečomu niečo* hat als zweite lexikalisierte Bedeutung „etwas Schlimmes wahrsagen, ein Unglück prophezeihen“. Es wird mit einem Dativ- und Akkusativobjekt (jmdm. etwas) gebraucht, oder in einer weiteren Übertragung der Bedeutung mit Präpositionalobjekt von etwas: *kuvikať o niečom „pessimistisch reden, unken“*.

Im journalistischen Stil wird das Verbalnomen *kuvikanie* „Unkerei“ als Pejorativum viel gebraucht, z. B.: *škodoradostné kuvikanie zahraničných bankrotárov; prestali kaziť vzduch svojím kuvikaním* (Schadenfrohe Unkerei der ausländischen Bankrottiers; sie haben mit ihrer Unkerei aufgehört).

Zu allen Verben dieser Gruppe werden regelmäßig perfektive Pendants mit dem rein formellen Präfix *za-* gebildet, z. B. *zapinkať*, *zakuvikať*, auch in übertragener Bedeutung, *zakačkať* u. dgl. Beispiele :

Pinka pekne *zapinkala* (P. Dobinský). — Kuvik *zakuviká* kdesi celkom na blízku (J. Gregorec). — Ten kuvik chcel *zakuvikať* veľmi mrzko o národe, ale nevdojak vyspeival mu chválu (M. Kukučín). — Chvíľami bolo počuť *zakačkať* kačku (Ľ. Ondrejov).

3.4 Alle genannten Typen der durch Tiernamen motivierten Verben, soweit sie als präfixlose Verben gebildet werden, können auch mit Präfixen die einen Intensitätsinhalt haben, vorkommen. Beispiele :

Má i sám robotu na píle, ktorá ho teší a pri ktorej sa *nenačoňuje* ako kedysi (M. Jančová). — *Ukoňovaný* hodil som sa na odpočinok (Ľ. Ondrejov). — Hybaj, pohráme sa na dvore, veď sme sa *ukoňovali* (Zeitschrift). — Za celý čas svojho pôsobenia sa *napapagájoval* toľko otrepaných poloprávd, že ho už ľudia nemohli zniest (Presse). — A keď sa mu už tak hodne *nalíškala*, spytovala sa ho na pôvod jeho zázrakov (Súpis slovenských rozprávok). — Pre jeho zahájanie *naprasilo* sa v statočnom slovenskom mlyne mačarónstvo (J. G. Tajovský).

Am häufigsten sind die Intensitätsreflexiven perfektiven Verben vom Typ *nakoňovať sa* (Pferd) mit der Bedeutung „sich viel und sehr plagen, um ein Ziel, um ein Resultat zu erreichen“. Diese werden aus dem Grundverb mit dem diskontinuierlichen Morphem *na- + sa* gebildet. Dieser Art sind die Verben: *napapagájať sa*¹ (zum Unterschied von *napapagájať sa*² = expressiv: etwas erlernen durch Wiederholung); *nalíškať sa*; *naprasiť sa* mit der metaphorischen Bedeutung „sich vermehren“. Der Verbtyp mit dem diskontinuierlichen Morphem *u- + sa* ist bloß durch das vereinzelte *ukoňovať sa* dokumentiert und es bedeutet „durch lang dauernde Bemühung sich erschöpfen, sich abschinden“.

Ähnlicherweise werden aus präfixlosen Verben (aus reflexiven und nicht reflexiven) auch perfektive Verben mit dem Präfix *roz-* gebildet, die den Anfang einer Aktion in entsprechender Intensität ausdrücken. Beispiele :

Lev rozježí hriev (K. Kuzmány). — Život je vrah ako nič, a keď ju niekto prestrihne, oba konce sa rozježia na mnoho vláken, ešte aj tie vlákna sa rozježia... (A. Bednár). — Keď vidím, že mám čerta pred sebou, mám sa hneď i ja rozčerť, rozblázníť, rozburačiť? (V. Šikula). — Rozkohútil sa: „Choďte do horúceho pekla!“ (J. Jesenský). — Takto ma rozkokoší a potom uteče preč! (M. Urban). — Magduša ho išla zjest. Bola rozkokošená (Švantner). — Ďatelinový štvorlistok až tak zelenie od žiadostivosti rozprasí sa po zemskom povrchu (F. Hečko).

3.5 Nach der semantischen Analyse und der Einreihung der durch Tiernamen motivierten Verben soll auch etwas über die formale Seite ihrer Bildung vom Gesichtspunkt der Wortbildungsnormen gesagt werden.

Auf einige unbegründete und unnötige Wortbildungsvarianten, falls diese vereinzelt vorkamen, haben wir an der zugehörigen Stelle hingewiesen (nur *koňovať*, nicht „*koňovať sa*“, *mrväčiť sa*, nicht „*mrvaveničiť sa*“ u. dgl.), jedoch andere, produktive Wortbildungsprozesse betreffende Varianten müssen allgemein angeführt werden. Es geht um dieselbe Problematik wie bei den von Adjektiven (Marsinová, 1958, S. 164—165) und auch von anderen Substantiven abgeleiteten Verben (Marsinová, 1972, S. 189—190), falls aus derselben Basis Verben mit zweierlei Intentionen gebildet werden, also Kausativa und Zustandsverben. Die Zustandsverben mit der Bedeutung „zu etwas werden“ können entweder die Form nach dem Konjugationsmodell *rozmieť* haben, das heißt *zhavranieť*, *zjastrabieť*, *skrkavieť*, oder es können reflexive Präfixverben nach dem Modell *robit* sein, also *zhavranieť sa*, *zvlčiť sa* u. dgl. Die vereinzelten Formen *zhavranieť sa*, *zmyšieť sa*, *zmuškavieť sa* entsprechen nicht der Wortbildungsnorm im Slowakischen.

Auch bei den aus Tiernamen abgeleiteten Verben kommt es manchmal zu Uneinigkeiten zwischen der formalen und semantischen Ableitung, wie wir es bei den Verben vom Typ *cukornatiť* (Zucker) angedeutet haben (Marsinová, 1958, S. 111), das ist als ob das Verb formal aus dem Adjektiv *cukornatý* (zuckerhaltig) abgeleitet wäre, jedoch semantisch hängt es mit dem Substantiv *cukor* (Zucker) zusammen. Wie *scukornatiť* nicht „zuckerhaltig werden“ bedeutet, sondern „sich in Zucker verwandeln, umwandeln“, so nehmen wir bei zahlreichen Verben aus der Terminologie der Hygiene ähnliche Wortbildungsprozesse wahr, z. B.: *voš* (Laus): *všívavý* (lausig) — *všívavieť* (lausig werden), *zavšivaviť* (verlausen), nicht „*všivieť*, *zavšiť*“; *blška* (Floß): *blškavý* — *blškavieť*, nicht „*zblščiť*“ u. dgl.

Beim Typ *zavčeliť/zavčelovať* ist bei manchen Ableitungsbasis das asemantische Interfix *-n-* nötig und beständig, so z. B.: *zaryb-n-iť/zaryb-ň-ovať* gegenüber *zazver-iť/zazver-ovať*, wie schon angedeutet wurde (Marsinová, 1971, S. 23—24).

Eine weitere Wortbildungsproblematik ist nicht vorhanden. Falls ein Verb eines bestimmten semantischen Typs eine andere Form hat, wie man es erwartet, so ist dies ein Zeichen, daß es sich um ein älteres, im slowakischen Wortschatz seit langem allgemein gebräuchliches Verb handelt. Solche Verben sind z. B.: *lískať sa* gegenüber *hadíť sa*, *kohútiť sa* u. dgl., oder *psuť sa/zopsuť sa*. Neuerlich haben wir nach dem Typ *zvlčiť sa* die Form *zopsiť sa*.

Poetische Formen, z. B. aus rhythmischen Gründen, sind noch seltener, z. B. *kuvikovať* (Š. Žáry) an Stelle der üblichen Form *kuvikať*.

Im allgemeinen kann festgestellt werden, daß auch die von Tiernamen abgeleiteten Verben zu den produktiven Verbtypen gezählt werden, und daß alle üblichen formalen Mittel der Verbableitung auch bei diesen zum Ausdruck des Intentionsunterschiedes von derselben Basis ausgenutzt werden, z. B.: *zavšivaviť* — *zavšivavieť*; *jeziť* — *ježiť sa* u. dgl.

4. Indem wir den durch Tiernamen motivierten Verben eingehend unsere Aufmerksamkeit gewidmet haben, knüpften wir an die Tendenzen der gegenwärtigen Wortbildung an, das heißt, in kleinen semantisch genau bestimmten Kreisen die Wortbildungsverfahren zu erforschen (vgl. z. B. Dokulil, 1972; zur Theorie dieser Probleme Uluchanov, 1977). Die Tiernamen haben sich als ein sehr geeigneter und fruchtbarer Ausgangspunkt erwiesen.

4.1 Der Kreis der als motivierende Grundlage benutzten Tiernamen kann nicht genau abgegrenzt werden. Es wird festgestellt, daß es geläufige Benennungen von Tieren sind: *včela* (Biene), *vlk* (Wolf), *voš* (Laus), *kôň* (Pferd), aber auch Namen von deren Jungen: *žriebä* (Fohlen), *teľa* (Kalb); manchmal sind es Deminutives: *holúbok* (Täubchen), *muška* (Fliegelein), *opička* (Äffchen); nur Augmentative kommen als motivierende Basis nicht vor. Außer Tiernamen werden auch Gattungsnamen, z. B. *hmyz* (Insekt), *ryba* (Fisch) oder verschiedene Zuchtnamen wie *bujak* (Stier) gebraucht.

4.2 Expressivität ist das charakteristische Kennzeichen der überwiegenden Mehrheit dieser Verben. Eine Ausnahme bilden die terminologischen Verben, doch finden wir auch diese — außer dem Typ *zavčeliť/zavčelovať* — metaphorisch, also expressiv angewendet. Die Expressivität der von Tiernamen abgeleiteten Verben neigt meistens zu Pejorität, manchmal sogar zu Vulgarität (*zhovádiť sa*, *zasvinit*, *vysvinieť sa* u. dgl.). Oder es ist eine Tendenz zur Scherhaftigkeit vorhanden: *ovrabčiť sa*, *vysomáriť sa* z *niečoho*, *obaraniť niekoho* u. dgl. Hier und da ist ein Anzeichen von Ironie zu spüren (*otelil sa nový časopis*, „eine neue Zeitschrift wurde gekalbt“, das heißt „ist entstanden“). Es geht meistens um eine metaphorisch bedingte Expressivität.

4.3 Aus der Expressivität der durch Tiernamen motivierten Verben geht weiterhin hervor, daß die sogenannte wortbildende Bedeutung zwei oder mehrere, durch den Kontext bedingte okkasionelle Bedeutungen einschließt (*kohútiť sa*, *ježiť sa*, *zhavranieť sa* u. dgl.), so daß nur eine geringe Anzahl dieser Verben mit einer festen lexikalierten Bedeutung hierher gehören (*opičiť sa po niekom*, *lískať sa niekomu*).

4.4 Ebenso wie von ein und derselben Adjektivbasis mehrere Verben mit verschiedener Intention gebildet werden: *červený* (rot) — *červeniet* (erröten) — *červeníť* (rot machen) — *červenať sa* (rot leuchten) u. dgl., können wir auch von ein und demselben Tiernamen mehrere Verben mit verschiedener Intention und mit

unterschiedlichen Bedeutungen haben: *zhovädiť sa* (bestialisch werden) — *zhovädiť niekoho* (jemanden entmenschen); *osomáriť niekoho* (jemanden beluchsen) — *vysomáriť sa z niečoho* (sich äußern) u. dgl. Mit Recht läßt sich eine Verwandschaft zwischen einem die Eigenschaft direkt ausdrückenden Adjektiv und einem die Eigenschaft metaphorisch ausdrückenden Tiernamen vermuten.

4.5 Haben wir beweisen können, daß durch Tiernamen motivierte Verben nach bestimmten produktiven Wortbildungstypen oder — besonders die scherhaften Verben — nach Modellen geläufiger, im allgemeinen nicht expressiver abgeleiteter oder nicht abgeleiteter Verben gebildet werden, so muß es klar sein, daß es hier um offene Reihen geht, die von schöpferischen Autoren, je nach Phantasie ständig ergänzt werden können.

LITERATUR

- BERNOLÁK, A.: *Slowár Slovenskí, Česko-Laťinsko-Ñemecko-Uherskí*. Budae, Typogr. Reg. Univ. Hungaricae 1825—1827, 4446 S.
- DOKULIL, M.: Slovesa odvozená ze jmen přídavných označujících barvy. *Naše řeč*, 55, 1972, S. 131—141.
- HORECKÝ, J.: *Slovotvorná sústava slovenčiny*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1959, 218 S.
- JÁNOŠÍK, A. — JÓNA, E.: *Slovník spisovného jazyka slovenského*, A—J. Martin, Matica slovenská 1946—1949, 992 S.
- KÁLAL, K. — KÁLAL, M.: *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí*. Banská Bystrica, Slovenská grafia 1923, 1112 + CIV S.
- LOOS, J.: *Slovník slovenskej, nemeckej a mađarskej reči*. Pešť 1870, 650 S.
- MARSINOVÁ, M.: Slovesá z přídavných mien v slovenčine. In: *Jazykovedné štúdie*, 3. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1958, S. 107—166.
- MARSINOVÁ, M.: Denominatíva s odlukovým významom „zbaviť, odstrániť“. *Slovenská reč*, 36, 1971, S. 20—27.
- MARSINOVÁ, M.: Fázovost ako konstitutívny princíp pri tvorení daktorých denominatívnych slovies. *Jazykovedný časopis*, 23, 1972, S. 189—191.
- Morfológia slovenského jazyka (= MSJ). Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1966, 896 S.
- Slovník slovenského jazyka (= SSJ), 1—6. Red. Š. Peciar. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1959—1968.
- TVRDÝ, P.: *Slovenský frazeologický slovník*. 2. erg. Aufl. Praha—Prešov, Čs. grafická únia 1933.
- ULUCHANOV, J. S.: *Slovoobrazovateľnaja semantika v russkom jazyke*. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1977, 256 S.

Dialogue and Hypersyntax

JOZEF MISTRÍK

1. In our paper we shall be concerned with the relationship between dialogue and hypersyntax. We shall understand dialogue as a form of text in the construction of which several speakers participate simultaneously. The concept of dialogue is understood fairly widely in literature on the subject, and therefore we distinguish several types of it. There exist, for example, stage dialogue, epic dialogue, telephone conversations, didactic dialogue, interview, situational dialogue and many others. Stage and epic dialogue are fictitious dialogues, prepared in advance. They are in essence artificially constructed models. Telephone conversation are characterized by their lack of visual elements (in conversation we not consciously reckon with these). Didactic dialogue and interviews are highly asymmetrical, consciously organized pairs of question and answer lacking spontaneity on both sides. Real dialogue, which is the subject of our contribution, is situational dialogue. We regard as situational dialogue such one which develops spontaneously, without special preparation. In comparison with the other types of dialogue it is distinguished by its natural character and maximal degree of unpredictability. With this is connected the diversity of its means of expression, both linguistic and extralinguistic.

2. What are the specific properties of situational dialogue? Dialogue consists formally of a series of replies. Each reply is an independent unit of communication, wherein is expressed a standpoint with regard to the situation contained in the preceding conversation. A genuine reply is very short in its extent. From the viewpoint of the information concentration within it, there was a conical shape, denoting that the nucleus of the reply is the front, the beginning, the first reaction, and that thereafter the informational force of the reply gradually decreases. A longer reply turns into a monologue, whereby the substance of the dialogue is transformed into a form which we can no longer describe as situational dialogue. Only a speaker's spontaneous, minimal reaction can be regarded as the classic reply. Thus from the point of view of functional sentence perspective the first sentence of a reply has a subjective order with the rheme at the beginning. And therefore a spontaneous

reaction is saturated with paralinguistic elements. One might even say that its force is the greatest at the moment when it originates, when the statement is as yet without linguistic form. We could practically say that the substance, meaning and content of situational dialogue exist not within the replies, but on their boundaries. In connection with the concept of the reply it is necessary to stress that besides the classic types of reply with unambiguous boundaries we can also talk of subreplies. Subreplies come into being when one participant in a dialogue is speaking and the other follows him attentively, expressing his attitude by means of various gestures, unfixed sounds, motions and mimicry. Thus the speaker, influenced by the "non-speaker" (or recipient, who is involved in the conversation by paralinguistic means), divides his extended reply into independent utterances, which are more semantically and formally connected with the "non-speaking" recipient's "speech" than with the surrounding text within his reply.

3. Now let us proceed to the concept of hypersyntax. What do we understand by the concept of hypersyntax? Hypersyntax is the branch of grammar which is concerned with the question of relating sentence to their contextual whole. In each sentence, apart from those elements of which it is composed, there exist others which function outside its boundaries. For example, in the sentence „But I returned it to her" the expressions "but, it, to her" correspond with the preceding text — in the present sentence they are anonymous. The elements by which a sentence is attached to its context are connectors. Connectors may have recursive or prospective direction. Recursive connectors are those which attach a new sentence to a known text, those which are directed backwards. Prospective connectors are those which indicate in advance that the text will continue — they point forwards. Connectors may join sentences standing immediately beside each other or at a greater distance. They may have the character of anaphoric, epanaphoric or mesaphoric connection.

Recursive and prospective connectors may be lexical, grammatical or paralinguistic in origin. Lexical connectors are realized by the use of synonymy, hyponymy, antonymy, apostrophe, stimulating words, enumerative expressions, etc. Grammatical connectors are realized by the same means as within the sentence: agreement, government by verbs of their objects, juxtapositions and other auxiliary words. All forms of deixis are very freely used in the hypersyntactic linking of sentences. As well as lexical and grammatical devices paralinguistic connectors also participate in constructing the text. Frequent paralinguistic connectors in oral communication are kinetic and sonic means and proximity, while in writing their function is fulfilled by various graphic devices. This is the situation for monologue.

4. Now what of connection in dialogue? It has already been said that the informational centres of dialogue lie on the boundaries of its replies. We shall

therefore take this thesis as our starting point and when we speak of hypersyntax in dialogue we shall have in mind essentially the situation on the boundaries of replies. Dialogue is a complete act of communication just as much as monologue. Nevertheless even if an outside observer diligently follows the conversation of persons engaged in dialogue, it is often very difficult to be able to follow the content of the proceeding. It follows that the replies of dialogue must be united by means which are not universally known and not universally decodable. These must be means which are reliably "read" only by authors of the act of communication which the dialogue represents. They must be, besides linguistic elements with wide connotations, by a large non-articulated paralinguistic devices.

As for linguistic means in the hypersyntax of dialogue, these are the same as those of monologue. In its hypersyntax dialogue is distinguished by its extralinguistic means. We leave aside the influence of environment, situation, function and the disposition of the speaker at the time, for these are extralinguistic data which do not enter directly into the text; they only form its milieu. Let us then first of all examine its extralinguistic means of expression.

Between the replies in a dialogue there are pauses of uneven length. The size of a pause depends on the relationship of the replies which stand on either side of it. One and the same linguistic formulations will have a different meaning if it is realized with different pauses. The length of the pause is a shade of meaning of greater or lesser importance. Hesitation — delay in replying — should also be regarded as a certain form of reply.

The length of the pause in dialogue is a highly subjective and specific thing. Proximity, i.e. the distance between the speakers, also has a marked influence. It is not only the average distance, but equally the changes in the distance between the speakers which is significant. It is evident, for example, that if the speaker wants to emphasize something or say something in confidence, he moves closer to his hearer. Moving away from him is also marked in the same way. Strongest of all in dialogue, and to a certain extent semantically and conventionally fixed, are kinetic devices, especially mimicry and gesticulation or change in the position of the body. Some of them have a consciously demonstrative function, others are subconscious kinetic elements which are realized spontaneously. Conventional and semantically fixed are for example the kinetic elements of agreement, disagreement, indication deixis, surprise, indecision, anger, joy, etc. The boundary between conscious and subconscious physical expressions is fluid and most often unidentifiable. Finally, the area of sound with all its intonational elements also belongs with the paralinguistic means of expression. In dialogue there is an average greater intonational variability than in a spoken monologue. Intonational elements and gesticulation to a significant extent function as hypersyntactic means operating over a distance. And in this function there are more striking intervals in their variations than when they serve only to join neighbouring sentences or operate within a single sentence.

5. It is characteristic of extralinguistic hypersyntactic devices that they generally occur as syntagmemes. For example, the occurrence and duration of a pause can be semantically related with the significance of proximity, as also within mimicry. Kinetic elements can often be combined with sonic devices. The combinations may be very varied and complicated. If we speak of syntagmatics with regard to connection by linguistic means within and without the sentence (agreement, government, juxtaposition), then by analogy we may also speak of syntagmatic paralinguistic devices in dialogue. Without the presence of paralinguistic devices dialogue would frequently be incomprehensible. And all the more so as these devices occur at the most exposed places in dialogue — on the boundaries of replies or subreplies. In order to differentiate and classify these syntagmatic devices we shall employ binary criteria, which we shall denote as horizontal and vertical. Since syntagms realized by linguistic means appear as horizontal in the chain of words, let us denote syntagms realized by paralinguistic means as vertical. This gives a little indication of the fact that in their case it is chiefly a question of one's subjective position, not as yet formulated by means of objective linguistic elements. Out of the combination of pure horizontal and pure paralinguistic syntagms arise compound syntagms.

6. We conclude our paper as follows: The central, most exposed places of situational dialogue are the boundaries, or more precisely the forward edges of replies, which sometimes overlap the conclusion of the preceding replies, sometimes enter into other people's replies (without forming an organic part of them), and sometimes are realized only at the end of longer pauses. At these the hypersyntactic devices allow the dialogue to knit together into a compact linguistic formation. The function of connectors in such connection is performed sometimes by linguistic means and sometimes — one could say, mostly — by paralinguistic means, or by both at once. In contrast to a monologue, where the vehicle (bearer) and nucleus of meaning is the word, in dialogue it is the paralinguistic means of expression that dominant. If we want to express it concretely, then we should say, that which is communicated lies not in the words, sentences and replies, but somewhere above them or amongst them.

К проблеме полуаффиксов

МАРИЯ-ОЛЬГА МАЛИКОВА

Морфемы, обладающие значением, близким к значению корневых морфем, но находящиеся в позиции аффиксов, уже давно привлекали внимание языковедов, занимающихся вопросами словообразования. Эти морфемы занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. Вопросы, связанные с классификацией и названием подобных морфем, мы затронули в связи с определением сложных слов и описанием квантитативных морфем (Malíková, 1972, 1974, 1975). Общим признаком этих препозитивных и постпозитивных морфем является то, что они появляются в словах, образующих словообразовательные ряды. При этом наблюдается обобщение их значений, или значений, которые они имели в качестве корневых морфем. В результате обобщения значений возможно отклонение от первичного значения. Из постпозитивных морфем в словацком языке это, напр., морфемы *-mer*, *-vod* в словах *teplomer*, *vodomer*, *dáždomer*, *mliekomer*, *palivomer*; *vodovod*, *teplovod*, *parovod*, *naftovod*, *ropovod*, *rúrovod*, в русском языке морфемы *-вод*, *-воз*, *-ход*: *птицевод*, *оленевод*, *пчеловод*; *газовоз*, *нефтовоз*, *рудовоз*, *горючевоз*, *бетоновоз*, *молоковоз*; *теплоход*, *турбоход*, *электроход*, в немецком языке морфемы *-zeug*, *-mann*, *-los*: *Spielzeug*, *Werkzeug*, *Flugzeug*; *Kaufmann*, *Bergmann*, *Seemann*; *sparlos*, *fehlerlos*, *hoffnungslos*. Из препозитивных морфем это, напр., словац. морфемы *vysoko-*, *plno-*, *polo-*: *vysokokvalifikovaný*, *vysokointeligentný*, *vysokokultúrny*, *vysokohodnotný*, *vysokokvalitný*, *vysokomravný*; *plnovýznamový*, *plnohodnotný*, *plnozvučný*, *plnotvárnny*, *plnocenný*, *plnofarebný*, *plnodrevný*; *pologramotný*, *polovzdelený*, *polointeligenčný*, *poloúradný*, *polooficiálny*, *poloslobodný*, *polovyliečený*; русс. *мало-*, *много-*, *полу-*, *все-*: *малоинтеллигентный*, *малообразованный*, *малоактивный*, *малоинтересный*, *маловажный*; *многоговорящий*, *многозначащий*, *многообещающий*; *полубезработный*, *полупомешанный*, *полубезумный*, *полутайный*, *полнасыщенный*, *полунезависимый*; *всеноядный*, *всесоюзный*, *всечеловеческий*, *всесословный*; немец. *klein-*, *gross-*, *mittel-*: *Kleinhändler*, *Kleinbauer*, *Kleinbürger*, *Kleinbesitzer*; *Grossstadt*, *Grossflugzeug*, *Grossbauer*, *Grosskaufmann*; *Mittelschule*, *Mittelbauer*, *Mittelpreis*, *Mittelsorte*, *Mittelweg*.

Как видно из приведенных примеров, основами так наз. полуаффиксальных морфем могут быть как глагольные, так и именные корневые морфемы (ср. с приведенными морфемами, напр., глаголы *merať*, *vodiť*, водить, возить, ходить, числительные *pol*, *mal*, *mnogo*, наречие *vysoko*, местоимения *vse*, *obše*, существительные *Die Mitte*, *der Mann*, прилагательные *plný*, *gross*, *klein*). Наблюдение за развитием языка в последнее время показывает, что в словацком языке также начинают образовываться сложные существительные, второй частью которых являются не только основы существительных, но и формы полных существительных, как бы своего рода омонимов самостоятельно употребляемых тех же существительных. На это явление указывает Горецки (Ногекский, 1978), приводящий в качестве примеров слова, образованные словоэлементами *šéf-* и *-majster* (ср. *šéfredaktor*, *šéfdirigent*, *šéfkuchár*, *šéfpilot*, *šéfréner*; *rotmajster*, *zbormajster*, *traťmajster*, *vozmajster*, *strelmajster*, *vrťmajster*, *veľmajster*).

Поскольку в немецком языке сложение является основным приемом словообразования, немецкие языковеды уже давно обратили внимание на часто встречающиеся элементы сложных слов. Некоторые из них рассматривали их как особые словообразовательные средства (Becker, 1933), другие считали их своеобразными компонентами (Kluge, 1925; Henzen, 1947; Behaghel, 1954).

Вопрос о полуаффиксах в последнее время выдвинула Степанова (1953, 1958) в связи с исследованием словообразования в немецком языке. В своей более ранней работе она, кроме немецкого материала, приводит также параллельные примеры из русского языка. На основе определенных аналогий она делает некоторые заключения и по отношению к русскому языку. Одновременно с тем, что она находит определенные специфические черты переходных морфем (т. е. морфем, промежуточных между корневыми и аффиксальными), она считает образование слов посредством полуаффиксов характерной особенностью немецкой словообразовательной системы и называет его полуаффиксацией. Полуаффиксию, по ее мнению, нельзя считать промежуточной ступенью между сложением и деривацией, ее нужно рассматривать как особый словообразовательный тип. Из этого вытекает, что полуаффиксы являются особыми словообразовательными средствами (с. 79). В своей аргументации Степанова опирается также на знание истории немецкого словарного состава. В качестве примера на постепенное превращение элемента сложного слова в полуаффикс она приводит вторую часть немецких сложных слов *-heit*, имевшую когда-то в качестве самостоятельного существительного значение «способ, состояние». Но с синхронной точки зрения формант *-heit* является, как и остальные приводимые Степановой полуаффиксы *-zeug*, *-mann*, *-los*, аффиксальной морфемой. То же самое обнаруживается и при сравнении приведенных морфем и их эквивалентов в словацком языке:

Flug-zeug — *lieta-dlo*, *Spiel-zeug* — *hra-čka*, *Berg-mann* — *ban-ík*, *Kauf-mann* — *obchod-ník*, *fehler-los* — *bez-chybny*, *hoffnung-los* — *bez-nádejny*.

К подобным заключениям о полуаффиксах приходят в своих работах Андреев (1954) и Полякова (1955). Андреев занимался анализом русских сложных слов со второй частью *-водство* и *-ведение*, считая их полусуффиксами. Полусуффиксацию он называет «третьим словообразовательным путем». Полякова исследует словообразование в немецком языке. Образование слов при помощи полуаффиксов она не считает способом, промежуточным между словосложением и аффиксацией, а рассматривает его как «особый самостоятельный способ словообразования» в немецком языке.

Но большинство советских дериватологов не согласны с мнением Степановой и не признают «полуаффиксацию» как особый способ словообразования ни в русском, ни в немецком языках. В дискуссии по вопросу о сущности полуаффиксов и их месте в словообразовании наиболее остро критикует теорию Степановой о новом способе словообразования, «полуаффиксации», Григорьев (1958). Он говорит, что Степанова не приводит ни одного специфического словообразовательного признака, с помощью которого можно было бы полуаффикс от区别ить от аффикса. Он высказывает прежде всего против утверждения Степановой, что полуаффиксация является особым способом словообразования, способом такого же характера, как аффиксация или словосложение. Григорьев правильно указывает на то, что немецкий и русский языки нельзя сравнивать таким образом, как это делает Степанова, анализируя русский аффикс *-ведение*.

Лопатин и Улуханов (1963) высказываются против мнения, что такие компоненты как *-вед*, *-вод*, *-носец*, *-нос*, *-видный*, *-образный* и т. п. можно считать особыми морфемами с абстрактной семантикой, близкой к суффиксам. Таким образом они оппонируют не только Степановой, но и Шанскоому (Шанский, 1959); они ссылаются на то, что суффиксы тоже могут иметь более или менее конкретное содержание.

Левковская (1955), рецензируя книгу Степановой, пишет, что многие из т. наз. полуаффиксов можно отнести или к префиксам или к суффиксам.

Больше всех уделяла внимание полусуффиксам в своих работах Кубрякова (1964, 1965, 1974). Полупрефиксы она называет «релятивно связанными морфемами», причем она различает среди них такие, которые имеют самостоятельные корреляты в языке, и такие, которые выступают только в качестве словоэлементов. По ее мнению, полупрефиксами можно считать только несамостоятельные морфемы (Кубрякова, 1964). В одной из своих работ Кубрякова правильно подчеркивает основную мысль, что нельзя исходить только из частотности отдельных компонентов сложного слова, ибо последняя еще не свидетельствует о том, что компонент слова превратился в аффикс (Кубрякова, 1965).

В своей последней работе Кубрякова делит морфемы на служебные и неслужебные. Но она пишет, что это деление нельзя считать прямолинейным, потому что все корни нельзя отнести к неслужебным, а неслужебные морфемы в свою очередь не ограничиваются только аффиксами (с. 110). Она признает необходимость выделить группу полуаффиксов как морфем промежуточного характера, в своем значении, употреблении и распределении имеющих одновременно черты служебных и неслужебных, корневых и аффиксальных морфем (с. 133). Но она отвергает точку зрения Степановой, утверждающей, что полуаффиксы являются особой словообразовательной категорией, поскольку они функционально параллельны аффиксам. Свои утверждения Кубрякова подкрепляет пятью аргументами: 1. нередкая синонимия препозитивных частиц и чистых префиксов, 2. сходство типов значений, выражаемых препозитивными частицами и префиксами, 3. однотипность семантических связей между препозитивными частицами и основами в словах, образующих словообразовательные ряды, 4. регулярность соотношения производящей единицы и единицы, включающей препозитивную частьцу, 5. взаимозаменяемость препозитивных частиц и префиксов (с. 135). По мнению Кубряковой, специфику полуаффиксов следует видеть не в сфере словообразования, а в их особой структурной характеристике, в том, что они, будучи амбивалентными, могут выполнять функции как свободных, так и связанных морфем (с. 136). В случаях, когда отнесение морфемы к классу корневых или аффиксальных морфем спорно, по мнению Кубряковой, необходимо исходить из словообразовательного анализа, который покажет, как надо трактовать в каждом конкретном случае интересующие нас единицы: как основы сложных слов, как особые частотные компоненты сложных слов, проявляющие тенденцию к превращению в аффиксы, или, наконец, как обычные аффиксы (с. 139). Кубрякова предлагает для этой цели функциональный и структурный анализ. Функциональный анализ ясно покажет, является ли данная единица служебной. Если обнаружится, что анализируемый элемент является служебным, то нужно выяснить, какие функции он выполняет, т. е. относится ли он со структурной точки зрения к собственно аффиксам или к группе относительных аффиксов. Если он относится к относительным аффиксам, то он является относительно связанной морфемой. Служебная относительная морфема является аффиксом, если в языке у нее нет самостоятельного коррелята и если она является частью серии однотипных образований (с. 140, 141).

О теории Степановой об образовании слов путем полуаффиксации пишет также немецкий дериватолог Гримм (Grimm, 1968). Он говорит о двух противоположных взглядах на образование слов с помощью полуаффиксов: Флейшер (Fleischer, 1965) отстаивает мнение, что, говоря о подобных словах, нужно говорить о суффиксах, Генцен (Henzen, 1965) считает их сложными словами,

хотя и не совсем «настоящими». Гримм говорит о проблемах, возникающих при классификации таких слов, как *Wurzelwerk*, *Spielzeug*, *fehlerfrei*. Трудно выяснить, принадлежат ли они к сложным или к производным словам. Гримм согласен с мнением Флейшера, полагающего, что морфемы типа *-kraft*, *-werk*, *-zeug* – омонимные суффиксообразовательные морфемы с существительными *Kraft*, *Werk*, *Zeug*. Существование промежуточных типов он объясняет передвижением из центральной системы композиции или деривации на периферию этой системы. Гримм пишет, что предметом спора является главным образом разграничение словосложения и словоизводства и что нет надобности говорить о каком-то переходном типе словообразования путем «полусуффиксации».

Степанова возвращается к проблематике полуаффиксов в своей последней работе (Степанова, 1968), в которой она реагирует и на критику ее теории о полуаффиксации. Она утверждает, что различия в мнениях исследователей сводятся, по существу, только к вопросам терминологического характера. Далее она пишет, что Кубрякова, в сущности, признала промежуточный характер полуаффиксов, употребляя только другое название: «относительно свободные» или «относительно связанные морфемы». В основном Степанова придерживается своего прежнего мнения, что полуаффиксация является словообразовательным способом, равноправным со словосложением и словоизводством. Она подчеркивает служебный характер полуаффиксов, проявляющийся в их распределении и функциях. Ссылаясь на свою более раннюю работу «Словообразование современного немецкого языка», она пишет: «Компоненты рассматриваются как полуаффиксы тогда, когда они, не теряя ни формальной, ни частичной семантической связи с корневой морфемой: 1. обозначают, как и аффиксы, широкую словообразовательную категорию (лица, собирательности, предметности, усиления и т. п.); 2. отличаются значительной продуктивностью; 3. могут конкурировать с подлинными аффиксами или же разделять с ними область действия» (с. 105, 106). В последнем высказывании Степановой видна близость ее взглядов к взглядам Кубряковой в вопросе о амбивалентности этих морфем.

До сих пор мы говорили прежде всего о сущности полуаффиксов, об их морфологических и семантических свойствах. Остается еще решить вопрос о названии этих морфем. Кубрякова отвергает термины полуаффикс, полупрефикс, полусуффикс не потому, что в них есть «что-то одиозное». Она говорит, что считает их удобнее своих терминов «относительный префикс», «относительный суффикс». Она возражает против них потому, что они указывают на половинчатость функции, а это не соответствует действительности. (Кубрякова, 1974, с. 136). К мнению Кубряковой можно добавить, что термины «суффикс», «префикс» сами по себе наводят на мысль о недостаточной

семантической силе аффиксов, чего нельзя сказать даже о тех аффиксах, которые большинство исследователей считает суффиксами, т. е. о морфемах типа *-вод*, *-вед*, *-ход*, *-образный*, *-видный* и. т. п.

Вопросом названия морфем с ослабленным лексическим значением занимался также Черепанов (1968). Он констатирует, что нет подходящего термина для этих морфем. Он считает более точным название «префиксOID», которое он и употребляет в своей статье. Шанский (1959) употребляет термин «словоэлемент», взятый у Виноградова. Постпозитивные морфемы *-вод*, *-вед*, *-носец*, *-видный*, *-образный*, *-творный*, *-подобный* он называет «словообразовательным элементом»: «... среди сложных слов находятся и такие, в которых опорная основа в известной степени потеряла свое конкретное лексическое значение и превратилась в своеобразный словообразовательный элемент (разрядка *наша*), аналогичный суффиксу (напр., *музыкoved*, *пчеловод*, *орденоносец*, *медоносный*, *шаровидный*, *порошкообразный*, *болезнетворный*, *мужеподобный* и т. д.)». (Шанский, 1959, с. 108). Термин «словоэлемент» употребляет также Сорокин (1965). По отношению к описываемым морфемам Виноградов употребляет термин «суффигированный словоэлемент»: «...сложные слова книжно-официального языка, образованные и вновь образуемые посредством суффигированного словоэлемента (разрядка *наша*) – носец для означения лица, наделенного правом постоянного ношения какого-нибудь предмета или обязанного носить что-нибудь». (Виноградов, 1947, с. 105). Термин «глагольная морфема» мы находим в «Грамматике русского языка» (под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. В. Бархударова 1953): «...наиболее продуктивными вторыми частями сложных слов являются глагольные морфемы (разрядка *наша*) *-вар*, *-вед*, *-вод*, *-воз*, *-дел*, *-кол*, *-коп*, *-лов*, *-мер*, *-мет*, *-провод*, *-рез*, *-строй*» (с. 273, 274). Менее известный термин «субпрефикс» употребляет Крашенникова (1965).

Из сказанного выше вытекает, что для частотных морфем с ослабленным значением очень трудно найти точное название, которое соответствовало бы основным признакам этих морфем. Ни в одном из приведенных нами терминов не отражен промежуточный характер морфем, образующих переход между корневыми и аффиксальными морфемами. Все исследователи сходятся во мнении, что такой компонент слова остается преимущественно корневой морфемой, поскольку он более или менее сохраняет связь с исходным полнозначным словом. Поэтому для его наименования нельзя употреблять выражение, содержащее элемент «-суффикс», «-префикс». Поэтому слова, образуемые приведенными морфемами относятся к сложным словам (см. выше-приведенные цитаты).

Исследуемые морфемы как компоненты сложных слов с точки зрения их семантики образуют по крайней мере две группы: 1. Морфемы, отличающиеся от полнозначных компонентов сложных слов только тем, что они стали

продуктивными, соединяются со множеством основ, образуя таким образом открытые ряды слов, которые могут постоянно пополняться новыми словами. Момент абстрактности и служебности у них отпадает. Это преимущественно препозитивные компоненты. Мы подробно разбирали их в наших работах и должны признать их полнозначными, хотя иногда они отклоняются от значений, которые имеют их самостоятельные корреляты, и в качестве связанных морфем часто приобретают также новые значения (Malíková, 1967, 1968, 1970, 1971, 1973, 1974, 1976, 1977, 1978). 2. Во вторую группу мы включаем морфемы, которые с ослаблением основного значения приобретают обобщающее значение. Но это значение нельзя считать совершенно абстрактным, поскольку даже с синхронной точки зрения видна связь этих компонентов с полнозначными словами (ср., напр., морфемы *-вод*, *-ход* с глаголами *водить*, *ходить*). Это в большинстве своем постпозитивные морфемы, и их можно считать промежуточными, выполняющими функцию суффиксов.

Морфемы, которые мы относим к первой группе, всегда являются корневыми, имеют полное значение, и поэтому их нельзя считать каким-то промежуточным звеном между корневыми и суффиксальными морфемами. Это такие компоненты сложных слов, которые имеют большую валентность. Мы можем применить к ним общее название лексические морфемы. Остается называть компоненты, включенные нами во вторую группу, выполняющие функцию суффиксов, но не обладающие всеми знаками суффиксов. Они отличаются от суффиксов прежде всего своей семантической сущностью, а именно тем, что их значение совпадает со значением корневых морфем в их самостоятельных коррелятах. Из приведенных названий наиболее подходящим нам кажется термин суффигированная морфема, который указывает на позицию морфемы, в отличие от названия «суффиксальная морфема», обозначающего функцию морфемы. В случае препозитивного компонента это будет название префигированная морфема. Приведенные термины не обладают точностью, но мы полагаем, что их можно употреблять хотя бы как вспомогательные при исследовательской работе.

Проблематика так наз. полуаффиксов заключается в определении двух основных фактов: определения их сущности и определения их названия. О существенных знаках полусуффиксов мы уже говорили выше, в итоге мы распределяем их по двум группам. С морфематической точки зрения их можно считать только морфемами, корневыми или аффиксальными, что утверждало большинство исследователей.

Нужно еще подчеркнуть, что необходимо различать препозитивные и постпозитивные компоненты, а значит, первые и вторые части сложных слов. Это важно потому, что значение самих префиксов более конкретно, чем значение суффиксов. Если речь идет об аффиксах, то под аффиксами всегда понимаются префиксы и суффиксы. Подобно тому, как мы различаем полную или

неполную семантику префиксов и суффиксов, с точки зрения семантики нужно различать также первые и вторые части сложных слов. Высокая частотность (главным образом первых частей сложных слов) еще не означает, что морфема превратилась в префикс или в полупрефикс (ср. мнение Кубряковой). Такие компоненты, как много-, мало-, полу-, а также и другие, обозначающие, напр., квантитативные отношения (редко-, густо-, мелко-, высоко-), в словах типа малограмотный, многоместный, полуинтеллигентный, полуsherстяной, редкообитаемый, густонаселенный, мелкозернистый, высококачественный нельзя рассматривать как префиксы, хотя количество слов, образующихся при помощи этих морфем, постоянно растет.

Нужно также учитывать особенности отдельных языков. Нельзя одинаково подходить к образованию слов в германских и славянских языках и делать одинаковые заключения об исследованных морфемах. Мы знаем, напр., что в немецком языке композиция является одним из основных и наиболее распространенных способов образования слов, причем с помощью этого способа образуются самые разные слова соединением не только двух, но и нескольких полнозначных и неполнозначных морфем. В славянских языках этот способ начинает применяться в последнее время именно благодаря первым и вторым составным частям слов и распространяется преимущественно на категорию имен прилагательных. По нашему мнению, можно сравнивать отдельные языки и находить в них параллельные места, а затем и точки соприкосновения, а иногда даже и совпадения (ср. Malíková, 1973).

Мы согласны с мнением Кубряковой (Кубрякова, 1956), что для определения полнозначности или неполнозначности данной морфемы, характер единиц, образующих сложное слово, нужно исследовать с точки зрения их принадлежности к отдельным частям речи и с точки зрения их структурных особенностей. Затем нужно также исследовать корреляцию этих единиц с однокорневыми образованиями, выступающими в качестве самостоятельных слов, а также способ формирования сложного слова в одно целое. Наконец, нужно анализировать семантические связи между компонентами сложного слова и учитывать результаты объединения указанных компонентов в одно целое с grammatical и semantic точек зрения. Добавим еще, что для определения словообразовательной структуры имеет значение также semantic analysis данного сложного слова на основе соответствующего ему словосочетания, или же его присоединение к словообразовательной модели.

ЛИТЕРАТУРА

- АНДРЕЕВ, Н. Д.: Термины типа «лесоводство», «лесоведение», In: Доклады и сообщения Института языкоznания АН СССР 6. Москва, 1954, с. 23—32.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва—Ленинград, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР 1947.
- Грамматика русского литературного языка 1. Ред. В. В. Виноградов, Е. С. Истрин, С. О. Бархударов. Фонетика и морфология. Москва. Изд. АН СССР 1953.
- ГРИГОРЬЕВ, В. П.: Критические заметки о понятии полуаффиксации. In: Cercetări de lingvistică, Anul III., Cluj, Inctitul de lingvistică 1958, с. 189—194.
- КРАШЕННИКОВА, Е. А.: Новое в немецкой грамматике, вып. IV. Словообразование. Москва 1965.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка. Вопросы языкоznания, 1964, № 1, с. 95—100.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: Что такое словообразование. Москва, Наука 1965, 77 с.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: Основы морфологического анализа. 1. Изд. Москва, Наука 1974, 318 с.
- ЛЕВКОВСКАЯ, К. А. (ред.): Степанова М. Д., Словообразование современного немецкого языка. Москва, Издательство литературы на иностранных языках 1953, 374 с. In: Вопросы языкоznания 1955, № 1, с. 147—148.
- ЛОПАТИН, В. В., УЛУХАНОВ, И. С.: О некоторых принципах морфемного анализа слов. In: Известия АН СССР, отд. лит. и языка, т. 23, вып. 3, Москва 1963, с. 190—203.
- МАЛИКОВА, М. О.: Структурные типы слов, образованных лексическими морфемами мало- и много-. In: Recueil linguistique de Bratislava. 3. Red. Ján Horecký. Bratislava, Vydatelstvo Slovenskej akadémie vied 1972, с. 99—107.
- ПОЛЯКОВА, Л. И.: Словообразование имен посредством «полуаффиксов» в современном немецком языке. In: Уч. зап. 1-ого Московского гос. пед. ин-та иностран. языков. т. 7. Грамматический строй языка. Москва 1955.
- СОРОКИН, Ю. С.: Развитие словарного состава русского литературного языка. М.-Л. 1965.
- СТЕПАНОВА, М. Д.: Словообразование современного немецкого языка. Москва, Издательство литературы на иностранных языках 1953, 374 с.
- СТЕПАНОВА, М. Д.: Методы синхронного анализа лексики. Москва, Высшая школа 1968, 200 с.
- ШАНСКИЙ, Н. М.: Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. Москва, Учпедгиз 1959.
- BECKER, W. Das deutsche Neuwort. Eine Wortbildungslehre, 2. Aufl. Leipzig 1933, с. 55—102.
- BEHAGHEL, O.: Die deutsche Sprache. 11. Aufl. Halle (Saale), VEB Max Niemeyer Verlag 1954, с. 223—224.
- FLEISCHER, W.: Entwicklungstendenzen der nominalen Wortbildung. In: Deutsch als Fremdsprache 1965, Nr. 3, 4.
- GRIMM, H.—J.: Einige Gedanken zum Begriff „Halbsuffix“. Sprachpflege, 1968, Nr. 4, с. 78—82.
- HENZEN, W.: Deutsche Wortbildung. Tübingen 1965.
- HENZEN, W.: Deutsche Wortbildung. Halle (Saale) 1947, с. 4—5.
- HORECKÝ, J.: Zložené slová ako názvy osôb. Slovo a slovesnosť, 39, 1978, с. 252—254.
- KLUGE, F.: Abriss der deutschen Wortbildungslehre. 2. Aufl. Halle (Saale) 1925, с. 19 и след.
- MALÍKOVÁ, M. O.: K otázke vymedzenia zložených slov a frekventovaných prvých a druhých častí zložení. In: Štúdie z porovnávacej gramatiky a lexikológie. Red. Š. Peciar. Bratislava, Veda 1974, с. 41—57.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Klasifikácia morfém označujúcich kvantitu z hľadiska morfematického a sémantickejho (Na materiáli ruštiny a slovenčiny). Jazykovedný časopis, 26, 1975, с. 139—149.

- MALÍKOVÁ, M. O.: Štruktúrno-sémantické typy zložení s morfémou málo-/malo- v slovanských jazykoch. In: Čs. prednášky pre VII. medzinárodný zjazd slavistov Warszawa 1973, c. 297—303.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Kompozitá s lexikálnymi morfémami одно-, едино-, моно- в грушине и одно-, mono- в словенчина. Slavica Slovaca, 11, 1976 c. 289—295.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Sémantika morfém dvoj-/двух- и dvoj- в зложенных словах. Československá rusistika, 22, 1977, c. 12—17.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Zloženiny s lexikálnymi morfémami каждо-/еже-, обще-, все- в грушине в сравнении со словенчиной. Slavica Slovaca, 13, 1978, c. 253—263.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Slovotvorná štruktúra slov s lexikálnou morfémou мало- в грушине. Slavica Slovaca, 2, 1967, c. 3—13.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Slovotvorná štruktúra slov s lexikálnou morfémou много- в грушине. Slavica Slovaca, 3, 1968, c. 78—89.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Slovotvorná и сémantická štruktúra slov s lexikálnou morfémou пол-/поло-/полу- в грушине. Slavica Slovaca, 5, 1970, c. 34—47.
- MALÍKOVÁ, M. O.: štruktúrno-sémantická analýza slov s lexikálnymi morfémami málo- и мало- в словенчина. Slavica Slovaca, 6, 1971, c. 233—242.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Štruktúrno-sémantická analýza slov s lexikálnymi morfémami mnoho- и veľa- в словенчина. Slavica Slovaca, 8, 1973, c. 29—36.
- MALÍKOVÁ, M. O.: Štruktúrno-sémantická analýza slov tvorených lexikálnymi morfémami pol-/поло- в словенчина. Slavica Slovaca, 9, 1974, c. 44—59.

Типология реализации фразеологии в тексте

ЙОЗЕФ МЛАЦЕК

В центре внимания подавляющего большинства существующих до сих пор исследований по фразеологии находились основные вопросы этой дисциплины, в первую очередь определение сущности ее единиц (фразеологизмы, фразем), объяснение их структурных особенностей и характеристика отношений, существующих между фраземами и другими единицами языка. Исследование, ведущееся именно в таком направлении, могло привести иногда, правда, в деталях к различающемуся, но в сущности к одинаково понимаемому выделению понятий вариантиности и актуализации во фразеологии. Под этими понятиями, как правило, понимается спецификация противоречий системное – несистемное, узуальное – индивидуальное или устойчивое – неустойчивое.

Приведенной поляризацией одновременно охватываются и основные способы реализации фразеологии в тексте. Тем не менее, внимательное рассмотрение аппликации фразеологии в тексте показывает, что этими способами далеко не исчерпываются все возможности включения фразем в текст. На некоторые другие возможности указали Ньюмайер (Newmeyer, 1974), Мокиенко (Mokijenko, 1977, 1975a) и Левицки (Lewicki, 1976). Тот факт, что некоторые частные вопросы данной проблематики решались то в связи с термином «актуализация», то в связи с термином «трансформация» или же с термином «воспроизведимость» во фразеологии, не является в этом отношении решающим. Но в каждом из этих случаев рассматривались только некоторые способы включения фразем в текст. Именно в таком смысле, частично, скорее как перечисление способов, а не их взаимоотношение, выдвигалась эта проблематика и в некоторых наших статьях (Mlacak 1976; 1977).

Описание общей картины возможностей реализации фразеологии – вопрос еще открытый. Его решение будет предметом настоящей статьи. В то время как в некоторых других фразеологических концепциях «поведение» фразем в тексте считается критерием для отграничения фразем от синтаксических конструкций (Newmeyer, 1974; до него Chafe, 1968), наш анализ ставит перед собой цель проследить то, как такой подход к решению проблемы может

способствовать более динамичному пониманию всей фразеологии в рамках той модели фразеологии, которая считается в лингвистике наиболее распространенной.

Исходным в нашем рассуждении является положение о том, что фразема, как правило, характеризуется конфигурацией нескольких свойств, в частности устойчивости, переносности значения (семантической трансформации) и экспрессивности. К этому можно добавить, что каждое из приведенных свойств может быть представлено в этой конфигурации в разной степени. Между фразеологизмами, следовательно, существуют явные отличия в степени их устойчивости (поэтому Мокиенко мог одну главу своей научно-популярной работы назвать «Устойчивая неустойчивость или неустойчивая устойчивость?» 1975 б), их образности (поэтому иногда сомневаются, напр., в том, принадлежит ли образность к основным свойствам фраземы), а также их экспрессивности. Если к этим фактам добавить еще большие различия в конструкции фразем (на правах фраземы функционируют устойчивые выражения, начиная от несintагматических сочетаний, вплоть до образований, состоящих из нескольких предложений), а также отличия в их коммуникативном значении (одни выполняют специфицированную функцию называния, другие же – специфицированную функцию высказывания), то обнаруживается, что фраземы являются единицами очень разнородными, и особенность эта оказывает большое влияние и при реализации фразеологии в тексте.

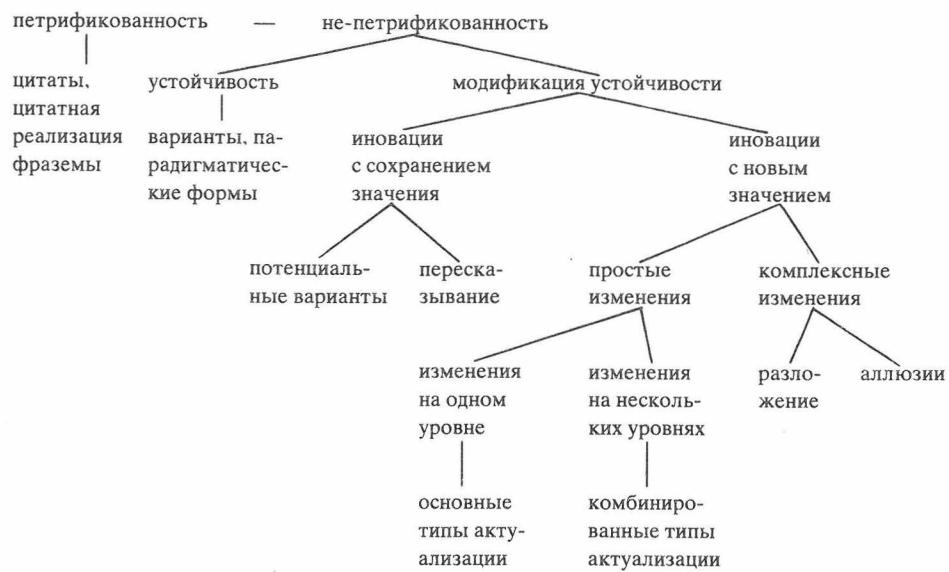
Вторым важным фактором, который необходимо учитывать при трактовке реализации фразем в тексте, является отношение отправителя, автора текста к фразеологии как таковой и к ее включению в текст. Так как фразема в качестве надсловного сочетания носит характер специфического микротекста, при интерпретации этого отношения мы можем пользоваться характеристиками, которыми оперирует теория текста и метатекста, т. е. основной типологией текстовой связи. Мы имеем в виду понятия позитивная и негативная связь („afírmativne a kontroverzné nadväzovanie“—Miko—Popovič, 1978).

И в отношении отправителя текста к фразеологии можно установить применение одного из этих двух крайних полюсов связи или же определенные переходы между ними. Дело в том, что в конкретных текстах мы находим как случаи сохранения автором всех формальных и смысловых свойств исходной формы фраземы (следовательно, это случай отождествления автора со смысловым и оценочным значением фраземы – случай позитивной реализации), так и случаи, когда автор – в разной мере и на разных уровнях – затрагивает устойчивую форму и устойчивое значение фраземы, т. е. случай негативной реализации. Такое обновляющее, негативное отношение к фраземе может притом на семантическом уровне иметь тоже различное значение. В одних случаях такое негативное отношение может иметь и противоречивое семантическое значение (разные примеры антитетической актуализации устойчивого

выражения), в других же случаях такое индивидуальное затрагивание фраземы (уже в этом содержится негативное отношение, как и в предыдущем случае), может служить лишь средством для усиления, модификации устойчивой значимости, причем автор основное семантическое значение фраземы в принципе не нарушает. Мы имеем в виду, следовательно, выражения, в которых автор оживляет, усиливает устойчивое значение, но принципиально его не нарушает. Развивая мысль теории текста о типах связи, мы таким образом, отличаем два уровня указанного отношения отправителя текста к фразеологии. Первое, более общее, относится к более широкому коммуникативному уровню (сохранение фраземы – актуализация фраземы), второе, семантическое, применяется в качестве особого смыслового членения основного негативного отношения (актуализация в согласии со смысловым и оценочным значением самой фраземы, оживление, усиление этого значения – актуализация в противоречии к устойчивому значению самой фраземы или же к ее оценочному значению).

Из вышеприведенного вытекает еще одно важное положение. Различное отношение отправителя текста к фраземе является одновременно и выражением различных отношений к ее основным свойствам. Речь идет о том, что в тексте можно сохранять или, наоборот, ослаблять, напр., устойчивость фраземы; в соответствии с различными отношениями к фраземе можно сохранять или изменять (увеличивать или ослаблять) образность фраземы и, наконец, усиливать или ослаблять можно и ее экспрессивность. Отношение отправителя текста может, таким образом, касаться всех существенных сторон фраземы. Из этого вытекает, что такой подход можно считать вполне оправданным исходным пунктом для характеристики реализации фразеологии в тексте.

Подходя к фразеологии и ее особенностям в тексте с указанной точки зрения, согласно которой при постепенном членении фразеологических выражительных средств всегда учитывается приведенная оппозиция позитивность – негативность, мы можем выделить следующие типы реализации фразем в тексте (см. табл.):

Так как,наряду с общепринятыми терминами (цитата, вариант фраземы, парадигматическая форма фраземы, актуализация фраземы), в данной схеме встречаются и некоторые новые понятия, то в последующем изложении мы даем краткую характеристику и приводим примеры всех приведенных выше типов реализации фразеологии в тексте.

1. Цитатная реализация фраземы. Этот тип мы выделили на основе петрифицированности, которую считаем крайней, высшей степенью устойчивости во фразеологии. В этом случае, однако, нас интересует не выделение петрифицированных фразем. Дело в том, что и полностью петрифицированная фразема может в тексте получить более свободную реализацию по сравнению с цитатой. Напр.: *Čas ozlomkrky na rok z roka/si poskakuje po svete* (Новомески). В данном отношении мы имеем в виду случаи строгого соблюдения автором всех признаков смысловой и формальной устойчивости фраземы. Правда, этот факт нельзя вполне надежно определить, исходя из самой фраземы, так как подавляющее большинство фразеологизмов встречается в различных вариантических формах, причем до сих пор не было определено, какую из этих форм нужно (или можно) считать исходной. Цитатная реализация фраземы устанавливается на основе контекста или ее графического выделения в тексте. При этом выделяется несколько случаев:

а) Фразема вводится вводным предложением, в котором на появление фраземы в контексте особо указывается, или же подчеркивается общепринятое значение или источник данного выражения (Левицки в этой связи говорит

о так наз. тестимониальных выражениях – Lewicki, 1976): *Dedina bola — ako sa povie — na nohách* (из газеты) — *Do večera bol už trochu pod forgom, ako sa hovorí* (Ваянски).

Вводное предложение, однако, не служит универсальным и однозначным показателем цитатного включения фраземы в текст. Если в приведенных случаях оно является выражением позитивного отношения отправителя текста к фраземе, выражением его отождествления с ней, то в других оно может быть проявлением определенной сдержанности автора по отношению к общепринятым значениям фраземы. С формальной точки зрения такой тип реализации фразеологии совпадает с приведенным цитатным способом, но последующий контекст подсказывает, что отправитель занимает к фраземе негативное отношение. Напр.,у Я. Есенского мы читаем: *Keď sa dievča vydá, akoby umrelo, vraví príslovie*. Дальше автор добавляет: *Keby to platilo vždy, iste by...*

б) фразема выделяется при помощи кавычек: *Hoci referát „ťal do živého“, predsa ukázal aj úspechy družstva* (из газеты) — *Všetci „prepadli cez sítu“* (из газеты).

Разновидностью такого приема можно считать случаи графического выделения лишь одного члена данной фраземы: *Majster oddelenia býva často v „dobrej“ nálide* (из газеты) – *Vyrovnávajúci góľ Trnavy „visel“ vo vzduchu* (из газеты). Если путем такого приема не достигаются особые смысловые или, по крайней мере, стилистические сдвиги, т. е. если и после выделения одного слова из фраземы первоначальное значение фраземы остается неизмененным, немодифицированным, этот прием можно оценивать как неоправданный, нефункциональный и, следовательно, ошибочный.

в) Комбинация обоих приведенных элементарных приемов. На фразему в таких случаях указывают графические средства (главным образом кавычки) вместе с вводным предложением: *Nad Lipovou zavládla tichá, hviezdna noc s takým mrazom, „až šindle praskali“, ako hovorili v Lipovej* (Ваянски).

Цитатной реализации фраземы соответствует прежде всего позитивное отношение, но – как мы могли убедиться – в особых условиях контекста этот тип реализации может стать и выражением негативного включения фразеологии в текст.

2. Вариантная реализация фразем. Большинство фразеологических единиц встречается в различных вариантах. При реализации в тексте особенность эта наиболее ярко проявляется тогда, если в том же тексте появляются рядом две (или несколько) формы одной и той же единицы. Следует еще добавить, что этот тип реализации фразем ясно ощущается прежде всего при одном типе вариантическости – при лексических вариантах фразеологизмов. Дело в том, что именно лексические варианты фразем со стилистической точки зрения могут наиболее отличаться друг от друга по стилистическому характеру переменных,

варьирующих компонентов фраземы. Правда, и этот тип вариантности применяется главным образом в соответствии с требованиями контекста; отдельные лексические варианты фраземы включаются в текст прежде всего в согласии с его стилистическими особенностями (в этом лексические варианты фраземы сближаются, по Левицкому, с комбинаторными вариантами в фонологии – Lewicki, 1976, с. 90). В случае «несовместимости» вариантов фраземы со стилистическим характером текста (напр., при появлении вариантов, выходящих за рамки литературного языка, т. е., напр., при вариантах, содержащих в своем составе вульгарные компоненты, – в книжных стилях), возникает реализация, которую необходимо считать ошибочной (ср. Шварцкопф, 1975; Buttler — Satkiewicz, 1960).

Аналогичным способом можно характеризовать и реализацию парадигматических форм фраземы. И здесь мы имеем дело, в частности, со случаями, когда из числа нескольких возможных (допустимых) парадигматических форм данного фразеологизма предпочтение отдается лишь одной из них, причем всех остальных автор в большей или меньшей мере избегает. Но в общем и этот тип реализации фразем основывается на соблюдении их устойчивости, и мы его, таким образом, можем считать – вместе с вариантной реализацией – тоже выражением позитивного отношения автора текста к фразеологическим средствам выражения.

Совсем другую картину можно наблюдать при остальных указанных типах фразеологии в тексте. Факт, что все остальные способы реализации фразеологии мы могли в приведенной нами схеме привести под общим названием модификации или нарушения устойчивости, подсказывает, что включенные сюда приемы можно с точки зрения избранного подхода характеризовать как выражение негативного, неодобрительного отношения отправителя текста к фразеологии и ее оценочным качествам. Как мы уже отмечали, в зависимости от конкретного семантического значения модифицированных сочетаний в этом общем отношении можно дифференцировать два подтипа, а именно: случаи, которые вступают в связь со смысловым значением самой фраземы и случаи, которые и с семантической точки зрения находятся в оппозиции к первоначальному значению фраземы. Как раз на этом основании мы выделили, с одной стороны, инновации, сохраняющие в принципе первоначальное значение фраземы и, с другой стороны, инновации с новым смысловым значением. Так как здесь мы тоже имеем дело с несколькими дифференцированными типами, между которыми обнаруживаются различные взаимосвязи, мы будем каждый из этих способов реализации фразеологии характеризовать в отдельности. Начнем с инноваций, сохраняющих основное значение фраземы неизмененным. Это, в первую очередь, так наз. потенциальные варианты и так наз. пересказывание фраземы.

3. Потенциальный вариант фраземы. Речь идет о таких реализациях фраземы, при которых отправитель текста в некоторой степени обновляет устойчивое строение фраземы, но ее значение он в принципе соблюдает. Типичным примером такого рода приема служат многочисленные фраземы, создающие определенные предпосылки, напр., для пополнения некоторого общего с семантической точки зрения элемента определением, причем такое пополнение не нарушает смыслового значения исходной фраземы. Это тип, на который в специальной литературе уже неоднократно указывалось, но который, вопреки тому, до сих пор нигде еще не был четко и комплексно выделен. Его относили то к т. наз. индивидуальным вариантам, причем оставалось не совсем ясным место этого явления между настоящей вариантностью и актуализациями во фразеологии (ср. некоторые наши статьи), то характеризовали его только описательным способом как т. наз. семантическую инновацию (напр., Lewicki, 1976). Мы имеем в виду, напр., такие типы: *mať podiel na niečom, pri niečom* — *mať veľký (podstatný, závažný ...)* *podiel na niečom*; *dostať sa do kaše* — *dostať sa do veľkej (poriadnej ...)* *kaše*.

В принципе таким способом можно объяснить сравнительно широкую лексическую вариантность при некоторых фраземах. Если, например, в Малом фразеологическом словаре (Smiešková, 1974) приводится форма одной фраземы следующим образом: *mať jedovatý (ostrý, pichlavý, štiplavý a pod.) jazyk* (с. 90), оказывается, что на соответствующем месте данная фразема допускает значительное лексическое варьирование, которое можно и индивидуально модифицировать. Но этот пример указывает и на следующее: если такой индивидуальный вариант удовлетворяет основным требованиям (сохранение значения при инновации строения фраземы), то при большем распространении он способен превратиться в общепринятый лексический вариант данной фраземы. Именно на основании того, что здесь встречаемся с дополнением, реализацией потенций самой фраземы, мы назвали этот тип потенциальным вариантом фраземы.

Вышеприведенное одновременно ярко определяет место этого явления в системе фразеологических категорий и показывает, что в случае выполнения приведенных требований, данное явление необходимо однозначно оценивать как вариант фраземы, а не актуализацию. Тем самым в одном пункте уточняется и довольно нечеткая граница между обеими этими категориями фразеологии.

4. Пересказывание фраземы. Этим названием, заимствованным нами из литературоведческой терминологии, обозначаем такую реализацию фразеологических единиц, при которой определенная фразема развивается в целый абзац, тематизируется, но ее собственное значение притом в принципе сохраняется, не актуализируется. Мы имеем дело с такой реализацией фраземы,

какую представляет, например, работа Рысули «Волшебство поговорок» (*«Čaro pohrédie»*). Автор путем пересказывания как будто бы хотел более широко объяснить внутреннюю форму фраземы или же обстоятельства и приемы ее фразеологизации. Это опять-таки общий прием негативный, конкретное семантическое отношение одобрительное, но в отличие от предыдущего типа, при котором возникала лишь микротекстуальная инновация, здесь инновация затрагивает более широкие композиционные качества данной фраземы. В этом приеме, как правило, сочетаются различные подходы к фразеологии (так как иногда в этих случаях присоединяются, хотя бы в намеках, и моменты актуализации), поэтому его можно считать комбинированным типом реализации фразеологии.

Все остальные способы реализации отличаются затрагиванием устойчивого значения фраземы и таким образом они включаются в широкое понятие актуализация фраземы. Однако уже предыдущий анализ показал, что и этой области необходимо видеть несколько способов реализации фразеологии в тексте. Обыкновенно различались, например, морфологические синтаксические, лексические и комплексные актуализации. Применяемый нами прием, который исходит из способов реализации, позволяет выделить и другие подтипы и одновременно дать их более точную характеристику.

5. Основные типы актуализации. Речь идет о такой реализации фразеологии, при которой изменение значения фраземы достигается путем изменения на одном уровне строения фраземы. Сюда относятся, в частности, те основные типы, которые уже были выделены, т. е. морфологическая, синтаксическая и лексическая актуализации, но в качестве основного типа – именно по принципу реализации – необходимо выделить и семантическую актуализацию. К ней принадлежат случаи, в которых как раз контекстуальная реализация подсказывает, что фразему надо читать «буквально», по смыслу ее компонентов. С точки зрения встречаемости и частотности этот тип реализации фразеологии относится к самым продуктивным приемам (главным образом в публицистике, у некоторых авторов художественной литературы, а иногда и в разговорном стиле).

Специфическим признаком реализации основных типов актуализации является то, что при инновации только на одном уровне строения фраземы, на других уровнях черты устойчивости соблюдаются и, таким образом, и вопреки значительному расхождению значения нового сочетания, всегда ярко осознается его связь с устойчивым значением исходной фраземы. Именно определенное колебание нового выражения между обоими этими значениями бывает и признаком оправданного затрагивания исходной фраземы. Проблематичными или совсем ошибочными бывают лишь такие инновации, при которых возникает противоречие между исходным и новым значением, или

между значением целого и значениями его частей (напр.: *Úroda v rukách počasia. — Úspech dostihov v rukách koňa*). Такие актуализации являются насилистенными и поэтому в большинстве случаев и стилистически нес соответствующими. Они встречаются довольно редко, напр., в публицистике.

6. Комбинированные актуализации фразем. Отличаются тем, что инновация затрагивает одновременно, по крайней мере, два уровня языкового строения фраземы. В их число входят, напр., выражения, возникающие путем лексической и синтаксической актуализации (напр.: *Chut Košičanom rástla chybami hostí* – из газеты) или путем актуализации на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях (напр.: *A to by bolo hádam všetko, čo som mal na srdci a nepeschal si ani na jazyku*. – из газеты).

К этой группе реализаций можно отнести и такие комбинированные типы, какие представляют собой расщепления фраземы (напр.: *Tichá voda medzi nami brehy podmýva*. – Штрассер), более простые контаминации фразеологизмов (напр.: ... to zrak vyvracia slepé oči väšne – Бузаш) и усечение фраземы (*Koľko rečí vieš...*).

7. Разложение, деструкция фраземы. К этому типу принадлежат такие случаи реализации фраземы в тексте, в которых происходит полное нарушение устойчивого строения фраземы, или, по крайней мере, некоторых сторон этого строения. Напр.: *Vo výkriku/je slovo, zapichnuté v hrdle,/vytráža dych. Slovo.../... to na jazyku. Ale čo na srdci? / Čo v jeho tmavých komorách,/kde krv tichne ako pri rozlúčke?* (Штрассер) — *Ó, kto do teba kameňom/neúprosne hovorí? Kto? / Ty sám / vo vykradnutých rukách nenájdeš chleb / na odplatu.* (Штрассер).

Границы такого рода реализации фразеологии очень широки. Сюда можно включить как типы, представленные вышеупомянутыми примерами из поэзии Я. Штрассера (в тексте находится целая фразема, но она разложена в контексте), так и случаи, где остались уже только следы признаков исходной фраземы (к ним относятся, в частности, сочетания, в которых употребляется новое слово, производное от фраземы, напр.: *Nestačilo ti desať rokov larifárikovania?* — *Po nekonečných sodomo-gomorských časoch...* – Зелиенка; в чешеславацкой специальной литературе это явление до сих пор не подвергалось более детальному изучению, но результаты исследований советских и польских фразеологов доказывают реальное существование этого типа реализации фразеологии – Ройзензон, 1973; Lewicki, 1976).

В этот тип реализаций входят, наконец, и более сложные фразеологические контаминации, прежде всего в случае, когда происходит скрещение фразеологических элементов с нефразеологическими. Напр.: ... *budúťa mať na britvičkách holiči* (Валек). Новое выражение возникло в результате контами-

нации фразем *tať niečo na jazyku* и *jazyk ostrý ako britva* (с модификацией *britva — britvička*), причем соседство слов *na britvičkách* и *holiči* передвигает его значение к более буквальному.

8. Аллюзии на фразему. Уже последние случаи, наиболее свободно входящие в предыдущий тип, подсказывают существование еще более свободной реализации фразеологии. Речь идет, в сущности, уже о выражениях с нефразеологическим значением, которые лишь некоторой своей стороной напоминают какую-нибудь фразему. Напр.: *Nielen pivom sa Plzeň žíví* (из газеты — аллюзия на крылатое выражение *Nielen chlebom je človek živý*). Для обозначения такого выражения Ройзензон применил термин «фразеологический намек» (Ройзензон, 1973), цитированный А. М. Левицки в этой связи употребляет, в согласии с литературоведческой терминологией, обозначение «фразеологическая аллюзия» (Lewicki, 1976). Так как в чехословацкой теории текста и метатекста (Miko — Popovič, 1978) употребляется этот второй термин, приводим его и мы в нашей работе. С точки зрения прослеживаемой полярности отношения отправителя к фразеологии аллюзия является внутренне противоречивым приемом. Отправитель стремится другими средствами выразить или же намекнуть на то, что выражается исходной фраземой (в этом содержится элемент позитивности), но выражает он это отличными выразительными средствами (это, наоборот, элемент негативности отношения).

С целью относительной полноты нашего анализа мы должны констатировать, что, кроме вышеуказанных особых приемов, существуют еще и комбинации двух или нескольких приемов в одном и том же тексте. Так возникают особые фразеологические фигуры. Наиболее распространенной среди них является т. наз. фразеологический образ, характеристику которого мы дали уже в другой нашей статье (Mlacak, 1976).

Весь анализ доказывает, что избранный подход к фразеологии, т. е. подход на базе текста, с точки зрения исследования продуктивен, так как, с одной стороны, он позволяет идентифицировать новые категории в области фразеологии и, с другой стороны, он избегает определенной статичности во взгляде на фразеологию, а тем самым создает предпосылки для лучшего понимания динамики, развития фразеологии вообще.

- РОЙЗЕНЗОН, Л. И.: Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд 1973, 223 с.
- ШВАРЦКОПФ, Б. С.: О «внешней границе» нормы фразеологизма. Вопросы фразеологии. 7. Самарканд 1975, с. 43—49.
- BUTTLER, D. — SATKIEWICZ, H.: O typach błędów frazeologicznych. Poradnik językowy, 1960, № 1, c. 12—29; № 2, c. 49—67.
- CHAFE, W. L.: Idiomaticity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm. Foundations of Language, 4, 1968, c. 109—127.
- LEWICKI, A. M.: Wprowadzenie do frazeologii syntakticznej. Teoria zwrotu frazeologicznego. Katowice, Uniwersytet Śląski 1978, 120 c.
- MIKO, F. — POPOVIČ, A.: Tvorba a recepcia. Bratislava, Tatran 1978, 386 c.
- MLACEK, J.: Frazeológia v Mináčových esejistických knihách. Slovenská reč, 41, 1976, c. 144—152.
- MLACEK, J.: Frazeológia v slovenskej próze. In: Studia Academica Slovaca. 6. Red. J. Mistrík. Bratislava, Alfa 1977, c. 373—387.
- MOKIJENKO, V. M.: Aktualizace ve frazeologii. Československá rusistika, 22, 1977, c. 201—205.
- NEWMEYER, F. J.: The Regularity of Idiom Behavior. Lingua, 34, 1974, c. 327—342.
- SMIEŠKOVÁ, E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1974, 296 c.

ЛИТЕРАТУРА

- МИКИЕНКО, В. М.: Искажение фразеологического образа и семантическая динамика фразем. Проблемы русской фразеологии. Тула 1975а, с. 33—44.
- МОКИЕНКО, В. М.: В глубь поговорки. Москва, Просвещение 1975б, 174 с.

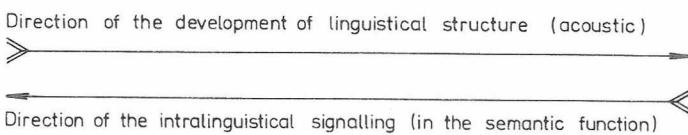
LUDOVÍT NOVÁK

As is generally known, one of the main theses of Ferdinand de Saussure, the founder of modern structural linguistics, says: the development of linguistic structure (*corps phonique de la langue*) is from the acoustic point of view in a straight line of one direction and develops in time. This is natural, as we are dealing here with the development of an acoustic structure composed of articulated sounds, which may be implemented only gradually, one after another in time. De Saussure also stresses here rightly the unidirectionality, which cannot be reversed and so certainly coincides with the direction of the physical (as well as of physiological, biological) flow of time.

But it must be stressed, that viewed from the aspect of dialectical analysis this is incomplete, because perspectively it is a one-sided view of the development of linguistic structure. At the same time it is also necessary to formulate clearly a backwards direction, too, dialectically inseparable from it, i.e. a semiological, signal-like directionality. This statement should be understood in this way: primarily not only individual words are signs mostly of extralingual reality (or of interlingual contextual relations) but also the words in utterances, and thus also in the sentence, unless one has to do with a one-member sentence, expressed by a single word (of the type *Fire! Enough! Yes!*) are of mutually signal-like character (this relation obtains only for interlingual contextual elements). This mutual signalling happens in the following way: the second word is the sign of the first; the third of the second, but also, at the same time, of the first through the second; the fourth of the third, but also, at the same time, of the second through the third and also of the first through the second and so on, of course in different degrees, in mutual tension due to they being framed into syntagmatical relations, expressed by the word order, whether objective or subjective. Finally it follows logically that the whole sentence structure closed in its completeness is the integral sign of the external, relatively minimal complete event or reality (in its further dynamic completeness the signalling is done by the order of sentences, and that from the speaker's point of view by means of an

uninterrupted sequence of sentences, in the case of at least two speakers by means of a dialogically alternating order of sentences).

Thus one can rightly establish the existence of a dialectically antithetic direction, opposed to the direction of linear development of the linguistic structure: it is hierarchically a higher semiological, signal-like direction. Graphically:

This simple scheme accounts for the well-known psycholinguistic fact, that the meaning of the word, which is anticipated in the speaker's consciousness before it has been pronounced (or at least partially — in the case of a reader who proceeds in a global manner), is only normally understood after one has taken in (in sound or in graphical shape) the sign of the word as a whole. Mutatis mutandis this applies, in principle, also to syntagmas, clauses, sentences and even to the sequence of sentences in coherent contexts.

Thus a distinct dialectical tension arises between the acoustic (and/or the graphical) and the semantic components of the linguistic sign regarded as an indivisible whole. This happens, primarily, in each of its individual segments and then, secondarily, by further complicated gradations in different structurally-significant language levels.

Another drawback of to-day's semiology (as a discipline superordinated to linguistics, and subordinated to sociology, a discipline still not completely built-up after more than half a century since its foundation), and, as a consequence of this, also of today's linguistics (which is concerned with linguistic signs and so, in its relation to semiology, is a subordinate partner) is its unsatisfactory, inadequate analysis of signal-like structures, especially of those which — like language — are of linear character (primarily in its fundamental acoustic form, secondarily in its graphical written form).

This structure might be schematized with the usual graphical representation, taking an abscissa as a conceptual whole:

If this graphic symbol is to denote neither the illustration of the movement from point A to point B nor any purely Euclidean loci of some points, but an indivisible structural whole, as understood by modern Gestaltpsychologie, then it must be mentally analysed not only in a perspective pointing from A to B (this would be only a graphical symbol of movement in space and time), but also dialectically backwards, in a perspective pointing from B to A at the same time. Only in this way can one

conceive of the indivisible whole of the abscissa as a structural unitary completeness. A similar remark concerning the signal-like aspect of a sign was made above when we insisted on the completion of the Saussurean unilinear direction of the language structure, identical with the flow of time, by its dialectically antithetical semiological direction in the same language structure. Here, however, we have to do with the acoustic structure as such, as complete structure, its complete understanding and an attempt at its further structural analysis.

And here, in our view, we have to stress that an adequate analysis, the most abstract but still quite real, can state the thesis that this structure has inevitably three essential elements, i.e. the *beginning*, the *middle*, and the *end*. This is a generally, almost trivially known fact, frequently used even in very scientific analyses, and almost at every step also in linguistics itself. But as far as I know, nobody has attempted a satisfactorily clear semiological analysis of the relation existing between these essentially structural components of any organic structure, and especially of linear structures of a lingual character.

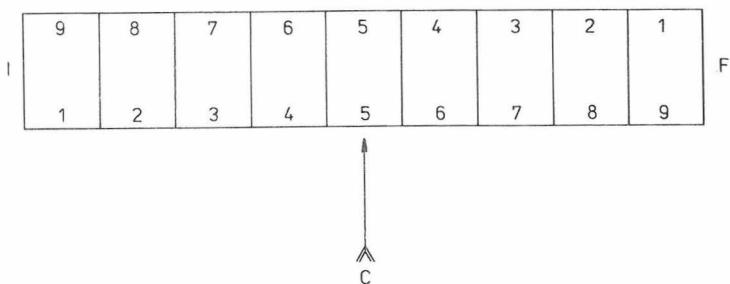
In our view, in this case, too, the signal-like linear structure must undergo further semiological analysis, and these axiomatic fundamental theses are to be adequately formulated:

1. *Every linear structure has a beginning, a middle and an end.*
2. *The end is the sign of the beginning.*
3. *The signal-like relation of the end to the beginning is performed through the middle, which is the function of this signalling.*

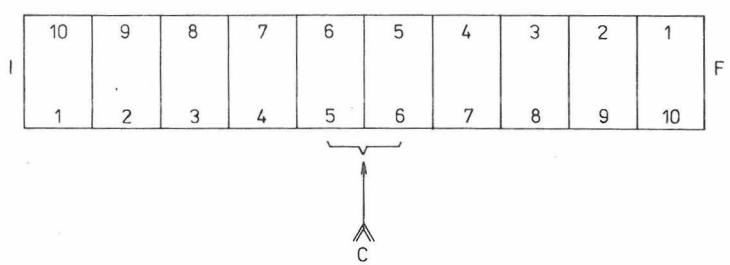
However, it must be realized, that we have to do with an abstract scheme, comparable to the scheme length — broadness — height in the tridimensional space. This scheme is of course also only abstractly conceivable, but it has a similar structure (broadness is the sign of length and, on the other hand, height-depth on the intersection of length and broadness is the function of this relationship). Besides, the abstract system beginning — middle — end, is able to produce a statement about the structure of reality, although the said ability is, from the analytical point of view, extremely abstruse and further indivisible, but it is still real, even with regard to the scientific understanding of the analysis of structure of external reality, existing independently of our consciousness.

To avoid misunderstanding, let us adduce another real, existing structure, which is, in a way, parallel to the linguistic structure: let us conceive a most regularly constructed iron staff of accurate cylindrical dimensions with the smallest possible base, a relatively bigger height, with circular layers of molecules of iron atom (Fe), composed only of atoms of pure iron, that is to say without its isotopes, and with the layers in odd number. Immediately afterwards let us imagine another such staff with circular layers of iron molecules in an even number. If we then start to make the analysis of the forms of these staffs in which one commonly sees two ends we must, when analysing the iron staff, e. g. when we take it mentally into our hands for some

practical use, determine for our evaluation and for our use where one has its beginning and end, and then on the basis of this determination, one must further find also where one has its middle. With the staff, whose layers constitute an odd number, there is no problem. For instance, when we choose deliberately a staff with a small number of layers for further schemes, let us say 9, the middle will be naturally at the 5th layer, whether we count them from the beginning to the end or from the end to the beginning (in our schemes we use the initial letters of Latin words : *I* = *Initium*, *C* = *Centrum* [instead of generally used *Medium*], *F* = *Finis*) :

But on the other staff with an even number of circular layers, say ten, the middle would be conceptionally and empirically unbreakably in two layers at the same time, at 5(6), and 6(5) together

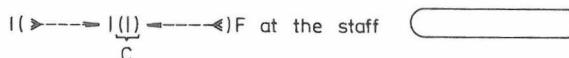

The objection against this, that the middle is only between the two layers, 5(6) and 6(5), would be possible from the structural and abstract viewpoint, but with regard to the empirical reality, it is quite impossible. It is so, because we are dealing here with a continuous whole, where the individual layers form parts, and there are not any conceivable breaches or empty gaps between them (as soon as such a conceivable breach becomes real, e. g. when suddenly broken or cut, that very moment we would have two staffs from the original one. These two, with their dimensions, would be half as great as the original one, but each would be again equally individually complete).

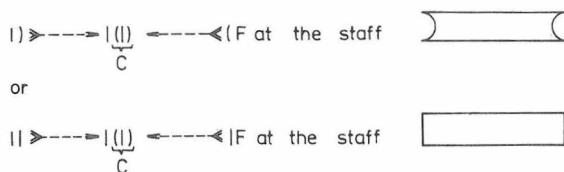
But one could more justly object thus : to the centre two more layers might be added from the left and from the right 4(7) and 7(4), and in cases of longer staffs with

greater numbers of circular layers still others could be added, always from the left towards the beginning, and from the right towards the end. Certainly this could be done. And so the single layer with the odd number of layers (= our first case) and two layers taken together with the even number of layers (= our second case) could be denoted as centres in the narrowest, still empirically real meaning, whereas the other ones, gradually more and more broadened in both directions could be denoted as centres in the broader sense. Now one should not be afraid of such a way of reasoning : by adding layers in such a manner, one would reach the very beginning from one side, and the very end from the other. In such a case one could say then that the whole staff, as an empirically indivisible entity, is the centre in the broadest, empirically realized sense of the word.

If, however, we proceeded contrary to this, i. e. from the centre to the beginning as well as to the end, conceivably at the same time, and if we left only two layers, the initial one at the beginning and the final one at the end, then we would be able to say plastically, in accordance with the given semiological analysis, the following : the first layer distinguishes itself by the fact, that the layers following it proceed gradually towards the centre and afterwards, in another partial aspect, they grow in number at the end, whereas at the last layer they end ; in other words — evaluated backwards — they proceed similarly, in a parallel manner, from the end to the centre and then only again, partially in the other aspect, to the beginning. Concretely in the simplest projection (the case of the even layers is marked by parenthesis) :

The concreteness would become still greater, if the staff on the outside ended spherically and on the inside with a cavity in a very regular manner, thus, e. g.

In all these concrete cases we should see that the final layer is a back (retrospective) sign for the starting layer, especially plastic and concrete at the second and the third scheme, as if this final layer were a mirror picture, an opposite copy, a negative of the starting layer. Now, just as we have spoken about the centre in the narrowest sense, then in an ever broader sense up to the empirically broadest sense, where it is already identical with the staff viewed empirically as a complete entity, so we can also mentally continue, in a parallel manner, from the beginning up to one or two layers of the middle and again, in the contrary direction, from the end up to one or two of the same middle and we can then say that the two, three and further layers are in an ever

broader sense beginnings or, respectively, ends. In the broadest sense we would thus reach one or two layers of the centre and both the beginning and the end would reach the same layers, even if from different perspectives, by degrees. Thus we would then understand correctly the structural character of the trinity beginning—middle—end and its empirical realization both in the narrower and in the broader sense.

After this indispensable concrete approach to our problems, taken in order to lessen the danger of misunderstanding our explanations, which are rather abstruse owing to the nature of the matter, we can now proceed to consider some further consequences of our approach, keeping in mind their interrelated logical sequence.

From the empirical point of view it is evident that one has to do here with the sequence : 1. beginning, 2. middle, 3. end.

From the hierarchical point of view certainly the most important is the beginning, because from it the whole structure receives its "origin", its foundation and on this foundation, its point of departure, all the structure is further "developed". Hierarchically parallel, in the second place, is the end, which is in a dependence relationship, because in it again the whole empirical structure closes down. Finally, the third place is occupied by the middle, which represents the transition zone from the beginning to the end, the developing process being almost unnoticed, mostly quite hidden. So the hierachic relative sequence is: 1. beginning, 2. end, 3. middle.

From the semiological point of view there is again another relative sequence : here, on the contrary, the first place is occupied by the end, because it is the sign of the beginning. But as the function of marking the beginning by the end is done through the middle, the second place is occupied by the middle. And so the very last, third place is allotted to the beginning. So the semiological relative sequence is: 1. end, 2. middle, 3. beginning.

From the central point of view, a well-balanced and the last possible, structurally adequate view, there is again another relative sequence. To be able to understand its correctness, let us have a look at the first three relative sequences. While the empirical sequence is still relatively concrete, the hierachic sequence as well as the semiological one, serving the evaluating purposes, are rather abstruse. Besides, the hierachic sequence — just as in fact the empirical one — starts from the beginning, while the semiological one starts from the end. So we can justly assert that there exists another, the fourth and at the same time the last structural analytic abstruse sequence. This is also derived from a correct point of view, that is to say from a middle, well-balanced approach, analysing at the same time the whole empirical structure from the perspective of the middle, therefore from the perspective, which is inseparably balanced on both sides.

Then we can proceed reasoning analytico-synthetically in the following way:

a) from the middle at first to the beginning, because it is the first in the hierachical sequence and only then to the end.

This would not be, however, a well-balanced approach in view of the central position of the middle in the empirical sequence on the one hand and in the semiotic sequence on the other, because in this sequence the middle always has the second place. It is therefore necessary to admit, in accord with the facts, that the middle is the function of the end as the symbol of the beginning, that there is also a contrary analytic approach at the same time :

b) mentally from the middle at first to the end, in accord with the semiological sequence, and only then to the beginning.

This central sequence cannot be simply outlined in such a linear sequence as were the first three and the numerical symbol itself can at most be used in a particular sense about the centre, which must be marked as 1. (As a matter of fact, for that special sense some "1" would be more adequate, or a graphically more plastic two-sided Roman I.) For the further two structural elements we need to use a more complex marking : for the beginning $\frac{2}{3}$ and for the end $\frac{3}{2}$ in the first conceptual analysis and soon afterwards for the beginning $\frac{3}{2}$ and for the end $\frac{2}{3}$ in the second conceptual analysis. Afterwards, for the beginning $\frac{2}{3} \frac{3}{2}$ and for the end $\frac{3}{2} \frac{2}{3}$ synthetically indivisibly, preferably these should be represented each in a special circle, but we do not insist on this, for typographical reasons. Thus one would mark graphically most simply and most adequately the very specific character of the central and at the same time the balanced sequence, reminiscent of the markings used about fields in physics, e. g. the electromagnetic field. Thus the central sequence is : "1" (I) middle ; $\frac{2}{3} \frac{3}{2}$ beginning ; $\frac{3}{2} \frac{2}{3}$ end.

Thus, to summarize one can add to the division of sequences into concrete (empirical) — abstract (hierachical, semiological and central) also a further division of sequences into linear (empirical, hierachical and semiological) — areal (central).

The simplified scheme of all the sequences looks like this :

		Sequence	I (beginning)	C (middle)	F (end)
Concrete	Linear	1. Empirical	1	2	3
		2. Hierarchical	1	3	2
Abstract	Areal	3. Semiological	3	2	1
		4. Central	$\frac{2}{3} \frac{3}{2}$	"1"	$\frac{3}{2} \frac{2}{3}$

From the above table one can see the special feature of the beginning which is twice, in both first sequences, marked as 1, only once as 3, but never as 2. Admittedly the symbol $\frac{2}{3} \frac{3}{2}$ contains 2 in two cases, but as has already been stressed, it is used in the total numeric symbol dependently because of the inseparable mental connection with the equally dependent number 3, just as on the contrary $\frac{3}{2}$ is found at the end, to which mutatis mutandis the same applies.

Similarly, the characteristic of the middle is clear at first sight : it contains 2 twice, from which one occurrence is in the very first empirical sequence, and only once "1"

(in a special sense) and also only once 3. Besides it is the centre alone that contains only independent numbers ("1", 2, 2, 3), while the symbols $\begin{smallmatrix} 2 & 3 \\ 3 & 2 \end{smallmatrix}$ and $\begin{smallmatrix} 3 & 2 \\ 2 & 3 \end{smallmatrix}$ are missing. But one must always bear in mind — we stress this again — a somewhat different aspect of the number 1 for the centre (i. e. "1" or I) in the fourth, balanced sequence, because we have here to do not with a simple linear sequence but rather with the "point of departure" of the areal "sequence".

Finally, also the end is characterized, though not so clearly at first sight, by an original number mark, found neither in the beginning nor in the middle, rising in the first three sequences in the evaluating progression from the last one, i. e. 3, through 2 to 1. No number is repeated here: if the number 1 were repeated twice, this would contradict the characteristic of the beginning; if the number 2 were repeated twice, this would contradict the characteristic of the middle and finally, if one repeated the number 3, belonging to the end of the empirical sequence, this would onesidedly reduce the importance of the end in relation to the beginning and the middle. If we do not take into account the fourth sequence, where even for the end only a dependent 3 is inseparably connected with the dependent 2, thus $\begin{smallmatrix} 3 & 2 \\ 2 & 3 \end{smallmatrix}$ (which is parallel to $\begin{smallmatrix} 2 & 3 \\ 3 & 2 \end{smallmatrix}$ for the beginning) and where then the end has, in a sense, the same value as the beginning, but at the same time shares with it some disadvantage of dependency from its relation to the centre position of the middle; one finds that the occurrence of all the three numbers (3, 2, 1) here characterizes the end. Finally, beginning with the empirical sequence the counting is: 3, 2, 1, but the sequence must be at once conceptually reversed because of the par excellence signal-like character of the end, and it must be so turned into the sequence 1, 2, 3, thus starting from the semiological sequence through the hierarchical up to the empirical one.

For the greater clarity of what we have just explained in detail we add a summary table of the number sequences:

Number of sequence	I (beginning)		C (middle)		F (end)	
	Occurrence	Sequence	Occurrence	Sequence	Occurrence	Sequence
1	2	Empirical Hierarchical	1	Central	1	Semiological
2	—	—	2	Empirical Semiological	1	Hierarchical
3	1	Semiological	1	Hierarchical	1	Empirical
$\begin{smallmatrix} 2 & 3 \\ 3 & 2 \end{smallmatrix}$	1	Central	—	—	—	—
$\begin{smallmatrix} 3 & 2 \\ 2 & 3 \end{smallmatrix}$	—	—	—	—	1	Central

Finally, we add a table summarizing the binary oppositions:

a) beginning — not beginning (I—I°),

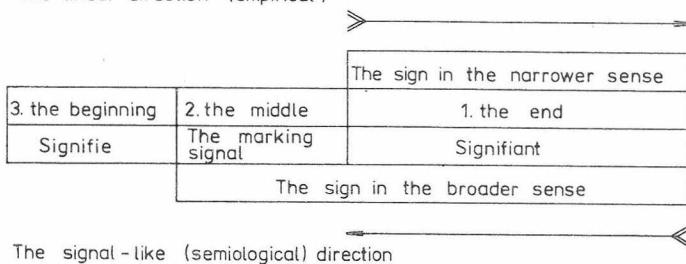
- b) middle — not middle (C—C°),
c) end — not end (F—F°):

	I (beginning)	C (middle)	F (end)
Beginning	I		I°
Middle	C°		C
End	F°		F

To preclude an objection, which may seem not quite unjustified, we must add to all we have said so far, as well as to the concrete data in the tables, that in the semiological sequence, which is: 1. the end, 2. the middle, 3. the beginning, one might require a different sequence: 1. the end, 2. the beginning, 3. the middle, using the following argument: Just as in the hierarchical sequence 1. the beginning, 2. the end, 3. the middle, it was exactly the middle that was in the third place, then it should occupy this place also when this order is simply reversed in the semiological sequence. Thus the order should be: 1. end, 2. beginning, 3. centre. It ought to be so, it is said, because the end as a sign (signifiant) marks first of all the beginning (signifié) and it is from this relation that the marking originates as if by a reflexion of both, attributed, by way of intersection, to the middle.

However, such an objection would not be correct. In the hierarchical sequence we ask: What corresponds structurally to the beginning, which is the point of departure, the basis of all the empirical structure? There is only one answer to this question: To the beginning, conceived in such a way corresponds its opposite number, its negative, its mirror-picture, i.e. the end as a completion of the conclusion of the empirical structure: for this reason it is designated by number 2 in the given sequence. And so number 3 belongs to the remainder, in other words to the middle, because it makes possible the relation between the positive — beginning and negative — end.

In the semiological sequence, to which a certain reverse analogy with the hierarchical sequence cannot be denied, there is an essential difference: from the point of view of the already existing mirror-picture the reflexion is no more evaluated as passive, but as a sign capable of active marking. Since the conception of the sign includes the feature that, while being a structure in itself, at the same time it implies the marking of something else: this quality of marking something else, so to speak "something from outside", irradiates on this "something else" as marked from this structure. We can deduce from this, that the natural semiological sequence is: 1. the end, 2. the middle and only 3. the beginning. Besides, also the semiological border-line is of great importance and it is evidently placed between the middle, which as a marker constitutes the function of the sign, and the beginning; it can thus be graphically represented most simply as follows: 1. the end, 2. the middle // 3. the beginning or, perspectively, in a more plastic way:

By way of concluding our discussion, we may summarize its result as follows:

As in every closed linear structure — the same may be said of the other structures, too, but in them the situation is not so clear at first sight — the beginning conceptually anticipates the end and the end is conceptually, so to speak, the mirror-picture of the beginning; on the other hand the middle is conceivably-indivisibly dependent, in a well-balanced way, on the beginning and at the same time on the end. But from the empirical point of view precisely the middle is most advantageously placed, because as we have already stressed above, the centre in the broadest sense of word equals practically the whole concerned reality of the linear structure. Finally, all the relations including the mentioned concluding analysis just clearly result in the following thesis: *summa summarum all the three structural components as the cross-sections of all the four relations as such are mutually equivalent*. This is so irrespective of the hierarchical sequence, taken in abstracto in isolation, because this is only a single out of the four principally possible aspects of sequence and, as a consequence of this, of four methodical analytical procedures.

One might ask: what can linguistics gain from these reflections? And even then if — as we hope — our findings here formulated were generally accepted in semiology, which constitutes a relatively independent discipline subordinated to sociology. We can answer here without any exaggeration: linguistics will draw from these reflections very good profit, both in theory (methodology, verification, explication), and in many-sided practical application.

Notes. This essay is an English translation of the shortened and partially modified second part of the Slovak paper published under the title *Axiomatika semiológie lineárnych útvarov* in the periodical *Slavica Slovaca*, 4, 1969, pp. 18—34, in the said paper the scheme of the non-convexed staff on page 50 should be shifted from the third place on to the first according the sense of the text.

Literature contains only the present writer's papers. In them the given analysis of the linear structure beginning—middle—end is explained and applied to various linguistic or musical data seen from the semiological point of view.

Semiologický rozbor lineárnych jazykových útvarov (Semiological analysis of the linear linguistic structures). Jazykovědné aktuality. Zpravodaj Jazykovědného sdružení při Československé akademii věd, 1965, No. 2—3, pp. 28—29.

Définition de la syllabe et de ses composants (voyelle, diphongue, consonne). In: Proceedings of the

Sixth International Congress of Phonetic Sciences, Prague, 7—13 September, 1967. Ed. M. Romportl. Prague, Academia 1970, p. 679. *Jazykovědné pojetí slabiky* (Linguistic conception of the syllable). Jazykovědné aktuality. Informativní zpravodaj československých jazykovědců, 15, 1978, No. 1, pp. 24—25. *Definícia slabiky a jej časťí* (Definition of the syllable and its parts). Slovo a slovesnosť, 39, 1978, pp. 230—233.

Hraničné predely a morfémické švíky (The limit-lines and the sutures in morphology). Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica, 23—24, 1971—1972. Ed. Š. Ondruš. Bratislava. Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1974, pp. 33—38.

Dominante — subdominante en phonologie. In: *Travaux linguistiques de Prague. 3. Études structurales dédiées au VIe Congrès des slavistes*. Prague, Academia 1968, pp. 203—213.

K fonologickej štruktúre vokalizmov slovanských spisovných jazykov (On the phonological structure of the vocalisms in Slavonic written languages). In: *Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafarikanae Prešovensis*. Jazykovedný zborník venovaný VI. slavistickému kongresu. Ed. J. Dzurenda. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1968, pp. 19—33.

Caractère périphérique des consonnes dans le système phonologique et dans la structure syllabique. In: *Travaux linguistiques de Prague. 2. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue*. Ed. J. Vachek. Prague, Academia 1966, pp. 127—132.

L'harmonie vocalique et les alternances consonantiques dans les langues ouralo-altaïques, surtout finno-ougriennes. Notes synchroniques et diachroniques. In: *Travaux du Cercle linguistique de Prague. 6*. Prague 1936, pp. 81—95.

Správna formula väčšinového východoslovenského a obdobného inoslovanského prízvuku (The correct form of the majority accent in East Slovakian and the analogous accent in other Slavonic languages). In: *Nové obzory*, 21, 1979.

Akcentovanie proklítík v slovenčine (The stressing of the proclitics in Slovak). In: *Slavica Pragensia* 1980. Ed. M. Romportl (6 p. of the manuscript in the printing).

La quantité sémantisée, l'accourcissement syllabique et les morphèmes zéro dans la morphologie du slovaque et du tchèque. In: *Recueil linguistique de Bratislava. 2.* Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1968, pp. 40—54.

K triedeniu nulových útvarov v jazykoch (With regard to the zero forms in languages). Jazykovědné aktuality. Zpravodaj jazykovědných společností v Československu, 1967, 1, pp. 1—6.

Príznakové a nepríznakové nulové morfém v morfológii slovanských jazykov (Marked and unmarked zero morphemes in the morphology of Slavonic languages). In: *Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafarikanae Prešovensis*. Jazykovedný zborník. 4. Z príležitosti VII. slavistického kongresu vo Varšave. Ed. L. Novák. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1975, pp. 53—64.

Morphèmes zéro initiaux en allemand. In: *Recueil linguistique de Bratislava. 5.* Ed. J. Horecký. Bratislava, Veda 1978, pp. 71—77.

Konvergentný vývin slovanských osobných zámen a slovies (The convergent development of Slavonic pronouns and verbs). Slovenská reč, 33, 1968, pp. 201—210.

Konvergentný vývin fonologickej a morfológickej štruktúry slovanských osobných zámen a flektívnych morfém (The convergent development of the phonological and morphological structures of Slavonic personal pronouns and flexible morphema). In: *Akta sjezdu. 2. (VI. mezinárodní sjezd slavistů, Praha 7.—13. 8. 1968.)* Ed. M. Drozda, E. Pauliny. Prague, Academia 1970, pp. 633—634.

Le rapport mutuel des formes du nominatif des pronoms personnels dans les langues slaves. Slavica Slovaca, 1, 1966, pp. 229—236.

Typologická charakteristika nominatívnych tvarov osobných zámen slovanských jazykov (Typological characteristics of the forms of the personal pronouns in the nominative cases in the Slavonic languages). Jazykovedný časopis, 18, 1968, pp. 15—24.

Ku gramatickej kategórii osoby (On the grammatical category of person). Jazykovedný časopis, 18, 1967, pp. 58—61.

Tvorenie imperatívu a kondicionálu (The forming of the imperative and conditional). Jazykovedný časopis, 18, 1967, pp. 95—97.

K otázke nulovej syntagmy (On the zero syntagma). In: Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica A, 16, 1964. Ed. E. Pauliny. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1968, pp. 99—107.

Typologická charakteristika slovenčiny (The typological characteristic of the Slovak language). In: Studia Academica Slovaca. 6. Prednášky XIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ed. J. Mistrík. Bratislava, Alfa 1977, pp. 389—405.

Fonológia slovenčiny v kontexte inojazykových systémov fonologických (Phonology of the Slovak language in the context of the phonological systems of other languages). In: Studia Academica Slovaca. 8. Prednášky XV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ed. J. Mistrík. Bratislava, Alfa 1979, pp. 239—253.

Zur Frage von Form und Inhalt im Wort

PAVEL ONDRUS

1. In der zeitgenössischen Linguistik wurde die Frage von Inhalt und Form zu einer der zentralen Fragen (Benveniste, 1965). Aber auch in dieser Zeit wurde nicht nur die Frage des Inhalts, sondern auch die Problematik der Form von vielen Linguisten, von unterschiedlichen Richtungen und Schulen unterschiedlich interpretiert. Hauptsächlich bei den europäischen und amerikanischen Strukturalisten war kürzlich noch die Ansicht verbreitet, daß die Form den Inhalt ganz überwiegt. Von diesem Standpunkt aus erklärten sie auch die Frage des Wortes, der zentralen Einheit in der Linguistik. Bei der Lösung dieser Problematik gingen auch sowjetische Linguisten nicht einheitlich vor: die einen gingen von den Klassikern des Marxismus-Leninismus und ihrer Auffassung der Form und des Inhalts im Wort aus, die anderen empfingen und entwickelten Potebnas Auffassung des Wortes mit dessen inneren Form, andere prüften nur die Form des Wortes. Einige von ihnen stellten überhaupt nicht die Frage, was für ein Verhältnis zwischen Form und Inhalt besteht. Diese Situation änderte sich vor allem in der Zeit der Ausarbeitung der intensiven materialistischen Dialektik des Erkennens. Innerhalb der letzten dreißig Jahre widmeten erstrangige sowjetische Linguisten dem Inhalt und der Form eine erhöhte Aufmerksamkeit. Ihre Reihe wird mit Galkina-Fedoruk (1951) eröffnet und mit Panfilov (1977) geschlossen. Einige von ihnen betonten den Fakt, daß das Wort eine Einheit des Materiellen (Laut, Form) und des Ideellen (Inhalt) repräsentiert (Budagov, 1953). Die anderen unterschieden und grenzten den Begriff und die Bedeutung ab (Kovtun, 1955). Andere bestimmten wieder das gegenseitige Verhältnis zwischen der (lexikalischen) Bedeutung und dem Begriff. Einige versuchten die lexikalische Bedeutung für den formalen Begriff zum logischen Begriff im Wort zu halten (Kacnelson, 1965). Vom Standpunkt des Verallgemeinerungsgrades aus gliederten wieder andere im Wortinhalt eine konkrete lexikalische Bedeutung gegenüber anderen grammatischen Bedeutungen: dieser Auffassung nach befindet sich der lexikalische Inhalt im Wort an der Oberfläche der Sprache und das Wort hat einen zweifachen sprachlichen Status — als Einheit des lexikalischen Systems und als Einheit des grammatischen Baues der Sprache (Ufimceva, 1970). Bei der Erfor-

schung des Materiellen und Ideellen im Worte betonten schließlich sowjetische Sprachwissenschaftler, daß die Auffassung der Form breiter zu verstehen ist als der Begriff der Struktur, so daß die Form nicht nur das Äußere, sondern auch den inneren Bau charakterisiert (Solncev, 1977).

2. Wie ist also die Frage des Inhalts und der Form im Wort als lexikalischer Einheit aufzufassen? Die Mannigfaltigkeit, die Unterschiedlichkeit von Ansichten über diese komplizierte Frage kann man z. B. beim Vergleich zweier Konzeptionen aus den letzten fünfzehn Jahren zeigen.

In der ersten Konzeption (Degtoreva, 1964, S. 178—182) wird die Sprache als eine Form des Denkens durch eine eigenartige Zweiseitigkeit charakterisiert. Die Zweiseitigkeit der Sprache als Form besteht darin, daß sich die sprachliche Form in eine innere und eine äußere Form gliedert. Die lautliche Materie tritt hier als äußere Form auf. Auf der lexikalischen Ebene wird die innere Form — in dieser Auffassung — durch die lexikalische Bedeutung dargestellt. Die lexikalische Bedeutung und der Wortbegriff sind nicht identisch, es besteht dazwischen eine dialektische Beziehung der Form und des Inhalts: die lexikalische Bedeutung ist die Form des Begriffs und der Begriff ist der Inhalt der lexikalischen Bedeutung. Vom Standpunkt der Linguistik aus enthält die lexikalische Bedeutung solche Eigenheiten, die im Begriff als logische Kategorie nicht existieren: während die lexikalische Bedeutung nur eine, zwei, eventuell einige grundlegende oder unwesentliche Eigenschaften des Gegenstandes (Phänomens) ausgliedert, enthält der Begriff alle erkannten Eigenschaften des Gegenstandes (Phänomens) in der Form einer verallgemeinerten Abstraktion.

Wie sieht die andere Auffassung des Inhalts und der Form im Worte aus?

Ihr nach hat das Wort auch einen Inhalt und eine Form (Hnatuk — Švydka, 1979, S. 56—57). Die Form des Wortes wird vor allem durch die lautliche Hülle, den Träger des Inhalts, repräsentiert. In der Form kommt die Zweiseitigkeit zum Vorschein: ihre innere Form besteht in der Verbindungsart der Einheiten niedrigeren Ranges — der Morpheme, aus denen das Wort besteht, und die äußere Form ist eine Verbindungsart von Wörtern mit Einheiten des gleichen Ranges, mit Wörtern. Dabei befinden sich sowohl die innere als auch die äußere Form in einer unzertrennlichen Verbindung mit dem Wortinhalt. Die lautliche Hülle des Wortes ist — in der Deutung dieser Konzeption — eines von Beispielen der Relativität und des Inhalts im Worte. Die lautliche Hülle gehört im ganzen zur Kategorie der Form, aber zugleich, da sie eine Gesamtheit von Morphemen darstellt, aus denen das Wort besteht, gehört sie zur materiellen Seite seines Inhalts. Der Inhalt des Wortes ist nämlich eine dialektische Einheit von zwei Komponenten, einer materiellen und einer ideellen. Die materielle Seite des Inhalts besteht nach dieser Auffassung aus der Gesamtheit von Morphemen, aus denen das Wort besteht. Ideell im Worte ist

seine Beziehung zu einem bestimmten Begriff und dadurch auf das betreffende Objekt der außersprachlichen Wirklichkeit, sowie die ganze Summe von Informationen über die Beziehungen zu anderen Wörtern in der Sprache, deren Träger in der Rede das Wort ist. Der Begriff, der das Wort im Bewußtsein des Menschen hervorruft, stellt dabei das Minimum von differentiellen Merkmalen dar, die charakteristisch für eine bestimmte Klasse von Gegenständen oder Erscheinungen der außersprachlichen Wirklichkeit sind und dazu genügen, daß diese Klasse von allen anderen abgesondert wird.

3. Und wie steht es mit der inneren Form des Wortes als Einheit des grammatischen (morphologischen) Baues? Da das Wort einen einfachen Status hat und als Einheit nicht nur des lexikalischen, sondern auch des grammatischen Systems erscheint, ist die Frage des Verhältnisses des Inhalts und der Form vor allem auch im Wort als Einheit des morphologischen Systems zu prüfen. Wie wird diese Frage in den zwei angeführten Auffassungen geklärt?

Im Sinne der ersten Konzeption bilden in den Wörtern, die in die Wortklassen eingeteilt sind, die innere Form des Begriffes grammatische Kategorien, deren Entstehung — wie in dieser Konzeption angeführt wird — durch das Denken, die Entstehung des Logischen bedingt ist, welches das Ergebnis des Erkennens der objektiven Realität widerspiegelt (Degtoreva, 1964, S. 190—204). Als grammatische Kategorie ist hier eine solche sprachliche Abstraktion zu verstehen, die durch ein spezielles, äußerlich wahrnehmbares sprachliches Mittel oder durch einen Komplex von Mitteln in einer verallgemeinerten Form ein bestimmtes Moment aus der Vielfalt der Zusammenhänge zwischen Gegenständen und Phänomenen der realen Wirklichkeit ausdrückt und eine unzählige Reihe von Wörtern verbindet, die fähig sind, das Moment zugleich mit den lexikalischen Bedeutungen, die ihnen eigen sind, widerzuspiegeln. Als charakteristisches Zeichen für eine grammatische Kategorie gilt vor allem, daß sie mit einem formalen Mittel einen beträchtlichen Teil des Wortschatzes umfaßt, das sind z. B. die grammatischen Kategorien des Genus, des Numerus, des Kasus, der Zeit, des Aspekts usw. Die Entwicklung der grammatischen Kategorien zeigt, daß die Widersprüchlichkeit der gegenseitigen Beziehungen zwischen Form und Inhalt in der Sprache ungewöhnlich groß ist. Es überrascht eine ungewöhnliche Aktivität der Form, während der logische Inhalt mehr oder weniger der gleiche bleibt. Diese Konzeption erklärt dies so, daß die Sprache im Verhältnis zu ihrem Inhalt zweiseitig ist: einerseits bildet sie die materielle Form des Denkens und gleichzeitig dient sie auch als Kommunikationsmittel bei der unmittelbaren Widerspiegelung des Denkinhalts, d. h. der Welt, die ein Sprachkollektiv umfaßt. Die Sprache als Kommunikationsmittel muß alle Nuancen des Inhalts übermitteln, infolge dessen ein gewisses psychologisches Gewebe in der inneren Form der Sprache, die sich historisch ändert, entsteht. Die Veränderlichkeit der inneren Form

wird dadurch bedingt, daß der gleiche Inhalt in verschiedenen inneren Formen gestaltet wird. So besitzt dann die Verbindung der äußeren und inneren Form bei ihrer Entwicklung im Verhältnis zum Inhalt eine relative Selbständigkeit.

In der zweiten Konzeption wird über die innere Form der Wörter verhältnismäßig wenig gesprochen (Hnatuk — Švydka, 1979, S. 63 f.). Es wird konstatiert, daß sich die kommunikative Funktion der Sprache bloß durch Wörter ohne gewisse Regeln ihrer Verbindung nicht realisieren könnte. Die Verbindung zwischen Wörtern realisiert sich durch formbildende, flexivische Morpheme, zu denen hauptsächlich die Endung gehört. Während das Wurzelmorphem Träger der grundlegenden lexikalischen Bedeutung ist, und ein wortbildendes Morphem die Bedeutung des Wortmorphems präzisiert und zugleich die Funktion der Wortgestaltung als einer bestimmten Wortklasse erfüllt, hat das flexivische Morphem (die Endung) vor allem eine grammatische Bedeutung, die zugleich nicht nur eine, sondern mehrere grammatische Kategorien, wie z. B. die Kategorie des Genus, des Numerus, des Kasus bei Substantiven, die des Aspekts beim Verb, ausdrücken kann. Was die Substantivierung betrifft, handelt es sich bei dieser Auffassung nicht um einen Widerspruch zwischen der alten Form und dem neuen Inhalt, sondern um einen Prozeß, bei dem z. B. substantivierte Adjektive und Partizipien einige alte Eigenschaften verlieren und neue Eigenheiten auf dem Gebiet der syntaktischen Rektionen und Verbindmöglichkeiten erwerben. So viel wird in dieser zweiten Konzeption über grammatische Bedeutungen und Wortklassen angeführt.

4. Schon aus dem Vergleich der zwei im Torso angeführten Ansichten über Inhalt und Form des Wortes als Einheit des lexikalischen und grammatischen Systems ist ersichtlich, wie unterschiedlich die Interpretierungen von den gleichen Fragen — in diesem Falle der des Inhalts und der Form — in derselben sprachlichen Einheit sein können.

Wie ist in dieser Hinsicht der Zustand im Wort als Einheit des lexikalischen Systems?

Beide Konzeptionen gehen vom Fakt aus, daß die lautliche Hülle im Wort die Form darstellt. Übereinstimmend setzen sie beide die Anwesenheit des Begriffs im Wort voraus. Den Begriff erklären sie aber unterschiedlich. In der ersten Auffassung enthält der Begriff alle erkannten allgemeinen Eigenschaften des Gegenstandes (Phänomens), in der zweiten dagegen bloß das Minimum von Eigenschaften von homogenen Gegenständen (Phänomenen). In der ersten Konzeption schließt gerade die lexikalische Bedeutung das Minimum von differentiellen Eigenschaften in sich ein, während die lexikalische Bedeutung in der zweiten Auffassung mit dem Begriff eigentlich identisch ist.

Beide Konzeptionen sind sich in der Ansicht einig, daß die Form des Wortes zwei Ebenen aufweist: sie ist äußerlich und innerlich. Der Unterschied besteht nur in ihrer Deutung. Die erste hält die lautliche Materie des Wortes für die äußere Form.

Die zweite dagegen hält für die äußere Form die Verbindungsart der Wörter mit anderen Wörtern. Noch komplizierter ist die Situation mit der inneren Form. Die erste Konzeption versteht die innere Form im Verhältnis zum Begriff als lexikalische Bedeutung (mit all ihren linguistischen Komponenten, mit der emotionalen und expressiven Färbung, mit der psychologischen und soziologischen Motivierung, mit der stilistischen Färbung u. a.). Nach der zweiten Auffassung ist die innere Form die Art der Verbindung des Gedankens mit der lautlichen Hülle. Ihr nach spricht man vom arbiträren Charakter der lautlichen Form nur bei den kleinsten Einheiten der Sprache — bei den Phonemen und Morphemen. Erst beim Wort tritt der Wohlklang in die dialektische Einheit mit der Motiviertheit der „inneren Form“ ein, wobei die Auswahl der inneren Form des Wortes durch kultur-historische oder soziale Faktoren bedingt wird. Die innere Form versteht man hier als einen solchen Zutritt des Denkens des Menschen, den der Mensch bei der Wortschöpfung hatte: die innere Form wird für einen gewissen Kettenring gehalten, durch den der Inhalt (die Bedeutung, der Begriff) des Wortes mit dessen äußeren Form und mit der morphologischen Struktur sowie der lautlichen Hülle verbunden wird.

Das dialektische Verhältnis des Materiellen und Ideellen im Worte lösen beide Konzeptionen unterschiedlich. In der ersten Konzeption bildet die materielle Hülle die Form und den Inhalt die lexikalische (und wertende) Bedeutung und der Begriff. In der zweiten Konzeption ist dagegen die lautliche Hülle ein Beispiel dafür, wie sich darin Form und Inhalt gegenseitig durchdringen: die lautliche Hülle ist die Form, sie enthält aber zugleich auch eine organisierte Gesamtheit von Morphemen (wodurch sie zur materiellen Seite des Inhalts gehört). Das Ideelle wird durch die Beziehung des Wortes zum Begriff und dadurch zur objektiven Realität dargestellt, aber auch durch die Gesamtheit der Informationen über die Beziehung des Wortes zu anderen Wörtern in der Sprache.

Die Klärung der dialektischen Beziehung zwischen Form und Inhalt im Worte wird dadurch kompliziert, daß die Form und der Inhalt „verwechselt“ werden können, und das, was in einem Falle als Form erscheint, kann in einem anderen Falle als Inhalt auftreten, und umgekehrt (Čchikišvili, 1974). Als ein elementares Beispiel soll dafür die lexikalische Bedeutung dienen. Ist in der ersten Konzeption die materielle Hülle die Form des Wortes, so werden die lexikalische Bedeutung mit ihren Konnotationen und der Begriff zum Inhalt gerechnet: die lexikalische Bedeutung ist zugleich die Form für den Begriff des Wortes. In der zweiten Konzeption tritt die materielle Hülle als Form auf, und die organisierte Gesamtheit von Morphemen gehört zur materiellen Seite des Inhalts.

Auch die Veränderungen im Wort werden diametral gedeutet. Nach der ersten Konzeption sind die Veränderungen der lexikalischen Bedeutung durch den Umfang der Benennungsfunktion konkreter Wörter bedingt. Nach der zweiten Konzeption werden die Veränderungen der lexikalischen Bedeutung (der lexikalischen Verbundenheit) durch die Kollision (Zwiespalt) zwischen Form und Inhalt hervor-

gerufen, wobei dieser Zwiespalt durch innere Mittel (Polysemie, Synonymie, Homonymie, Antonymie) überwunden wird.

Wie ist die Situation im Wort als Einheit des grammatischen (morphologischen) Systems?

Die erste Konzeption hält grammatische Bedeutungen, grammatische Kategorien für die innere Form des Wortes im System der Wortklassen. Die zweite Konzeption hält grammatische Kategorien nicht für die innere Form. In der ersten Auffassung werden die Veränderungen in einer Wortklasse als Widersprüchlichkeit der Form und des Inhalts gedeutet. Bei diesen Veränderungen überrascht die Aktivität der Form im Verhältnis zum Inhalt (zum logischen Begriff). Die Ursache dessen ist, daß die Sprache in bezug auf den Inhalt (Begriff) zweiseitig ist: die Sprache tritt einerseits als materielle Form des Denkens (Inhalts) auf und andererseits als Kommunikationsmittel, das alle Nuancen des Inhalts übermittelt. Infolgedessen entstehen Bedingungen für Veränderungen in der inneren Form (in den grammatischen Kategorien der Wortklassen). Umgekehrt gestaltet sich der gleiche Inhalt in verschiedenen inneren Formen. Die Veränderungen in einer Wortklasse vereinfacht die zweite Konzeption noch mehr als die erste, wenn sie behauptet, daß z. B. bei der Substantivierung nur einige vorherige grammatische Eigenschaften verlorengehen und neue Eigenschaften in der syntaktischen Rektion und Verbindungsmöglichkeit von Wörtern angenommen werden: beim Übergang von einer Wortklasse in eine andere vollziehen sich doch Veränderungen im Wesen der einzelnen Wortklassen, also nicht nur in ihren äußeren Phänomenen (Ondrus, 1977).

5. Das Studium der Beziehung zwischen Inhalt und Form im Wort als Einheit des lexikalischen und grammatischen Systems — wie es aus den bisherigen Darlegungen ersichtlich ist — ist verzwickt und kompliziert. Bei ihrer weiteren Untersuchung kann einer Reihe partieller Fragen wie die folgenden nicht gemieden werden, man muß zu ihnen zurückkehren und sie erneut erklären: Was ist im Wort wirklich eine äußere und eine innere Form? Wo liegen die Grenzen zwischen Form und Inhalt? Sind Form und Inhalt wirklich zweiplanig? Welche ist die Ursache der Veränderungen im Inhalt und in der Form? Wie kooperieren Form und Inhalt bei den Veränderungen des Wortes als Einheit des lexikalischen und grammatischen Systems, usw.? Eine positive Lösung dieser Fragen ermöglicht uns eine Serie von Problemen aufzuklären, zu denen nicht nur die Problematik des sprachlichen Zeichens, sondern auch die Frage nach dem Verhältnis des Wesens und des Phänomens sowie auch nach weiteren Kategorien der Philosophie und der Logik.

LITERATUR

- BENVENISTE, E.: Urovni lingvistickogo analiza. In: Novoje v lingvistike. 4. Red. A. V. Zvegincev. Moskva, Izdatelstvo Progress 1965, S. 443—445.
- BUDAGOV, R. A.: Očerki po jazykoznaniju. Moskva, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta 1953, S. 99.
- ČCHIKIŠVILI, D. I.: Narod i kultura. Tbilisi, Izdatelstvo Tbiliskogo universiteta 1974, S. 69.
- DEGTEREVA, T. A.: Puti razvitiya sovremennoj lingvistiki. Kniga tretja. Strukturalizm i principy marksistskogo jazykoznanija. Moskva, Izdatelstvo Mysl 1964, S. 178—182, 190—204.
- GALKINA-FEDORUK, E. M.: Slovo i poňatije v svete marksizma-leninizma. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1951, Nr. 9.
- HNAŤUK, H. M. — ŠVYDKA, N. I.: Forma a obsah slova. In: Filozofické otázky jazykovedy. (Übersetzt aus dem Ukrainischen.) Red. J. Horecký. Bratislava, Veda 1979, S. 56—57, 63 f.
- KACNELSON, S. D.: Soderžanja slova, značenije i oboznačenije. Moskva—Leningrad, Izdatelstvo Nauka 1965, S. 18.
- KOVTUN, L. S.: O značenii slova. Voprosy jazykoznanija, 1955, Nr. 5, S. 65—77.
- ONDŘUS, P.: Konverzia medzi slovnými druhmi v slovenčine. In: Studia Academica Slovaca. Red. J. Mistrik. Prednášky XIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava, Alfa 1977, S. 407—420.
- PANFILOV, V. Z.: Filosofskije problemy jazykoznanija. Gnoseologičeskie aspekty. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1977, S. 45—98.
- SOLNCEV, V. M.: Jazyk kak systemno-strukturnoje obrazovaniye. Izdaniye vtoroe. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1977, S. 36.
- UFIMCEVA, A. A.: Teoretičeskie problemy slova (Kategorija obščego i otdeľnogo). In: Leninizm i teoretičeskie problemy jazykoznanija. Red. F. F. Filin u. Koll. Moskva, Izdatelstvo Nauka 1970, S. 318.

The Objective Reflexive Pronoun in Slovak

JÁN ORAVEC

The concept of grammatical object has been used by traditional syntax as well as by the recent and latest theories of syntax. Less attention has been, however, devoted to its range and exact definition. The concept of grammatical object has been defined traditionally and approximately. The list of new works on syntax published during the last twenty years which are based on the concept of object without defining it in detail would be too long to quote. In Slovak there has been an attempt to define the notion of object more precisely by means of nominalizing transformations (Oravec, 1978).

Particular difficulties are presented by cases in which the object is expressed by reflexive pronouns. We are concerned with their contracted forms their spelling in Slovak being *sa*, *si*. The uncontracted forms will not be discussed here because from the syntactical aspect they do not present any problems differing in essence from those of other objects.

In comparison with nouns, personal pronouns and uncontracted forms of reflexive pronouns the contracted forms functioning as objects are less frequent. They represent a rather restricted means of expressing the object. That statement has been made about the reflexive pronoun *si* in the journal *Slovenská reč* (Oravec, 1975) and about the reflexive pronoun *sa* in *Jazykovedné štúdie* (Oravec, 1978). We propose to summarize and generalize the conclusions made in the articles referred to above.

From a diachronic point of view there is a single direction in the development of reflexive pronouns: the reflexives *sa*, *si* gradually come to lose their pronominal meaning and change into either morphemes (grammatical or affixes) or into particles (emotional or other). In East Slavic it has been even formally attached to its verb, it has got morphologized. Most authors considering the functions of the reflexives *sa*, *si* were influenced by this outcome of development in the sense that they mostly doubted the objective function of the reflexives *sa*, *si*. Some authors related that state in East Slavic to other Slavic languages as well and refused to admit the syntactic objective function of the reflexive *sa* (Koenitz—Walter, 1968). In the grammars of Slavic languages (even in the most extensive ones) the reflexive pronoun has been

regarded as an object with a minimal number of verbs, following mostly such verbs as *umyť sa* (to wash (o. s.)), *obliecť sa* (to dress (o. s.)), *holiť sa* (to shave (o. s.)), *česať sa* (to comb (o. s.)). Hence it is obvious how little attention has been devoted to the objective reflexive *sa*. Havránek (1928) was in doubt about the objective nature of the reflexive *se* even with the above mentioned verbs. Writing about the type *mýti se* he states that the reflexive *se* does not have to be the actual object in accusative (the objective case) that there is a really reflexive verb here, a special verbal form, possessing reflexive meaning, but the boundary between this type and the one which distributes the notion among the action and real object is not distinct. As a formal sign of the notional unity of the reflexive *se* with its verb the subject — complement (or predicative) concord *umyji se celý* is regarded as opposed to the object — complement (or "predicative") concord with "fully" expressed objects *umyji tě celého*.

It is true that Kopečný (1954) having explored in his study the mutual coherence of functions of the reflexive *se* and their growing out of one another is essentially in agreement with the fact that in verbs of type *umývam sa* more attention is paid to the subject but he suggest that the object in the type *umývam sa*, though not generally topicalized is nevertheless capable of topicalization. One is concerned here with a formation which, though rather synthesized, is nevertheless skill analyzable (Kopečný, 1974, p. 240). We consider such a mode of estimating the syntagm *umývam sa* to be appropriate. An impression of its synthetic nature may arise because the verbs of type *umývať sa*, *obliekať sa* denote habitual activity; owing to that semantic feature of habitude they on the whole differ from verbs having a distinct object in such case as *krotiť sa* (to restrain o. s.), *lutovať sa* (to feel sorry for o. s.), *vyslobodiť sa* (to deliver o. s. from/of), (za)*hlásiť sa* (to present o. s.).

Nevertheless, analyzability provides a sufficient reason for classing the reflexive *sa* in type *umývať sa* with the objective meaning. Recently it is Ružička (1977) who has been tackling our problems when solving reflexivization in general. He considers verbs (*u*)*myť sa*, (*o*)*kúpať sa*, (*u*)*česať sa* (to wash, to bath, to comb) as transient cases since there agent and patient are not completely identical and he rates the type *holiť sa v komunáli* (to get shaved in communal services) as a transient area between lexis and morphology.

In order to see the range of the objective function in the contracted forms of reflexives *sa*, *si* in Slovak and the reasons of their limitation more distinctly it is necessary to give a brief outline of the relevant parts of the Slovak theory of grammar concerned with this problem.

The first starting point here may be the understanding of deep structures of sentences having non-reflexive verbal predicates as presented by Pauliny (1943) in his theory on verbal intention. He starts from the semantic concepts of the agent of the action, action and patient of the action. The most relevant point for us is that also among transitive verbs there are two types distinguished by E. Pauliny: a) the type

with an intentional structure consisting of three constituents, e. g. *brat zabil brata* (the brother killed (his) brother), b) the type having an intentional structure of two constituents, where there is not, neither can there be, any agent introduced, e. g. *brata zabilo v hore* (the brother was killed (by something) in the mountain). While with the reflexiveness of type a) the reflexive *sa* can be the object, e. g. *brat sa zabil* (the brother killed himself (on purpose, consciously)), with reflexiveness of type b) there cannot occur any objective reflexive *sa* because the sentence transformed *brat sa zabil v hore* expresses unwanted, unintentional action.

The second starting point is represented by the theory of the semantico-syntactic kinds of objects that comes from a broader Czechoslovak grammar tradition but has been elaborated on Slovak material by Oravec (1967). According to that theory objects can be of five kinds: the affected object expresses a concrete thing affected (displaced, modified, destroyed ...) by concrete action, e.g. *variť mäso* (to boil meat); the effected object yields the resulting effect of an action, e.g. *variť obed* (to cook lunch), *pliesť sveter* (to knit a sweater); the recipient object expresses the person or thing directly related to but passively implicated in the happening denoted by the verb, e.g. *boliť ma v krku* (I have a sore throat), *zaujímať by ma* to (I should be interested in it). The perspective object expresses the goal achieved ((or/not) to be achieved by the action, e.g. (*ne*)*čakať odmenu* ((not) to expect a reward); the factual object denotes the content of a verbal action concerned with facts, e. g. after verbs of perception, remembering, thinking and verbalization. Out of these five types of objects the contracted forms of the reflexives *sa*, *si* do not express either effected or recipient objects. The absence of these two kinds of objects among reflexive pronominal ones is conditioned by different reasons with each of them.

The effected object owing to its nature is "on bad terms" with the whole reflexivization because not even a personal (animate) agent can "be produced by himself". Thus here the reflexive *sa* can be an object only in the metaphorical use of verbs coming from the group *tvoriť* (to create, to produce), e. g. *budovať sa* (budovať si dom, byt) (to built one's house, flat). Otherwise the reflexive *sa* is not an object here, it is semantically coalescing with the verb, e. g. (*na*)*rodiť sa*, *tvoriť sa* (to be born, to be created). There are other reasons why the objective function of the reflexive *sa* is missing in the recipient object. With verbs having such an object in accusative (the objective case) the grammatical subject is not the agent of action (because the personal pronoun plays the role of the object) e. g. *rana ma bolela* (my wound was aching = "The wound was aching me), *odpovedať ma zadivila* (I got surprised at the answer) or the grammatical subject is entirely missing. Verbs having recipient objects govern their object only in the 3rd person or they are impersonal, e. g. *mrzela ma tá poznamka* — *mrzelo ma* (I felt worried about that remark), *zaujímať by ma* ... (I should be interested in ...). By adding the reflexive *sa* these elements give rise to personal verbs having complete paradigms of forms (for the 1st and 2nd person as well); that might have brought about their reflexive character:

mrziet sa — *mrzím sa*, *mrzíš sa* (to worry), *zaujímať sa* — *zaujímam sa* — *zaujímať sa* ... (to be interested in ...) where the reflexive *sa* gets more closely coalesced with the verb (in a lexical sense). The coalescence of the reflexive *sa* with such verbs is evidenced also by the prevailing frequency of occurrence of reflexive verbs over non-reflexive ones. A considerable number of them are no longer used in literary Slovak in their non-reflexive form, cf. (*za*)čudovať *sa*, *radovať sa*. Only in dialects have there remained some non-reflexive forms of type *začudovalo ma* to to an unlimited extent.

These are the two additional points to be introduced to increase the number of constraints concerning the reflexive object as known from present theories. With other kinds of objects only the confirmation of the existing limitations or their restriction will need to be decided. Before describing them in a concrete manner it is desirable to suggest that there are certain syntactic positions in language supporting in their turn the occurrence and frequency of the objective pronouns *sa*, *si* and so according to these we shall proceed in a sequence from the minimal range to the maximal one.

Concerning categories two types of usage may be distinguished as regards their range: A) applications with verbs in the predicates of clauses and B) uses with infinitives in semiclausal constructions.

A. With predicate verbs the occurrence of objective reflexive *sa*, *si* is more limited, but even there it becomes more common in certain syntactic configurations.

The affected object is explicit with verbs that denote some conscious non-habitual activity, e.g. *priviazať sa*, (*za*)*istíť sa* (*povrazom*), *šlahať sa*, *obriadiť sa*, *obslúžiť sa*, *odkopať sa*, (*za*)*maskovať sa* ...

Here the reflexive *sa* does not become an object with original transitive verbs of motion or location at a certain place, e. g., *vzdialiť sa*, *stratiť sa* ...

With these verbs the reflexive *sa* is changing its intentional value and is shifting to the intentional type *ide* as has been pointed out by B. Havránek and all his followers, e. g. E. Pauliny, F. Kopečný, J. Ružička and others.

The reflexive *sa* is more frequently found in the function of a perspective object. This is made possible by one of its fundamental syntactic features — by its occurrence in a double-object government. In most cases of a double-object government the reflexive *sa* cannot be left out, while the other object (a dative, genitive or prepositional one) can be missing in such cases in certain structures, however, the latter is indispensable too. The second object being absent the objective function of the reflexive *sa* comes to be more distinct, e.g. *chrániť sa* (to defend o. a.).

It is the reflexive *si* as well that is used in the function of a perspective object with the above verbs governing a dative as their second (indirect) object, e. g. *dať si* (*sľub*), *primerať si* (*dačo*) ... But the reflexive *si* even in this configuration is more restricted and weakened than the objective *sa*. That is to say that the reflexive *si* (since a peripheral case, the dative, is concerned) often sinks to the stage of an emotive

particle, i. e. to the function of a free dative standardized as *dativus commodi et incommodi*, *ethicus*, *sympatheticus*. The same happens even with the basic groups of verbs having a dative (indirect) object, i.e. in the group *dať* (to give) — *vziať* (to take). With the verbs *dať* — *vziať* the reflexive *si* in fact expresses some profit, not an object. This may be demonstrated by the fact that the verbs *dať si* (to be given — to have) — *vziať si* (to get) regarding their lexical meaning cease to be antonyms thus becoming synonyms and that also the verb *vziať si* acquires the meaning *dať si*. This semantic redundancy of the reflexive *si* is indicated by several authors. E.g. Havránek (1928) and Kopečný (1954) reason that the reflexive *si* in the clause *vezmu si deštník* (I'll take my umbrella — i.e. an umbrella for me) is not such an object as in the pronoun *ti* in the clause *vezmu ti deštník* (I'll tak your umbrella or an umbrella for you); that with the reflexive *si* there is a tendency to synthetic interpretation like in *myji se*. It ought to be mentioned that the reflexive *si* in that construction possesses rather the meaning of a free dative of profit (not an objective one) and that also the verb *vziať* does not have here the basic meaning *odňať* (to take away), i.e. the meaning present in the clause *vzal mi dáždnik* (*odcudzil*) (he took away (stole) my umbrella). The weakening of the dative meaning in the reflexive *si* can be noticed in Slovak from the fact that emphatically the uncontracted form *sebe* is used together with the contracted one *si*, cf. ... to *si* potom *pripíšte sami sebe* (Kalinčiak), or from the fact that dative *si* often found alongside a prepositional phrase involving a reflexive pronoun cf. *vzal si teda so sebou dáždnik* (Horváth) (As a matter of fact, he took his umbrella with him). In such constructions the uncontracted form of the reflexive pronoun in the dative or prepositional case is the proper carrier of the syntactic relationship while the reflexive *si* coalesces more closely with the verb as an element for expressing the emotive, modal aspects of speech.

In verbs of the group *dať* — *vziať* the reflexive *si* is a more frequent object with reciprocal verbs (viz. further p.). But the objective function is not excluded elsewhere either, cf. *Najťažší je trest, ktorý si človek uloží sám* (Stodola) (The punishment imposed upon oneself is the most difficult one). The objective meaning of the reflexive *si* is here usual in the double-object government of verbs in the group *obliecť* — *vyzliecť si niečo* (to put on — to take off), e.g. *dať*, *vziať*, *natiahnuť si niečo* ..., *zobliecť*, *vyzuť*, *zobuť*, *stiahnuť si niečo*. The objective meaning of the reflexive *si* remains firm also in the phrazeologized collocations of type *dodať si odvahy* (to take courage).

With other groups of verbs governing a double-object construction there is a more distinct objective function for the reflexive *si* after verbs of many groups:

a) expressing the meaning *hovorit'* (to speak): (*od)povedať si*, *vrvieť si*, *pripomínať si*, *klásť si otázku*, *zazlievať si*, *nahovárať si*, *vycítovať si*, *nadávať si*, (*nevedieť*) *vysvetliť si*;

b) expressing volition asserted towards another person even if that "other"

person is the subject himself (herself): *rozkázať si, odpustiť si, pomôcť si* (*to order o. s., *to forgive o. s., *to help o. s.).

Of verbs having a single dative object the reflexive *si* is found in the objective function with individual verbs: *poškodiť si, pripadať si nejaký ...* (to damage o. s., to seem to be ...).

The factual object is expressed only by the reflexive *sa*, the reflexive *si* (as well as other datives) does not express any factual object.

The factual reflexive object can be found with verbs of perception: *obadať sa, vidím sa, cením sa, hodnotím sa za dakoho, dajakého ...* (to realize, I can see myself, ... to appreciate s. o., to esteem s. o.), verbs of verbalization (speech): *(pri)hlásiť sa, opakovať sa, slúbiť sa, vyhlasovať sa za dakoho, dajakého, zdôveriť sa (dakomu), priznať sa, (ne)zradiť sa, napísat sa, pripísat sa ...* (to report o. s., to repeat o. s., to promise o. s., to proclaim o. s. for s. o., to confide o. s., to confess, to acknowledge o. s., to enrol o. s.).

These three kinds of objects are expressed also by the reciprocal reflexive pronoun *sa* and two of them by the reciprocal reflexive pronoun *si*, i. e. the perspective object and the factual one. The reciprocal meaning of reflexive pronouns comes to extend the range of the objective function and to alter its distribution.

The range and frequency is increased by the reciprocal pronoun to such an extent that the affected object tends to become predominant over the other kinds. The verbs complemented by it are numerous. Besides current reciprocal verbs such as *bíť sa, objímať sa ...* (to fight with (*each other), to embrace (*each other)) such an object can be found with many other verbs expressing some reciprocal activity in a broader sense, e. g. *absorbovali sa* (*they absorbed each other) the examples are given in plural, because the reciprocal comprehension is more distinct, *častujú sa* (they offer some drink to each other), *dopĺňajú sa, navštievujú sa, predbiehali sa, udobrili sa ...* (to complete each other, to visit each other, to overliaul each other, to become reconciled ...).

The factual object having the reciprocal *sa* is also quite frequent. It occurs with verbs of perception (verba sentiendi): *vidia sa, počujú sa, pozorujú sa, pozriajú sa, rozumejú sa, uznávajú sa, klamú sa* (they can see each other, they can hear each other, they observe each other, they know each other, they understand each other, they acknowledge each other, they deceive each other).

The perspective object is rarely expressed by the reciprocal *sa*, e.g. at verbs: *čakajú sa* (they are waiting for each other), *hľadajú sa, potrebujú sa, núkajú sa ...* (they are looking for each other, they need each other, they offer s. t. to each other ...).

As a perspective object and a factual one as well the reciprocal pronoun *si* is more frequently used. Functioning as a perspective object it does not meet with limitations even in the basic group *dať — vziať*: *(po)dávajú si, (roz)delili si dačo, vymenili si,*

požičiavajú si, (ne)berú si hračky ... (they pass s. t. to each other, they lend s. t. to each other, they do not take toys ...).

The reciprocal meaning makes an increased frequency of the reflexive *si* possible even after verbs of volition and its manifestations: *prikazujú si, odpustia si ..., pomáhajú si, poradia si ...* (they order to each other, they forgive each other s. t., they help each other, they give (take) advice to e. o.)), with verbs of verbalization and communication: *rozprávali si, šepkali si, nadávali si, písali, telefonovali si ...* (they talked (each other) s. t., they whispered to each other, they insulted each other, they were in correspondence with each other, they were phoning each other...).

The reciprocal reflexive pronoun is a broader phenomenon than the objective function. On one hand it follows after intransitive verbs as well, e. g. *(po)schádzali sa, rozišli sa* (they gathered, they parted), on the other hand it is the constituent of the "reflexiva tantum", e.g. *(po)škriepeť sa* (to quarrel), *(po)hašteriť sa ...*, to which there are no non-reflexive counterparts *škriepeť, hašteriť ...*

B. In all the cases presented so far the objective reflexive *sa, si* has been dependent upon the predicate verb. By its position in the predicate the objective function has been limited as regards the verb (only to particular groups of verbs, the verbs had to express conscious, not spontaneous activity), and as regards the object it had to be in agreement with the agent of action in the subject of the clause (sentence). There exists, however, an extensive sphere where these conditions need not be met and where despite this the reflexive pronouns *sa, si* do not lose their validity as objects. There is the question of usage in semiclausal constructions where the objective reflexive pronouns serve to complement the infinitives of verbs as predicatives, adverbials, objects, grammatical subjects and attributes, e.g. *susedov ešte nepočula vadiť sa* (she has not heard yet her neighbours to quarrel), *(ne)dá sa zosmiesňovať* (he does not let himself be ridiculed), *jej najväčšou túžbou bolo oddeliť sa* (her greatest wish was to become separated), *mať úmysel zastreliť sa* (to have an intention to shoot o. s.).

In such constructions the condensed predication is represented by an infinitive. E.g. the infinitive semiclausal construction in the clause *žiadali ste sa preložiť* has arisen from transforming the subordinated clause of the complex sentence *žiadali ste, aby vás preložili*. The objective reflexive pronoun in the semiclausal construction corresponds with the personal object *vás* from the subordinated clause *aby vás preložili*. In other words the reflexive *sa* in the surface structure is the transform of the personal pronominal object from the deep structure (or from the structure next to the deep one).

Even in this syntactic position the reflexive pronoun *sa* can be only an affected, perspective or factual object, the reflexive pronoun *si* can stand for a perspective object. But the group of verbs requiring such reflexive objects is much broader and their number much higher than in the position with the predicate verb. E.g. with

objective infinitive constructions having the reflexive *sa* there have been presented further groups denoting active volitional attitude *žiadať* (to desire, to require), *navrhnuť* (to propose), *poradiť* (to advise) as well as passive causative attitude *nechať* (to let), *dovoliť* (to allow), *dať — poskytovať* (to yield) and some other groups introduced in the work *Väzba slovies v slovenčine* (Oravec, 1967, pp. 288—293). Examples showing the wide use of reflexive *sa*, *si* in adverbial, attributive, subjective and predicative infinitive constructions can be found in the work *Skladba neurčitku v slovenskom spisovnom jazyku* (Ružička, 1956). Often groups comprising a rich, even innumerable amount of verbs, are concerned cf. e.g. semiclausal constructions with verbs (*ne)dať* (not to yield, no to let); (*ne)dal(a)* *sa balamutíť*, *prosiť*, *odprevadíť*, *odohnať*, *tupiť*, *nahovoriť*, *podplatiť*, *zajat*, *zatkňúť*, *predbehnúť*, *zlákať* (and a hundred more). Most of them when functioning as predicates cannot govern the reflexive *sa* as their object, cf. ungrammatical phrases: * *balamutil(a)* *sa*, *odprevadil(a)* *sa*, *podplatil(a)* *sa* ...

Similarly there has been some extension in the use of the reflexive *si* in semiclausal constructions. Here *si* requires an objective function even after verbs which in predicate had *si* only as a particle in fact as components of reflexiva tantum. E.g. in the sentence *Dala si predstavíť Laca* (Jaroš) (she has got Laco introduced) the reflexive *si* is an object while the reflexive verb in the predicate *predstaviť si* is a reflexivum tantum. The reflexive *si* occurring in semiclausal constructions functions as a current object after verbs of groups *dať — vziať* (to give, yield — to take) e.g. *Dali si naliať* (they had some drink poured out) (Kukučín) — *Ráno mu ju vzali*, *ak si ju človek dal vziať* (In the morning it was taken away if one would be "robbed" of it) (M. Urban).

The position in a semiclausal construction makes it possible for the reflexive *si* to be used to a broader extent also as a single (exclusive) dative object, e.g. *Francisci, pravdaže rečnil, nikdy si nedal ujsť príležitosť* (Francisci, of course, was speaking, he never *let escape an opportunity) (V. Mináč).

The infinitive of a notional verb can be left out in semiclausal constructions. By such transformations arise constructions of type (*ne)dať sa — (ne)dať si*, where the objective *sa*, *si* seems to be dependent on a finite verb but the broader context implies that it is dependent on an elided infinitive e. g. *A predsa je to jej Peter a ona si ho nedá* (= *vziať*) (And yet it is her Peter and she does not allow *him to be snatched from her) (I. Horváth). The semiclausal infinitive constructions constitute a base for more complicated transformations as well. E.g. *dáva sa holí u XY* (he gets himself shaved by XY) with further elaboration there arise the semiclausal constructions of type *holí sa u XY* (i. e. he is used to be shaved by XY) in which the objective *sa* is formally dominated by the finite verb *dať* in the predicate, but the finite verb *holí sa* is a transform of the infinitive resulting from the semiclausal construction *dáva sa holí*.

When summing up the observations of our evidence for the objective meaning of

the contracted forms of the reflexive pronouns *sa*, *si*, we obtain a picture that is different from the descriptions having been presented in literature so far. The objective function of reflexive pronouns has been neglected by Slavonic linguistics as well as by international general linguistics. The object function of reflexive pronouns is illustrated in synthetic works (even in major academic grammars) only by a small traditional number of not very representative examples. Neither by theoretical linguistics nor by lexicographic practice have the objective reflexive pronouns been appreciated. Not only in lexicology (where reflexive verbs are separated from non-reflexive ones) but also in syntax and with generative linguistic descriptions (in qualifying kernel sentences and in defining the participants of their predicates). Most authors were rather in doubt about reflexive pronouns. Hence they first of all gathered reasons for qualifying them negatively in cases where reflexive pronouns do not appear to be object. Thus there has arisen an idea about the negligible range of their objective usage. This idea has not been confirmed by our analysis of Slovak evidence, especially so since so far not all the syntactic positions have been considered. Further consideration might well reveal an even more extensive occurrence of contracted forms of the reflexives *sa*, *si* in objective function. To distinguish these positions we have established our methodology of analysis. The occurrence of the objective reflexive pronoun is essentially affected by two syntactic positions: a) the position depend on the predicate verb, b) the position depend on the infinitive in semiclausal constructions.

The objective reflexive pronouns are most limited with finite verbs functioning as predicates where a). They follow only verbs expressing the purposeful (not spontaneous) activity of the agent being aimed at "himself". Nevertheless, not only verbs having an affected object are concerned as has been asserted in existing descriptions. The reflexive *sa*, *si* keeps its objective function also with verbs having other kinds of object (factual and perspective ones) and that happens more frequently. In these two groups a favourable condition is represented by the position of the reflexive *sa* in a double-object government. Within such a government the reflexive *sa* is as a rule an indispensable constituent of the construction and hence it is not usual for it to be left out. The second object represented by among other things reflexive *si* can often be omitted.

A further reason a semantic one for the more extensive range of the objective *sa*, *si* in the predicate is to be found in the reciprocal semantics of the reflexive pronoun. With reflexive pronouns having a reciprocal meaning the objective function is not only more extensive but it is also distributed in a different way as far as kinds of objects are concerned. The affected object having been weakened most in primary position is more common in constructions involving reciprocal pronouns.

Governed by the infinitive in semiclausal constructions the reflexives *sa* meet their objective function also after verbs that must be completed in their predicates by a personal pronominal object, e.g. *dali ste sa vyhnáť* (they made you get out, they

had you expelled, *you let ourself be expelled). Semiclausal infinitive constructions are then the proper sphere of the objective *sa*, *si*. And on the contrary, the reflexive *sa*, *si* with most of the above verbs presented here appears to be an evidence of their semi-predicative value.

REFERENCES

- HAVRÁNEK, B.: *Genera verbi v slovenských jazycích*. I. Královská česká společnost nauk 1928, 184 pp.
- KOENITZ, B. — WALTER, H.: Zur syntaktischen Interpretation der Klitika in den slawischen Sprachen der Gegenwart. *Zeitschrift für Slawistik*, 12, 1968, pp. 179—200.
- KOPEČNÝ, F.: Passivum, reflexní forma slovesná a reflexní sloveso. In: *Studie a práce lingvistické*. Red. J. Bělič et al. Praha, Nakladatelství ČSAV 1954, pp. 224—247.
- Morfológia slovenského jazyka. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydatelstvo SAV 1966, 895 pp.
- PAULINY, E.: Štruktúra slovenského slovesa. Bratislava, Slovenská akadémia vied a umení 1943, 112 pp.
- ORAVEC, J.: Väzba slovies v slovenčine. Bratislava, Vydatelstvo SAV 1967, 392 pp.
- ORAVEC, J.: Zvratné zámeno si v objektovej funkcií. *Slovenská reč*, 40, 1975, No. 4, pp. 193—201.
- ORAVEC, J.: Zvratné zámeno vo funkcií objektu. In: *Jazykovedné štúdie*, 13. Ružičkov zborník. Ed. J. Horecký. Bratislava, Veda 1978, pp. 217—224.
- RUŽIČKA, J.: Skladba neurčitku v slovenskom spisovnom jazyku. Bratislava, Vydatelstvo SAV 1956, 185 pp.
- RUŽIČKA, J.: Zo sémantickej problematiky slovies. In: *Studia Academica Slovaca*. 6. Bratislava, Alfa 1977, pp. 479—491.

The Morphological Type of Bengali

ANNA RÁCOVÁ

I

It is generally admitted that there is no language that would represent the pure type; rather elements of several types are represented in each language with one type usually predominating. The dominant type in a language can be determined either through a detailed analysis and description of its characteristics — hence, through an analysis of the language as a system (*langue*), as is done, for instance by Skalička (1951), or quantitatively, through an analysis of the text (*parole*), as is shown by Greenberg (1960), i. e. on the basis of quantitative indices based on the occurrence always of two elements (e. g. words and morphemes) in the text.

The present text has an aim to combine both above methods:

1. to determine the (prevailing) type of Bengali on the basis of a detailed analysis of grammatical categories of various relevant parts of speech, and

2. to attempt at quantitative typological characteristics of Bengali based on the method of quantitative indices according to Greenberg in Krupa's (1966) modification.

A certain shift is apparent in the morphemic structure of the modern North-Indian languages from inflexion towards agglutination involving a progressive diminution of the number of inflectional forms on the one hand, and an augmentation of the number of analytic and agglutinative forms on the other; this pattern is all more evident as the relevant language is localized more to the east (Zograf, 1966). This in itself implies that Bengali is principally an agglutinative type of language, although it should be assumed that it has retained a high degree of flexion and thus, even before a detailed analysis of the language is undertaken, it becomes evident that our study will primarily involve a determination of the proportions between morphemes of an inflectional and an agglutinative type. Hence, it is thought of some importance to point out how these two types of morphemes differ in Bengali.

Flexional and agglutinative morphemes in Bengali are seen to differ under a) the semantic and b) the formal aspect.

Agglutinative morphemes a) carry but a single grammatical meaning, b) are attached to other morphemes either as infixes or suffixes (e.g. in infinite verb forms) with no change taking place either within them, or on the intra-word morph juncture and they are clearly distinguishable and separable from other morphemes.

Flexional morphemes a) usually carry more than one grammatical meaning (e.g. personal endings of Bengali verbs reflect the category of person, tense, the honorifics); they may be either homonymous or synonymous, b) they are always attached to the end of a word (are true endings), yet, similarly as in the case of agglutinative morphemes, they are clearly distinguishable, remain unaltered, and no change takes place in the preceding morpheme.

From the above it ensues that when flexional morphemes are to be differentiated from the agglutinative ones, account should be made particularly of the semantic aspect.

II

1. The most rich as to form and simultaneously the most problematic part of speech in Bengali is the verb with an abundance of finite and also infinite forms (Rácová, 1975).

The finite verb form in Bengali reflects the grammatical category of time, person, the honorifics and the mode.

Bengali has four basic tenses: the present, the past, the habitual past and the future. Their primary role is to express a relationship to the moment of speech, as well as the fact whether the action expressed by the finite verb is repeated or not (this property is negative in all basic tenses except the habitual past). To every basic tense there corresponds a progressive form (expressing duration of the action) and the perfect form (expressing a terminated action). The following table presents a conspectus of verbal tenses in Bengali, with the various tenses divided into morphemes. Table 1 is based on the sādhu-bhāṣā forms, which are more explicit morphematically than the calit-bhāṣā forms, where the morphemes have become fused as a result of an omission of vowels from the suffixes, or because of vocal harmony.

A more detailed analysis of the morphemic structure of forms in Bengali reveals that they may all be divided into two groups.

Table 1

	Simple	Progressive	Perfect
Present	<i>kar-i</i>	<i>kar-ite-ch-i</i>	<i>kar-iyā-ch-i</i>
Past	<i>kar-il-ām</i>	<i>kar-ite-ch-il-ām</i>	<i>kar-iyā-ch-il-ām</i>
Hab. past	<i>kar-it-ām</i>	<i>kar-ite thāk-it-ām</i>	<i>kar-iyā thāk-it-ām</i>
Future	<i>kar-ib-a</i>	<i>kar-ite thāk-ib-a</i>	<i>kar-iyā thāk-ib-a</i>

The first group is made up of the so-called simple tenses (= basic) whose characteristic feature is that the personal morpheme (stands at the end) and the time feature (indicates whether the present, the past, the habitual past or the future tense is involved) is added directly to the root of the principal verb. This may be schematically expressed as follows: R—T—I, where R stands for the root of the verb, T (= 0, -il-, -it-, -ib-) is the tense feature of the corresponding tense (present, past, habitual past, future), and I is the inflection.

The second group comprises compound tenses (i.e. progressive and perfect tenses) formed with the aid of the existence-denoting verb *-āch*, or the verb *thākā*, schematically represented by R—P—r—T—I (e.g. *kar-iyā-ch-il-ām*), where R is again the root of the relevant verb, P is the symbol of the perfect tense (indicates progressive or perfect tenses that are in the relationship of a complementary distribution), r stands for the root of the verb of existence, or of the verb *thākā* (likewise in the relationship of a complementary distribution), T denotes the tense feature and I the inflection.

As evident from the foregoing schemes, the simple tenses are formed by agglutination: every grammatical meaning is expressed by a special morpheme, the various morphemes being clearly separable and their intra-word morph junctures exactly definable. Changes may take place within the verb root as a result of vocal harmony, which may be considered as yet another trait of the agglutinative type of language.

The formation of compound tenses in the present and the past is of the agglutinative type, compound habitual past and future tenses are formed in an agglutinative-analytical manner.

A further grammatical category of the Bengali verb is that of person (Rácová, 1977a), which expresses the relation of the speaker to the agent of the action involved. It has three grammemes: the first person, the second person and the third person. Personal endings, denoted in the preceding schemes by I, are attached to the end of the verb form. They are the same for the singular and the plural. (Number is expressed analytically, by a special word which is either a noun or a pronoun: *āmi kari* — I work, *āmrā kari* — we work.) The ending has the same form in all Bengali verbs (i.e. in combination with any root whatever).

Personal endings also help to express the category of tense (different personal endings are used) for the present, the past and the future tense and the category of mode (they indicate that the indicative and not the imperative is involved). In addition, personal endings of verbs in Bengali help express a certain quality of the speaker's (hearer's) relation towards the agent of the action (honorifics, subordination).

The above implies that a personal ending also comprises several grammemes, a fact that indicates a flexional nature of the verb in Bengali.

As a further manifestation of the flexional nature of Bengali verbs, we may consider the existence of homonymous personal endings:

1. verbal endings are the same in all persons of the past and habitual past tenses (tenses differ solely by their tense features),
2. the ending -a occurs in the 1st person of the future, in the 2nd person of the present and in the 3rd person of the past tense (with a simultaneous existence of diverse tense features),
3. the ending -en occurs in the 2nd and 3rd persons of the honorific form in all the tenses.

The grammatical category of mode in the Bengali verb is characterized by an opposition of the imperative (present and future) and the nonimperative.

The imperative mood is expressed by special suffixes that are attached to the root (*kar-a* — do!); they differ in the various persons (except for -un which goes with both the 2nd and the 3rd person of the honorifics), but are always the same when joined to any root. They are clearly separable from the root. All this goes to show that they are agglutinative in character.

Infinite verbs are formed with the aid of special suffixes attached to the root of the given verb:

	-ā (verbal noun)
<i>kar</i>	-ite (progressive participle)
	-iyā (perfect participle)
	-ile (conditional participle)

Suffixes are clearly separable from the root, possess but a single grammatical meaning and are the same with all the verbs: hence, there is an evident agglutination.

Bengali compound verbs that may be defined as "the sequence of the perfect participle and a finite verbal form functioning as a lexicogrammatical unit, the meaning of which is derived from the lexical meaning of the first component, the second component losing its lexical meaning and serving only as a modifier of the meaning of the first component" (Rácová, 1977b), e.g. *niye yāoyā* — to take (liter. having taken to go) are considered to demonstrate the analyticity of the Bengali language.

Bengali expresses also verbal negation analytically (e.g. *yāi nā* — I do not go, liter. I go no).

2. A further relevant part of speech is that of noun, distinguishing the grammatical category of case and number.

The grammatical category of case has four grammemes: the nominative, the objective, the genitive and the instrumental-local, which are formed with the aid of the following suffixes (Bykova, 1966, p. 33):

N:	<i>O</i> , -e, -y, -te, -ete
O:	<i>O</i> , -ke, -re, -ere; -e, -y, -te, -ete

G:	-r, -er
I—L:	-e, -y, -te, -ete

Thus, Bengali admits of numerous synonymous (but also homonymous) endings (a feature of the flexional type), the choice of a definite case ending depending on the nature of the vowel at the end of the nominative base, on whether an animate or an inanimate substantive is involved, on the determinedness of the object, and on the stylistic sphere of language utilization.

Case endings are the same for the singular and the plural with the exception of the nominative plural which distinguishes between animate and inanimate substantives. The former (animates) take the ending -erā (e. g. *mānuṣ-erā* — men) which has two grammatical meanings — it indicates the case and the number (flexional manifestation), while in the latter (inanimates) the case ending of the nominative plural is zero.

In the singular, case endings are added to the basic form which remains unaltered, and this either directly, or after the feature of definiteness; in the plural, case endings are added after the number feature (agglutinative manifestation in the language), e.g.:

	Sg.	Pl.
N:	<i>bai</i>	<i>bai — guli</i>
G:	<i>bai — (ta) — r</i>	<i>bai — guli — r</i>

The grammatical category of number has two grammemes in Bengali: the singular and the plural.

In the singular, substantives are usually without any formal feature for number, or the latter is expressed analytically with the aid of the numeral *ek* (one). Occasionally, to intimate the idea that the singular is implied particles are added to the base before the case ending (zero in the nominative); they fulfil further functions (e.g., they indicate that an object qualified in some detail is involved, express the speaker's relation to the object, point to its form, etc.).

The nominative plural of animates is expressed by the case ending -erā: hence, -erā has two grammatical meanings, a fact that speaks for flective character of Bengali but in the remaining cases in the plural, the intra-word particle for number (-dig- with animates and -gula- with inanimates) is placed between the base and the case ending and carries but a single grammatical meaning — i.e. indicates the number.

The existence of the infix which has but one grammatical meaning (indicates the plural) and is clearly distinguishable from the other morphemes, is an agglutinative element in Bengali.

The number category in Bengali is not expressed with abstract nouns, with nouns indicating paired items (eyes, hands) and with names of substances (uncountables) (Bykova, 1966, p. 36).

There is no grammatical category of gender in Bengali substantives : the differentiation of gender has completely disappeared from this language (a fact considered as characteristic of the agglutinative and isolating type of language). Of course, there exist means for differentiating natural gender, which Bykova (1966, p. 38) aptly divides into lexical (*bāp* — father, *mā* — mother), syntactic (*mānus* — man, *meye mānus* — woman) and word-forming (suffixes *-n*, *-nī*, *-ānī*, *-inī* attached to the base of the noun denoting the masculine gender ; as a rule, they denote a profession). These derivative morphemes are relevant to our study for they have to be taken into account in a quantitative characterization of Bengali.

3. With minor exceptions, the adjective in Bengali remains unchanged : it shows no agreement with the noun, and this fact is to be considered as a mark of agglutination.

Of an agglutinative character is also the comparison of adjectives with the aid of the suffixes *tar(a)* and *tama* (e.g. *guru*, *gurutara*, *gurutama*) which carry but one grammatical meaning, are attached to the 1st degree of an adjective, and are clearly separable from it.

A more frequent way is an analytical comparison of adjectives in Bengali, and this with the aid of special constructions that express also the object of comparison. The latter always takes the genitive case in the comparative, and the nominative case in the superlative e.g. *āmār ceye bāra* — bigger than I (liter. big than of me), *sab ceye bāra* — the biggest (liter. big than all).

4. The cardinal numbers, like adjectives, do not change ; they take no endings and are connected with the singular of nouns.

Ordinals, taken over from Sancrit, when connected with Sanscrit feminine nouns, have the endings of the feminine gender *-ā* or *-ī* (like adjectives).

Bengali also makes use (though not compulsorily) of numeratives (as in the polysynthetic type) : *ekjan brāhmaṇ* — a brahman (liter. one man brahman).

The remaining parts of speech are not thought relevant to a determination of the dominant morphologic type of Bengali.

This brief analysis of the grammatical categories in Bengali clearly shows that elements of the agglutinative type predominate, that traces of the flexional type are fairly conspicuous, and that elements characteristic of other linguistic types (analytical, polysynthetic) are also present.

III

In the subsequent section of our study, an attempt is made at a quantitative characterization of the composition of the morphemic inventory of Bengali based on counting and comparing of occurrences of the following morphological units : words, morphemes, roots, derivational and inflexional affixes, prefixes, infixes, suffixes and intra-word morph junctures, including agglutinative intra-word morph junctures.

The calculations were made for 100 words of the text which has been taken from Thākur (s. a.).

The methodology was originally proposed by Greenberg, but we make use of the variant elaborated by Krupa who modified some of Greenberg's indices so as to characterize the morph composition of the language inventory, in contrast to Greenberg's indices that characterize the word structure.

From Greenberg's and Krupa's indices, only those relevant to Bengali and to the aim of the present study have been used: W/M — words per morphemes — a measure of the degree of analytism; W/R — words per roots — a direct measure of the degree of mono-radicalness of words; A/J — agglutinative intra-word morph junctures per total of intra-word morph junctures; Af/M — affixes per total of morphemes, D/M — derivational morphemes per total of morphemes, I/M — inflexional morphemes per total of morphemes, S/M — suffixes per total of morphemes, P/M — prefixes per total of morphemes, Inf/M infixes per total of morphemes — indices measuring various aspects of inflection.

The numbers in Table 2 show the incidence of morphological units in the text scanned. The numbers for morphemes include also zero morphemes. The morph juncture before a zero case morpheme is considered to be agglutinative, analogically with that before the other case morphemes.

Table 3 shows typological indices for Bengali.

Table 2. Occurrence of the morphological units in the text

W	R	M	J	A	Af	S	P	Inf	I	D
100	110	203	102	76	64	55	3	6	11	8

Table 3. Typological indices

W	W/M	A/J	W/R	Af/M	S/M	P/M	Inf/M	I/M	D/M
100	0.49	0.74	0.90	0.31	0.26	0.01	0.03	0.05	0.04

If, according to Krupa (1966), the interval of values (that range from 0 to 1 is divided into four parts, the typological index, understood as a variable, may assume four different values that range between two extreme values (designated as A and $\bar{A}$):

1. highly A $\langle 0.76; 1 \rangle$
2. moderately A $\langle 0.51; 0.71 \rangle$
3. moderately $\bar{A}$ $\langle 0.26; 0.50 \rangle$
4. highly $\bar{A}$ $\langle 0; 0.25 \rangle$

with A being a complement of $\bar{A}$ (e.g. index W/M is a measure of the degree of analytism and its complement 1 — W/M is a measure of the degree of synthetism).

If the above procedure is applied to an evaluation of the typological indices valid for Bengali, then it ensues that Bengali is a language moderately synthetic, moderately agglutinative (although on the very border of a high agglutination), highly mono-radical and moderately non-affixal (although this resultant value is contributed to in various measures by diverse types of affixes — see Table 3).

In conclusion it may be stated that a quantitative analysis of the text has brought support in general to our conclusions arrived at in the first part of the present study.

REFERENCES

- BYKOVA, E. M.: Bengalskii yazyk. Moscow, Nauka 1966.
GREENBERG, J. H.: A quantitative approach to the morphological typology of language. In: IJAL, 26, 1960, No. 3, pp. 178—194.
KRUPA, V.: Morpheme and Word in Maori. London—The Hague—Paris, Mouton 1966, 83 pp.
RÁCOVÁ, A.: System of tenses in Bengali and their morphemic structure. In: Asian and African Studies, 8. Bratislava, Veda 1973, pp. 27—32.
RÁCOVÁ, A.: Systém bengálskeho slovesa. Dissertation. Bratislava 1975.
RÁCOVÁ, A.: Slovesná kategória osoby a honorifickost v bengálčine. In: Jazykovedné štúdie, 13. Ružičkov zborník. Ed. J. Horecký. Bratislava, Veda 1977a, pp. 231—236.
RÁCOVÁ, A.: The compound verb in Bengali. In: Asian and African Studies, 13. Bratislava, Veda 1977b, pp. 29—46.
SKALIČKA, V.: Typ češtiny. Prague, Slovanské nakladatelství 1951, 96 pp.
TKÄKUR, R.: Poštmašťár. In: Galpaguccha. Vol. 2. Calcutta, Indian Publishing House s. a., p. 16.
ЗОГРАФ, Г. А.: Морфологический строй новых индоиранских языков. Москва, Издательство Hayka 1966.

Kritik der Sprachwissenschaft der Gegenwart

(Zu methodologischen Problemen der Erforschung der slowakischen Sprache)

JOZEF RUŽIČKA

1. Die slowakische Sprachwissenschaft ist eine verhältnismäßig gut entwickelte und innerlich differenzierte gesellschaftswissenschaftliche Disziplin; in ihrem Rahmen entwickeln sich alle sprachwissenschaftlichen Fächer (wenn auch nicht alle in gleichem Maße) und es werden bewährte Arbeitsmethoden angewendet. Darin ist aber auch schon die grundlegende Kritik dieses Zustandes enthalten, denn in einigen Disziplinen äußert sich nicht einmal ein Streben nach einer moderneren Methodologie; es werden Methoden angewandt, die durch die breite internationale Forschung seit Anfang des 20. Jahrhunderts, als man große Projekte im komplexen Forschungsrahmen der Nationalsprachen zu formieren und zu realisieren begann, überprüft worden waren.

In der gegenwärtigen Forschung macht sich die Tradition eher als ein retardierender Faktor geltend, weil die gesellschaftlich relevanten Erkenntnisse der älteren Sprachwissenschaft dazu anregen, die Arbeit so fortzusetzen, daß man weder die bewährte Theorie noch die überprüfte Methodologie verletzt und folglich auch die national aufgebaute, altmodisch-nationalansporend oder nationalistisch orientierte Tradition nicht unterbricht. Mit einem solchen Zustand unseres Faches geben wir uns freilich nicht zufrieden und suchen Abhilfe.

Eine neue Orientierung der Slowakistik kann man im Grunde auf zwei Arten erreichen: erstens, durch den Aufbau einer neuen (dem heutigen Zustand der gesellschaftlichen Entwicklung adäquaten) Theorie der Nationalsprache und ihrer Formen, und zweitens, durch die beschleunigte Vollendung großer Materialprojekte akademischen Charakters, um einen gebührenden Raum für ein linguistisches Experiment zu gewinnen. Die erste Art ist für die methodologische Auffrischung der Forschung entscheidend.

2. Auch für die Sprachwissenschaft gelten die grundlegenden Konstatierungen über die Methodologie der Wissenschaft, die sich bei uns in den letzten Jahrzehnten vor allem durch Verdienste des Akademikers Vojtech Filkorn durchsetzen (Filkorn, 1960).

Und wenn man die erwähnte Monographie mit den aktuellen Feststellungen des

auf einer wissenschaftlichen Konferenz über den Marxismus und Positivismus von V. Filkorn vorgetragenen Referats ergänzt, so treten die Reserven der Sprachwissenschaft noch deutlicher hervor: in einem beträchtlichen Teil der slowakischen Sprachwissenschaft kommen nämlich Arbeitsverfahren zur Anwendung, die größere Bedeutung in der heuristischen Forschung und in der Vorklassifizierung des sprachlichen Materials haben, jedoch keinesfalls bei der Aufdeckung des Wesens konkreter Erscheinungen und Prozesse Hilfe leisten können, obgleich dies auch unsere Arbeit zum Ziel hat.

Da die Sprache als ein ziemlich kompliziertes System von Mitteln zur gesellschaftlichen Kommunikation und zur Entwicklung des Denkens dient, ist es nur selbstverständlich, daß bei der Lösung mannigfaltiger linguistischer Probleme mannigfaltige Arbeitsverfahren und -methoden angewandt werden: in der Gegenwart erscheint uns dies natürlich und adäquat. Für natürlich halten wir aber auch das, daß nur einige Bereiche sprachlicher Erscheinungen und Prozesse den neuen und den neuesten Methoden leicht zugänglich sind, die sonst den modernen integrativen Wissenschaften entstammen. In anderen Bereichen geht die Einbürgerung dieser moderneren Methoden recht schwerfällig vor sich. Um diese Unterschiede zu illustrieren, genügt es, einerseits zahlreiche und treffende Beschreibungen und Darlegungen der phonologischen Ebene des sprachlichen Systems, andererseits die Schwerfälligkeit in der Entwicklung der Lexikologie zu erwähnen, obgleich man auch in der Erforschung der Lexik sehr fleißig und mit überaus viel Mühe arbeitet: es sei hier auf erfolgreiche semantische Forschungen hingewiesen.

Die Unterschiede in den Forschungsmethoden sind also sozusagen eine direkte Folge der Unterschiede im Wesen und in der Kompliziertheit der erforschten Erscheinungen und Prozesse, unser Ziel aber sollte es sein, die gesamte Sprachwissenschaft vorwärtszubringen — die Methodologie aller sprachwissenschaftlichen Disziplinen zu modernisieren. Dies gelingt Hand in Hand mit der neuen, den Funktionen der Sprache in der entwickelten sozialistischen Gesellschaft adäquaten Sprachtheorie. Darum verzeichnen wir bemerkenswerte Erfolge nur in einigen Bereichen der Slowakistik.

3. In den letzten drei Jahrzehnten trat eine rasche Entwicklung der Sprachwissenschaft auf der ganzen Welt ein. Bei uns zeigt sich ein gewisser Rückstand im Tempo der Entwicklung, und dies besonders deshalb, weil wir nicht darauf vorbereitet sind, mit der Weltentwicklung Schritt zu halten. Dies ergibt sich aus der stiefmütterlichen Vernachlässigung der allgemeinen Sprachwissenschaft auch im Rahmen der Ausbildung des Nachwuchses, womit ein völliger Mangel an Spezialisten zusammenhängt.

Wollen wir einen, wenn auch nur andeutenden Überblick der grundlegenden Methoden der gegenwärtigen sprachwissenschaftlichen Arbeit anführen, so können wir ein Kapitel aus einem neuen Lehrbuch *Základy jazykovedy* (Grundlagen der Sprachwissenschaft, Horecký, 1978) kurz paraphrasieren, und zwar das kleine

Kapitel *Základné jazykovedné metódy* (Grundlegende Methoden der Sprachwissenschaft, S. 19—38), das sich auch auf die neuesten sowjetischen Arbeiten stützt. Hier werden folgende Methoden mit einer kurzen Charakterisierung angeführt: die Distributionsmethode, die Oppositionsmethode, die Funktionsmethode, die semiotische Methode, die Methode des Modellierens, und die statistische Methode. Schon der Aufzählung dieser Termini ist zu entnehmen, daß hier vor allem zwei Dinge in Betracht gezogen werden: einerseits die Komplexität der sprachlichen Einheiten und andererseits der systemhafte Charakter der Sprache, also die systemhafte Determinierung der sprachlichen Phänomene. Und dies sieht ziemlich modern aus. Es taucht hier jedoch auch ein Mangel auf, der nicht nur die Methodologie betrifft, sondern auch die Theorie als solche: die Sprache wird ausschließlich synchron betrachtet. Es scheint, als würde sich die Sprachwissenschaft der Gegenwart mit der Problematik der Sprachentwicklung nicht zu helfen. Bei uns verharrt man auf dem Standpunkt der Theorie der Prager Schule der dreißiger Jahre, dies in Überzeugung, daß der Gegensatz zwischen der Entwicklung und dem statischen Zustand der Sprache adäquat durch die dynamische Auffassung des synchronen Zustandes gelöst worden ist. Das ist aber zu wenig, und zwar deshalb, weil in der sprachwissenschaftlichen Theorie ein angemessener Platz für eine komplexe Auffassung der Sprache als gesellschaftliche Erscheinung sui generis gefunden werden muß. In der allgemeinen Sprachwissenschaft der Gegenwart wird also der Fehler begangen, daß jene Eigenschaften der Sprache als historischen Phänomens umgangen werden, die der ontischen Problematik nahe stehen. Und in diesem Umgehen der ontischen Problematik äußert sich der Positivismus. Es handelt sich hier nämlich um eine Reduzierung der philosophischen Problematik auf jene Komponenten, deren Lösung auf der gnoseologischen Ebene gelungen ist, und zwar oft auch mehrfach, mit Hilfe der Methoden, die der systemhaften Auffassung des Sprachbaues adäquat sind.

Manchmal wird behauptet, daß die ganze Entwicklungsproblematik durch Anwendung der Erkenntnisse der synchronen Querschnitte gelöst werden kann. So wurde zum Beispiel auf dem gesamtstaatlichen Kolloquium über Phonetik und Phonologie im Jahre 1965 die historische Problematik (u. zw. auch in der abschließenden Zusammenfassung der Tagung, siehe *Jazykovedný časopis*, 1966, S. 96—97) programmgemäß abgelehnt, womit man eigentlich auf die prinzipielle Kritik des Programms reagierte. Ähnlich formuliert wurde die Angelegenheit in der ersten Auflage des Lehrbuchs für Hochschüler von Pauliny (1961); in der folgenden Auflage wurde die kritisierte Formulierung geändert, u. zw. durch Weglassen der kritisierten Stelle; das Problem wurde also mit Schweigen übergangen.

Es wäre allerdings auf gewisse Möglichkeiten eines richtigen Verfahrens hinzuweisen. Zu den erprobten Methoden der sprachwissenschaftlichen Arbeit gehört die historisch-vergleichende Methode, mit der die Erfolge der Sprachwissenschaft seit dem letzten Drittel des 19. Jahrhunderts eng verknüpft sind. Es ist wahr, daß diese

Methode von Anfang an in Verbindung mit der Theorie der Sprachfamilien angewendet wurde, mit dem Ziel, den sprachlichen Ursprung dieser Familien zu ermitteln, aber später kam diese Methode auch bei der Erkennung der historischen Perspektive des synchronen Zustandes einzelner Nationalsprachen zur Geltung. Es handelt sich um eine Methode, die ziemlich elastisch und bei der wissenschaftlichen Forschung der Sprachentwicklung auch heute im Rahmen der marxistisch orientierten Sprachwissenschaft verwendbar ist. Daher sollte man sie weiter entwickeln.

Die Sprache ist ein historisch-gesellschaftliches Phänomen. Deshalb ist die Entwicklung eine immanente Eigenschaft der Sprache. Die Entwicklung der Sprache ist eine universelle Eigenschaft: alle sog. lebenden (gesellschaftlich gebrauchten) Sprachen ändern und entwickeln sich. Aber der Trend der Entwicklung und ihr Tempo sind von konkreten historischen Faktoren aus dem Leben der Sprachbenutzer abhängig, also von konkreten äußeren Umständen, in denen sich eine gegebene Sprache geltend macht, und darum besteht hier Mannigfaltigkeit. Der Entwicklungstrend der einzelnen Sprache kann progressiv oder regressiv sein, während der Entwicklungstrend der Sprachen in einer Gemeinschaft konvergent oder divergent sein kann. Auch das Entwicklungstempo kann in den einzelnen Entwicklungsphasen unterschiedlich sein: die Sprache als Ganzes oder die einzelnen Teile, d. h. die Ebenen des Sprachbaues können sich ungleichmäßig entwickeln. Kritisch zu beurteilen ist deshalb die (statistisch) exakt aussehende Methode der Glottochronologie, die ausschließlich auf der Voraussetzung einer divergenten Entwicklung der Glieder einer Sprachfamilie und gleichzeitig auf der Voraussetzung einer ausschließlich gleichmäßigen Entwicklung der lexikalischen Ebene aller Sprachen, bzw. des Kerns des Wortschatzes aller Sprachen beruht. Die Quantifizierung der Unterschiede zwischen den genetisch verwandten Sprachen beruht also auf zweifelhaften Prämissen, so daß es uns eigentlich nicht einmal wundert, daß die Entstehung der Unterschiede zwischen so nahe verwandten Sprachen wie dem Slowakischen und Tschechischen (eigentlich die Entstehung des Slowakischen als einer selbständigen slawischen Sprache) nach dieser Methode einmal in das 10. Jahrhundert (Fodor, 1961, 1962), ein anderes Mal in das 15. (Krupa, 1963; 1967) und wieder ein anderes Mal in das 18. Jahrhundert (Čejka — Lamprecht, 1963) verlegt wird.

Auch in diesem Falle sieht man, daß die Sprachwissenschaft der Gegenwart (hier die Glottochronologie, deren Autor der amerikanische Linguist Morris Swadesh ist) sich nicht um die Erarbeitung von Methoden bemüht, die der Entwicklung der Sprache adäquat wären. Das hängt auch mit der „modernen“ Negierung der Erkenntnisse der „älteren“ Sprachwissenschaft um die Jahrhundertwende zusammen, als man die grundlegenden Thesen der positivistischen Sprachwissenschaft, vor allem die ihres Kerns — der sog. junggrammatischen Schule — kritisch erörterte.

Im denkwürdigen Jahr 1916 trat die europäische Sprachwissenschaft in eine neue Entwicklungsphase ein, die durch die eindeutige Hinwendung zur synchronen

Betrachtungsweise der Sprache charakterisiert wird: in diesem Jahr erschien der *Cours de linguistique générale* von Ferdinand de Saussure. Aber in diesem Jahre begann auch eine neue Etappe in der Entwicklung der Physik, für die das erste Gesamtwerk Albert Einsteins *Grundlage der allgemeinen Relativitätstheorie* charakteristisch ist: diese neue Theorie spricht von einer vierdimensionalen Welt, denn die Zeit hält man für die sog. vierte Dimension im Modell der Existenz. Die Linguistik aber wartet bis heute auf ihren Einstein, der in das Modell der Sprache auch die Dimension der Zeit einführen und so die Bildung von adäquaten Methoden der komplexen Erforschung der Sprache veranlassen würde.

In der Sprachwissenschaft muß man zur fundamentalen theoretischen Arbeit zurückkehren: nur so kann man den komplexen Charakter der Sprachwissenschaft aufrechterhalten und die Flut eines praktizistischen Epigonentums effektiver „moderner Eroberungszüge des Positivismus“ eindämmen.

4. Die erwähnten Methoden der synchronen Forschung der Sprache werden mit Erfolg vor allem bei der Erforschung der slowakischen Sprache der Gegenwart angewendet. Als Beweis dafür dienen zahlreiche Arbeiten in der Semantik, der Syntax und der Phonologie. Besonders erwähnenswert ist die Monographie von Král (1974), in der sich die Nützlichkeit der Informationstheorie für die Sprachwissenschaft zeigt.

Die Sprachwissenschaftler bemühen sich, ihr Fach auch in aktiver Zusammenarbeit mit anderen Fachleuten zu entwickeln, wie dies die wissenschaftliche Konferenz von Linguisten und Mathematikern (Smolenice 1970) bezeugt, deren Tagungsmaterial in der Sammelschrift *Recueil linguistique de Bratislava, IV* (1973) enthalten ist. Schade, daß diese Tagung die Entwicklung unserer Sprachwissenschaft nicht tiefer befriedigen konnte: es wurde nämlich keine „gemeinsame Sprache“ zwischen Mathematikern und Linguisten gefunden, so daß anstatt des geplanten Dialogs zwei parallele Monologe realisiert wurden.

Einen viel größeren Nutzen erbringen die interdisziplinären Konferenzen, die das Institut für Philosophie und Soziologie der Slowakischen Akademie der Wissenschaften veranstaltet: dadurch wird die Entwicklung einer richtigen Konzeption der Sprachwissenschaft und damit auch adäquater wissenschaftlicher Methoden unterstützt.

LITERATUR

- ČEJKA, M. — LAMPRECHT, A.: K otázce vzniku a diferenciace slovanských jazyků. In: Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university, 12. Řada jazykovědná, 11. Brno 1963, S. 5—20.
- FILKORN, V.: Úvod do metodológie vied. Bratislava, Vydavateľstvo SAV 1960.
- FODOR, I.: A glottochronológia érvénysége a szláv nyelvek anyaga alapján. Nyelvtudományi Közlemények, 63, 1961, S. 308—356; 64, 1962, S. 274—275.
- FODOR, I.: The validity of glottochronology on the basis of the Slavonic languages. *Studia Slavica*, 7, 1962, S. 295—346.
- HORECKÝ, J.: Základy jazykovedy. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1978, 184 S.
- KRÁĽ, Á.: Model rečového mechanizmu. Bratislava, Veda 1974, 188 S.
- KRUPA, V.: Glottochronologická metóda v jazykovede. *Svet vedy*, 10, 1963, S. 247—248.
- KRUPA, V.: Nové cesty glottochronológie. *Jazykovedný časopis*, 18, 1967, S. 167—170.
- PAULINY, E.: Fonológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladatelstvo 1961, 116 S.

Verbs of Motion in English and Slovak

EVA RUŽIČKOVÁ

The aim of the research referred to Ružičková (in press) is the semantic analysis of verbs of motion. As to methodology a componential approach is chosen for the analysis, as shown in works of Weinreich, Bierwisch, Bendix, and others. In the approach mentioned the presupposition holds that all verbs may be analysed into further unanalysable semantic components. Implicit understanding of the meaning of lexical items is explicitly presented by decomposition of lexical items; semantic relations may thus be optimally stated among given components.

The analysed material is semantically restricted to those verbs of concrete motion expressing the change of place of the moving substance as a whole. They are divided into primary and secondary verbs according to the fact of whether all moving substances are identical to the impetus. Individual semantic components relevant to the verbs of motion and their classification into subclasses are hierarchically ordered, i. e. semantic components are found in certain hierachic relations. Semantic components are divided into basic components, and the components posited both higher and lower in the given hierarchy. It is not the task of the analysis to present the exact number of all verbs but to define the inner structure of semantic components by which the classification of so far unclassified verbs may be predicted.

In primary verbs all moving substances are identical to the impetus. Combinations of basic, higher and lower components create semantic structures of primary verbs. The group of "basic" components includes agent, impetus, patient, object, and space. Basic components are relevant to the whole class of verbs and thus the verbs of motion cannot be classified on the basis of their presence only.

The group of "higher" semantic components includes those components which in the hierarchy of semantic components are ordered higher and thus are capable of characterizing individual classes of verbs of motion. They represent the semantic content implicit in the given class so that a class of verbs of motion may be distinguished from another class by the very presence of the higher semantic component. This group includes type of step, speed, direction, vehicle, obstacle, and area.

The group of "lower" semantic components includes those components which in the hierarchy are posited lower; together with basic and higher semantic components they form semantic structures of analysed verbs. The group of lower components includes physical, psychic, and moral make-up of agent, totality of agent, number of agents, technique, rhythm, stealthiness, acoustic effect, slant, compactness of space, and frequency.

A corpus of any language may be analysed by application of the presented methodology. In the two analysed corpuses, Slovak and English, seven classes of primary verbs of motion are presupposed according to the number of higher semantic components. One of the seven higher semantic components relevant to only one class of verbs separates it from the whole set of analysed verbs. Subclasses dominated by one and the same higher semantic component are formed by different combinations of lower semantic components.

Secondary verbs of motion express the motion of object or patient which is set into motion either by agent or impetus, i. e. by further unidentifiable power. All moving substances are therefore not identical to the impetus. Apart from basic semantic components there are higher components relevant to the secondary verbs of motion such as agent—object contact, means of transportation, object—surrounding contact, agent—object relation, and area. In the secondary verbs of motion in which the agent is present, lower semantic components are partly identical to those relevant to primary verbs of motion and partly they comprise components such as motor, quantity, weight, form, and compactness. In the secondary verbs of motion in which impetus of the motion is not identical to agent, relevant semantic components are volume, quantity, form, compactness, acoustic effect, and rhythm.

Individual semantic components are used in combinations: some semantic components require the presence of definite components in a given semantic structure; others, however, have no compatibility requirements. By studying compatibility requirements both semantic and lexical restrictions may be abstracted. In other words, it is not the semantic components in themselves which form the basis for the contrastive analysis for example, but rather a different lexicalization of combinations possible in different analysed languages. This means that by analysis of sufficient material in different languages possible combinations are explicitly presented, i. e. combinations of realizable components but also those which because of either semantic or lexical restrictions do not form concrete lexical items.

Presented analysis may be further applied to the language of poetry. We presuppose that the shift of meaning in the language of poetry may be characterized by semantic analysis of restructured componential structures of individual lexemes. The interpretation of the meaning is unthinkable without the analysis of the context of individual lexemes.

The method may be applied to typologically different languages. Slovak, a West-Slavonic language is synthetic while the English language is Germanic and analytic.

An identical set of semantic components is used in the analysis of the corpuses of both languages. What in fact is not identical is the lexical representation of different combinations of semantic components. A different approach to the combination of the identical set of semantic components is shown in the different tendencies of the mentioned languages. There is for example a strong tendency in English to conversion, i. e. transition of items from one category to another without a formal change: *to elbow*, *to claw*, *to shoulder one's way*. Thus, English has at its base a complex semantic structure containing agent movement and the part of agent that is active in overcoming the obstacle. In Slovak, on the other hand, the semantic structure is expressed by independent lexical items (verb plus substantive) indicating separately the movement of the agent and the part of agent active in overcoming the obstacle: *preraziť si cestu laktami*, *pästami*, *ramenami*. Conversion enables semantic content to be expressed by one single lexical item whereas in Slovak it is analysed into verb and noun expressing the movement and the semantic component relevant to the mode of movement: *to force one's way* — *prelaktovať si cestu násilím*, **vnásilniť si cestu*; *to tango* — *tancovať tango*, **tangovat*. Thus converted lexical items expressing quite subtle shades of meaning become a rich source of synonymy (to flock, to crowd, to swarm).

In a synthetic type of language such as Slovak a rich apparatus of affixes is used which help to differentiate slight shifts of meaning: *toč-* : *točiť sa*, *otočiť sa*, *roztočiť sa*, *obtáčať sa*, *stáčať sa*. English equivalents of Slovak prefixed verbs are found in verbs with different stems or phrasal verbs: *pirouette*, *rotate*, *spin*, *turn round*, *turn around*, *twist*, *whirl* *round*.

The presented methodology with abstracted sets of semantic components is a sound basis for both intra- and interlinguistic analyses of semantic structure of verbs.

REFERENCES

- APRESYAN, Yu. D.: *Opty opisaniya znachenii glagolov po ikh sintakticheskim priznakam*. Voprosy yazykoznanija, 5, 1965, pp. 51—66.
- BENDIX, E. X.: *Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi, and Japanese*. The Hague, Mouton 1966.
- BIERWISCH, M.: On classifying semantic features. In: *Progress in Linguistics*. Eds M. Bierwisch, K. E. Heildolph. The Hague, Mouton 1970, pp. 27—50.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: *Príspevok ku konfrontačnému výskumu sémantiky slovenských a českých slovies polohy*. Slovenská reč, 38, 1973, No. 5, pp. 270—277; No. 6, pp. 327—334.
- GAK, V. G.: *Opty primeneniya sopostavitefnogo analiza k izucheniyu struktury znacheniya slova*. Voprosy yazykoznanija, 15, 1966, pp. 97—105.
- RUŽIČKOVÁ, E.: *Slovesá pohybu v slovenčine a angličtine*. Bratislava, Veda 1982 (in press).
- WEINREICH, U.: Explorations in semantic theory. In: *Current Trends in Linguistics. 3*. The Hague, Mouton 1966, pp. 395—478.

О функционально-семантической категории «анимальности-неанимальности» в словацком языке (в сопоставлении с русским)

ЮЛИУС РЫБАК

1. В работах Бондарко (1971а, б; 1976 и др.) разрабатывается проблематика функционально-семантических категорий, представляющих собой «систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» (Бондарко 1971а, с. 8).

По мнению Бондарко, к разряду функционально-семантических категорий следует относить лишь те категории, ядром которых является морфологическая категория. Морфологическую категорию Бондарко считает исходным пунктом для выделения функционально-семантических категорий; отталкиваясь от морфологической категории, определяем, обнаруживаем языковые элементы других уровней языка, которые «взаимодействуют с данной морфологической категорией на базе частичной семантической общности» (Бондарко 1971а, с. 10).

2. Из высказываний Бондарко можно сделать следующий вывод: если между двумя языками имеются категориальные отличия в области морфологии (грамматических категорий), то можно предполагать, что системные отличительные признаки охватывают не только область данной грамматической категории, но и более широкую сферу, образующую соответствующую функционально-семантическую категорию. Это положение имеет большое значение при сопоставительном изучении языков (в частности словацкого и русского). Мы попытаемся продемонстрировать правильность этого тезиса на примере функционально-семантической категории «анимальности-неанимальности» в словацко-русском сопоставительном плане.

3.1 Как известно и как это показал в своих работах Ян Горецки (ср. Horecký 1958, с. 11; 1966, с. 8), в словацком литературном языке в рамках одушевленных существительных выделяются названия животных; грамматически они отличаются от подкласса лиц тем, что в множественном числе

(в мужском роде) образуют формы по образцу неодушевленных существительных.

Итак, в словацком языке на морфологическом уровне в рамках одушевленных существительных четко отличаются друг от друга подкласс лиц и подкласс животных.

3.2 Сопоставительное изучение словацкого и русского языков давно показало, что класс «одушевленных» в русском языке не совпадает с классом живых существ мужского пола в словацком языке. «В русском языке класс «одушевленных» охватывает названия лиц и животных, выходя при этом за пределы мужского рода» (Грамматический строй... 1965, с. 65).

4.1 Различие – неразличение лиц и животных в рамках живых существ (возвращаемся к исходным положениям в пункте 2) в языке не может быть ограничено рамками морфологии; оно является фактором нормы сознания (термин И. И. Мещанинова) коллектива носителей данного языка, а морфологической план является лишь частным проявлением этого общего «членения мира».

В частности различие-неразличение признаков, характеризующих людей, и признаков, характеризующих животных, охватывает те слои лексики, которые так или иначе связаны с живыми объектами окружающего мира.

4.2 Предварительные наблюдения показывают, что имеются все основания для выделения в словацком языке функционально-семантической категории «анимальности-неанимальности», базирующющейся на противопоставлении признаков, характеризующих человека, признакам, характеризующим животных.

При сопоставительном анализе русского и словацкого языков выясняется, что в русском языке, не знающем этой категории, четко выделяется ее «объем», только внутреннему членению ее на две полярные части в словацком языке в русском языке соответствует нерасчлененное единство.

4.3 Определение лексических элементов (и связанных с ними явлений, напр., процессов словообразования), входящих в функционально-семантическую категорию «анимальности-неанимальности» в словацком языке, должно быть предметом специальных исследований. Следует предположить, что различие центра и периферии данного функционально-семантического поля не сводится только к различию его морфологического ядра и лексической периферии; в рамках лексики будут элементы, которые больше тяготеют или к центру, или к периферии данного поля.

4.4 Интересен сам факт, что к изложенным выше заключениям нас привело изучение не морфологических, а именно лексических явлений. Иногда, особенно при работе над переводами художественной литературы, нам попадались русские лексемы, которые при переходе «в мир словацкого языка»

раздваивались, разбивались («раздирались»!) на пары лексем, противопоставленные друг другу по признаку «относящееся к человеку» – «относящееся к животному», сравни:

зарезать	{ zabiť, zavraždiť zarezať, zaklať
волосы	{ vlasy chlpy, srst'
кормить	{ chovať, dávať jest' kŕmiť, vykŕmovať
кормить	{ (грудью) — dojčiť (сосками) — pridájať
двойня	{ dvojčatá dvojičky
нос	{ nos ňucháč, ſufák, zobák
есть	{ jest' žrať
мать	{ mať, matka matka
кричать	{ kričať reváť + целый ряд специфических названий звуков животных
рот	{ ústa tlama, raruľa

Примечание. Читатель поймет, что на данном этапе разработки этой проблемы нас может не интересовать характер оппозиций (эквиполентная, привативная и т. п.) каждой из приведенных (и вообще возможных) пар словацких эквивалентов; самое главное – обнаружить, что такие пары есть, и определить общность их отличительных признаков.

Накопление подобного рода примеров в определенный момент привело к «скачку от количества к качеству»: к мысли, не подчиняются ли все эти разрозненные явления единому общему закону семантических соответствий, который имеет прямое отношение к морфологической категории лица – не лица в словацком языке и к ее отсутствию в русском языке?

5. Выделение функционально-семантической категории «анимальности-неанимальности» имеет кардинальное значение для сопоставительного изучения явлений, охватываемых рамками данной категории в словацком и русском языках. Можно выразить уверенность, что в аспекте этой категории

логическое объяснение получают многие совпадения или отличия в русском и словацком языках, которые при традиционном описании казались случайными.

ЛИТЕРАТУРА

- БОНДАРКО, А. В.: Грамматическая категория и контекст. Ленинград, Наука 1971а. 116 с.
БОНДАРКО, А. В.: Вид и время русского глагола (Значение и употребление). Москва, Просвещение 1971б. 238 с.
БОНДАРКО, А. В.: Теория морфологических категорий. Ленинград, Наука 1976, 255 с.
Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. 1. Морфология. Братислава, Издательство Словацкой Академии Наук, 1965. 304 с.
HORECKÝ, J.: K otázke systému v slovnej zásobe. In: Jazykovedné štúdie. 3. Spisovný jazyk. Red. J. Ružička. Bratislava, Vydavatelstvo SAV 1958, s. 5—18.
HORECKÝ, J.: Model gramatického rodu v západoslovanských jazykoch. Jazykovedný časopis, 17, 1966, s. 3—12.

The Speed of Linguistic Communication

JÁN SABOL

It is a generally well-known fact that the purpose of linguistic communication is to provide the percipient with an adequate amount of semantic information. With regard to the satisfactory and effective completion of the communicative act the expeditor strives to give the means of communication — language — such a shape so that the percipient may decode it easily. Information contained in the linguistic utterance which is constructed by means of a system of linguistic signs reflecting the dialectic relationship between form (determining, designans) and content (determined, designatum) is encoded according to the temporal and spatial relations of the live linguistic situation and its "mirroring" in stylistically differentiated texts. Every social, i. e. also communicative situation, occurs in a certain space and proceeds in a certain period of time (Lamser, 1969, pp. 107—115). The universal character of the temporal and spatial relations is thus inevitably reflected also in language, in a concrete communicative situation.

1. To consider the speed of linguistic communication, the speed of encoding, transmission, perception and decoding of the linguistic information encapsulated in formal, phonic elements implies consideration especially of the temporal modulation of linguistic means; against the background of this modulation it is possible to illustrate the dialectic unity of the communicative act (expedient—language—percipient) very well.

1.1 Linguistic units are formed, modulated and in the communicative process produced and received in a certain span of time, at a certain speed. This inevitable time lag in the realization of linguistic elements is so natural that we do not even realize it at first. Its natural character in this case, however, does not mean that we take it for granted, which follows from inevitability. We find it out unambiguously in such a situation when, during the communication by means of language, we come across such a duration of the linguistic units, such a speed of utterance, which disturbs our spontaneous communicative habit — either a too rapid or a too slow speed of utterance. This prosodic, suprasegmental phenomenon, which is established by

means of the temporal modulation of the articulatory stream (Sabol, 1972, pp. 98—99; 1975, p. 376; 1977, p. 15), has its fixed span which is fully realized by the users of the language under consideration. And, moreover, this prosodic phenomenon in language is made of full use also from the functional point of view. The functional aspect of the speed of utterance follows from the communicative situation and is established also by the internal structure of the text. As an example of the text-conditioned (situationally and internally) opposition of the rapid and slow speed of utterance we can introduce a football or an ice-hockey running commentary and the recitation of a pathetically tuned modern poem written in verse.

1.1.1 Already from the outlined opposition of the two poles of the speed of utterance a preliminary conclusion could be drawn according to texts in which the emphasis of the communicativeness, of the communicative aspect of the linguistic function is concerned (colloquial style, public-speaking style) have the tendency to a more rapid flow than texts underlining the depictive, expressive linguistic function (in which communication is in the background), taking into account either the conceptual expression in the technical style or the experience expression in the literary style (for conceptuality and experience of the expression see Miko, 1973, pp. 36—37). Thus it shows that the stylistic relevance of the utterance is in the background of the differentiation of the speed of utterance (see Mistrík, 1973, pp. 271—272).

1.1.2 The speed of utterance is a sensitive seismograph of the articulatory, acoustic, and perceptual capacity of the expedient and the percipient in the communication channel. In every form of transmission there exists a certain maximum limit of the flow of the amount of signs which can be carried through the channel; in this respect the percipient also has a certain capacity of perception (the flow of the amount of originality of information is estimated at approximately 16 bits in a second — see Frank, 1965, p. 228). In this sense “information which is connected with arrangement is connected with the preservation and transmission of this arrangement. The principle of the transmission and preservation of arrangement is in accordance with the dialectic materialistic concept of reflection which is peculiar to every substance” (Zeman, 1965, p. 71). The speed of utterance — we do not have in mind only the duration of the articulation and the time duration of the acoustic signal but in fact the speed of the transmission of the semantic information — is thus closely connected with the speed of reflection of the objective reality by means of language and with the reaction of man to the concrete, immediate situation. Certain slight differences in the speed of utterance in individual languages which can be generally observed are not (entirely) a result of the “temperament” of the speakers, but they duly reflect, at the same time, the experience of man and his ability to grasp, depict and transmit a shot of objective reality and the knowledge about it by means of linguistic units. During our communication through language we are, as a matter of fact, used to receive a certain amount of information in a certain period of time. This

fact “forces” the expedient (speaker) to realize his utterance at an adequate speed with regard to the semantic wealth of information. The listener will perceive and “evaluate” as a communicative error or deformation every disturbance of the terminal values of the speed, in the background of which there is the stylistic ranking of the utterance, and also in this respect the semantic contents of the text given especially by the opposition of the communicative and expressive linguistic functions. From what has been said we can draw the following typological conclusion: the longer the average syllabic length of the basic movable semantic and phonetic unit of language — the word (sign), the more it forces the user of the given language to modulate his utterance at a more rapid speed or vice versa. Thus the final communicative effect is identical in the individual languages: in a certain unit of time an equal amount of information is “transmitted” (in certain approximative values). In this way the universal “human” reflection of the objective reality through language is proved. We can again introduce here as an example a radio running commentary of an important sporting event: radio commentators from various countries react similarly (only with slight exceptions) — in spite of different language structures — to a certain immediate situation and communicate about it equally. Slight differences in their speed of utterance are, however, given as an objective factor: by the different internal structure of languages which they make use of. In this way, as we have mentioned above, the speed of utterance “counterbalances” the final communicative effect established by the contents of the utterance (Sabol, 1976a, p. 18; 1977, pp. 29—30).

1.1.3 Our considerations have so far been concerned especially with the universal “human” speed of utterance which is closely connected not only with the ability of man to articulate but also to adapt acoustically and perceive the individual sounds as phoneme realizations and higher phonic units so that in the process of communication their peculiar features, which enable us to distinguish the meaning, may not be affected. Otherwise the communicative aim could not be satisfactorily realized and completed. On the “lower” level — in the framework of real languages — it is necessary to investigate the speed of utterance both in the macrotext (1.1.4) and in the microtext (1.1.6).

1.1.4 The speed of utterance is an important signal and regulator of the semantic wealth of the text: the richer the utterance semantically, the more exacting, the slower the speed of its realization or vice versa. The communicative habit to get an approximately equal amount of information in a certain period of time is as a rule applied also in the phonic structure of the stylistically differentiated utterances in the framework of a real language. A semantically poorer, emptier, more conventional utterance is realized more quickly than a semantically saturated text (the speed of utterance in the broader sense of the word is given not only by the degree of the speed of articulation of syllables, words and higher units, the number and the length of pauses, but also by the lexical and grammatical structure of the text: the shortening

of expressions, ellipses and other means of the condensation of expression — 1.1.2 ; compare also Mistrík, 1973, pp. 272—273). We have in mind the opposition of colloquial and technical, or literary style. In these cases the amount of semantic information in a certain time unit is approximately equal (to some extent counterbalanced). The above-mentioned rule, however, is closely connected with another one : the quicker — and this is, as we have observed, objectively forced — the speed of utterance, the simpler the articulation of the smallest phonic segments of speech — sounds, or vice versa. In the linguistic research following from the above-mentioned facts it is necessary to consider the process of simplification of pronunciation of some sound types (especially consonant clusters) as an objective rule and take it into consideration also in the description of the sound system and its codification (e. g. by means of recording the corresponding varieties in the individual styles). By means of the codification of the unified type of pronunciation for all spheres of the social communication the matter would become very simplified and — paradoxically — it would not help the communication, just the opposite. Simply it might happen — e. g. in the colloquial style — that it could cause a break in the communication channel (discontent from the speed of communication), because the percipient would not receive an adequate amount of semantic information in a certain time unit. A stricter codification of articulation (i. e. in fact the codification of the slower speed) would "do harm" to the percipient semantically. These facts form the basis of the standpoint of a well-known thesis of Saporta (1955) that the contrast between two adjacent consonants is neither a maximum nor a minimum one, but it represents a compromise between two tendencies effective in speech — the attempt of the speaker to pronounce the phonemes with the least difference as possible (the attempt to reduce the effort during the pronunciation) and the attempt of the listener to perceive the phonemes as much differentiated as possible (the attempt to reduce the effort in perception). On the basis of our statements about the time realization of the linguistic units it is possible to conclude that the "tension" between the expedient and percipient is solved by language miraculously exactly: in styles which have a poorer semantic content of the utterance (a quicker speed) the listener receives a simplified shape of phonic units (i. e. figuratively speaking, he must "try hard" to some extent in the process of perception of phonic elements), the decoding of the semantic structure "does not exhaust him" so much ; in the styles semantically saturated and exacting he receives "a more perfect" shape of sound units (a slower speed), but the demands on the perception of the text are increased by the semantic chain of communication. In this way the interplay and counterplay of sound and meaning (designans and designatum of the linguistic sign) is in fact linguistically counterbalanced in all spheres and the universal rules of linguistic communication are in this way proved.

1.1.5 The outlined relations between the speed of utterance and the semantic contents of the text have been tested also by means of the experimental phonetic

research (our experiment has been briefly described in a special study — Sabol, 1975, p. 390). We started from the empirical hypothesis that the "lower" the utterance stylistically, the poorer semantically, the quicker it is or vice versa. This hypothesis has been proved by our experiment : in the colloquial style we measured the average realization of one syllable in 247 ms, in the public-speaking text in 255 ms, and in the literary style in 268 ms. In one second on average 4.05 syllables are pronounced in the colloquial style in literary Slovak, 3.92 syllables in the public-speaking style and 3.73 in the literary style. Similarly also the internal differentiation within the literary text has been proved : in prose one syllable was pronounced on average in 253 ms, in free verse in 269 ms, and in verse in 281 ms ; on average 3.95 syllables are pronounced in one second in prose, in free verse it is 3.72 syllables and in verse 3.56 syllables. In literary Slovak the average realization in mono-pentasyllabic words comes to 3.92 syllables, approximately 4 syllables.

Further the rule that with the increasing syllabicity of the word the average time duration of the articulation of one syllable is lowered, has been deduced. The results are as follows :

The average time duration of one syllable :

in monosyllabic words	393 ms
in disyllabic words	268 ms
in trisyllabic words	229 ms
in tetrasyllabic words	202 ms
in pentasyllabic words	181 ms

This fact is connected, apart from the tendency to isochrony of beats (Daneš, 1957, p. 16) an other peculiarities of the phonic utterance (in our further experimental research of the speed of utterance in the macrotext and microtext we will also follow other factors which influence its character in detail : the phonic structure of the analysed syllables, morphemes and words, differences in the individual speed of utterance, connection with other prosodic phenomena, etc.) also with the fact that in polysyllabic words the individual meanings encoded in morphemes are spread over a greater space, in words consisting of fewer syllables the meanings are condensed in a shorter section, in polysyllabic words their meanings can be successfully decoded and anticipated even at a greater speed.

1.1.6 What then are the basic rules of the speed of the microtext ? In the structuring of the utterance, as a rule, the theme of utterance and the transition member are realized at a greater, "inferior" speed of utterance, and the rheme of the utterance, i. e. the communicatively most important section of the microtext, is realized at a slower speed. Here, of course, the speed of utterance closely "co-operates" also with other prosodic phenomena.

The experimental investigation of the speed of the realization of non-emphatic and emphatic words has brought the following results : In the colloquial style one

syllable of the non-emphatic word was pronounced on average in 214 ms, one syllable of the emphatic word was pronounced in 269 ms; in the public-speaking text this proportion is 213 : 275 ms; in the literary style 236 : 283 ms (in prose 242 : 250 ms, in free verse 240 : 260 ms, in verse 272 : 293 ms).

Similarly comments, non-essential parts of utterance, parentheses, parenthetical clauses, introductory clauses, etc. are modulated at a changed speed. In these parts of the utterance, too, the speed of utterance co-operates with other prosodic phenomena, especially with the voice register, voice intensity and pitch (Sabol, 1977, pp. 32–33).

1.1.7 We can draw a conclusion from our analysis that the speed of the microtext supports the prosodic, suprasegmental features with the grammaticalizing function (pause, emphasis, pitch) and that the speed of the macrotext is a distinctive phonic, stylistic and stylizing phenomenon.

1.2 The perception habit to receive a corresponding amount of information in a certain time unit concerns also the break, the pause in the utterance (1.1.7 — more details in Sabol, 1976b); it concerns another suprasegmental phenomenon established by the temporal modulation of the articulatory stream (Sabol, 1972, p. 98; 1975, p. 376; 1977, p. 15; here we have in mind the temporal pause, as we call it, which is caused by the interruption of the signal — Ceplitis, 1974, p. 67). At its lower limit there is the time section which is already perceived as a pause, at the upper limit there is again such a break in the pronunciation which makes even an unpleasant impression on the percipient; as a matter of fact he starts to feel a certain information and communication break behind it (e. g. the fact that the speaker has "dropped out" of the text). In an adequate time span of communication, however, the pause as a distinctive grammaticalizing factor co-operates with the speed of articulation of the phonic elements and helps to delimitate the meaningful units of language.

1.2.1 If the results of our investigation is that not only the speed of utterance for the temporal transfer of information but also the pause in the utterance is important then a question is appropriate as to how the two prosodic factors co-operate in the linguistic communication. The speed of utterance is established especially by the speed of articulation of the phonic units (1.1.3), it is, however, closely connected with pauses, their number and length. Romportl (1973, p. 119) has even stated that the slowing down of the speed will not be reached only by the lengthening of syllables, but even more by the lengthening of speech pauses. It is necessary to stress the fact that between both phenomena there exists an interplay which is "logically" demonstrated in the rule that the richer the utterance semantically, the more exacting for perception, the slower the speed of utterance (1.1.4), and in this way it is possible to presuppose in it a greater number of pauses and a longer duration of their realization than in the phonic text which is semantically less full and thus also less exacting for perception and is modulated at a quicker speed.

1.2.2 The co-operation of the speed of utterance and the pause (1.2.1) has been

tested by experimental research — in the same way as the testing of the speed of utterance — in three styles of literary Slovak: in the colloquial, public-speaking, and literary styles. The results have basically proved the empirical presupposition: the average duration of the pause in the colloquial style is 522 ms, in the public-speaking style it is 476 ms, and in the literary style 686 ms. At the same time the internal differentiation within the literary style has been proved: in prose 535 ms, in free verse 711 ms, and in verse 942 ms. A probe into the utterance of one speaker in all the above-mentioned styles has shown that the number of pauses increases from the colloquial style through the public-speaking style to the literary style of literary Slovak. A certain exception of the rule is based on the fact (it would have to be verified on more extensive material) that in the public-speaking utterance the duration of pauses is shorter on average than in the colloquial style, in spite of the fact that the speed on the whole is, as a rule, slower than in everyday colloquial utterance (1.1.5). This fact can be explained from two aspects: the public-speaking utterance is not spontaneous, spoken "without any preparation", but read, fitted into a certain time span (e. g. on the radio or on television); the colloquial utterance, on the other hand, is unprepared, improvised, spontaneous, the speaker looks for a more suitable expression in it by means of which the pause may be prolonged. In such a case it is a hesitation pause (Eislerová — Fry, quoted by Hála, 1975, p. 270) which is quite frequent in this style.

1.3 The speed of utterance is thus very closely connected with the pause. In their interplay they signal the degree of semantic content and significance of the text, they form an echo of the stylistic space of the utterance and organize the temporal space of communication. The apparent paradox between the speed of utterance (the speed of articulation of the phonic units) and the pause (the switch off of articulation) is in this way neutralized by language in the common function: both suprasegmental phenomena in agreement reflect the time necessary for the encoding of the linguistic information and regulate the speed of transmission and reception of the linguistic item of communication.

2. In the present study we have considered several temporal aspects of the transmission of information in the communicative channel of language. In spite of the fact that we have based our investigation on the material of literary Slovak, we have tried to generalize some rules and formulate some broader and more universal ones (similar results have been reached in the investigation of the speed of utterance in English by Heffner, 1949, pp. 205—206; see also some statements of Ceplitis, 1974, pp. 125—139, together with a detailed analysis of literature); several of our statements, however, will have to be verified on further linguistic texts.

REFERENCES

- CEPLITIS, L. K.: Analiz rechevoi intonatsii. Riga, Izd. Zinatne 1974, 272 pp.
- DANEŠ, F.: Intonace a věta ve spisovné češtině. Prague, Nakladatelství ČSAV 1957, 161 pp.
- FRANK, H.: Kybernetika a estetika. In: Kybernetika ve společenských vědách. Ed. J. Zeman. Prague, Nakladatelství ČSAV 1965, pp. 219—241.
- HÁLA, B.: Fonetika v teorii a v praxi. Prague, Státní pedagogické nakladatelství 1975, 482 pp.
- HEFFNER, R. M. S.: General Phonetics. Madison, The University of Wisconsin Press 1949.
- LAMSER, V.: Komunikace a společnost. Úvod do teorie společenské komunikace. Prague, Academia 1969, 298 pp.
- MIKO, F.: Od epiky k lyriku. Štýlistické prierezy literatúrou. Bratislava, Tatran 1973, 293 pp.
- MISTRÍK, J.: Tempo reči a štýl. Kapitolky zo štýlistiky (18). Kultúra slova, 7, 1973, pp. 271—273.
- ROMPORTL, M.: Základy fonetiky. Prague, Státní pedagogické nakladatelství 1973, 162 pp.
- SABOL, J.: O časovej modulácii súvislej reči. Kultúra slova, 6, 1972, pp. 97—100.
- SABOL, J.: Sústava suprasegmentálnych javov spisovnej slovenčiny. Prednášky XI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. In: Studia academica slovaca. 4. Ed. J. Mistrík. Bratislava, Alfa 1975, pp. 373—393.
- SABOL, J.: O tempe reči. Kultúra slova, 10, 1976a, pp. 17—21.
- SABOL, J.: Spolupôsobenie pauzy a tempa reči. Kultúra slova, 10, 1976b, pp. 263—266.
- SABOL, J.: Prozodická sústava slovenčiny. Bratislava, Metodicko-výskumný kabinet Československého rozhlasu 1977, 97 pp.
- SAPORTA, S.: Frequency of consonant clusters. Language, 31, 1955, pp. 25—30.
- ZEMAN, J.: Informace jako filosofická kategorie. In: Kybernetika ve společenských vědách. Ed. J. Zeman. Prague, Nakladatelství ČSAV 1965, pp. 68—79.

Выражение интенсивности действия в русском и словацком языках

ЭЛЛА СЕКАНИНОВА

Протекание действия во времени обозначается глаголом как сложной грамматической категорией. «Глагол — самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи», — пишет Виноградов (1947, с. 422). Так как протекание действия разнообразно, разнообразно и формообразование и словообразование глагола.

Особенностью славянского глагола является его видовая характеристика. Вся глагольная лексика охвачена лексико-грамматической категорией глагольного вида. Каждый славянский глагол подчинен категории вида, но не каждый является членом видовой пары.

В современной аспектологии общепризнано, что следует различать категорию глагольного вида и разряды «способов глагольного действия». Определение способов глагольного действия опирается на мысли С. Агрелла: «Mit dem Ausdrucke Aktionsart bezeichne ich bisher fast gar nich beachtete — geschweige denn klassifizierte — Bedeutungsfunktionen der Verbalkomposita (sowie einiger Simplicia und Suffixbildung), die genauer ausdrücken, wie die Handlung vollbracht wird, die Art und Weise ihrer Ausführung markieren» (Agrell, 1908, с. 78). В дальнейшем эти положения Агрелла разработал шведский славист Регнелл и многие другие.

В русской аспектологии наиболее четко категорию глагольного вида отграничил от способов глагольного действия Маслов (1963). Он обратил внимание на семантику глагольного действия и определение глагольного вида, выдвинув вопрос «предельности» и «непредельности» глагольного действия.

Маслов на основе определенных критерииов предлагает делить способы глагольного действия на такие, которые а) обладают морфемной характеристикой и б) не обладают морфемной характеристикой и проявляются только в специфических условиях функционирования (Маслов, 1965, с. 72). Автор предлагает для приведенных типов термины «характеризованные», «некакартизованные» и «непоследовательно характеризованные» способы глагольного действия.

В русле теории Ю. С. Маслова А. В. Бондарко уточняет понятие способа действия, определяя его как «семантические (частично словообразовательные) группировки глаголов, выделяемые на основе совместного типа протекания действия» (Бондарко, 1971, с. 11). В своих последующих работах Бондарко развивает свои мысли и приходит к определению способов действия как лексико-грамматических разрядов. По его наблюдениям им свойственны следующие черты: 1. они обладают общим семантическим признаком и выделяются прежде всего на основе этой семантической общности; 2. могут, но не должны обязательно характеризоваться определенным морфемным показателем; 3. взаимодействуют с морфологическими категориями, ...; 4. соотношения рассматриваемых разрядов не представляют собой оппозиций рядов морфологических форм ...» (Бондарко, 1976, с. 157).

В настоящее время точки зрения на понимание способов действия расходятся по вопросу, нужно ли считать их обязательным признаком морфемную характеристику. Авилова различает семантику глагольного слова независимо от морфемной характеристики и способы глагольного действия с обязательной морфемной характеристикой. Она пишет: «Следуя за традиционной русской грамматикой, мы также считаем, что те группировки глаголов, которые принято теперь называть «способами глагольного действия», именно тем и характерны, что они имеют формально выраженную модификацию значения действия, названного простым глаголом» (Авилова, 1976, с. 265).

Основываясь на таком понимании сущности способов глагольного действия, можно утверждать, что в качестве наиболее распространенного форманта, модифицирующего значение бесприставочного глагола, в русском и словацком языках выступают глагольные приставки (Peciar, 1963, 1967; Sekaninová 1968, 1971, 1973).

Глагольные приставки, которые различным образом модифицируют лексическое значение основного глагола, выполняют в определенных случаях ту же роль, что и некоторые наречия. Глагольная приставка определяет протекание и способ глагольного действия. Раньше в качестве более точных определителей глагольного действия выступали наречия. По мнению Я. Горецкого, в основу классификации приставочных глаголов можно положить значения наречий, «так как приставки более точно определяют глаголы, так же, как наречия» (Horecký, 1959, с. 65). В своих работах, посвященных проблемам лексикологии словацкого языка (Horecký, 1971) и особенно проблемам словообразования (Horecký, 1959), Горецки указывает на разные типы значений глагольных приставок.

Предложение Горецкого вполне применимо при семантическом анализе приставочных глаголов в рамках поля «модалитности» действия. Под модальностью действия мы понимаем обозначение способа протекания действия в собственном смысле этого слова. Поле модалитности объединяет семы

количества, интенсивности, тотальности и модуса (Sekaninová, 1974, 1978, 1980).

Для выражения модалитности действия в плане содержания выступают разные способы глагольного действия, обозначающие, наряду с другими способами, как мы уже отметили, и интенсивность протекания действия. Семантику приставок в таком случае можно определить и, используя метод семантического анализа, субституировать наречиями. «Наименее разработанным как с точки зрения лексико-грамматического содержания, так и в отношении взаимодействия с грамматической семантикой вида является группировка способов действия со значением интенсивности», – пишет Фетискина (1973, с. 72). Она выделяет в названной группе глаголов собственно интенсивный способ действия, а также ряд способов действия, в которых интенсивность выступает в качестве дополнительного семантического компонента, напр., к временному значению: к начальной фазе (взреветь), начально-аугментативной (разболеться, разговориться), а также к конечной фазе (отработать, отбомбить); к количественно-объективному значению (общарить, обзвонить, передушить, притоптать, изрыть, насказать) и к значению осложненно-щательному (выплясывать, отплясывать, нахлестывать, всматриваться) (*ibid.*, с. 72). В работе щательному анализу подвергаются глаголы «собственно интенсивного способа действия», представленного группой отдельных словообразовательных типов с приставками за-, на-, до- и суффиксом -ся, выражющим чрезмерность, излишество действия.

В работе о способах глагольного действия в болгарском языке Иванова выделяет 53 способа действия, причем при их характеристике особенно подчеркивает признак интенсивности действия (Иванова, 1974).

Мы исходим из понимания интенсивности действия как силы, чрезмерности, излишества его проявления в рамках поля модалитности. Семы интенсивности плана содержания сочетаются с разными временными и количественными семами и находят свое отражение в разных приставочных глагольных лексемах плана выражения. Вычленяются также способы глагольного действия (далее СД), выражающие а) большую интенсивность действия и б) малую интенсивность действия. В предлагаемой статье мы рассматриваем СД, выражающие большую интенсивность действия.

I. В рамках СД, выражающих большую интенсивность, выделяются темпорально-интенсивные СД. Это: а) Интенсивно-индоативный СД, характеризующийся в Р приставкой *vz-*, в С приставками *z-/s-* и *za-*, реже приставкой *vz-* в лексемах типа *взреветь – zrevat'*, *взвыть – zavyt'*, *взволноваться – zperokojít sa*, *всплыть – skupieť* [Катеньку взволновала пьеса, где каждое слово было написано о ее прошлом. (А. Толстой). *Kateňku veľmi znerokojila hra, kde bolo každé slovo napísané o jej minulosti.*]

б) Интенсивно-эволютивный СД, характеризующийся в Р приставкой *раз-/рас-* и морфемой *-ся*, в С – также приставкой *roz-* и морфемой *sa* в лексемах типа *раскричаться* – *rozkričať sa*, *расплакаться* – *rozplakať sa*. [От радости мать расцеловала дочь и расплакалась (Кожевников). *Matka od radosť vybozkávala dcéru a rozplakala sa.*]

II. Во-вторых, выделяются квантитативно-интенсивные СД:

а) Эксцессивный СД, выражющий осуществление действия выше меры, характеризующийся в Р приставками *об-, за-, из-, пере-*, в С – приставкой *pre-* в лексемах типа *обкормить* – *prekŕmiť*, *забаловать* – *príliš rozmaznať*, *измокнуть* – *premoknúť*, *пересолить* – *presoliť*. [-Слушай, не обкармливай так ребенка (Серафимов). – *Počuj, neprekŕmi tak dieťa.*]

б) Либативный СД выражает осуществление действия вволю, сколько хочется. Он характеризуется в Р приставками *на- и вы-* и морфемой *-ся* а в С – приставками *на- и вы-* и морфемой *sa* в лексемах типа *набегаться* – *nabehať sa*, *наглядеться* – *nahľadieť sa*, *выбегаться* – *vybehať sa*. [Когда, нализившись вместе с Кузьмичом по окопам и развалинам, намерзлись ... (Симонов). *Ked' sa nalozili spolu s Kuzmičom po rozvalinách, nazmízali sa ...* На улице уже светало, а друзья все еще не могли наговориться. (Кожевников). *Vonku už svitalo, a priatelia sa stále nemohli dovôle narozpárať.*]

в) Максимативный СД выражает осуществление действия в большой мере. В Р он представлен приставкой *на-,* в С – приставками *na-, do-, u-*.

Приставочные глагольные лексемы с приставкой *на-* в Р и С выражают не настолько сему интенсивности, насколько сему количества действия. Поэтому глаголы типа *наварить чего-л., nabrať vela čoho* сюда не относятся. Но в С в глаголах типа *dobiť, dobičovať, dodriapať, dokopať, dosekať* приставка *do-* выражает интенсивное осуществление действия, обозначаемого основным глаголом, и сильный охват объекта обозначаемым действием. Сема интенсивности действия выражена в С также приставкой *u-* в глаголах типа: *ubit, ubozkávať, udobať, ustískať, usocať*. [Ak sa žena pre takýto jeho život s ním škripieť počala, dobil ju ako hovádo. (Tajovský). — Sedliak robil veľký krik, že ich domláti, ak mu ženu nevypustia (Dobšinský). — Dajte mu už pokoj, už je ani hnilička, čo ste ho tak usocali! (Kukucín). — *Ustískal ho, ubozkával* ako vlastné dieťa (Kalinčiak).]

г) Эксгаустивный СД, выражющий полное исчерпание действия его длительным протеканием, характеризуется в Р приставкой *u-* и морфемой *-ся*, в С – также приставкой *u-* и морфемой *sa*. Такое значение имеет приставка в глаголах *умаяться – utrápiť sa, угоняться – uťvárať sa*. Часто это глаголы разговорного и просторечного стилей речи. [В вагоне меня укачало, продуло ... (Чехов). *Vo vagóne ma utriáslo, prefúkalo ...*]

III. Собственно-интенсивные СД:

а) Конфимативный СД выражает доведение действия до сильной степени интенсивности. В Р он характеризуется приставкой *раз-/рас-,* в С – приставкой *roz-* или выражается наречием *veľmi*: *раскалить – rozkaliť, rozpláliť, разбаловать – (veľmi) rozmaznať, разолновать – (veľmi) znerokojiť, расхвалить – (veľmi) vychváliť*. [Он прочел там свои стихи, а Малевский с преувеличенным жаром расхваливал их. (Тургенев). *Predniesol tam svoje verše, a Malevský ich s prehnánym zápalom vychvaloval.*]

б) Аккуративный СД обозначает тщательное исполнение действия, его высокую интенсивность. Он выражен в Р приставками *раз-/рас-, от-, вы-, про-,* в С – приставками *vy- и pre-* или лексическими сочетаниями с наречиями *dobre, dôkladne*, напр., *рассмотреть – dôkladne preskúmať, разузнать – (dôkladne) vyzvedieť, выбрать – vyholiť, вырисовать – vykresliť, проварить – (dobre) prevariť, прогреть – (dobre) prehriať, укутать – dobre zabaliť, zababušíť, отладить – dôkladne, dobre vyhladiť, отдалать – dôkladne vypracovať*. [Мясо на полу растоптали, сметану поразливали (Вершигора). *Mäso rozdupali po dlážke, smotanu porozlievali.* – Нужно крепко прожечь не только глотку, но и ... (Смирнов). *Treba dobre prepáliť nielen hrdlo, ale aj ...*]

в) Императивный СД представляет собой достижение положительного результата, для чего необходимо было приложить большие усилия. Этот СД характеризуется в Р и С одинаковыми приставками *до-, вы-, у- и do-, vy-, u-* в глаголах: *дозвониться – dozvoníť sa, достучаться – dobiť sa (niekam), дождаться – dočkať sa, выстоять – vystáť, выпросить – vyprosiť, уберечь – ubrániť.* [Поехал к Полякову и опять не дозвонился. (Достоевский). *Išiel k Poliakovovi a opäť sa nedozvonil.* – Прижал девочку к себе, Митя выждал прохода поезда (Леонов). *Mita pritisol dievča k sebe a vyčkal, kým presiel vlak.*]

г) Делектативный СД обозначает чрезмерное увлечение действием.

Он выражен приставкой *за-* и морфемой *-ся* в Р и приставкой *за-* и морфемой *sa – в С:* *заглядеться – zapozerať sa, заговориться – zaťavoriť sa, засидеться – zasedieť sa, зостať sedieť.* [Товарищ Батюк засиделся на армии. (Симонов). *Súdruh Baťuk zostal (sedieť) v armáde.* Что ты, задумался? (Симонов). *Čo ty, zamyslel si sa?*]

д) Фатигативный СД выражает достижение крайней усталости в результате действия, обозначенного основным глаголом в приставочных глаголах с приставкой *за-,* в Р и с приставкой *u-* в С: *загонять (лошадь) – uhnať (koňa), заездить (лошадь) – jazdou imoriť (koňa), [... через 6 недель увидимся – а до тех пор будь здоров, ... не давай себя заезживать.* (Тургенев) ... о б týždňov sa uvidíme – dovtedy sa maj dobre, ... a nedaj sa štvať.]

е) Виолативный СД выражает доведение длительного интенсивного действия до такой степени, что оно вредит. В Р такое действие выражает приставка *пере-*, в С – лексические сочетания: *переплавать* – *prílišným plávaním si poškodiť*, *перегулять* – *prílišným prechádzaním si poškodiť*, *перележать* – *dlhým ležaním si poškodiť*. (Мальчик перегулял и простудился. *Chlapec sa príliš dlho prechádzal a prechladol.* Перележать на солнце. *Pridlho ležať na slnku.*)

ж) Иноптативный СД выражает доведение длительного интенсивного действия до нежелательных, неприятных последствий. В Р он характеризуется приставкой *до-* и морфемой *-ся* с управлением до чего-л., в С этот СД не выражен: *догуляться* (до простуды) – *prechádzať sa dlho (až do nachladnutia)*, *докататься* (до простуды) – *sánkovať sa dlho (až do nachladnutia)*. Глаголы этого типа, как, напр., *добротиться*, *довозиться*, *докричаться*, *допрыгаться* – просторечные. (Докуриться до головокружения. *Vela fajčiť, až sa krúti hlava.*)

Исходя из семантического анализа, проведенного нами в предыдущих работах (Sekaninová, 1971, 1972, 1974б), мы должны констатировать факт, что интенсивность действия совмещается с его количеством и протеканием во времени. Для приведенных СД со значением интенсивности остается в силе также закономерность, что и для всех приставочных глаголов, а именно, что сочетаемы те приставки и те основные бесприставочные глаголы, лексические значения которых сочетаемы. Важную роль играют лексическое значение исходного глагола, его интенция и валентность (Ružička, 1968).

Сопоставление русского материала со словацким указывает на то, что в общих чертах семы интенсивности, количества и времени в этих языках совпадают. Интенсивность действия выражена приставками, выбор которых в основном совпадает, расхождения наблюдаются в рамках собственно интенсивных СД. Это подтверждает утверждение, что в рамках способов глагольного действия как области функционально-семантического поля аспектуальности в общем между планами выражения русского и словацкого языков расхождений нет, в то время как в конкретных реализациях отдельных СД наблюдаются резкие расхождения.

ЛИТЕРАТУРА

- АВИЛОВА, И. С.: Вид глагола и семантика глагольного слова. Москва, Наука 1976, 328 с.
 БОНДАРКО, А. В.: Вид и время русского глагола. Москва, Просвещение 1971, 239 с.
 БОНДАРКО, А. В. Теория морфологических категорий. Ленинград, Наука 1976, 255 с.
 ВИНОГЛАДОВ, В. В.: Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва–Ленинград, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР 1947, 784 с.

- ИВАНОВА, К.: Начини на глагольного действие в съвременния български език. София, Изда-
 тельство на Българската Академия на науките 1974, 145 с.
 МАСЛОВ, Ю. С.: Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного
 вида. In: Славянское языкознание (доклады советской делегации). V Международный съезд
 славистов, София 1963), Москва, Издательство АН СССР 1963, с. 197–229.
 МАСЛОВ, Ю. С.: Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. In: Вопросы
 общего языкознания. Ленинград, Издательство Ленинградского университета 1965, с. 70–79.
 СЕКАНИНОВА, Э.: Отображение общезначимых и специфических элементов содержания
 в плане выражения в области аспектуальности. In: Recueil linguistique de Bratislava. 5. Red. J.
 Horecký, Bratislava, Veda 1978, с. 159–163.
 ФЕТИСКИНА, М. Д.: К проблеме связи способов действия и видовой соотносительности
 (Группировка способов действия со значением интенсивности). In: Функциональный анализ
 грамматических категорий. Ред. А. В. Бондарко. Ленинград, Ленинградский Ордена труда
 красного знамени Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена 1973, с. 71–90.
 AGRELL, S.: Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Lund 1908.
 HORECKÝ, J.: Slovotvorná sústava slovenčiny. Bratislava, Vydatelstvo SAV 1959, 218 c.
 HORECKÝ, J.: Slovenská lexikológia. I. Tvorenie slov. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľ-
 stvo 1971, 254 c.
 PECIAR, Š.: Obmedzovací význam predpony po- v slovenčine. Slovenská reč, 28, 1963, с. 65–77.
 PECIAR, Š.: Funkcie slovesnej predpony na- v slovenčine. Jazykovedný časopis, 18, 1967, с. 138–150.
 RUŽIČKA, J.: Valencia slovies a intencia slovesného dejia. Jazykovedný časopis, 19, 1968, с. 50–56.
 SEKANINOVÁ, E.: Analýza sémantiky komponentov v predponovom slovèse. In: Kapitoly ze
 srovnávací mluvnice ruské a české. 3. Praha, Academia 1968, с. 232–286.
 SEKANINOVÁ, E.: Konfrontácia významov slovesnej predpony na- v ruštine a slovenčine. Slavica
 slovaca, 6, 1971, с. 222–232.
 SEKANINOVÁ, E.: Ekvivalenty slovesnej predpony pre- v slovenčine, poľštine, češtine a ruštine.
 Slavia, 41, 1972, с. 393–397.
 SEKANINOVÁ, E.: Klasifikácia predpôn v slovanských jazykoch (na základe štruktúrno-sémantickej
 analýzy). In: Československé prednášky pre VII. medzinárodný zjazd slavistov (Varšava 1973). Red.
 B. Havránek, Š. Ondruš. Praha, Academia 1973, с. 195–201.
 SEKANINOVÁ, E.: Konfrontácia v oblasti aspektuálnosti. Československá rusistika, 19, 1974a, с.
 166–169.
 SEKANINOVÁ, E.: Sémantická analýza slovies s predponou za- v ruštine v porovnaní so slovenčinou.
 Slavica slovaca, 9, 1974b, с. 35–43.
 SEKANINOVÁ, E.: Konfrontačná analýza kategórie aspektuálnosti v slovanských jazykoch. In:
 Příspěvky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů (Záhřeb 1978). Red. Š. Ondruš a S. Wollman. Praha,
 Ústav pro českou a světovou literaturu ČSAV 1978, с. 12–20.
 SEKANINOVÁ, E.: Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. Bratislava, Veda
 1980, 200 c.

Zu einigen Fragen der konfrontativen Sprachbetrachtung

VILIAM SCHWANZER

Im Anschluß an die Erörterung allgemeiner theoretischer und methodologischer Probleme des Sprachvergleichs, die insbesondere bei der Bestimmung des tertium comparationis und bei der Graduierung des zwischensprachlichen Äquivalenzverhältnisses zu lösen sind,¹ müssen noch folgende grundsätzliche Fragen angeschnitten und beantwortet werden:

1. Ist das Vergleichsverfahren durch Gerichtetheit ausgezeichnet?
2. Ist der analytische Sprachvergleich auf die synchrone Sprachbetrachtung beschränkt oder kann er auch in der Diachronie angewandt werden?
3. Sind auch künstliche Sprachen untereinander oder eine künstliche Sprache mit einer natürlichen Sprache vergleichbar?
4. Welchen heuristischen Wert können introlinguale Vergleiche haben?

Zur ersten Frage: Zu entscheiden ist, ob man beim Vergleichen von Sprachen von einer bestimmten Sprache als Basis (source language) ausgehen und von dieser aus eine andere Sprache (target language) auf Übereinstimmungen und Unterschiede prüfen und beurteilen muß, oder ob eine echte Konfrontation, eine nicht richtungsbundene Gegenüberstellung der Ausdrucksformen beider Sprachen vorzuziehen ist.

Diese Fragestellung setzt voraus, daß man bereits mit einem anderen Problem im reinen ist: Können bloß zwei Sprachen miteinander verglichen werden oder ist es möglich, gleichzeitig mehrere Sprachen zu vergleichen? Könnte man nicht etwa eine Einzelsprache (z. B. das Slowakische) mit mehreren anderen Sprachen desselben Typs (den slawischen Sprachen) oder mit mehreren Sprachen anderer Typen (z. B. dem Deutschen, Englischen und Französischen) vergleichen? Sind denn nicht überhaupt verschiedene Sprachtypen als solche vergleichbar?

Es kann nicht geleugnet werden, daß man Sprachtypen auf dem Wege des Vergleichs konstituiert, daß letzten Endes alle Typologie auf der Komparation fußt.

¹ Diese wurden vom Verf. in dem Artikel Zur Theorie des Sprachvergleichs, *Kwartalnik neofilologiczny*, XXIV, 1978, Nr. 2—3 (in memoriam Ludwik Zabrocki), S. 387—398, behandelt.

Allerdings gelangt die Sprachtypologie zur Gruppen- oder Typenbildung, indem sie von einer höheren Ebene des formal-funktionellen Systemhaften, des allgemeinen Modells formaler und funktioneller Parameter,² also davon ausgeht, was sich als Resultat beim Konfrontieren konkreten Sprachmaterials in Form charakteristischer übereinstimmender und verschiedener Erscheinungen ergibt. Die neuere Typologie greift freilich auch auf das konkrete Sprachmaterial zurück³ und verifiziert ihre Ergebnisse, indem sie schrittweise immer nur Texte zweier Sprachen einander gegenüberstellt. Damit wird der analytische Vergleich zur Hilfsmethode der Typologie.

Es ist leicht einzusehen, daß jeder exakte multilaterale Vergleich schließlich nur die Summe mehrerer bilateraler Vergleiche darstellen kann. Integriert können die Ergebnisse nur auf der höheren Stufe des typologischen Vergleichs werden. Analytische Vergleiche, die sich unmittelbar auf konkretes Material (Texte) stützen, können stets nur an zwei konkreten Einzelsprachen angestellt werden.⁴

Der bilaterale Vergleich kann nun derart vorgenommen werden, daß man von einer der Sprachen als Vergleichsbasis ausgeht und Identität, Similität, Dissimilität, eventuell auch Disparität der Ausdrucksformen der anderen Sprache (Zielsprache) gegenüber der Ausgangssprache feststellt oder daß man äquivalente Ausdrucksformen beider Sprachen sozusagen gleichberechtigt⁵ konfrontiert.

Für die Sprachpraxis wird das erstere Verfahren (Ausgangssprache → Zielsprache) wohl angemessen sein, weil es den natürlichen Bedingungen des Sprachunterrichts und der Sprachaneignung sowie der Übersetzerfähigkeit entspricht.

Für sprachwissenschaftliche Untersuchungen ist ein nicht richtunggebundenes Verfahren eher geeignet, weil es umfassender ist und Kontrollmöglichkeiten bietet. Wenn nämlich konstatiert wird, daß einer Ausdrucksform A_1 der (Ausgangs-)Sprache L_1 die funktionell äquivalente Ausdrucksform A_2 der (Ziel-)Sprache L_2 in

² JARCEVA, V. N.: Sopostaviteľno-typologičeskoje issledovaniye oblasti sintaksisa. In: *Philologica — Issledovaniya po jazyku i literature. Pamjati akademika V. M. Žirmunkogo*. Leningrad 1973, S. 190—197, bes. S. 190, 194.

³ MEŠČANINOV, I. I.: Typologičeskoje sopostavljenija i typologija sistem. Filologičeskie nauki, 1958, Nr. 3, S. 13.

⁴ Einwände R. Oleschs (Vergleichbarkeit des Deutschen mit den slawischen Sprachen insgesamt) und Gegenargumente s. Verf., Bemerkungen zur Konfrontation deutscher und slawischer Verbalformen und Verbalstrukturen. In: *Sprache der Gegenwart 8 — Probleme der kontrastiven Grammatik*. Jahrbuch 1969 des Instituts für deutsche Sprache, hrsg. v. H. Moser. Düsseldorf 1970, S. 126—138, bes. S. 128—129, Anm. 7. Daselbst auch Hinweis auf die Bedingtheit von Aussagen über „Sprachverwandtschaft“ (Affinität der Sprachen) nach den Grundsätzen der älteren Typologie.

⁵ VEITH, W. H.: Kontrastive Sprachbeschreibung — Versuch einer Begriffserklärung. *Linguistische Berichte*, 12, 1971, S. 22—30, bes. S. 26—27, bezweifelt, indem er sich allerdings auf die Praxis beruft, daß zwei Sprachen „ohne Überbetonung des einen oder anderen Systems gegenübergestellt werden können“. Statt der Termini Ausgangssprache (source language) — Zielsprache (target language) schlägt er die Termini Bezugssystem — Kontrastsystem vor.

Identität entspricht bzw. ähnlich oder unähnlich ist, so ist damit noch nicht gesagt, ob nicht etwa die eine oder andere oder beide Ausdrucksformen (A_1, A_2) mit einer oder mehreren weiteren Ausdrucksformen ($X_2, Y_2 \dots, X_1, Y_1 \dots$) der anderen Sprache im Verhältnis funktioneller Äquivalenz stehen und welcher Art dieses Verhältnis ist. Es ist daher vorteilhaft, abwechselnd von beiden Seiten her, d. h. einmal von der einen, das andere Mal von der anderen Sprache ausgehend, zu fragen, ob und in welchem Grade bestimmte Ausdrucksformen der Sprachen im Verhältnis funktioneller Äquivalenz stehen, aber auch, ob und welche Äquivalenzbeziehungen außerdem noch zwischen den Ausdrucksformen der Sprachen festzustellen sind. Auf diese Weise gelangt man zu erweiterten Vergleichsaussagen.

Außer diesen beiden Direktverfahren werden auch Möglichkeiten der Anwendung künstlicher Drittsprachen⁶ erwogen, die vornehmlich beim Vergleich grammatischer Strukturen zur Anwendung kommen können. Nicht um derartige Formalbasen, sondern um Register konkreter Diskordanzen handelt es sich bei sogenannten kontrastiven Grammatiken, die die Grundlage für die didaktische Programmierung bilden sollen.⁷

Zur zweiten Frage: Die Praxisnähe des analytischen Sprachvergleichs verleitet leicht zur Ansicht, daß interlinguale Konfrontierungen nur synchronistisch orientiert sein können, daß sie vor allem oder ausschließlich auf Gegenwartssprachen anwendbar seien. Man zieht in dieser Hinsicht eine Scheidewand zwischen historisch-vergleichender Sprachbetrachtung (Komparation) und Konfrontation,⁸ insoweit mit Recht, als die historisch-vergleichende Sprachwissenschaft mit dem Begriff der genetischen Verwandtschaft operiert und die Komparation darauf hinzielt, diese Verwandtschaft (Affinität) zu demonstrieren bzw. nachzuweisen, eine den verwandten Sprachen gemeinsame Ursprache zu finden und die Geschichte der Auseinandersetzung der Sprachen aufzudecken. Diese Zielsetzungen kommen bei der Konfrontation von Sprachen nicht zur Geltung: Konfrontiert (analytisch verglichen) werden können auch entfernt verwandte oder unverwandte Sprachen, wodurch alle übrigen Intentionen (Aufsuchen der Ursprache, Feststellung konvergenter oder divergenter Entwicklung) entfallen. Der analytische Sprachvergleich führt

⁶ SCHWARZE, Ch.: Grammatiktheorie und Sprachvergleich. *Linguistische Berichte*, 21, 1972, S. 15—29, schlägt für den exakten Sprachvergleich die Konstruktion einer G_o aus den Strukturen a_o, b_o usw. vor und bezeichnet sie als „übereinzelsprachlichen Formalismus“ (S. 20—21).

⁷ NICKEL, G. — WAGNER, K. H.: Contrastive linguistics and language teaching. *IRAL*, 6, 1968, S. 233—255: „The aim of a contrastive analysis of two languages is the description of a partial grammar G_c which comprises the sum of the differences between the grammar of the source language G_1 and that of the target language G_2 . This ‘contrastive’ grammar G_c , and not the grammar of the target language, now provides the data for the didactic programming“ (S. 238).

⁸ ZABROCKI, L.: Grundfragen der konfrontativen Grammatik. In: *Sprache der Gegenwart 8 — Probleme der kontrastiven Grammatik*. Jahrbuch 1969 des Instituts für deutsche Sprache, hrsg. v. H. Moser. Düsseldorf 1970, S. 31—52, bes. S. 34.

zu Äquivalenzurteilen, ohne an diese unmittelbar Folgerungen über Ursprung und Entwicklung) der Sprachen zu knüpfen. Dies bedeutet freilich nicht, daß der synchronistisch-konfrontative Zutritt in der diachronistischen Sprachforschung nicht zur Geltung kommen kann, denn durch die Gegenüberstellung von Ausdrucksformen bestimmter historischer Stadien zweier Sprachen anhand konkreter Texte (z. B. des Althochdeutschen und des Altsächsischen) können erweiterte Aussagen über die Beschaffenheit und den Stand der betreffenden Sprachsysteme und über deren gegenseitiges Verhältnis in einem bestimmten Zeitabschnitt gemacht werden.⁹ Schließlich kann der analytische Sprachvergleich als ein mögliches, u. zw. exaktes Verfahren der diachronistischen Sprachbetrachtung angesehen werden, wenn man zwei verschiedene geschichtliche Stadien einer Sprache zum Gegenstand des Vergleichs nimmt und sie wie zwei verschiedene Sprachen behandelt.¹⁰

Zur dritten Frage: Da künstliche Sprachen letztlich Epiphänomene natürlicher Sprachen sind, sind sie grundsätzlich mit diesen, aber auch untereinander vergleichbar. Eine andere Frage ist, welchen heuristischen Wert solche Vergleiche haben. Man wird da wohl zwischen konstruierten, formalisierten und Symbolsprachen unterscheiden müssen.

Konstruierte Sprachen entstehen und entwickeln sich nicht spontan wie natürliche Sprachen, sondern werden aufgrund zweckbestimmter Festsetzungen und Verabredungen bewußt zusammengestellt (konstruiert). Die Erstellung von Modellen konstruierter Sprachen¹¹ setzt neben der bloßen Beobachtung und Beschreibung der Sprachtatsachen (in natürlichen Sprachen) die Aktivität des Intellekts von seiten des Observers voraus.¹² Man bezeichnet daher konstruierte Sprachen auch als rationale

⁹ Dies ist besonders bei der Feststellung und Beurteilung von Innovationen wichtig. Vgl. JARCEVA, V. N.: K voprosu ob innovacijach v oblasti sintaksisa. In: Voprosy germanskogo jazykoznanija. Materialy vtoroj naučnoj sessii po voprosam germanskogo jazykoznanija. Moskva—Leningrad 1961, S. 88—99.

¹⁰ Ein solches Verfahren liegt an der Grenze zwischen interlingualem und introlingualem Vergleich. Auf die Möglichkeit, die Geschichte der Veränderungen in Sprachen durch exakte vergleichende Untersuchungen (contrastive analysis) zu erforschen, wies bereits Ch. A. Ferguson: Contrastive analysis and language development, in: Meeting Handbook, ed. by J. E. Alatis, 19th Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Studies. Theme: Contrastive Linguistics and Its Pedagogical Implication, Washington D. C. 1968, S. 101—112, bes. S. 102, hin.

¹¹ Eine umfassende Theorie sprachlicher Modelle stammt von I. I. Revzin (Modeli jazyka, Moskva 1962). Dazu kritische Analysen von A. F. Losev (Voprosy jazykoznanija, 1965, Nr. 5, S. 13—30) und V. I. Abajev (Voprosy jazykoznanija, 1965, Nr. 3, S. 22—44). Repliken gegen diese von A. V. Gladkij (Voprosy jazykoznanija, 1966, Nr. 3, S. 52—59) und L. R. Zinder (Voprosy jazykoznanija, 1966, Nr. 3, S. 60—64). — Vgl. ferner: HARTMANN, P.: Modellbildungen in der Sprachwissenschaft, Studium Generale, 18, 1965, Nr. 6, S. 364—379, und HOŘECKÝ, J.: Teória modelovania v jazykovede (Theorie der Modellbildung in der Sprachwissenschaft). Jazykovedný časopis, 16, 1965, Nr. 1, S. 63—72.

¹² KUIPERS, A.: Model and insight. In: The Concept and the Role of the Model in Mathematics and Natural and Social Sciences. Dordrecht 1961, S. 125—132, bes. S. 132.

Sprachen.¹³ Konstrukte können so geschaffen werden, daß sie nicht nur auf natürliche Sprachen bezogen werden, sondern daß sie Modelle extremer, nicht realisierter, nur wahrscheinlicher, ja unwahrscheinlicher oder unmöglich Sprachen darstellen.¹⁴

Es ist erwiesen, daß der Vergleich einer konstruierten (rationalen) Sprache mit einer natürlichen Sprache zu linguistisch relevanten Resultaten führen kann. Schon ein einfaches, auf das Phonematische bezogene Modell¹⁵ liefert Angaben über die optimale, d. h. unbedingt notwendige Anzahl der Phoneme je Wort und in der Sprache überhaupt und damit den absoluten, konstanten, für alle natürlichen Sprachen gültigen Maßstab zur Bestimmung der Redundanz (auf phonematischer Ebene). Ebenso können kompliziertere, sogenannte Optimal- oder Extremsprachen¹⁶ mit konkreten natürlichen Sprachen verglichen werden, wodurch nicht nur Aussagen über Verhältnisse zwischen konstruierter und natürlicher Sprache, sondern auch Aussagen über Verhältnisse zwischen (zwei oder mehreren) natürlichen Sprachen aufgrund des Verhältnisses einer jeden der natürlichen Sprachen zur konstruierten Sprache möglich werden.

Nicht von der Hand zu weisen ist auch der Vergleich konstruierter Sprachen untereinander (etwa zweier Extremsprachen oder einer Extremsprache mit der Optimalsprache). Ein solcher Vergleich ermöglicht eine Wertermittlung der betreffenden konstruierten Sprachen, eine Abschätzung ihrer Eignung für bestimmte Forschungszwecke.

Wohl nicht unmöglich, jedoch im Grunde unersprießlich wird das Vergleichen natürlicher oder konstruierter Sprachen mit formalisierten Sprachen (interpretierten, gedeuteten Kalkülen) oder Symbolsprachen sein. Da diese als Formalismen mit

¹³ Über Wesen und Arten rationaler Sprachen s. Verf., Modelle rationaler Sprachen. Jazykovedný časopis, 18, 1967, Nr. 2, S. 107—119.

¹⁴ SKALIČKA, V.: Ein „typologisches Konstrukt“. TLP, 2, 1966, S. 157—163, bes. S. 157.

¹⁵ Ein solches Modell skizziert A. Martinet auf S. 173 der Grundzüge der Allgemeinen Sprachwissenschaft. Aus dem Französischen *Éléments de linguistique générale* übersetzt und bearbeitet von A. Fuchs und H.-H. Lieb. Stuttgart 1963. Eingehender analysiert wird dieses Modell vom Verf., Modelle rationaler Sprachen (s. Anm. 13) auf S. 114—115.

¹⁶ FUCKS, W.: Mathematische Analyse von Sprachelementen, Sprachstil und Sprachen, Köln-Opladen 1955, leitet — gestützt auf die Quantentheorie — eine absolut optimale Sprache (*L abs. opt.*) und zwei Extremalsprachen (*L extr. I*, *L extr. II*) ab, die zur Bestimmung von Redundanzen (in Form von Ballastfaktoren) in natürlichen Sprachen geeignet sind. Näheres sowie kritische Analyse der *L abs. opt.*, *L extr. I* und *L extr. II* s. Verf., Modelle rationaler Sprachen (s. Anm. 13) auf S. 111—112, 116—118; ferner: Verf., Balast v jazyku [Ballast in der Sprache], in: XI. ročenka Kruhu moderních filologů při ČSAV za r. 1967 a 1968. Praha 1969, S. 8—10. Zur Anwendung der Quantentheorie auf sprachliche Erscheinungen s. MARCUS, S.: Lingvistică matematică — Modele matematice în lingvistica. Bucureşti 1963, und HERDAN, G.: The Calculus of Linguistic Observations, 's-Gravenhage 1962 (dazu kritische Besprechung von J. Horecký in Jazykovedný časopis, 15, 1964, Nr. 2, S. 185—186).

Zeichen als solchen operieren (die zwar letzten Endes Gedankliches repräsentieren, das selbst wieder sprachlich formulierbar ist), und somit vom konkreten sprachlichen Ausdruck losgelöst sind und meist nur einen sehr begrenzten Teil dessen auszudrücken imstande sind, was durch eine natürliche Sprache darstellbar ist, ergibt der Vergleich einer formalisierten oder einer Symbolsprache mit einer natürlichen oder konstruierten Sprache nichts linguistisch Relevantes. Die Verbindung zum Sprachlichen wird in jenen Wissenschaften, die sich formalisierter oder symbolisierender Sprachen bedienen (z. B. in der formalen Logik, in der Mathematik) nur bei der Interpretation oder Exemplifikation aufgesucht.

Zur vierten Frage: Da Sprachliches gleichzeitig in Identität und Verschiedenheit auftritt, können auch Vergleiche innerhalb einer Sprache vorgenommen werden.¹⁷ Je nachdem, was in oder an einer Sprache zum Gegenstand des Vergleichs gemacht wird und welches Ziel der Vergleich verfolgt, sind folgende Arten oder Sorten des introlingualen Vergleichs zu unterscheiden:

(1) Innersprachlich vergleichen kann man verschiedene Stile einer Sprache oder verschiedene Stile der Sprachbenutzer, insbesondere der Sprachschaffenden, z. B. die Stile zweier Wissenschafts- bzw. Fachsprachen (Geschichtswissenschaft: Literaturwissenschaft, chemische Technologie: industrielle Materialverarbeitung), die Stile der sogenannten Umgangssprache und einer Wissenschafts- bzw. Fachsprache, die Stile des Reporters und des Interpreten (Kommentators), des Epikers und des Dramatikers, die Stile konkreter Schriftsteller usw. (diaphasischer Vergleich).

(2) Methodologisch stehen den Stilvergleichen Vergleiche verschiedener sozialbedingter Sprachschichten und -systeme nahe.¹⁸ Mit Rücksicht auf ihren Gegenstand sind sie jedoch nicht auf Stilistisches beschränkt, sondern berücksichtigen vor allem auch Lexikalisches und Syntaktisches. Eine Verbindung von Stilvergleich und Sprachschichtvergleich stellen Konfrontationen von Fachtexten dar, die für verschiedene Adressaten bestimmt sind, z. B. Beschreibung des Aufbaus und des Funktionierens einer Maschine (für den Maschinenbautechniker): Anleitung zur Montage und Bedienung der Maschine (für den Facharbeiter).

(3) Introlinguale Vergleiche können ferner regionale Unterschiede einer Sprache (Dialekte, Stadtmundarten) zum Gegenstand haben.¹⁹ Dabei wird wohl nicht in

¹⁷ Die Möglichkeit und Nützlichkeit introlingualer Vergleiche wird nur von wenigen Linguisten außer Acht gelassen oder unterschätzt; u. a. von WAGNER, K. H.: Probleme der kontrastiven Sprachwissenschaft, Sprache im technischen Zeitalter, 32, 1969, S. 305—326, der anderseits auch „Kontrastierungen“ mehrerer Sprachen zuläßt.

¹⁸ VEITH, W. H.: Kontrastive Sprachbeschreibung (s. Anm. 5), nennt solche Vergleiche „diastatale Kontrastierungen“.

erster Linie der direkte Vergleich zweier regionaler Formen einer Sprache von Interesse und überhaupt exakt durchführbar sein, sondern man wird zu Gegenüberstellungen der regionalen mit der Standardform der Sprache greifen. Die Standardform der Sprache als Bezugssystem ermöglicht dann auch Aussagen über Verhalte und Verhältnisse der regionalen Formen untereinander.

(4) Besonders wichtig und als Ergänzungen zu interlingualen Vergleichen eigentlich unentbehrlich sind Konfrontationen synonymer, d. i. innersprachlich äquipolenter bzw. äquivalenter Strukturen und Konstruktionen.²⁰ In jeder Sprache kommen nämlich verschiedene Ausdrucksformen vor, die zu extensional konkret identischen Sinnkorrelaten gehören und daher untereinander in einem Äquivalenzverhältnis (Identität, Similität, Dissimilität) stehen, das sich als innersprachliche Synonymität unterschiedlichen Grades manifestiert. Solche synonyme Strukturen und Konstruktionen müssen eigentlich bereits bekannt sein und immer wieder in Betracht gezogen werden, wenn man interlinguale Vergleiche anstellt.²¹ So sind z. B. beim interlingualen Vergleich deutscher und slowakischer actionsbezogener Aussagen die Äquivalenzverhältnisse und Bereiche der wechselseitigen Substitutionsmöglichkeiten der deutschen (werden-Passiv, man-Satz, sein + zu + Infinitiv) und der slowakischen Ausdrucksmittel und -formen (Reflexiv-Passiv, periphrastisches Passiv, Aktiv) — jede für sich — zu untersuchen und beim interlingualen analytischen Vergleich des Deutschen und Slowakischen zu berücksichtigen.²²

Aufgrund innersprachlicher Vergleiche synonymer Strukturen und Konstruktionen können aber auch allgemeine Aussagen über dynamische Erscheinungen und

¹⁹ VEITH, W. H.: Kontrastive Sprachbeschreibung (s. Anm. 5), S. 22—23: „diatopische Kontrastierungen“ unter Berufung auf eine Vorlesung E. Coserius (s. Anm. 6 bei Veith).

²⁰ FILIPEC, J.: Der Äquivalenzbegriff und das Problem der Übersetzbarekeit, in: Neue Beiträge zu Grundfragen der Übersetzungswissenschaft, Beihefte 5—6 der Zeitschrift Fremdsprachen, Leipzig 1973, S. 81—87, plädiert mit Recht für eine säuberliche Unterscheidung der Termini: „Synonyme sind Mittel der innersprachlichen Konfrontation, Äquivalente — Mittel der intersprachlichen Konfrontation...“ (S. 81). Hier auch Hinweise auf Gleichsetzung dieser Termini in der linguistischen Literatur (O. S. Achmanova, F. L. Carreter u. a.) und auf Unterscheidung (C. D. Buck, V. V. Akulenko).

²¹ Die von W. H. Veith, Kontrastive Sprachbeschreibung (s. Anm. 5), auf S. 22—23 als „diastationale Kontrastierungen“ bezeichneten Vergleichsoperationen decken sich nicht ganz mit den hier gemeinten introlingualen, auf Strukturen und Konstruktionen hinzielenden Vergleichen. Vgl. die von Veith in Anm. 31, 32 angeführten Arbeiten: BOLINGER, D. L.: Contrastive accent and contrastive stress. Language, 37, 1961, S. 83—96, und VOEGELIN, C. F.: Typology of density langes. II. Contrastive and — non-contrastive syntax. IJAL, 27, 1961, S. 287—297.

²² Zur actionsbezogenen Ausdrucksweise s. Verf., Neopredelenyye i obobščennyye vyskazyvanija v speciafnych naučnykh tekstach. Slavica Slovaca, 8, 1973, Nr. 3, S. 312—320. Aufschlußreich sind die denselben Gegenstand betreffenden introlingual-vergleichenden Untersuchungen (an russischem Material) von MÜHLNER, W.: Syntaktische Synonymie im Bereich aktivischer, passivischer und unpersönlicher Sätze der russischen Sprache der Gegenwart. WZ der Pädagogischen Hochschule „Karl Liebknecht“ Potsdam, 18, 1974, Nr. 5, S. 725—733.

Tendenzen, die im System bzw. in der Norm einer Sprache feststellbar sind, auf besonders präzise Weise gemacht werden. Wenn man etwa die Funktionsverfügungen als Faktoren der sogenannten Nominalisierungstendenz in der deutschen Sprache der Gegenwart den einfachen („Stamm-“) Verben gegenüberstellt, so erkennt man, daß die Nominalisierung differenzierte und informatorisch erweiterte Aussagen ermöglichen kann und somit eine Anreicherung der Ausdrucksmöglichkeiten darstellt.²³ Wenn man auf ähnliche Weise slowakische Funktionsverfügungen mit den entsprechenden einfachen Verben vergleicht und dabei die Frequenz und Distribution beider Ausdrucksweisen beachtet, dann aber die Ergebnisse mit den Feststellungen, die im Deutschen gemacht wurden, konfrontiert, so zeigt es sich, daß einer der Gründe der größeren Häufigkeit von Funktionsverfügungen im Deutschen darin liegt, daß sie im Gesamtsystem der deutschen Sprache eine Funktion übernehmen müssen, die im Slowakischen gewisse Formeme erfüllen, daß sie Mittel zum Ausdruck im Deutschen grammatisch nicht realisierter Kategorien, nämlich der des Aspekts bzw. der Aktionsart, sind.²⁴

Der innersprachliche Vergleich synonymer Strukturen und Konstruktionen kann ferner Aufschluß geben über das Verhältnis zwischen System und Norm bzw. zwischen Literatursprache, die das Systemgegebene weitgehender ausnützt, und Gebrauchssprache. Ein Beispiel dafür ist der Gebrauch von Modalwörtern und des würde-Konjunktivs des Präteritums im Deutschen.²⁵

Der diastrukturale Vergleich erbringt — wie man sieht — für die Erforschung grundlegender Eigenheiten und Gesetzmäßigkeiten des Sprachsystems besonders ergiebige Resultate.

(5) Von den verschiedenen weiteren Vergleichsmöglichkeiten, die sich im Rahmen einer Sprache bieten, sei noch auf folgende besonders hingewiesen: Für Forschungen und praktische Tätigkeiten auf dem Gebiete der Spracherziehung und der Sprachkultur können introlinguale Vergleiche der Sprachstadien von Individuen und Gruppen im Laufe der biologischen und mentalen Entwicklung der Menschen von großem Wert sein. Konfrontiert werden können z. B. Wortschatz, Ausdrucks-

²³ Näheres s. Verf., Die bestimmende Kraft des Wortes. In: *Recueil linguistique de Bratislava*, 5, Bratislava 1978, S. 17—29, bes. S. 22—24. Hinweise zum innersprachlichen Vergleich *Funktionsverfügung*: „Stammverb“ (im Deutschen) gibt NAUMANN, H.: Zur Wiedergabe gleicher Sachverhalte mit Hilfe unterschiedlicher sprachlicher Mittel. *WZ der Pädagogischen Hochschule „Karl Liebknecht“* Potsdam, 18, 1974, Nr. 5, S. 693—715. Von grundlegender Bedeutung ist die Untersuchung deutscher Funktionsverben (mit Hinweisen auf das Französische) von POLENZ, P. v.: *Funktionsverben im heutigen Deutsch*. In: Beiheft 5 zu *Wirkendes Wort (Sprache der rationalisierten Welt)*, Düsseldorf 1963. Vgl. ferner: HERINGER, J.: *Die Opposition von ‘kommen’ und ‘bringen’ als Funktionsverben. Sprache der Gegenwart*, 3. Studien des Instituts für deutsche Sprache. Düsseldorf 1968.

²⁴ Verf., Die bestimmende Kraft des Wortes (s. Anm. 23), S. 23 (auch Anm. 18).

²⁵ NAUMANN, H.: Zur Wiedergabe gleicher Sachverhalte... (s. Anm. 23), S. 707.

bildung des Kleinkindes, des Kindes im Vorschulalter, des Schulkindes, des Heranwachsenden usw. Dabei sind Unterscheidungen nach dem Geschlecht, dem Milieu und den Lebensbedingungen möglich, die den Spracherzieher auf Differenzierungen aufmerksam machen, die er berücksichtigen muß, wenn er — vom Gegebenen ausgehend — den sich entwickelnden Sprachbenutzer auf die wünschenswerte Stufe kultivierten und den Lebensanforderungen entsprechenden Sprachgebrauchs bringen will.

Ähnliche introlinguale Vergleiche können auch an der Sprache Erwachsener (z. B. verschiedener Berufsgruppen) angestellt werden. Durch Aufdecken von Übereinstimmungen und Differenzen wird der Weg zur Integrierung aufgezeigt, der Weg zur qualitativ neuen Ganzheit der sich ständig entwickelnden Nationalsprache.

(6) Auf den analytischen Vergleich verschiedener Entwicklungsstadien einer Sprache, der zwar im Prinzip als introlingualer Vergleich zu betrachten ist, der jedoch methodisch wie ein interlingualer Vergleich durchgeführt wird, wurde bei der Behandlung der zweiten Frage hingewiesen.

Buleinerisch ist keine Monophthongierungsmundart

JURAJ VALISKA

Eine linguistische Interpretation einer Erscheinungsform der Sprache, deren phonologische Systematisierung und Konfrontation mit anderen Erscheinungsformen ist ohne eine zuverlässige und vollständige phonetische Bestandsaufnahme nicht möglich. Doch gerade in dieser Hinsicht enthält die dialektographische Literatur über die deutschen Mundarten der Ostslowakei Fehler und Irrtümen.¹ Auch über die deutsche Mundart von Dobšiná (Dobschau) bestehen völlig falsche Vorstellungen hartnäckig weiter. Die vorliegende Arbeit soll mindestens einen dieser Mängel abstellen. Zum Gegenstand unserer Abhandlung werden Reflexe der mittelhochdeutschen (mhd.) schließenden Diphthonge *ei*, *öu* und *ou* im Buleinerischen.²

¹ Größeren Arbeiten über die deutschen Mundarten der Ostslowakei liegen oft unzuverlässige Daten zugrunde. So gesteht z. B. K. J. Schröer, daß das Material für seinen Beitrag zu einem Wörterbuche der deutschen Mundarten des ungarischen Berglandes „mundartliche Aufzeichnungen von Dilettanten deren Richtigkeit ich (er) nur theilweise constatiren konnte“, bildeten. Siehe die Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, 25, 1857, Nr. 1—3, S. 213—274; 27, 1858, Nr. 1—3, S. 174—240; 31, 1859, Nr. 1—3, S. 245—292; 44, 1863, Nr. 1—3, S. 253—436; 45 — 1864, Nr. 1—3, S. 181—256.

Im Jahre 1927 wurden in der Ostslowakei die Fragebogen für den Deutschen Sprachatlas und im Jahre 1941 für den Deutschen Wortatlas ausgefüllt. Nur in sehr seltenen Fällen wurde diese verantwortungsvolle Arbeit kompetenten Gewährsleuten anvertraut. Den Fragebogen für den DWA hat in Stará Voda der Lehrer Otto Kapinus aus Moravská Třebová mit „Anni Slivenská, 20 Jahre“ ausgefüllt; in Gelnica „Leopold Gruss, Geburtsort Aranyida (Ungarn)“, in Spišské Podhradie „Alexander Zurich, Geburtsort Miskolc (Ungarn)“, in Poprad „Robert Mathern, Geburtsort Preschau“, in Podhorany „Hans Widhalm, Geburtsort Zwettel, Nieder-Donau“, in Toporec „Franz Diener, Geburtsort Voiterbreut, Bezirk Eger, Sudetengau“, in Michalok, Kreis Vranov, „Anton Müller, Geburtsort Bistendorf, Karpathenrußland“ usw. Wie konnte ein Fremdling, der die Mundart nicht beherrschte, den Fragebogen richtig ausfüllen? Die Auswertung dieser unzuverlässigen, falsch transkribierten Unterlagen führte dazu, daß ein und dieselbe Mundart, die in einem größeren Areal gesprochen wurde, nicht als eine, sondern als mehrere Mundarten gewertet wurde. Dafür haben wir aus der Ostslowakei genug Beispiele.

² Buleinerisch ist die Bezeichnung für die deutsche Mundart von Dobšiná. Sie stammt aus dem Wort *bu'leinr* für nhd. *welcher*. Die Wörter *bu'leinr*, *bu'leina*, *bu'leines* werden z. Z. sehr selten gebraucht. Das

Das mhd. Vokalsystem enthielt zwei Diphthongreihen zu je drei Diphthongen: 1. die öffnenden Diphthonge *ie*, *üe*, und *uo*; 2. die schließenden Diphthonge *ei*, *öu* und *ou*. Im Neuhochdeutschen (Nhd.) wurde die erste Reihe zu langen Vokalen monophthongiert: *ie* > *i:*; *üe* > *ü* und *uo* > *u:*. Diesen Lautwandel bezeichnet man als *nhd. Monophthongierung*. Die andere Reihe ist in der weiteren Entwicklung mit den mhd. langen Vokalen *i:*, *ü:* und *u:* zusammengefallen: *mi:n* > *maen*(mein), *meinen* > *maenen*(meinen); *vrü:nt* > *froónt*(Freund), *vröuwede* > *froóde*(Freude); *hu:s* > *haos*(Haus), *louf* > *laof*(Lauf). Der Wandel *i:* > *ae*, *ü:* > *oø* und *u:* > *ao* heißt *nhd. Diphthongierung*.

In den deutschen Mundarten der Oberzips wurden nicht nur die mhd. Längen *i:*, *ü:* und *u:*, sondern auch andere Monophthonge zu Diphthongen, z. B. mhd. *o:* : *breut*, *braot*, *brout* (Brot); mhd. *ö:* : *beis*, *bais* (böse); mhd. *e:* : *štein*, *štaen* (stehen); mhd. *ä:* : *zein*, *zaen* (säen); mhd. *a:* : *meun*, *maon* (Mond) usw. Diese Mundarten werden als *Diphthongierungsmundarten* bezeichnet.³

Die deutschen Mundarten der Unterzips (Gelnica, Mníšek nad Hnilcom, Nálepkovo, Smolník, Smolnická Huta), des Abovs (Medzev, Štós) und von Dobšiná bezeichnet man dagegen als *Monophthongierungsmundarten*, weil hier nicht nur die öffnenden, sondern auch die schließenden Diphthonge zu Monophthongen würden. Ist es richtig, das Buleinerische mit dem Mantakischen in einen Topf zu werfen? Es wird behauptet, die mhd. schließenden Diphthonge *ei*, *öu* und *ou* würden hier ausnahmslos monophthongiert. Schwarz (1935, 1. Aufl. S. 312; 1962, 2. Aufl. S. 363) schrieb in seinen Sudetendeutschen Sprachräumen darüber Folgendes: „Statt sonstigen gründler ā für mhd. *ei* und *öu* erscheint ē (*pēn* Bein, *hēp* Haupt, *kēfn* kaufen); statt ā für *ou* begegnet ö (*pōm* Baum...)“. Mráz (1909, S. 40, 41) bringt in seiner Arbeit 13 Belege mit *ae* für mhd. *ei*, 5 Belege mit *ao* für mhd. *ou* und 1 Beleg mit *ae* für mhd. *öu*, aber Schwarz läßt diese Angaben unberücksichtigt.

Ein Jahr nach der I. Auflage des Buches von Schwarz (1935) veröffentlicht Lux (1961) seine Studie Westdeutsch-ostmitteldeutsch-bairische Volkstumsmischung in Dobšchau-Dobsina (Nordungarn), in der er die Behauptung von Schwarz vorbehaltlos akzeptiert. Er schreibt ganz eindeutig: „Wg. Diphthonge wurden monophthon-

Wort *Buleiner* hat keineswegs abwertende Bedeutung. Die Mundartsprecher nennen sich selbst so. Etymologisch ist das Wort aus zwei Konstituenten entstanden: *bu:* (wo, wohin, woher) + *einer*, d. h. woher einer, wie etwa Herkunft unbekannt. Dazwischen wurde ein antithatisches, epenthethisches -*i*- eingeschoben, Also *bu:* + *i* + *einer*.

³ Den Begriff *Diphthongierungsmundart* hat unseres Wissens Gréb (1924) in seiner Arbeit Mundart und Herkunft der Zipser für die deutschen Mundarten der Oberzips eingeführt. Die deutsche Mundart von Dobšiná bezeichnet er in diesem Heftchen noch nicht als *Monophthongierungsmundart*. In der zitierten Arbeit gliedert er die deutschen Mundarten der Oberzips in Stadt- und Dorfmundarten. Sein Vorgänger V. Lumtzer bezeichnet die deutsche Mundart von Kežmarok nicht als „*Stadtmandart*“, sondern als „*Städtermundart*“. Siehe Die Leibitzer Mundart, in: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (PBB), 19, 1894, S. 275.

giert: *ai* > *ē*, *vör r: ea*; *au* > *ō*, *vor r: oa*; *eo* > *i*, *vor r: ie*; *au-Umlaut* > *e, ē, ē*, *vor r: ea*. Unsere Mundart ist also monophthongierende Mda. gegenüber der diphthongierenden Oberzipser Mda.⁴ Und weiter: „Das wichtigste Merkmal ist hier die bereits erwähnte Monophthongierung des alten *ai*, *au* und *eo*.⁵ Daß er aus dieser Monophthongierungsregel keine Ausnahme zuläßt, ist aus der vergleichenden Lauttabelle deutlich.⁶ Im Jahre 1961 erschien sein Wörterbuch der Mundart von Dobšchau (Zips).⁷ In der Einleitung dazu wird zwar noch alles, was von Schwarz und von ihm selbst über das Schicksal der mhd. schließenden Diphthonge in Dobšiná geschrieben worden ist, bekräftigt, im Wörterbuchteil jedoch all dieses als zweifelhaft hingestellt. Er schreibt:“ Das Gründlerische wird im Süden der Zips, in dem durch wilde Abgründe vielfach zerklüfteten Göllnitztale, in den sogenannten „Gründen“ gesprochen, dazu gehören aber auch im Osten die in dem Moldva- und Bodvatale liegenden Gemeinden Ober- und Untermetzenseifen (die sog. Mantaken) und Stoß, und im Westen das im Sajótale liegende Dobšchau (die sog. Buléner).⁸ Er behauptet weiter, daß das Buleinerische ebenso wie die anderen gründlerischen Mundarten „monophthongierend“ ist. „Die Grm. wird als eine monophthongierende Mundart bezeichnet, weil mhd. Diphthonge als Monophthonge erscheinen: mhd. *ei* > *ē*, *ā*: *flēš*, *flāš* (Fleisch); *klēd*, *klād* (Kleid); mhd. *ou*, *öu* und *öuw* > *ō*, *ā*: *pōm* (Baum), *frā* (Frau), *rāx* (Rauch), *rāxn* (räuchern), *drān* (drohen)“.⁹

Im Wörterbuch selbst gibt es eine Menge von Belegen für mhd. *ei* > *ae*, d. h. für den Wandel, den Schwarz und Lux praktisch bestreiten. An dieser Stelle seien nur einige Beispiele erwähnt. (In Klammern wird die Seite im Wörterbuch von Lux angegeben): *opštraefm* abstreifen (23), *olerhaeliçn* Allerheiligen (25), *ontsaegn* anzeigen (26, 31), *ofšlaesn* aufsch eißen (40), *paeçn* weichen (50), *pubaenan* beweinen (51), *plaeç* bleich (57), *ajer* Eier (83), *aed* Eid (83), *faeg* Feige (89), *gaest* Geist (99), *gašmaeçl* Geschmeichel (101), *haed* Heide (112), *haeliç* heilig (112), *haezr* heiser (112), *haemot* Heimat (112), *kaepr* Kaiser (119), *laestn* leisten (134),

⁴ Siehe die Zeitschrift für Mundartforschung (Teuthonista), 12, 1936, Nr. 2, S. 149—168. Die zitierte Stelle auf S. 151. Westgerm. Diphthonge *ai* und *au* sind Vorläufer der mhd. Diphthonge *ei*, *öu* und *ou*; westgerm. *eo* des mhd. Diphthongs *ie*. Bei *ea*, *oa* und *ie* handelt es sich allerdings um Vokal + vokalische Variante des Phonems (r).

⁵ A. a O., S. 154.

⁶ A. a. O., S. 153.

⁷ LUX, J.: Wörterbuch der Mundart von Dobšchau (Zips). Marburg, N. G. Elwert Verlag 1961, S. 11. Der Titel des Buches ist grundfalsch. Er könnte den uneingeweihten Leser zu zwei Irrtümern verführen: 1. daß in Dobšiná nur Deutsch gesprochen wird, während dort lediglich 160 von 5000 Einwohnern buleinerisch kommunizieren; 2. daß Dobšiná in der Zips liegt. Es war jedoch nie Bestandteil der Zips, sondern es lag immer nur im Gömör.

⁸ A. a. O. S. 11.

⁹ A. a. O., S. 11.

Tabelle 1. Vergleichende Vokaltabelle¹⁰

Dobšiná	Nhd.	Medzev	Švedlár	Oberzips		
				Mundart-zone I	Mundart-zone II	Mundart-zone III
Mhd. ei						
plaeç	bleich	plas	pla:x	blaęç	blaęç	bleiç
aęç, eiç	Eiche	a:x	a:x	aęç	aęç	eiç
kleit	Kleid	kla:t	kla:t	klaet	klaet	kleit
Mhd. öu						
fraet	Freude	fra:t	fra:t	fraet	fraet	freit
(on) raeçrn	räuchern	ra:xan	ra:xrn	raeçrn	raeçrn	reiçrn
Mhd. ou						
dr'laobm	erlauben	dala:m	dr'la:bm	dr'laobm	dr'laobm	dr'leubm
laop	Laub	la:p	la:p	laop	laop	leup
raobm	rauben	ra:m	ra:bm	raobm	raobm	reubm
Mhd. e:						
gein	gehen	ge:n	ge:n	gaen	gein	gein
štein	stehen	šte:n	šte:n	štaen	štein	štein
Mhd. ä:						
mein	mähen	me:n	me:n	mein	mein	mein
keis	Käse	ke:s	ke:s	keis	keis	keis
Mhd. ö:						
šein	schön	šø:n	še:n	šaen	šaen	šein
peis	böse	pø:s	pe:s	baes	baes	beis
Mhd. e						
eizl	Esel	e:zl	e:zl	eizl	eizl	eizl
keigl	Kegel	ke:gl	ke:gael	keigl	keigl	keigl
Mhd. ě						
leibm	leben	le:m	le:m	la:bm	la:bm	la:bm
geibm	geben	ge:m	ge:m	gan	gan	gan
Mhd. ö						
eil	Öl	ø:l	e:l	ael	ael	eil
feigl	Vögel	fo:gl	fe:gl	faegl	faegl	feigl

¹⁰ Die Belege in dieser Tabelle stammen aus unseren Tonbandaufnahmen bzw. Arbeiten. Alle Beispiele für mhd. Diphthonge ei, öu und ou, bis auf kleit, stimmen mit dem Luxschen Wörterbuch überein. Die Klassifizierung der deutschen Mundarten der Oberzips Mundartzonen siehe in unserer Studie Zvyšky nemeckých nárečí na hornom Spiši, in: Nové obzory, spoločenskovedný zborník východného Slovenska, 20, 1978, S. 257—286. Vgl. auch die Sprachkarte Členenie skúmaného územia podľa fonologických systémov, S. 260. Ausführlicher über diese Gliederung siehe unsere Monographie Die deutschen Mundarten der Oberzips. Eine dialektgeographische und phonologische Untersuchung. Prešov 1972, Mskr. 216 S.

laestn Leisten (134), laetn Leite (134), maesl Meißel (140), maest meist (140), raefm Reifen (157), rae Rei (157), šlajer Schleier (164), šmaeçln schmeicheln (165), štael steil (175), štraefn streifen (177) usw.

Für den Wandel mhd. ou > ao gibt es im Wörterbuch auch eine Fülle von Belegen, z. B. ōbrglaobm Aberglaube (18), opštaobm abstauben (23), untaogliç untauglich (35, 187), aosferkaof Ausverkauf (44), puhaoptn behaupten (48), putsaobrn bezaubern (51), drlaobm erlauben (86), drtaobm ertauben (87), raobm rauben (155), raofoň Rauchfang (167), uerlaop Urlaub (187), fordaon verdauen (187), tsaobrn zaubern (194), dr glaobm der Glaube (104), laob Laub (132), laobe Laube (132) usw.

Auch für den Reflex des ziemlich seltenen mhd. Diphthongs öu gibt Lux einige Belege an, z. B. obrglaebiš abergläubisch (18), onraeçrn anräuchern, beispielsweise die Bienen, (29), hajer Hauer (49), fraed Freude (93), ziç fraen sich freuen (93).

Die angegebenen Beispiele bestätigen die Behauptungen von Schwarz und Lux nicht, sie beweisen vielmehr das Gegenteil. Doch gibt es im Wörterbuch Mundartwörter, in denen für mhd. ei und öu nicht ae, sondern ē, und für mhd. ou nicht ao, sondern ō steht, z. B. klēd Kleid (123), klēn klein (123), tsēçnan zeichnen (195), pōm Baum (47) u. a. m. Das wäre tatsächlich eine Monophthongierung. Vereinzelt finden sich im Wörterbuch auch Dubletten, z. B. ēç, aęç Eiche (83).

In den bis jetzt angeführten Belegen haben wir es also mit ae und ē für mhd. ei und öu und mit ao und ō für mhd. ou zu tun. Sind die buleinerischen Diphthonge ae und ao nicht etwa durch die sekundäre Diphthongierung, d. h. ei > ē > ae und ou > ō > ao, entstanden? Ein solcher Fortgang wäre beinahe ausgeschlossen, denn ē ist weiter von ae entfernt als ei. ē > ei > ae wäre viel wahrscheinlicher gewesen. Die Diphthonge ae und ao haben sich — wohl unter Anlehnung an die Situation im Nhd. — aus den mhd. ei, öu und ou direkt entwickelt.

Unsere Tonbandaufnahmen aus Dobšiná haben bestätigt, daß die Luxschen Belege mit ae und ao ganz korrekt sind. In den meisten Fällen aber, wo im Wörterbuch für mhd. ei und öu ē steht, wird ei gesprochen, also ga'mein Gemeinde, nicht gamēn, peim Bäume, nicht pēm. Für mhd. ou wird hier neben dem schon erwähnten Diphthong ao auch der Diphthong ou gesprochen, z. B. poum Baum, nicht pōm. Darüber hinaus werden im Buleinerischen Diphthonge auch für einige mhd. Monophthonge gesprochen, z. B. für mhd. ě : leibm (leben, mhd. läben), ga'zein (sehen, mhd. sēhen); mhd. e : eizl (Esel, mhd. esel); mhd. ä : neigl (Nägel, mhd. nägele); mhd. ö : eil (Öl, mhd. öle); mhd. e : : klei (Klee, mhd. kle :); mhd. ä : mein (mähen, mhd. mä:jen); mhd. ö : : šein (schön, mhd. schö:ne).

Wie die vergleichende Vokaltabelle (Tab. 1) zeigt, stimmt der buleinerische Vokalismus mit dem oberzipserischen fast völlig überein. Ungeachtet der von ihm formulierten Monophthongierungsregel bringt Lux eine große Anzahl von Belegen, in denen Reflexe der mhd. Diphthonge korrekt angegeben werden. Wie sollen wir uns erklären, daß die übrigen Reflexe derselben mhd. Diphthonge von ihm falsch

transkribiert werden? Er muß doch als einer der berechtigtesten Gewährsleute gelten. In Henková, Kreis Rožňava, wurde er geboren und stand einige Zeit mit der Mundart im direkten Kontakt.¹¹ Konnte ausgerechnet er die Diphthonge verkehrt wahrnehmen und transkribieren? Diese Frage ist nur mit Hilfe seiner Aufzeichnungen aus dem Erhebungsgebiet zu beantworten. Sich einen Zutritt zu seinen Handschriften zu verschaffen, war nicht einfach. Es ist uns jedoch gelungen, in sein Manuscript einzusehen und manches daraus auch zu photographieren. Aus dieser Dokumentation geht eindeutig hervor, daß Lux die buleinerischen Diphthonge als solche wahrnahm und daß er sich bemühte, sie auch als solche darzustellen. Für ei hatte er das Zeichen ēe und für ou ōo (siehe Beilage 1a, b). Diese Transkription zeugt davon, daß Lux in den beiden Sequenzen — ēe und ōo — je zwei verschiedene Komponenten auseinanderhielt. Erst in der späteren Zeit begann er die zweite Komponente zu streichen. In einzelnen Fällen ließ er seine ursprüngliche Schreibung, wahrscheinlich aus Versehen, unberührt.

Diese Tatsachen berechtigen uns dazu, die bisherige Klassifizierung der deutschen Mundarten in der Ostslowakei für falsch zu erklären. Für das Buleinerische ist die Bezeichnung „Monophthongierungsmundart“ nicht entsprechend. Sie ist wenigstens in dem Maße diphthongierend wie die deutschen Mundarten der Oberzips. Um so befremdender wirkt die Arbeit Zum Vokalismus der Dobschauer Mundart von Trost, die 5 Jahre nach dem Wörterbuch der Mundart von Dobschau (Zips) erschienen ist. Über die behandelte Problematik behauptet Trost wörtlich: „Eine andere Stellung haben die alten Diphthonge in Dobschau gewonnen. Hier vertritt ein ganzem Umfang und ausschließlichen altes ei (d. h. ei↔ē) (Trost, 1966, S. 31; gesperrt gedruckte Stelle vom Autor hervorgehoben); dagegen steht hier ō nicht nur für altes ou, sondern auch für gedehntes a“. Diese Fiktion stützt sich nicht auf die Situation im Terrain, sondern auf die unverlässlichen Angaben „des besten Kenners dieser Mundarten“ E. Schwarz.¹² Trost hat sich als völlig unbefugt erwiesen, sich

¹¹ J. LUX wurde im Jahre 1884 geboren. 1899—1903 besuchte er die Lehrerbildungsanstalt in Lučenec, 1905—1909 die Pädagogische Hochschule in Budapest. Dann unterrichtete er Deutsch, zunächst 5 Jahre in Cluj (Rumänien) und danach bis zu seiner Pensionierung im Jahre 1944 in Budapest. Seine Werke sind durch den Horthyschen Irredentismus gekennzeichnet. In der Zwischenkriegsperiode erkannte er die Tschechoslowakei nicht an, die Slowakei bezeichnete er als Nordungarn. Er nannte sich „Ungar im Herzen, Deutscher im Tun“. Nach der Befreiung i. J. 1945 hat er auch zu Volksungarn eine negative Stellung eingenommen und ist auch „im Herzen ‚alter‘ Deutscher geworden. In seiner Studie Kulturströmungen in der Zips im Spiegel des Wortschatzes in: Süddeutsches Archiv. Band V. München 1963, S. 97—128, richtet er auf Seite 101 an die Adresse seiner provisorischen Stammesgenossen folgende Worte: „Auch jetzt hört man derartige Bemerkungen in Dobschau: tom bi a štokur (dumm wie ein Stockungar ...).“ In Dobšiná hat niemand diese Bemerkung gehört. Hier ist dagegen der Spruch tom bi a štok (dumm wie ein Stock, slow. sprostý ako peň) bekannt. Siehe dazu auch die Arbeit von SKÁLA, E.: Zum Wörterbuch der Dobschauer Mundart (Slowakei) in: Acta Universitatis Carolinae — Philologica 1. Germanistica pragensia, 3, 1964, S. 3—12.

¹² So bezeichnet ihn P. Trost in seiner Studie Zum Hopgartner Vokalismus, in: Acta Universitatis Carolinae — Philologica 5. Germanistica pragensia, 4, 1972, S. 87—89. E. Schwarz ist tatsächlich ein

nötig (nötigen). Im allgemeinen entspricht dieser laut. dem auslautenden stimmlosen ch-Laut: König (König), Königin (Königin), Léddix, bédi (ledig) bédi léddix (ledige);

ar gat jéden tók of -ti grups

tx-hearnom (richternden),

ar hol mo
om bijsa giebm (er hat mir einen Wickel ge-
geben);

íeon lóngosom (seien längsam).

obr its gets/ bo glaz bil-r pén vabt hon
(aber jetzt geht, denn gleich wird der Braten abholen).

arlaobom (erlauben) it eas kleán (ich bin klein)

hindrál (Hinterteil)

íbrón (Überbein).

as óbreidr, lójr, íéam, biak (ein
breiter, langer, schräger Weg)

— zum: rastum (Reichtum), irdum (Fir-
tum), aegrum (Eigentum), Kristián (Christen-
ann), kaerrum (Kaisertum), Königtum
(Königtum), haelgum (Heiligtum).

Beilage 1a

← hervorragender und verdienter Sprachwissenschaftler und Dialektologe. Man kann ihm nur vorwerfen, daß er ab und zu, ebenso wie P. Trost, endgültige Urteile über Dinge spricht, die er nicht kennt. Wie unsere Arbeit zeigt, betrifft das u. a. die deutschen Mundarten der Ostslowakei, das Buleinerische inbegriffen.

gēbun (gebun), lēben (leben),
ob bon di štēn goplázen!

Aber haben diese schon geslassen!

Etymologie: 1. mhd. ū: paox (brich),
raop (riops), rao (sii).
2. mhd. ou: draufen (ersoufen),
drlaobun (erloschen).

gēd z? (Geht es?)

mäestrioft, mestrioft (Meisterschaft)

kindsklēdresn (Kinderkleiderchen)

gräminu hodr eit, desfögy konor nüñ
arbute (↖ ↘) (Geschritten hat er sich, dann kann er nichts arbeiten).

dop öm es grös . es haos nox gress, do heag et om
grestu. (Der Baum ist gross, das Haus noch grösser, der Berg ist am grössten).

fēdernicēsnn (Federmeierchen!)

Mit Suffix -niße werden gebildet: tāgnis
(Zengnis), hendornis (Hindernis), fantroni (fin-
sternis), drla opnis (Erlaubnis), fortsaexnis
(Verzeichnis), gēfenzegnis (Gefängnis), & gru-
grōnis (Begräbnis).

lik unizon oas! ir ſaes-to opnēipp! du ſoſfluglo kund!

darüber zu äußern, weil er mit den Verhältnissen im Erhebungsgebiet ungenügend vertraut ist. So behauptet er beispielsweise, Medzev (Kreis Košice-Land) sei „der östlichste Punkt der Zips“, während es nie in der Zips, sondern immer nur im Abov lag. Dem slowakischen Dorf Nálepkovo, das schon seit 1948 so heißt, gibt er im Jahre 1966 den Spitznamen Wagendrüssel (Vondrišel) usw. (Trost, 1966, S. 27, 31). Beachtenswert ist die Bemerkung von Trost über die sog. e-Verwirrung. Seine Feststellung sei durch folgende Ausführungen ergänzt. Wir würden z. B. den Vokalwechsel bei der Komparation der Adjektive als eine scheinbare e-Verwirrung bezeichnen. Im Positiv steht ein Diphthong oder ein langer Vokal, im Komparativ und Superlativ aber ein kurzer Vokal:

breit	(breit)	bredr	dr bretsta
klein	(klein)	klenr	dr klensta
šein	(schön)	šenr	dr šensta
gru:s	(groß)	gresr	dr gresta
ho:x	(hoch)	heçr	dr heçsta
		hiçr	dr hiçsta

Die Dialektologen und die Mundartdichter haben diese Gesetzmäßigkeit kaum erfaßt. Die Folge dieses Versehens war die Verwechslung, die tatsächlich eine Bezeichnung wie „Verwirrung“ verdient. Unter diesen Begriff würden wir auch die Anpassung aller e- und i-Laute an die slowakische Aussprache einordnen, so daß es hier sehr offenes i und u und sehr geschlossenes e und o nicht mehr gibt. Ein Teil der 160 z. T. noch regulären Mundartsprecher spricht mit, fiš, tiš, mutr, putr, während die anderen met, feš, teš, motr (mit, Fisch, Tisch, Mutter, Butter) sagen.

Zur Frage der Diphthonge im Buleinerischen äußerte sich auch der bekannte Scepusiologe Gréb (1932, S. 89), allerdings mit Vorsicht und größter Rücksichtnahme: „Die Dobschauer Mundart steht also mit diesen langen e-, o-Lauten in derselben Entwicklungsrichtung, in welcher das Oberzipserische geradlinig weiter fortschreitend zu seinen heutigen äü und ej — Diphthongen gelangte“. Und weiter: „Der Vokalismus der Dobschauer Mundart darf also in vieler Beziehung als erstarrter alter Lautstand des Oberzipserischen betrachtet werden“ (Gréb, 1932, S. 90).

Das ist kein ausgeprägter Standpunkt, sondern ein Kompromiß. Aus den zitierten Worten kann man schließen, daß Gréb die Meinung der „Monophthongierungsverfechter“ nicht teilte.

Wir fassen zusammen. Die deutsche Mundart von Dobšiná wurde bisher als eine Monophthongierungsmundart bezeichnet. Als solche benennen sie, allerdings mit Unrecht, E. Schwarz, P. Trost, aber auch J. Lux, der dies durch sein Wörterbuch widerlegt, ohne es selbst zu bemerken. Für mhd. ei und ö schreibt er sehr oft ae und für mhd. ou — ao. Im Grunde haben sich gerade die Belege mit diesen Reflexen als

richtig erwiesen. Im Buleinerischen gibt es jedoch 4 Diphthonge : ae, ao, ei und ou. Die zwei letzten gab Lux mit den Zeichen ē und ō wieder. Durch Prüfen seiner Handschriften haben wir dagegen festgestellt, daß er auch diese Diphthonge als solche wahrnahm, obwohl er dafür nicht die geeignetesten Zeichen wählte : ei verschriftet er mit ēē und ou mit ōō. Später strich er die anderen Komponenten (warscheinlich unter dem Einfluß der Arbeiten von Schwarz) durch. Trost beharrt auf der verfehlten Position der allgemeinen Monophthongierung auch nach ihrer Zerschlagung durch das Wörterbuch der Mundart von Dobschau (Zips). Die vergleichende Vokaltabelle (Tab. 1) zeigt, daß das Buleinerische nicht weniger diphthongierend ist als die deutschen Mundarten der Oberzips.

Abschrift und Erläuterung

I. *nēetign* (nötigen). Im allgemeinen entspricht dieser Laut dem auslautenden stimmlosen ch-Laut: *kēeniç* (König), *kēénigan* (Königin), *lēediç* (ledig), *lēédiga* (ledige);

dr gēét jéédn tōk of-ti grūp
ēēç-héarnçen (Eichhörnchen),

dr hot mr

an biŋk gēébm (Er hat mir einen Wink gegeben);
šéén lóŋksom (schön langsam).

obr its gets / bo glaeç bit-r pēézn oabrt hōn (Aber jetzt geht, denn gleich wird der Besen Arbeit haben).

drlaobm (erlauben), *iç zae kléén* (ich bin klein)

hendrtéel (Hinterteil)

iþrpēen (Überbein).

a brēédr, logr; šéénr bēék (ein breiter, langer schöner Weg).

—tum: *raeçtum* (Reichtum), *irtum* (Irrtum), *aegntum* (Eigentum), *kristntum* (Christentum), *kaezrtum* (Kaisertum), *kēniçtum* (Königtum), *haeliçtum* (Heiligtum).

II. *gēébm* (geben), *lēébm* (leben)

obr hon di šé-n gaplōøzn! (Aber haben diese schön geblasen!) Etymologisch: 1. mhd. û : *paox* (bûch), *raop* (rûp), *zao* (sû).

2. mhd. ou: *drzaofm* (ersoufen), *drlaobm* (erlouben).

gēéd es? (Geht es ?)

maestršoft, mēstršoft (Meisterschaft)

kendrkłéedrçen (Kinderkleiderchen)

gašnitn hoder ziç, desfēégn koner ništ oabrtm (Geschnitten hat er sich, darum (deswegen) kann er nichts arbeiten).

dr pōøm es grüs, es haos nox gresr, dr peak ezom grestn (Der Baum ist groß, das Haus noch grösser, der Berg ist am grössten).

fēedrmesrçen (Federmesserchen)

Mit Suffix -nisce werden gebildet: *tsaegnis* (Zeugnis), *hendrnis* (Hindernis), *festrnis* (Finsternis), *drlaopnis* (Erlaubnis), *fortsaeçnis* (Verzeichnis), *gafeğknis* (Gefängnis), *pugrēpnis* (Begräbnis). *lek mihen oaš! iç šaes-tr qfs héep!* du farfluxtr hunt!

Erläuterung

Die erste Probe stammt etwa aus der Zeit von 1910 bis 1930. Hier interessieren uns die Wörter *nēetign*, *kēeniç*, *kēénigan*, *lēediç*, *lēediga*. Der Diphthong *ei* (ēē) steht für mhd. ö: (nö:tic), ü (küneç) und e (ledic). Im nächsten Teil finden wir die Wörter *gēebm*, *pēezn*, *kléen*, *hendrtéel*, *iþrpēen* mit dem Diphthong *ei* (ēē) für mhd. ē (gēben, bēseme), ö: (schö:ne), mhd. ei (klein, teil, bein). In *drlaobm* steht ao für mhd. ou. Im erweiterten Syntagma *a brēédr, logr, šéénr bēék* schrieb Lux den Diphthong *ei* (ēē) für mhd. ei (breit), mhd. ö: (schö:ne) und ē (wēc).

Die Probe mit -tum stammt etwa aus dem Anfang der vierziger Jahre. Beachtenswert ist, daß der Autor die ēē-Schreibung schon vermeidet. Im Wort *aegntum* steht ae für mhd. ei im Widerspruch zum Wörterbuch, wo *ēgntum* (83) zu lesen ist. Im Einklang mit dem Wörterbuch schreibt Lux in den Wörtern *haeliçtum* und *kaezrtum* ae für mhd. ei. Auf der nächsten Seite stehen zunächst die Wörter *gēebm*, *lēebm* und *šé-n* — mit der Lücke nach dem ursprünglichen zweiten e (mhd. ē und ö:). Im Wort *gaplōozn* steht ou (ōo) für mhd. a: (gebla:sen); in den Wörtern *drzaofm* und *drlaobm* tritt ao für mhd. ou auf. Mhd. e: vertritt ei (ēē) in *gēed-es*. Dann folgt die Dublette *maestršoft/mēstršoft* Meisterschaft; für mhd. ei steht hier einmal ae, einmal ē, allerdings statt ei.

In zwei Wörtern — *kendrkłéedrçen* und *fēedrmesrçen* — hat Lux die ursprüngliche Schreibung unberührt gelassen (offensichtlich aus Versehen).

In *pōøm* steht ou(ōo) für mhd. ou.

Im Absatz mit den Wörtern auf -nis lesen wir *drlaopnis* und *fortsaeçnis*. Im ersten Wort mit ao für mhd. ou, im zweiten mit ae für mhd. ei — im Widerspruch zu dem Wörterbuch, wo wir auf Seite 195 *tsēçnan* lesen. Die letzte Zeile enthält Grobianismen, die man ebenso wie die meisten hier angeführten Ausdrücke im Wörterbuch finden kann (33, 163). Uns interessiert vor allem *héep* mit ei (ēē) für mhd. öu.

Auf Grund dieser Proben kann man die dialektographische Arbeit von Lux in zwei Etappen einteilen. Die erste ist dadurch gekennzeichnet, daß er die buleinerischen Diphthonge richtig wahrnahm und transkribierte. In der zweiten Etappe korrigierte er die ursprünglich richtigen Aufzeichnungen, so daß er zur falschen Wiedergabe des buleinerischen Vokalismus gelangte.

LITERATUR

- GRÉB, J.: Mundart und Herkunft der Zipser. Sudetendeutsches Volk und Land, Heft 7. Reichenberg 1924, 16 S.
- GRÉB, J.: Zipser Volkskunde. Kesmark—Reichenberg 1932, 342 S.
- LUX, J.: Westdeutsch-ostmitteldeutsch-bairische Volkstumsmischung in Dobschau-Dobsina (Nordungarn). Zeitschrift für Mundartforschung (Teuthonista), 12, 1936, Nr. 3, S. 149—168.
- LUX, J.: Kulturströmungen in der Zips im Spiegel des Wortschatzes. In: Süddeutsches Archiv. Hrsg. von Harold Steiacker. Band V. München 1963, S. 97—128.
- LUX, J.: Wörterbuch der Mundart von Dobschau (Zips). Deutsche Dialektographie, 52. Marburg, N. G. Elwert Verlag 1961, 206 S.
- MRÁZ, G.: A Dobsinai német nyelvjárás. Magyarországi német nyelvjárásiok. 7. füzet. Budapest, A Magyar tudományos akadémia kiadása 1909, 132 S.
- SCHIRMUNSKI, V. M. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formlehre der deutschen Mundartkunde. Berlin, Akademie-Verlag 1962, 662 S.
- SCHWARZ, E.: Sudetendeutsche Sprachräume. Schriften der deutschen Akademie in München. München 1935, 322 S.
- SCHWARZ, E.: Sudetendeutsche Sprachräume. Handbuch der Sudetendeutschen Kulturgeschichte, 2. 2. erw. Aufl. München 1962, 386 S.
- SKÁLA, E.: Zum Wörterbuch der Dobschauer Mundart (Slowakei). In: Acta Universitatis Carolinae — Philologica 1. Germanistica pragensia, 3, 1964, S. 2—12.
- TROST, P.: Zum Vokalismus der Dobschauer Mundart. In: Acta Universitatis Carolinae — Philologica. Germanistica Pragensia, 4, 1966, S. 27—32.
- TROST, P.: Zum Hopgartner Vokalismus. In: Acta Universitatis Carolinae — Philologica 5. Germanistica Pragensia, 6, 1972, S. 87—89.
- VALISKA, J.: Zvyšky nemeckých nárečí na hornom Spiši. Nové obzory, 20, 1978, S. 257—286.
- VALISKA, J.: Die deutschen Mundarten der Oberzips. Eine dialektgeographische und phonologische Untersuchung. Prešov 1972, Msgr. 216 S.

Recueil linguistique de Bratislava VI

Prebal a väzbu navrhol *Rastislav Majdlen*
Redaktorky publikácie *Klára Moravcová* a *Eva Zikmundová*
Technická redaktorka *Gabriela Szabóová*

Prvé vydanie. Vydala VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied,
v Bratislave roku 1982 ako svoju 2316. publikáciu. Strán 276.
AH 20,61 (text 20,33, ilustr. 0,28) VH 21,73. Náklad 400 výtlačkov.
Vytlačili ZP, závod Svornosť, n.p., Bratislava.

SÚKK 1197/1 — 1973
71—004—82
509/58 12/01
Kčs 43,— I